

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

---

p-ISSN 2412-6446

e-ISSN 2782-442X

 СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2023 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 18

№ 3–4

Главный редактор

Елена Семёновна Узенёва,
к.ф.н., доцент
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Научная редакция

Светлана Ивановна Данченко,
д.и.н., зав. отделом истории славянских народов
Юго-Восточной Европы в Новое время
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Ольга Сергеевна Каштанова,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Анна Андреевна Леонтьева,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Наталья Александровна Лунькова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ксения Валерьевна Мельчакова,
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Пётр Владимирович Мошечков,
к.и.н., научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Татьяна Ивановна Чепелевская,
к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Редакционный совет

Дёрдь Бебеш,
доктор философии (история), доцент
Печский университет, Печ, Венгрия

Алеш Заржицкий,
доктор философии (история), профессор
Оставский университет, Острава, Чехия
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Наталья Корина,
д.ф.н., профессор
Венский университет, Вена, Австрия
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Христина Марку,
доктор философии (филология), доцент
Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Пенка Пейковска,
д.и.н., профессор
Институт истории Болгарской академии наук, София, Болгария
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Сузана Раич,
доктор философии (история), доцент
Белградский университет, Белград, Сербия
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Витторио Томеллери,
д.ф.н., профессор
Туринский университет, Турин, Италия
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Штефан Трёбст,
д.и.н., профессор
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия

Сандра Хаджихалилович,
д.ф.н., доцент
Задарский университет, Задар, Хорватия
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издаётся с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.

Ответственный секретарь

Никита Владимирович Евстафьев,
младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Редакционная коллегия

Ирина Евгеньевна Адельгейм,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Татьяна Ивановна Вединина,
д.ф.н., руководитель Центра ареальной лингвистики
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Оксана Анатольевна Запека,
к.филос.н., зав. кафедры славяноведения и культурологии
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия

Елена Николаевна Ковтун,
д.ф.н., профессор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Евгений Андреевич Колосков,
к.и.н., доцент
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Константин Васильевич Лифанов,
д.ф.н., профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Сергей Алексеевич Мызников,
д.ф.н., член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Константин Владимирович Никифоров,
д.и.н., директор
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Владимир Яковлевич Петрухин,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Анна Аркадьевна Плотникова,
д.ф.н., главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Андрей Николаевич Соболев,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Ольга Юрьевна Солodianкина,
д.и.н., доцент
Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Ольга Александровна Туфанова,
д.ф.н., ведущий научный сотрудник
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-2254-7969

Артём Акоювич Улунян,
д.и.н., главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Ольга Владимировна Хаванова,
д.и.н., профессор РАН
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Степан Михайлович Шагин,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт российской истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1065-9653

Алла Геннадьевна Шешкен,
д.ф.н., профессор
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: slavworld.ru

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES, RAS

---

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X

SLAVIC WORLD

2025 IN THE THIRD
MILLENNIUM

Volume 18

Issue 3–4

Editor-in-Chief

Elena S. Uzeneva,

Ph. D., associate professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Assistant Editors

Tatyana I. Chepelevskaya,

Ph. D., associate professor, senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8474-7042

Svetlana I. Danchenko,

Doctor of History, Head of the Department of History of Slavic Peoples
in South-Eastern Europe in Modern Times
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0354-3185

Olga S. Kashtanova,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7053-461X

Anna A. Leontyeva,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7543-6085

Natalia A. Lunkova,

Ph. D., senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Ksenia V. Melchakova,

Ph. D., senior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6011-5841

Petr V. Moshechkov,

Ph. D., research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0036-2306

Advisory Board

György Bebesi,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Pécs, Pécs, Hungary

Sandra Hadžihalilović,

Doctor of Letters, associate professor
University of Zadar, Zadar, Croatia
ORCID: 0000-0002-0848-472X

Natalia Korina,

Doctor of Letters, professor
University of Vienna, Vienna, Austria
ORCID: 0000-0002-2809-1480

Christina Markou,

Doctor of Philosophy (Philology), Associate Professor
University of Thrace, Komotini, Greece
ORCID: 0000-0002-8001-4933

Penka Peykovska,

Doctor of History, professor
Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
ORCID: 0000-0001-7979-3258

Suzana Rajić,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
ORCID: 0000-0002-8044-9814

Vittorio S. Tomelleri,

Doctor of Letters, professor
University of Turin, Turin, Italy
ORCID: 0000-0001-7513-7587

Stefan Troebst,

Doctor of History, professor
Leipzig University, Leipzig, Germany

Aleš Zárícký,

Doctor of Philosophy (history), associate professor
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic
ORCID: 0000-0003-3894-5547

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies

Executive Editor

Nikita V. Evstafyev,

junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Editorial Board

Irina E. Adelgeim,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Olga V. Khavanova,

Doctor of History, Russian Academy of Sciences professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7694-5292

Evgenii A. Koloskov,

Ph. D., associate professor
Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0002-8123-2924

Elena N. Kovtun,

Doctor of Letters, professor
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9457-8556

Konstantin V. Lifanov,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8347-7466

Sergei A. Myznikov,

Doctor of Letters, Corresponding Member of RAS, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2972-0656

Konstantin V. Nikoforov,

Doctor of History, director
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4436-8574

Vladimir Ya. Petrukhin,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Anna A. Plotnikova,

Doctor of Letters, chief research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Stepan M. Shamin,

Doctor of History, leading research fellow
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1065-9653

Alla G. Sheshken,

Doctor of Letters, professor
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Andrey N. Sobolev,

Doctor of Letters, leading research fellow
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0003-2673-9228

Olga Yu. Solodyankina,

Doctor of History, associate professor
Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
ORCID: 0000-0001-6419-8085

Olga A. Tufanova,

Doctor of Letters, leading research fellow
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2254-7969

Artyom A. Ulunyan,

Doctor of History, chief research fellow
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Tatyana I. Vendina,

Doctor of Letters, Head of the Areal Linguistics Center
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7752-6615

Oksana A. Zapeka,

Ph. D., Head of the Department of Slavic Studies and Cultural Studies
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, 119334, Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Илиева Татьяна Атанасова

Наблюдения над переводом литургического толкования
Протѣ люгїи, и цркви, и чїна сїенничьскомѣ в рукописях
РГАДА 88 и *БОГИШИЧ 52*. Употребление причастий
и синтаксических конструкций с причастиями 9

Чиварзина Александра Игоревна

Погребально-поминальная традиция в соседних славянских
и арумьнских селах Македонии 35

Билек Ян

Л.Н. Будагова и «Шрамкова Сobotка» 54

Егорова Ксения Борисовна

Иосиф (Юзеф) Олешкевич — участник академической выставки
1814 года 66

К 85-летию С.М. Толстой

Гиппиус Алексей Алексеевич

Зачем Иванко Павлович «рыл реку» в 1133 г.? 75

Петрухин Владимир Яковлевич

Социальные аспекты образа мира в русском фольклоре:
Жорж Дюмезиль и царевна-лягушка 87

Соболев Андрей Николаевич

Об изучении краины Метохия в Косове на основе интерактивного
цифрового этнолингвистического атласа 103

Плотникова Анна Аркадьевна

Об одном названии волка в Сербии: архаика или инновация? 115

Гура Александр Викторович

Ягоды в славянской устной и книжной традиции толкования снов 125

Этнолингвистические экспедиции

Стрельцова Ирина Владимировна

Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев
на юге Дальнего Востока России:
обзор этнолингвистической экспедиции 155

Пилипенко Глеб Петрович

Восточнославянское контактное взаимодействие в Приморском крае
(по данным лингвистической экспедиции 2023 г.) 170

- Климова Ксения Анатольевна,
Никитина Инна Олеговна*
Этнолингвистическая экспедиция к грекам Анапы, Геленджика
и Новороссийска 185

Обзоры и рецензии

- Широкова Людмила Фёдоровна*
Съвременната словакистика — координати и вектори.
Сборник с доклади от Международната научна конференция
по случай 30-годишнината на специалност «Словашка филология»
в СУ «Св. Климент Охридски» — София, 28.04.2021 г. /
състав. и ред. В. Панайотов и др. София: Университетско издателство
«Св. Климент Охридски», 2022. 480 с. ISBN 978-954-07-5431-4 195
- Узенёва Елена Семёновна*
Новый словарь одного архаического болгарского говора.
[Рец.] Славка Керемедчиева, Лиляна Василева.
Речник на един архаичен родопски говор — говора на Ропката.
София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022. 284 с.
ISBN 978-619-245-250-6 201

О времени и о себе

- Матвеев Геннадий Филиппович*
«Я стал понимать Пилсудского, когда достиг его возраста».
Воспоминания Г.Ф. Матвеева в форме интервью 212

Хроника научной жизни

- Борисов Сергей Александрович*
Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г.
Секция «Языкознание» 254
- Грасько Анна Васильевна*
Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г.
Секция «Литературоведение» 262
- Евстафьев Никита Владимирович*
Конференция молодых ученых «Славянский мир:
общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г.
Секция «История» 267
- Чиварзина Александра Игоревна*
Хроника конференции «Традиция и инновации
в современной славистике» в Харбине 279

CONTENTS

Articles

Tatyana A. Ilieva

Findings on the Translation of the Liturgical Commentary in the Contents
of mss *RGADA 88* and *BOGISHICH 52*. The Use of Participles
and Participle Constructions 9

Alexandra I. Chivarzina

Funeral and Memorial Traditions in Neighbouring Slavic
and Aroumanian Villages of Macedonia 35

Jan Bílek

L.N. Budagova and “Šrámkova Sobotka” 54

Kseniia B. Egorova

Jozef Oleszkiewicz as a Participant of an Academic Exhibition in 1814 66

To the 85th anniversary of S.M. Tolstaya

Aleksei A. Gippius

Why Did Ivanko Pavlovich “Dig the River” in 1133? 75

Vladimir Ia. Petrukhin

Social Aspects of the Image of the World in Russian Folklore:
Georges Dumézil and the Frog Princess 87

Andrey N. Sobolev

Investigating the Region of Metohija in Kosovo
through an Interactive Digital Ethnolinguistic Atlas 103

Anna A. Plotnikova

On One Name for a Wolf in Serbia: Archaics or Innovation? 115

Aleksandr V. Gura

Berries in the Slavic Oral and Written Tradition of Dream Interpretation 125

Ethnolinguistic expeditions

Irina V. Streltsova

Ethnocultural Traditions of the Descendants of Ukrainian Settlers
in the South of the Far East of Russia: A Review of the Ethnolinguistic
Expedition 155

Gleb P. Pilipenko

East Slavic Contact Interaction in Primorsky Krai
(According to the Linguistic Expedition of 2023) 170

Ksenia A. Klimova,

Inna O. Nikitina

Ethnolinguistic Expedition to the Greeks of Anapa, Gelendzhik
and Novorossiysk 185

Reviews

Liudmila F. Shirokova

Suvremennata slovakistika — koordinati i vektori. Sbornik s dokladi
ot Mezhdunarodnata nauchna konferentsiia po sluchai 30-godishninata
na spetsialnost “Slovashka filologii” v SU “Sv. Kliment Okhridski” —
Sofia, 28.04.2021 g. / sustav. i red. V. Panaiotov i dr. Sofia: Universitetsko
izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2022. 480 s. ISBN 978-954-07-5431-4
[Modern Slovakistics — Coordinates and Vectors. Collection of Reports
of the International Scientific Conference Dedicated to the 30th Anniversary
of the Teaching of the Slovak Language at the University of St. Kliment
Ohridski in Sofia, 28.04.2021 / ed. by V. Panaiotov et al. Sofia:
University Publishing House of St. Kliment Ohridski, 2022. 480 p.] 195

Elena S. Uzeneva

New Dictionary of One Archaic Bulgarian Dialect
[Rev.] Rechnik na edin arhaichen rodopski govor — govora na Ropkata.
Sofia: Izdatelstvo na BAN «Prof. Marin Drinov», 2022. 284 s.
ISBN 978-619-245-250-6
[Slavka Keremedchieva, Lilyana Vasileva. The Dictionary of one archaic
Rhodope dialect — the Ropka dialect. Sofia: Publishing house on BAN
“Prof. Marin Drinov”, 2022. 284 p.] 201

About time and about yourself

Gennady F. Matveev

“I Began Understand Piłsudski, When I Reached His Age”.
Memoirs of G.F. Matveev in the Form of Interview 212

Chronicle of scientific life

Sergej A. Borisov

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 23–24 May 2023. Section “Linguistics” 254

Anna V. Grasko

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 23–24 May 2023. Section “Literary studies” 262

Nikita V. Evstafyev

Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”.
Moscow, 23–24 May 2023. Section “History” 267

Alexandra I. Chivarzina

Conference Chronicle “Tradition and Innovations in Modern Slavic Studies”
in Harbin 279

**НАБЛЮДЕНИЯ
НАД ПЕРЕВОДОМ ЛИТУРГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ
Протѣль лѣургїи, и цркви, и чїнѣ сцѣн'ничьскомѣ
В РУКОПИСЯХ РГАДА 88 И БОГИШИЧ 52.
УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ И СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЧАСТИЯМИ**

Татьяна Атанасова Илиева

Доктор филологических наук, доцент,
Кирилло-Мефодиевский научный центр,
Болгарская академия наук
Почтовый адрес: ул. Московска, 13,
София, 1000, Болгария
Электронный адрес: ilieva_tatyana@abv.bg
ORCID ID: 0000-0001-8480-5276

Аннотация

В исследовании рассматриваются особенности перевода причастий и употребления синтаксических конструкций с ними в статье *Протѣль лѣургїи, и цркви, и чїнѣ сцѣн'ничьскомѣ*, содержащейся в двух сербских кодексах XVI в. — рукописях *РГАДА 88* и *Богшиич 52* — и представляющей краткую южнославянскую версию трактата «*Ερμηνεία περί τε τοῦ θεοῦ ναοῦ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἱερῶν τε περὶ καὶ διακόνων, ἀρχιερέων τε καὶ τῶν ὧν ἕκαστος τούτων στολῶν ἱερῶν περιβάλλεται. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς θείας Μυσταγωγίας, λόγον ἐκάστῳ διδοῦσα τῶν ἐν αὐτῇ τελουμένων θεῖως καὶ τοῖς ἐν Κρήτῃ εὐσεβέσι ζητήσασι ἀποσταλεῖσα*» («Толкование о Божественном храме и о служащих в нем священниках, диаконах и архиереях, о священных одеждах, объясняющее смысл каждого из священнодействий, совершаемых в храме, посланное вопрошавшим благочестивым христианам Крита») Симеона Солунского (переводчик этой славянской версии пока не установлен). Для славянского перевода этой статьи предлагается новая атрибуция. Выдвигается предположение, что в основе этих кодексов лежала средневековая сербская рукопись первой половины XV в., созданная в кругу книгописцев, который сформировался около деспота Стефана Лазаревича, и что перевод литургического толкования в указанных сборниках сделан Константином Костенецким, прозванным Философом, — болгарским интеллектуалом в изгнании, работавшим при дворе вышеупомянутого сербского деспота. Основным аргументом в пользу этого предположения является тот факт, что толкование в обоих сборниках находится в окружении сочинений, которые, как уже точно установлено наукой, принадлежат перу Константина. Исследовать язык указанной статьи в рукописях *РГАДА 88* и *Богшиич 52* исключительно важно для того, чтобы охарактеризовать переводческую манеру и сопоставить ее с оформившимися техническими приемами, используемыми в известных нам переводах и редакциях афонских, тырновских и сербских книгописцев XIV в., и в дальнейшем установить предполагаемого автора славянского перевода. На-

блюдения над языком славянского перевода демонстрируют высокую степень сходства языковых средств, использованных, с одной стороны, неизвестным переводчиком и, с другой стороны, представителями Тырновской книгописной школы XIV в., а также общие тенденции к употреблению причастий вместо личных форм глаголов и наоборот — личных глагольных форм вместо причастий. Характерные особенности перевода — отличающая автора перевода филологическая компетенция и живая связь с языком книжников круга патриарха Евфимия Тырновского — полностью соответствуют ментальному профилю Константина Костенецкого и находятся в согласии с тем, что нам известно об этом книжнике в настоящее время. Эти наблюдения, подкрепленные дополнительными аргументами, могли бы подтвердить гипотезу о предполагаемом, но все еще не установленном авторстве переводы статьи в рукописях *РГАДА 88* и *Богшиич 52*.

Ключевые слова

Палеославистика, южнославянские переводы, сербские рукописи, литургические комментарии в *Slavia meridionalis*, Константин Костенецкий, старославянские причастия

Статья поступила в редакцию 31 марта 2023 г.

Статья доработана автором 24 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 27 ноября 2023 г.

Цитирование: *Илиева Т.А.* Наблюдения над переводом литургического толкования *Προτὴν λῦργίῃ, ἡ ἐκκλησίας, καὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν* в рукописях *РГАДА 88* и *БОГИШИЧ 52*. Употребление причастий и синтаксических конструкций с причастиями. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 9–34. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.01>.

FINDINGS ON THE TRANSLATION OF THE LITURGICAL COMMENTARY IN THE CONTENTS OF MSS *RGADA 88* AND *BOGISHICH 52*. THE USE OF PARTICIPLES AND PARTICIPLE CONSTRUCTIONS

Tatyana A. Ilieva

Ph. D., Associate Professor,
Cyrillo-Methodian Research Centre,
Bulgarian Academy of Sciences
Postal address: Moskovska street, 13 A,
Sofia, 1000, Bulgaria
E-mail: ilieva_tatyana@abv.bg
ORCID ID: 0000-0001-8480-5276

Abstract

This paper focuses on the peculiarities in the translation and the syntactical use of participles in the recently identified article in the contents of two 16th century Serbian codices which represent a recapitulative Southern Slavonic version of the treatise “Ερμηνεία περί τε τοῦ θεῖου ναοῦ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἱερέων τε καὶ διακόνων, ἀρχιερέων τε καὶ τῶν ὧν ἕκαστος τούτων στολῶν ἱερῶν περιβάλλεται. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ περί τῆς θείας μυσταγωγίας, λόγον ἐκάστῳ διδοῦσα τῶν ἐν αὐτῇ τελουμένων θείως καὶ τοῖς ἐν Κρήτῃ εὐσεβέσι ζητήσασι ἀποσταλεῖσα” (“Explanation of the Divine Temple and of the Celebrants there — Priests, Deacons and Hierarchs, of the Sacred Garments in which

each of them is vested, as well as of the Holy Mysteries, explaining the meaning of each Ministration in the Temple, sent in reply to the pious Christians of Crete”) by Simeon of Thessaloniki (with an as yet unknown translator). It is supposed that the main body of these codices was a medieval Serbian manuscript from the first half of the 15th century, the work of a circle of writers around the despot Stefan Lazarevich, and that the translation of the liturgical commentary in the above-mentioned collections was done by Konstantin of Kostenets, referred to as the Philosopher — a Bulgarian intellectual in exile, who worked at the court of the above-mentioned Serbian ruler. The main argument in favour of this supposition is that the commentary in both collections occurs in the midst of works which scholarly research has proved to be by Konstantin. The examination of the language of the relevant article from mss *RGADA 88* and *Bogishich 52* is essential to establishing the translator’s style to the established techniques in the translations and versions familiar to us by the Athonite, Turnovo and Serbian scribes of the 14th century, and therefore it is essential also to the establishment of its possible authorship. The observations show the high degree of similarity between the verbal means used by the unknown translator and those employed by the scribes of the Turnovo school of the fourteenth century, as well as the general tendencies in the usage of participles instead of finite verbs, and vice versa, of finite verbs instead of participles. The characteristic features of the translation — a remarkable linguistic competence and the living bond with the language of the writers of the Turnovo Patriarch Eutymius’s circle — fully correspond to Konstantin of Kostenets’s profile according to what we know about him now. With the addition of further arguments these findings would support the claim about his possible authorship of the article in *RGADA 88* and *Bogishich 52*, whose translator remains as yet unidentified.

Keywords

Palaeoslavonic studies, Southern Slavonic translations, Serbian codices, liturgical commentaries in Slavia meridionalis, Constantine of Kostenets, Old Slavonic participles

Received 31 March 2023

Revised 24 November 2023

Accepted 27 November 2023

For citation: Ilieva, T. A., 2023. Nablyudeniya nad perevodom liturgicheskogo tolkovaniya Protli’ lutrgii, i crkvi, i chins sshchen’nich’skoms v rukopisyah RGADA 88 i BOGISHICH 52. Upotreblenie prichastii i sintaksicheskikh konstruktsii s prichastiiami [Findings on the Translation of the Liturgical Commentary in the Contents of mss RGADA 88 and BOGISHICH 52. The Use of Participles and Participle Constructions]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 9–34. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.01>.

До недавнего времени считалось, что первый славянский перевод поздневизантийского мистагогического трактата «Ἐρμηνεία περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ καὶ τῶν ἐν αὐτῷ ἱερέων τε περὶ καὶ διακόνων, ἀρχιερέων τε καὶ τῶν ὧν ἕκαστος τούτων στολῶν ἱερῶν περιβάλλεται. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς θείας Μυσταγωγίας, λόγον ἐκάστῳ διδοῦσα τῶν ἐν αὐτῇ τελουμένων θεῶς καὶ τοῖς ἐν Κρήτῃ εὐσεβέσι ζητήσασι ἀποσταλεῖσα» («Толкование о Божественном храме и о служащих в нем священниках, диаконах и архиереях, о священных одеждах, в какие каждый из них облачается, а также и о Божественных тайнодействиях, объясняющее смысл каждого из священнодействий, совершаемых в храме, посланное вопрошавшим благочестивым христианам Крита»)¹ Симеона Солунского был сделан во второй половине XVII в. на Руси монахом Евфимием Чудовским. Однако не так давно было установлено, что вскоре после того, как это толкование было написано (в первой половине XV в.), на Балканах была создана его сокращенная версия на славянском языке, сохранившаяся в двух списках, включенных в состав кодексов сербского происхождения (РГАДА 88² и *Богшиич* 52³)⁴, под заглавием Протѣль лѣргѣи, и црѣкви, и чинѣ сѣен'ничьскомѣ. Появление этих списков в конвое сочинений, которые атрибутируют Константину Костенецкому, наводит на мысль, что, вероятно, и этот перевод связан с кругом интеллектуалов, сформировавшимся около Стефана Лазаревича, и в частности с именем упомянутого выше книжника болгарского происхождения, нашедшего убежище при дворе сербского деспота⁵.

На следующих страницах мы сфокусируем свое внимание на языковых чертах заново атрибутируемого славянского конспективного перевода, в частности на морфосинтаксических особенностях употребления причастий. Выбор темы не случаен: использование причастий в славянских переводах и способы передачи в них греческих *participia* являются одними

¹ Далее для краткости — Ἐρμηνεία περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ («Толкование о Божественном храме»).

² Подробное описание рукописи РГАДА 88 см.: *Мошкова Л. В.* Долгие путешествия сербского сборника. Вестник Альянс-Архео. 2016. Вып. 16. С. 38–58.

³ Археографические данные о рукописи *Богшиич* 52 см.: *Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. София: Изд. на БАН, 1986. С. 528.

⁴ См. аргументацию по этому вопросу: *Илиева Т.* «Ἐρμηνεία περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ» на св. Симеон Солунски в южнославянски превод от XV век: идентификация на византийския източник на литургийното тълкувание от РГАДА 88 и *Богшиич* 52. *Palaeoslavica*. 2022. Т. 30. № 1/2. С. 92–106.

Выражаю огромную благодарность проф. Анисаве Милтеновой, предоставившей мне полную информацию об этом тексте и все материалы, которыми она располагала: фотокопии обеих рукописей (после уточнения порядка переставленных листов в рукописи *Богшиич* 52), а также предварительно набранный ею текст и необходимую научную литературу.

⁵ См. доводы в пользу этой гипотезы, изложенные в: *Miltanova A.* The Mysteries of Ms 88 of the Obolensky Collection (No 201), RGADA. Старобългарска литература. 2021. Т. 63/64. С. 258–278.

из наиболее показательных маркеров переводческой техники любого средневекового славянского книжника-переводчика, что делает эту категорию особенно подходящей для выбора в качестве объекта лингвистического исследования, цель которого — охарактеризовать переводческую манеру неизвестного автора. Вот почему в поисках дополнительных аргументов, которые помогли бы установить предполагаемого автора перевода, я остановилась на выборе для анализа в указанной рукописной статье из *РГАДА 88* и *Богшиич 52* причастных форм, рассматривая их употребление в сопоставлении с оформившимися приемами, использованными в уже известных переводах и редакциях афонских, тырновских и сербских книжников XIV в. Непосредственная задача данного исследования — рассмотреть отдельные виды причастий и способы их употребления в литургическом толковании (далее — ЛТ) в указанных кодексах; исследовать, как они соотносятся со своими коррелятами в исходном греческом тексте; выявить предполагаемую специфику переводческой техники при передаче этих неличных глагольных форм; сопоставить наблюдения с тем, что на сегодняшний день нам известно об идиолекте Константина Костенецкого как возможного составителя славянской эпитомы.

Анализ базируется на сравнении славянского текста, представленного в *РГАДА 88*, и греческого текста 'Ερμηνεία περὶ τῆ τοῦ θεοῦ ναοῦ по изданию Стивена Хоукс-Типлза⁶. В греческом оригинале Симеона Солунского шрифтом серого цвета обозначаются фрагменты, пропущенные переводчиком и не имеющие соответствий в славянской эпитоме. В славянском переводе серым шрифтом даны фрагменты, для которых не обнаруживаются соответствия в греческом тексте по изданию С. Хоукс-Типлза. Заливкой серого цвета в обоих текстах маркированы чтения, которые в славянском переводе представляют собой свободные перифразы греческого фрагмента или не соответствуют греческому оригиналу. Сигнатуры, указываемые при каждой словоформе переводного текста, содержат сведения о рукописи (сигла *Н* означает рукопись *РГАДА 88*, сигла *Б* — *Богшиич 52*), листе, странице и строке. Сигнатуры при примерах из оригинального текста содержат сокращение *Ε* (от греческого заглавия сочинения 'Ερμηνεία περὶ τῆ τοῦ θεοῦ ναοῦ) и номер главы. Для ясности комментируемые корреляты оригинального текста и славянской версии подчеркиваются. Если в анализируемом фрагменте встречается несколько сопоставляемых пар, то члены каждой из них подчеркиваются по-разному. В квадратных скобках указываются многочисленные подразумеваемые слова, опущенные в славянском конспективном изложении. При помощи многоточия обозначаются сокращения, сделанные мной при целенаправленной подборке иллюстративных примеров в каждом конкретном случае.

⁶ *St. Symeon of Thessalonika. The liturgical commentaries / edited and translated by S. Hawkes-Teeples. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 2011.*

I. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА

Наблюдения над анализируемым текстом показывают большое разнообразие в славянских соответствиях как при переводе причастий языка оригинала, так и при передаче тех или иных форм с помощью причастий в языке перевода. Причина этого заключается в грамматической асимметрии греческой и славянской системы причастий.

1.1. Действительные причастия настоящего времени в ЛТ и их греческие соответствия

Каким словам в греческом соответствуют действительные причастия настоящего времени в славянском переводе Ἐρμηνεία περὶ τε τοῦ θεοῦ ναοῦ?

В первую очередь, они передают соответствующие греческие participia praesentis activi. Иногда эти переводческие решения, такие как τὸ μέλλον — хѡтеце Н 86б 9, ἐπιγινώσκων — вѣдыи Н 86а 27, ὄντες — прѣстоѣщеи Н 84а 21, хорошо известны из других переводных текстов.

В некоторых случаях слово в греческом имеет специфический смысловой оттенок, который переводчик должен уловить, чтобы найти ему наиболее подходящее славянское соответствие. Например, книжник прекрасно понял специфическое метафорическое значение греческого глагола σφραγίζω ‘запечатывать, перен. отмечать, скреплять, подтверждать’ и передал его подобающим образом, переведя греческое причастие σφραγίζων славянским причастием бѣвѣмаѣ в чтении Н 86а 6–10:

Сходя архіерей съ прѣстола въ црѣкы дверѣи съ евлѣтемъ людѣе бѣвѣмаѣ и потѣ съ трѣемъ свѣщѣи и ѡ си мѣе, понѣе гакѡ выше рѣхѣи сѣхъ, бѣше възплѣщеніа, нѣна же и самъ моле се (Сходя же архиерей с престола <то есть с горнего места> [выходит] через царские врата, благословляя людей Евангелием и потом трехсвечником и о них вознося прошение, поскольку, как мы сказали выше, он был свидетелем Воплощения, ныне же и сам молясь).

Е 58. Катерхόμενος δὲ ὁ ἀρχιερεὺς τῆς καθέδρας, <...> καὶ ἐν τῇ ὑπὲρ τῶν βασιλέων εὐχῇ σφραγίζων μετὰ τὸ Εὐαγγέλιον τῷ τρικηρῷ τὸν λαὸν, <...> διὰ <...> τοῦ Εὐαγγελίου. <...> εὐχεται <...>. Τῷ θυσιαστηρῷ δὲ προσελθὼν, τοῦ ἔργου ἄρχεται τῶν εὐχῶν, δεκνὺς ἑαυτὸν ὑπρέτην τοῦ μυστηρίου... (Сходя же архиерей с горнего места, <...> и [возносит] моление о царях после чтения Евангелия, осеняя народ трикирием, <...> через <...> Евангелие. <...> молится <...>. Подходя же к престолу, начинает молиться как служитель таинства).

В этом же чтении действительное причастие настоящего времени сходя в ЛТ передает медиальное причастие катерхόμενος в греческом по причине асимметрии в этих двух языках диатезы глагольной лексемы.

Здесь же презентные причастия глагола молити (σα) в славянском переводе соответствуют глаголу εὐχεται ‘молиться’ (praes. 3 sg.) и перифрастическому обороту ἄρχεται τῶν εὐχῶν ‘начинает с молитв’ в тексте оригинала.

Греческое отглагольное прилагательное δηλωτικόν ‘обнаруживающий, показывающий, означающий’ (nom. sg., n) в чтении Е 38–39 переведено активным презентным причастием въѡбръжѡуѡе. Подобная замена имени прилагательного с глагольной основой причастием и наоборот (замена причастия отглагольным прилагательным) часто встречается, поскольку оба слова произведены от глагола и функционируют как именные части речи:

Е 38–39 Τὸ ἱερὸν δὲ φαινόλιον τὴν <...> τοῦ Πνεύματος φαίνει δύναμιν τε καὶ <...>, ἐξαρέτως ὃν ἐνεδύσατο ἐμπαιζόμενος ὁ Σωτὴρ, ἐξεικονίζει σάκκον. διὸ καὶ ὡς σάκκου τύπον ἐπέχει. οὐδὲ γὰρ ἔχει ἅ καλοῦσι μανίκα <...> 39. Ἀριδι-λότερον δὲ τοῦτο παρίστησι καὶ ὁ ἐνδύονται οἱ ἔκκριτοι τῶν ἀρχιερέων, σάκκος τοῦτο καλοῦμενον, ἀλλὰ καὶ οἱ λοιποὶ τῶν ἀρχιερέων, τὸ φαινόλιον πλήρες σταυ-ρῶν ἐνδύόμενοι, <...> τοῦτο σαφῶς παρίσται, ὅτι τοῦ πάθους ἔστι τοῦ Σωτῆρος δηλωτικόν (Священная же фелонь <...> являет силу Духа и <...>, главным образом изображает вретиче (мешок), в которое был облачен преданный поруганию Спаситель, поэтому имеет вид вретича без так называемых рукавов <...> 39. Более же явственно его [вретиче Спасителя] изображает то, что носят избранные архиереи — так называемый саккос, но и то, во что одеты остальные архиереи — фелонь, полностью покрытая крестами, <...> это ясно показывает, что она является изображением страстей Спасителя).

Н 85а 11–15 фелѡъ, дѣхъ сѣмѣ, нѣ ѣже поругѣе облѣче сѣхъ вретиче безъ рукавъ, ꙗко ѡзначниъ въблѣчет се архієрѣи, испльнь крѣговъ, стѣгнѣи въскѣ въобръжѡуѡе. . . (Фелонь [символизирует] силу Духа, но также и вретиче (мешок) без рукавов, в которое облачился преданный поруганию Спаситель, подобным образом избранные архиереи облачаются — [в фелонь], заполненную крестами, изображающими страдания).

Действительные причастия настоящего времени в ЛТ переводят и греческие отглагольные существительные. Выбирая причастные формы, переводчик привносит дополнительную динамику в присущую субстантивам семантику и таким образом презентирует признаки лиц или предметов как протекающее во времени глагольное действие. Ср.:

Е 15 ὄργανον ἱεροουργίας ναός τε καὶ ἱερεὺς (храм же, как и священник, орудие священнодействия...).

Н 84а 15–16 Пѡпъ ѣ цркви вргѡнь дѣѣи еѡ. (црквию) (Священник есть орудие церкви, действующее через нее [церковь]).

Е 22 Καὶ διὰ μὲν τοῦ θυμιάματος ἀπὸ τοῦ θυσιαστηρίου ἀρχομένου (sic!)⁷ τὴν μεταδοτικὴν καὶ εὐώδη τοῦ Πνεύματος χάριν (И курение фимиама, начаинающеся от святого престола, [изображает] раздаваемую [всем] и благоуханную благодать Духа).

Н 84б 4–5 исхѡдѣ кадѣлницѣю, подѣлницѣ дѣхъ блѣти назнаменуѡуѡеть (Выходящий с кадиллом знаменует подаяние благодати Духа).

⁷ Поскольку в славянском переводе здесь стоит исхѡдѣ, можно предположить, что переводчик допустил неточность по причине паронимии греческих причастий ἐρχομένου ‘выходящий, идущий’ и ἀρχομένου ‘начаинающийся’ (оба — gen. sg.). Однако возможно и иное объяснение — что в греческих списках встречается такое разночтение, ἐρχομένου.

1.2. Страдательные причастия прошедшего времени в ЛТ. Способы перевода

Страдательными причастиями прошедшего времени (чаще всего с добавлением адъективного форманта -ьнѣ) в ЛТ передаются как перфектные, так и аористные греческие страдательные причастия. Причина этого заключается в языковой асимметрии: в славянском не различаются два причастия прошедшего времени, как в греческом. Вот несколько примеров:

Е 23 Καὶ ὁ μὲν πρὸ τοῦ βήματος ἄμβων τὸν ἐκκυλισθέντα λίθον παραδηλοῖ τοῦ μνήματος (Амвон же перед алтарным возвышением указывает на камень, отваленный от гробницы [Христа]).

Н 846 9–10 ἄμвѣн, ѡбвалѣн'ныи кáмень ѡ грѣба (амвон [символизирует] отваленный от гробницы камень).

Е 71 ...τοῦ ἱεροῦ λεγομένου συμβόλου, ὁ ἀσπασμὸς γίνεται, (α') ὅτι διὰ τῆς ὀρθῆς πρὸς τὴν Τριάδα ὁμολογίας καὶ τὸν ἕνα τῆς Τριάδος σεσαρκωμένον ἡμῖν ἢ ἔνωσις γέγονε <...> (β') καὶ ὅτι ἀγαπᾶν ἀλλήλους χρή, ὅτι καὶ Χριστὸς δι' ἀγάπην ἱερούργηθη. (В то время как произносится Священный символ (т. е. Символ веры), происходит целование, (1) поскольку через правильное исповедание Троицы и одного из этой Троицы воплощенного произошло наше соединение <...> (2) и поскольку следует любить друг друга, потому что и Христос принес Себя в жертву из любви).

Н 866 7–8 Ὕβραζοу вѣры цѣловáнїе, прáвыиє вѣры и любовь кѣ вѣплъщѣннаго... ([Когда произносится] Символ веры, [происходит] целование, [представляющее образ] правой веры, любовь к Воплощенному...).

В этом фрагменте интерес представляет анаколуф, выражающийся в том, что после предлога кѣ, требующего после себя дательного падежа, в рукописи стоит винительный падеж. Несоответствие возникло, очевидно, при сокращении греческого текста, в котором предлог πρὸς, переведенный предлогом кѣ, входит в конструкцию πρὸς <...> τὸν ἕνα τῆς Τριάδος σεσαρκωμένον. Вероятно, славянский переводчик механически передал аккузатив σεσαρκωμένον славянским аккузативом вѣплъщѣннаго.

Е 100 ...ὑστερον τὰ ἀγιώτατα δῶρα περικεκαλυμμένα καὶ τῷ λαῷ δείκνυται, τοῦτο δ' ἐμφαίνει, ὅτι οὐ θεμιτόν, ὡς εἴρηται, ἀπερικαλύπτως ὁρᾶν ταῦτα πάντα... (...затем святыя дары покрытые показывает и народу, и это является знаком того, что не следует, как было сказано, всем видеть их открыто...).

Н 87a 13–15 τῆ покръвен'но показоуеъ (Б + лóдѣмь), ἵαко нѣ лѣтъ вѣсѣмь таίνα зѣѣти... (Затем покрытое показывает (Б людям), ибо не следует всем видеть тайны).

В некоторых фрагментах ЛТ страдательными причастиями прошедшего времени передаются греческие прилагательные, стоящие в тексте оригинала. Подобная замена становится возможной в определенных контекстах по той причине, что причастия обладают одновременно именной и глагольной семантикой. В Е 92 страдательным причастием прошедшего времени

свъръшеннаа (acc. pl., n) удачно переведено греческое прилагательное πάντα ‘весь, целый, совершенный’ (acc. pl., n, от πᾶς):

Е 92 ἐπεὶ δ' <...> μεταλαβεῖν καὶ μεταδοῦναι ἔρχεται, χρεια τὰ τῆς ἀξίας πάντα ἱερά σύμβολα ἐνεδεῦσθαι (после же <...> [когда архиерей] идет причаститься и дать причаститься [другим], ему необходимо облачиться во все священные знаки своего достоинства).

Н 866 29 — 87а 1 ραζдати причѣстив'се грѣдь (Б грѣть), потрѣба ѿ свъръшеннаа облѣщи се (...причастившись сам, идет раздать [причастие], и ему необходимо полностью облачиться).

Страдательное причастие прошедшего времени в положительной форме ѡкръвенъ переводит греческое слово ἀπερικάλυπτος ‘непокрытый’ (adjectivum verbale, образованное с помощью alpha privativum), стоящее во фрагменте Е 41, при этом оба слова являются синонимами вследствие отрицания противоположной семантики в греческом слове:

Е 41 Απερικάλυπτο δὲ τῆ κεφαλῇ οἱ τῆς ἀνατολῆς ἱεράρχαι πάντες καὶ ἱερεῖς, πλὴν τοῦ τῆς Ἀλεξανδρείας, τὴν ἱερουργίαν τελοῦσιν (С непокрытой же головой совершают Божественную литургию все восточные иерархи и священники, кроме Александрийского патриарха).

Н 85а 20–22 ѡкръвенѣною главою и вѣсточнѣи крѡмѣ александρѣскагѡ и сѡблѣзѣ ѡмѣ (С непокрытой головой [служат] и восточные [священнослужители], кроме Александрийского [патриарха], и те, кто ему сослужит).

Далее в тексте то же слово появляется как соответствие близкому по значению прилагательному γυμνός ‘нагой, голый, незащищенный’:

Е 41 ...καὶ γυμνῇ τῇ κεφαλῇ τὴν χειροτονίαν ὁ χειροτονούμενος δέχεται, οὕτως ὀφείλει ὡς ἐχειροτονήθη προσεύχασθαι καὶ ἱερουργεῖν (...и с обнаженной головой принимает рукополагаемый священник хиротонию, и потом так же, как рукополагался, он должен молиться и совершать богослужение).

Н 85а 27 непокрѣвенною нашѣ главоѣ ѡмѣти. и рѣкополагѣмъ, и ѡкополагѣмъ ѿ роукою, сице дльжьнь ѿ мѣти се ѡкръвенѣною главою (...[нам следует] непокрытой иметь нашу голову. И как рукополагаемый рукополагается, так же должен и молиться — с непокрытой головой).

Страдательным причастием прошедшего времени единожды переведено и греческое действительное причастие настоящего времени:

Е 33 Τὸ τοῦ ἀρχιερέως δὲ στιχάριον ἄνωθεν κατιόντας τοὺς λεγομένους κέκτηται ποταμούς τὸ διδασκαλικὸν τῆς ἐν αὐτῷ σημαίνοντος χάριτος... (Архирейский же стихарь сверху имеет ниспадающие так называемые реки, означающие в нем благодатное назидание).

Н 846 28–29 на архіерейсѣтъмъ стихари об'точенноє, рѣкѣ оучѣніа (На архирейском стихаре притачные⁸ [ленты], [символизируют] реки учения).

⁸ Посредством прилагательного *притачное* переводим *об'точенноє*, понимая последнее как причастие от глагола *об'точити*, ср. совр. болг. глагол *обточвам*, *обточа* ‘обшивать’, см.: «ОБТОЧВАМ, -аш, несов. вид; *обточа*, -иш, сов. вид, перех., аорист *обточих*. При-

Вольность в переводе здесь проявляется не только в отклонении от грамматической формы оригинала, но и в свободной передаче контекстуального значения слова из греческого оригинала: *κατιόντας* (*ποταμούς*) ‘ниспадающие, падающие’ (асс. pl., m) (струи) — об’точенное ‘притачное, пришитое’ в переводе, а также в смене синтаксической функции причастия — с атрибутивной на субстантивную.

В следующем примере страдательное причастие прошедшего времени ср. р. *написано* переводит греческое *nomen resultativum* на *-μα* — *σχιῆμα* ‘образ’ (асс. sg., n):

Е 36 ...ἐπιγονάτιον <...> *σχιῆμα* ρομφαίας ἔχει... (...эпигонатий <...> является собой образ меча).

Н85а5–9 *набѣдрѣникъ* <...> *φρούγιε* *имѣ* *написано*... (набедренник <...> имеет оружие изображенное).

Изменение частеречной принадлежности слова ведет к полной трансформации синтаксических связей в предложении: выражение с объектными отношениями *σχιῆμα* *ρομφαίας* (*ἔχει*) ‘(являет собой) образ меча’, букв. ‘образ меча (имеет)’ (о символическом значении архиерейского эпигонатия, или палицы) замещается глагольно-именным предикативным сочетанием *φρούγιε* *имѣ* *написано* ‘(на нем) оружие нарисовано’, букв. ‘оружие имеет нарисованное’.

II. СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В ЛТ

В ЛТ причастия, будучи словами, обозначающими признак по действию, в зависимости от своей синтаксической функции могут выступать в присущей прилагательным роли определений: они употребляются в предикативной или атрибутивной функции, выполняют роль субстантивов, встречаются в самостоятельном употреблении или в составе синтаксических конструкций.

II.1. Употребление причастий в ЛТ в атрибутивной функции (в качестве определений)

Е 22 *καὶ ταῦτα μὲν ἡ ἐκκλησία εἰκονίζει τῷ βήματι, διὰ δὲ τοῦ καθόλου ναοῦ, τὸν περίγειον τοῦτον, ὡς φθάσαντες εἶπμεν, κόσμον ἢ καὶ τὸν ὁρώμενον οὐρανόν* (...и это Церковь изображает через алтарное возвышение, а через храм в целом — этот земной, как прежде мы говорили, мир или же видимое небо).

Н 846 7–8 *въсѣ прѣдѣла црѣкви. или зримое небо* (вся передняя часть церкви, или видимое небо).

шивать тесьму, гайтан или какую-либо тонкую полоску ткани, кожи и т. п. обычно по краям одежды в качестве украшения» (Речник на българския език. Т. 11. София: Академ. изд-во «Марин Дринов»: ЕТ «ЕМАС», 2002. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg/обточвам/> (дата обращения: 07.12.2023). Здесь можно предположить и метафорическое употребление причастной формы от глагола обещати ‘обежать, обтечь, омыть’, тем более в сочетании со словом *река*.

Ε 23 Καὶ ὁ μὲν πρὸ τοῦ βήματος ἄμβων τὸν ἐκκυλισθέντα λίθον παραδηλοῖ τοῦ μνήματος (Амвон же перед алтарным возвышением указывает на камень, отваленный от гробницы [Христа]).

Н 84б 9–10 ἀμνῶν, ῶνδάλένῃ καί κἀμὲν ὡ γρόβα (...амвон [символизирует] отваленный от гробницы камень).

Ε 41 γυμνῆ τῆ κεφαλῆ (с обнаженной головой).

Н 85а 27 ῶνκρῶνῆ главою (с непокрытой головой).

II.2. Употребление причастий в ЛТ как именной части сказуемого

Ε 36 ἐπιγονάτιον <...> σχιῆ ρομφαίας ἔχει... (...эпигонатий <...> являет собой образ меча).

Н 85а 5–9 набѣдрѣникъ <...> дрѹжѣ имѧ написѧне... (набедренник <...> имеет оружие изображенное).

Ε 100 ὕστερον τὰ ἀγιώτατα δῶρα περικεκαλυμμένα καὶ τῷ λαῷ δεῖκνυται... (затем святые дары покрытые показываются и народу...).

Н 87а 13–15 τᾶ покрῶνῆ показоуѣтъ (B + лѹдѣмь)... (Затем покрытое показывает (B людям)...).

II.3. Употребление причастий в ЛТ в роли существительного

В ЛТ встречаются два синонимичных употребления субстантивированных действительных причастий настоящего времени ср. р. ед. ч. от глаголов χορῆτι и γραῖσι, соответствующие в греческом оригинале идентичному употреблению *participium praesentis activi dat. sg., n*, от глагола μέλλω ‘долженствовать, быть должным’ в функции существительного, обозначающего абстрактное понятие (время):

Ε 71 ...ἐν τῷ μέλλοντι... (...в будущем...).

Н 86б 7–10 ...въ хѹтѣщѣ... (...в будущем...).

Ε 73 ...ὁ λαὸς ἐκβοᾷ δεῖκνὺς τὴν ἐν τῷ μέλλοντι <...> αἶνεσιν <...> μετὰ τῶν ἀγγέλων... (...народ поет, показывая <...> эту в будущем <...> похвалу <...> с ангелами...).

Н 86б 12–15 ...лѹдѣ показоуѣще и въ гредѹщѣ ѣже съ ᾄγγлы пѣсни (...люди, указывающие на то, что [будут петь] и в будущем с ангелами песни).

Очевидно и употребление субстантивированного страдательного причастия прошедшего времени ср. р. ед. ч. обʹточное для именованной сущности — вольный перевод греческого *participium praesentis activi κατιόντας*, выполняющего функцию атрибутивного определения при *ποταμοῦς* (см. выше Н 84б 28–29 = Ε 33).

Субстантивированное употребление причастий м. р. ед. ч. для именованного лица, которое совершает действие или над которым совершается

действие (в соответствии с греческим оригиналом), иллюстрируют следующие примеры:

Е 16 τῶν ὄντων ἐν μετανοίᾳ (кающихся, букв. 'сущих в раскаянии').

Н 84а 21 въ покáлнїе прѣстоѣщеи (кающихся, букв. 'предстоящих в покаянии').

Е 71 ...τὸν ἕνα τῆς Τριάδος σεσαρκωμένον... (одного из Троицы воплотившегося).

Н 86б 7–8 ...въплъщеннаго (воплощенного).

II.4. Употребление причастий в ЛТ в качестве *participia praedicativa coniuncta*

Действительные причастия настоящего и прошедшего времени часто выступают как обособленные элементы в предложении, сообщая о действиях, протекающих одновременно или предшествующих главному действию, выраженному *verbum finitum*. Вот несколько примеров употребления причастий в предикативной функции в зависимых конструкциях (в отличие от так называемого самостоятельного употребления в конструкции *dativus absolutus*) из славянского перевода Протѣ лѣргїи, и цркви, и чїнѣ сщєн'ничьскомѣ.

Передавая фрагмент Е 45, переводчик изменяет вид подчинительной связи, преобразуя *participium coniunctum* греческого относительного придаточного предложения в предикативное причастие, согласованное с дополнением ст҃їе (acc. pl.), которое стоит в славянском переводе в главном предложении и зависит от подразумеваемого переводного соответствия глаголу αἰτοῦμεν 'просим' из предыдущего предложения:

Е 45 ἔπειτα δὲ τῶν ἁγίων μνησθέντες, οἱ μυστηρίῳ ἐπαγωνισάμενοι ἱερῶς τετελείωνται, καὶ αὐτῶν ἐπικαλοῦνται δεήσεις (затем же, помянув святых, проявлявших рвение в святых таинствах до кончины и призываемых с просьбой об их заступничестве).

Н 85б 9–10 тáже на в-мь ст҃їе, спѣш'ши се єго радї (Затем, на втором [антифоне, молим] святых, усердно подвизавшихся Его ради).

В греческом оригинале в Е 73 предикативные причастия настоящего времени εὐχαριστῶν 'благодарящий' и δεικνύς 'показывающий' выражают одновременность происходящих действий, обозначаемых ими, с действиями, выраженными в предложении личными глагольными формами ἐνοῦται 'объединяется', ἀνακράζει 'воскликает' и ἐκβοᾷ 'кричит, вопиет'. В славянском переводе греческому действительному причастию настоящего времени εὐχαριστῶν соответствует действительное причастие прошедшего времени вл҃годѣрївь, которое соотносится с глаголом, время которого также изменилось с настоящего (ἀνακράζει) на прошедшее (въспѣть). Временное противопоставление обоих предикативных причастий вл҃годѣрївь и покáзующе вносит многоплановость в описание соответствующего богослужебного

момента, словно бы аннулируя его темпорально неопределенную презентацию в тексте оригинала как протекающий вне времени акт нескончаемой небесной литургии:

Ε 73 ὑπὲρ πάντων εὐχαριστῶν, μετὰ τῶν ἀρχαγγέλων ἐνοῦται. Καὶ ἐπινίκιον ἀνακράζει σὺν αὐτοῖς ὕμνον, τὸ «Ἅγιος, ἅγιος, ἅγιος». τοῦτο καὶ ὁ λαὸς ἐκβοᾷ, δεικνὺς τὴν ἐν τῷ μέλλοντι ἴσην αἴνεσιν ἡμῶν μετὰ τῶν ἀγγέλων, καὶ τὴν μετ' αὐτῶν ἐνωσιν (за всё благодаря, к архангелам присоединяется. И поет с ними победную песнь «Свят, свят, свят [Господь Саваоф]». Это и народ громко поет, указывая на такую же нашу хвалу в будущем веке [которую мы будем воздавать] вместе с ангелами и все вместе).

Н 866 12–15 о възсѣхъ благодаривъ [ієрѣрхъ] и съ ѡггелы възпѣтъ стѣ ѿ, ѿ, сѣ и лѡдѣе показующе и въ гредѣще еже съ ѡгглы пѣсни (за всё благодаривший, и [иерарх] с ангелами воспел «Свят, свят, свят [Господь Саваоф]»), и люди, указывающие на то, что и в будущем [будут петь] с ангелами песни).

Переводчик тонко уловил оттенок значения нарицательного существительного σφραγίς ‘печать’ во фрагменте Ε 75 и подобрал адекватный способ его передачи на славянском в специфическом значении — как литургического термина — с помощью согласованного предикативного причастия блѣвѣвъ. Выбирая причастную форму для перевода греческого существительного, книжник добавляет динамики в славянский текст по сравнению с греческим:

Ε 75 Τὴν θεῖαν ἐπικαλεῖται εἰς <...> τὰ προκειμένα δῶρα χάριν τοῦ Πνεύματος. δι' ἧς καὶ ταῦτα τετελεχῶς σφραγίδι σταυροῦ καὶ ἐπικλήσει τοῦ Πνεύματος. τὸν ζῶντα εὐθὺς βλέπει προκειμένον Ἰησοῦν, καὶ τοῦτον αὐτὸν... ([Архиерей] призывает Божественную благодать Духа на <...> предложенные дары, посредством каковой совершив это [претворение] через крестообразное осенение и призывание Духа, видит прямо перед собой лежащего Самого Иисуса живого...).

Н 866 18–21 Призы́ваетъ же дарѡвъ блѣтъ дѣха со҃щѣ съврѣшившимъ се и блѣвѣвъ крѣтѡобразно, самого зрѣтъ іса... (Призывает же благодать Духа на дары; когда же он благословит крестообразно и это совершится, Самого Иисуса видит...).

Аналогичное решение — передача греческого существительного славянским согласованным предикативным причастием — обнаруживается и при переводе Ε 52:

Ε 52 Ὁ δὲ τρισάγιος ὕμνος εὐθὺς λεγόμενος τὸ τῆς Τριάδος μυστήριον δεῖκνυσιν ὅπερ ἢ σάρκωσις τοῦ ἐνὸς τῆς Τριάδος ἐκήρυξε τοῖς ἀνθρώποις (Песнь «Трисвятое» <...> указывает на таинство Троицы, о котором людям возвестило воплощение одного из Троицы).

Н 856 17–18 Трисѣтое ѿ стѣе троице єдѣнь рѣ въплѣщѣ. (Б въплещень) ([поется] Трисвятое, [это значит, что] Один из святой Троицы, воплотившийся (Б воплощенный), [о ней] поведал [людям]).

В этом фрагменте оба списка ЛТ предлагают варианты чтения для перевода греческого существительного *σάρκωσις*, которое передается различными причастными формами глагола *въплътити*: в *Н* форма *въплъць* — действительное причастие прошедшего времени от глагола *въплътити*, в то время как в *Б* на этом месте стоит страдательное причастие прошедшего времени от того же глагола. Вольная интерпретация греческого соответствия — отглагольного существительного *ἡ σάρκωσις* ‘воплощение’ — не позволяет определить, какая форма является первичной. Возможно, такая замена имеет богословское обоснование: Бог Слово не может испытывать внешнее воздействие; следовательно, его дефиниция не допускает определение *воплощенный* — с богословской точки зрения корректно говорить *воплотившийся*. Но тогда *въплъць* должно быть употреблено в медиопассивном залоге, то есть иметь при себе возвратную частицу *се*. В таком случае можно допустить, что частица *се* присутствовала в первоначальном переводе, но была опущена в *Н*. С другой стороны, графический облик *въплъць* можно легко объяснить как вторичный, возникший из *въплъц[ен]ь* в результате апокопы последнего слога. Таким образом, вопрос о первоначальной форме остается открытым.

II.5. Синтаксическая конструкция «дательный самостоятельный»

Употребление синтаксической конструкции «дательный самостоятельный» является обычным уже в старославянских памятниках⁹. Она чрезвычайно частотна в языке патриарха Евфимия¹⁰ и других тырновских книгописцев¹¹.

Факт, что *dativus absolutus* является не только переводным эквивалентом греческого *genitivus absolutus*, но и самостоятельным средством в системе старославянского литературного языка, установил еще Радослав Вечерка на материале классических старославянских памятников¹². Ученый предполагает, что эти обороты восходят к несамостоятельным конструкциям

⁹ Минчева А. Дателен самостоятелен падеж (*Dativus absolutus*). Граматика на старобългарски език / ред. Ив. Дуриданов. София: БАН, 1993. С. 450.

¹⁰ Иванова-Мирчева Д. Евтимий Тырновски, писател творец на литературния български език от късното Средновековие. Тырновска книжовна школа. 1974. Т. 1. С. 202.

¹¹ Конкретные примеры таких переводческих решений в переводной литературе этого периода см.: Карачорова И. Към въпроса за Кирило-Методиевски старобългарски превод на Псалтира. Кирило-Методиевски студии. 1989. Кн. 6. С. 156; Славова Т. Някои предварителни наблюдения върху редактирането на евангелски текст в Света гора. *Palaobulgarica*. 1990. Т. 14. № 1. С. 78; Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII–XIV вв. Текстология и язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 104–107; Тасева Л., Йовчева М. Езиковите образци на атонските редактори. Българска филологическа медиевистика: сборник научни изследвания в чест на проф. дфн Иван Харалампиев по случай 60-годишния му юбилей / ред. А. Давидов. Велико Тырново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2006. С. 225.

¹² Večerka R. Syntax aktivních participií v staroslovenštině. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1961. S. 55–56.

разговорного языка типа *рече имъ пришьдъшиимъ*, а через них вторично возникшее обстоятельственное значение было перенесено на независимые конструкции с именем и причастием в дательном падеже¹³. Оформление этих конструкций свидетельствует об интеллектуализации старославянского литературного языка путем обогащения средствами, нехарактерными для народного языка¹⁴. О большом числе переводческих решений с использованием конструкции *dativus absolutus* вне связи с греческим оригиналом пишет Боряна Христова¹⁵.

Конструкция «дательный самостоятельный» встречается в тексте ЛТ несколько раз. Сопоставление славянских рукописей с греческим текстом трактата *Ἐπισημία περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ* демонстрирует в большой степени независимость решений славянского переводчика при использовании этой синтаксической модели. Анализ показывает, что во многих случаях там, где в оригинале стоит *genitivus absolutus*, переводческое решение в славянской версии сочинения отличается. И наоборот, дательному самостоятельному, стоящему в переводе, в оригинале в большинстве случаев соответствует иная конструкция.

Греческая конструкция в ЛТ традиционно для средневековых славянских переводов передается дательным самостоятельным во фрагменте, соответствующем греческому Е 50:

Е 50 *Εἰσελθόντος δὲ καὶ κύκλῳ τὴν ἱερὰν θυμιάσαντος τράπεζαν, τοῦ Πνεύματος ἐκτυλοῦται διὰ τοῦτου ἡ παρουσία* (Когда же [архиерей] входит [в алтарь] и кадит святую трапезу со всех сторон, этим изображается сошествие Духа...).

Н 856 16 *Покажьшиѣ трапѣзѣ дѣха съшѣствіѣ на сіѡѡ* (Когда кадит трапезу, [это символизирует] сошествие Духа на Сион).

В следующем примере при сокращении греческого текста славянский переводчик оставляет *τοῦ ἱεροῦ συμβόλου* ‘Священный символ (Символ веры)’ (*gen. sg., n*) из греческой конструкции *τοῦ ἱεροῦ λεγομένου συμβόλου* ‘когда провозглашается Священный символ (то есть Символ веры)’, переводя его сочетанием *ѡбразоу вѣры*, но опуская причастие *λεγομένου* ‘говорящийся, называющийся’ (*gen. sg., n*), так что смысл сжатого фрагмента и усеченного дательного самостоятельного возможно восстановить только при сопоставлении с оригиналом. Пропуск одного из элементов конструкции *dativus absolutus* — имени или причастия — встречается и в других местах¹⁶:

¹³ *Večerka R.* Syntax aktivnich participii v staroslovenštine. S. 55–56.

¹⁴ *Златанова Р.* Към въпроса за синтактичните гърцизми в старобългарския книжовен език. Граматика на старобългарски език / ред. Ив. Дуриданов. София: БАН, 1993. С. 521.

¹⁵ *Христова И.* Книжовната старобългарска норма в словата на Климент Охридски: дис. София, 1985. С. 255–258.

¹⁶ Подобные примеры см.: *Харалампиев Ив.* Основните принципи на Евтимиевата езикова реформа и езикът на Григорий Цамблак. Гърновска книжовна школа. 1984. Т. 3. С. 232.

Е 71 Μετὰ δὲ τὴν πρώτην εὐχὴν, τοῦ ἱεροῦ λεγομένου συμβόλου, ὁ ἀσπασμὸς γίνεται (После же первого прошения, когда возглашается Священный символ, происходит целование).

Н 866 7–10” Образѣу вѣры цѣлованіе... (В то время как [произносится] Символ веры, [происходит] целование...).

Стоящее во фрагменте Е 70 причастие εἰσελθόντος ‘вошедший’ (part. aor. act. gen. sg., m), представляющее собой эллиптическую конструкцию genitivus absolutus, в которой опущен ее субъект — существительное τοῦ ἀρχιερέως ‘архиерей’ (gen. sg., m), переводчик вместо ожидаемого в таких случаях дательного самостоятельного передает именительным падежом, т. е. согласованным причастием, при всей его сохраняющейся ярко выраженной изоляции в предложении. Конечно, здесь нельзя исключить и текстологических причин — того, что переписчик опустил окончание -σῶγυ первоначального въшѣ<шочу>:

Е 70 Εἰσελθόντος δὲ κλείονται αἱ θύραι... (Когда же [архиерей] входит [в алтарь], [царские] врата закрываются...).

Н 866 1–4 въшѣ (въшѣ<шочу>) затваряюѣ се двѣри... (Когда [архиерей] входит, врата закрываются...).

Сходным является и следующий пример, где форма исχόδε ‘выходящий’ (part. praes. act. nom. sg., m) употреблена вместо дательного самостоятельного исχόδεσῶγυ для перевода греческого независимого причастия ἀρχομένου ‘начинающий’ (part. praes. med. gen. sg., m), при котором из широкого контекста подразумевается субъект τοῦ ἀρχιερέως ‘архиерей’ (gen. sg., m). Однако если в предыдущем примере субъекты действия в главном предложении и причастной конструкции не совпадали, то здесь субъект один и тот же. Подобные примеры свидетельствуют о развитии генерализованной падежной формы причастий и зарождении категории деепричастия.

Е 22 Καὶ διὰ μὲν τοῦ θυμιάματος ἀπὸ τοῦ θυσιαστηρίου ἀρχομένου τὴν <...> τοῦ Πνεύματος χάριν (И курение фимиама, начинающеся от святого престола <...> [изображает] благодать Духа).

Н 846 4–5 исходѣ кадилничею, подданіе дѣха блѣти назнаменуѣтъ (Выходящий с кадиллом знаменует подаяние благодати Духа).

Как dativus absolutus следует рассматривать конструкцию соуще съврѣшившим се, переводящую Е 75:

Е 75 ...τὴν <...> ἐπικαλεῖται εἰς <...> τὰ <...> δῶρα χάριν τοῦ Πνεύματος, δι’ ἧς καὶ ταῦτα τετελεχώς σφραγίδι σταυροῦ καὶ <...> τὸν ζῶντα εὐθὺς βλέπει προκειμένον Ἰησοῦν, καὶ τοῦτον αὐτὸν <...> τὸ σῶμα, καὶ <...> τὸ ἐν τῷ ποτηρίῳ αἶμα (...[архиерей] призывает <...> благодать Духа, посредством каковой совершив это [претворение] через крестообразное осенение и <...>, видит прямо перед собой лежащего самого Иисуса живого, <...> Тело и <...> в чаше Кровь).

Н 866 18–21 Призѣываетъ же дарѣвъ бла҃гѣ дѣха соу҃ще съврѣшившимъ се и блѣвѣвъ крѣтѣобразно, самого зрѣть ꙗса плѣ и крѣвъ (Призывает же благодать Духа на дары; когда же он благословит крестообразно и это совершится, видит Самого Иисуса плоть и кровь...).

Указанная конструкция соответствует греческим словам ταῦτα τετελεχώς ‘это (acc. pl., n) совершив(ший) (part. perf. act. nom. sg., m)’ и является результатом преобразования согласованной активной причастной конструкции оригинала, субъект которой совпадает с субъектом главного предложения, в абсолютную, пассивную конструкцию в славянском переводе с субъектом, отличающимся от субъекта в главном предложении. О таких трансформациях при переводе пишет и Ангелина Минчева, выводы которой основаны на ее наблюдениях над конструкцией «дательный самостоятельный» в классических древнеболгарских (старославянских) памятниках¹⁷.

Слово соу҃ще можно понять как причастие, употребленное в функции анафорического местоимения, указывающего на дары (‘когда эти (они) претворились, пресуществились’), или как элемент составной глагольной формы (‘когда они, будучи (бывающие) пресуществившимися’) с эллипсисом субъекта конструкции дарѣомъ (dat. pl.). На подобное предположение наводит мысль, что конструкции соу҃ще съврѣшившимъ се в греческом соответствует активное перфектное причастие τετελεχώς.

Рассматриваемый далее дательный самостоятельный дѣѣ въпїюѣѣ ‘когда Давид восклицал’ является переводческим решением передать распространенное придаточное предложение ὡς καὶ ὁ Δαβὶδ προφητεῖει ‘как и Давид пророчествует’ греческого оригинала в Е 48:

Е 48 ὡς καὶ ὁ Δαβὶδ προφητεῖει, καθάπερ ἐν τῷ ἀναλαμβάνεσθαι προέλεμτο τὸν Κύριον ἄγγελοι, καὶ τὸ ἄρατε πύλας¹⁸ ἔβδων... (Как и Давид пророчествует, подобно тому как во время вознесения ангелы шествовали перед Господом и восклицали: «Поднимите, врата!...»).

Н 856 14–16 въхѣдѣ възмѣте врата¹⁹ дѣѣ въпїюѣѣ небснаа ꙗкѣ на елеѣнѣ²⁰ (Когда Давид восклицал: «Вход поднимите, врата небесные!» — как на Елеоне).

Паратаксистому предложению Ψάλται δὲ ψάλλουσι τὰ ἀντίφωνα ‘Музыканты (псалты) же исполняют антифоны Псалтыри’ в составе греческого сложносочиненного предложения в Е 44 соответствует конструкция с дательным самостоятельным ἀντίφωνῶν ποίющимъ се (ῶ ψλῶ) ‘когда исполняются антифоны (Псалтыри)’:

¹⁷ Минчева А. Дателен самостоятелен падеж (Dativus absolutus). С. 449–451.

¹⁸ Пс 23:7.

¹⁹ См. предыдущее примечание.

²⁰ Выражение ꙗкѣ на елеѣнѣ является свободным переводом греч. καθάπερ ἐν τῷ ἀναλαμβάνεσθαι ‘подобно тому как во время вознесения’. Номинация события передана через номинацию места, где оно произошло.

Е 44 Ψάλται δὲ ψάλλουσι τὰ ἀντίφωνα, τῶν προφητῶν ἐκτυποῦντες τὸν χορόν. καὶ ταῦτα τρισῶς <...> τὴν Τριάδα τιμῶντες, ψαλμικὰ μὲν προλέγοντες, συνάπτοντες δὲ καὶ ἐκ τῆς χάριτος ὕμνους. καὶ διὰ τῶν ψαλμικῶν προκηρυχθεῖσαν τοῖς πάλαι καταγγέλλουσι τὴν τοῦ Θεοῦ Λόγου σάρκωσιν, διὰ τῶν ἐφυμνίων αὐτὴν παριστῶσι τὴν χάριν τετελεσμένην καὶ τὸν τοῦ Θεοῦ Υἱὸν σαρκωθέντα καὶ πάντα ὑπὲρ ἡμῶν ἐνεργήσαντα (Певцы же исполняют антифоны Псалтыри, изображая хор пророков, <...> [разделяя] их [антифоны] на три части <...> прославляя Троицу, выбирая же псалмопения и соединяя [их] с песнопениями благодати²¹. И через псалмопения проповедуют предвозвещенное древним воплощение Бога Слова, а посредством припевов представляют саму исполнившуюся благодать и Сына Божия, воплотившегося и всё ради нас совершившего...).

И 856 4–6 антѣфвннѣ поѣщим се ѿ ψλм²², и дрѣвнѣи во проповѣдаше бѣѣа слѡва вѣплъчѣнїе (Когда поются антифоны Псалтыри, [это указывает на то, что] ведь и древнии проповедовали воплощение Бога Слова).

Конструкция ἀναγινωσκομένου δὲ τοῦ Εὐαγγελίου ‘когда же читается Евангелие’, стоящая в Е 56, переведена предложным сочетанием по ἐν̄λῑи ‘во время чтения Евангелия’. Корреляция предлога по в славянском тексте с participium praesentis passivi греческого оригинала манифестирует семантику препозиции в этом контексте — обозначение времени, когда что-то совершалось²³:

Е 56 ἀναγινωσκομένου δὲ τοῦ Εὐαγγελίου ἀποτίθεται τὸ ὁμοφόριον ὁ ἀρχιερεὺς, τὴν ἑαυτοῦ δουλείαν ἐπιδεικνὺς τῷ Κυρίῳ... (Когда читается Евангелие, архиерей снимает с себя омофор, выказывая свое повиновение Господу...).

И 856 29–30 по ἐν̄лӣи ѿложѣнїе ὁμοφόра, слѡвѣх своѣ показꙋеть гѣи... (Во время чтения Евангелия снятие омофора [архиереем означает, что он] показывает свое служение Господу...).

Несогласование в падеже имени ѡпль (им. п.) и причастия чтом8 (дат. п.) в РГАДА 88 не позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что выражение ѡпль чтом8 во фрагменте, соответствующем Е 55, является дательным самостоятельным, тем более что при переводе произошло изменение грамматической категории (чтение Апостола // когда Апостол читается):

²¹ То есть новозаветные гимны в противовес ветхозаветным псалмам.

²² В Б вместо антѣфвннѣ поѣщим се ѿ ψλм(м) стоит чтение антѣфвннѣ(м) поѣщим се ψλм(м), которое, безусловно, можно рассматривать как дательный притяжательный: антѣфвннѣ(м) поѣщим се ψλм(м) = поѣщим се антѣфвннѣ(м) ψλм(м), букв. ‘когда поются псаломные (взятые из псалмов) антифоны’. Если принять во внимание, что именно чтение в Б первично, можно предположить, что переписчик Н отредактировал архаичную конструкцию с дательным притяжательным, которая стоит в Б.

²³ Ср. употребление предлога по в значении ‘во время чего-л.’: по ранюу ‘спозаранку’, совр. болг. по пладне ‘в полдень’, по тъмно ‘затемно’, по светло ‘засветло’ и т. д.

Ε 55 Εἶτα τῶν ἀποστολικῶν ἢ ἀνάγνωσις λόγων, ὃ δηλοῖ τὴν τῶν ἀποστόλων εἰς τὰ ἔθνη ἀποστολὴν... (Затем [следует] чтение апостольских посланий, которое знаменует послание апостолов к народам [на проповедь]...).

Н 856 23–24 ἄπль чтѣмъ (Б чтѣмъ) ἄпль въ ѣзыки послѣ (Когда читается Апостол — [это значит, что Христос] апостолов к народам послал...).

Указанная конструкция соответствует греческому отглагольному существительному ἢ ἀνάγνωσις ‘чтение’, управляющему genitivus obiecti τῶν ἀποστολικῶν λόγων ‘слов (посланий) апостолов’ и выполняющему функцию подлежащего. В *Богитишч* 52 на этом месте фиксируется другое чтение — ἄпль чтѣ, которое отвечает согласованной причастной конструкции, стоящей в субъектной позиции, что по крайней мере синтаксически сближает этот конструкт с греческим первообразом. В первоначальном тексте могли быть допустимы оба варианта: ἄпль чтѣмъ, согласно *Н*, или ἄпль чтѣ — согласно *Б*. В обоих случаях идет речь о предложении с эллипсисом сказуемого со значением ‘означает’, ‘символизирует’, к которому вторая часть фразы ἄпль въ ѣзыки послѣ относится как придаточное предложение.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие обобщения:

А) В тексте ЛТ *dativus absolutus* обыкновенно ставится в начало предложения, реже — в середину, в то время как (при условии, что конструкция полная) на первом месте стоит имя (Н 856 23–24, Н 856 4–6, Н 856 14–16). Однако часто субъект конструкции опускается и подразумевается из широкого контекста, а сама конструкция становится одночленной и состоит только из причастного элемента.

По наблюдениям Ивана Харалампиева, субъект предшествует предикату в синтагме с дательным самостоятельным и в языке Григория Цамблака. Исследователь отмечает, что эта особенность существенно отличает в структурном отношении среднеболгарскую конструкцию от древнеболгарской (старославянской), в которой причастный элемент обыкновенно находится перед именем²⁴.

Б) Извлеченные из ЛТ конструкции *dativus absolutus* являются по своей семантике темпоральными и обозначают предшествующее или одновременное действие, имея в своем составе причастие прошедшего (Н 866 18–21) или настоящего (Н 856 14–16, Н 856 4–6) времени соответственно.

В) Независимость славянского перевода от оригинала при использовании переводчиком абсолютной дательной конструкции является доводом в дискуссии о ее происхождении и подкрепляет гипотезу, высказанную раньше всех Францем Миклошичем, о ее возникновении на домашней почве, а также свидетельствует о жизненной силе старославянской письменной традиции.

²⁴ Харалампиев Ив. Основните принципи на Евтимиевата езиково реформа... С. 232. Ср.: Илчев П. За спецификата на старобългарския *dativus absolutus*. Български език. 1963. № 3. С. 211–224.

Причастия в славянском переводе выполняют не только такие специфические для них синтаксические функции, как атрибутивная, предикативная и субстантивная, — они фиксируются и на месте личных глагольных форм. Именно эта особенность, свойственная тырновским памятникам, объясняет разночтения в текстах разных рукописных традиций при переводе фрагмента Е 92:

Е 92 ... ἐπεὶ δ' ἐτελέσθη τὸ ἔργον, <...> μεταλαβεῖν καὶ μεταδοῦναι ἔρχεται, χρεῖα τὰ τῆς ἀξίας πάντα ἱερά σύμβολα ἐνδεδῶσθαι (...после того как священнодействие завершилось <...> [архиерей] идет причаститься и дать причаститься [другим], ему необходимо облачиться во все священные знаки своего достоинства).

Н 866 29 — 87а 1 и понеже съврѣши (Б съврѣшивъ) дѣло, и раздати причѣстив'се грѣдь (Б грѣть), потрѣба ѣ съврѣшеннаа облѣщи се (И поскольку он завершил (Б завершив) дело и, причастившись сам, идет раздать [причастие], ему необходимо полностью облачиться).

Здесь греческому aor. pass. 3 sg. ἐτελέσθη 'закончилось, завершилось' в Н соответствует финитная форма съврѣши, также аорист 3 л. ед. ч., но с трансформацией залога в действительный — то, что мы видим в переводе и в других чтениях. В Б стоит действительное причастие прошедшего времени — съврѣшивъ. Это разночтение несколько не должно нас удивлять, если иметь в виду, что в переводной литературе среднеболгарского периода не является исключением передача греческого *verbum finitum* неличными глагольными формами — причастием²⁵ или инфинитивом (замену спрягаемой формы глагола причастием и наоборот может сделать и переписчик). В результате замены личных глагольных форм причастиями изменяется тип предложения: паратакис трансформируется в гипотакис, при этом синтаксический строй фразы усложняется.

Вот еще несколько примеров:

Е 40 ... ὠμοφόριον <...> κύκλω περὶ τοὺς ὦμους ἔμπροσθέν τε καὶ ὀπίσθεν περιβάλλεται. τοῦτο δ' αὐτὴν εἰκονίζων ἐστὶν ἐναργῶς τὴν ἐκ παρθένου δι' ἡμᾶς σάρκωσιν καὶ ἐνανθρώπησιν τοῦ Λόγου <...> διὰ τοῦτο γὰρ καὶ ἐξ ἐρίου, ὅτι τὸ πλανηθὲν τυποῖ πρόβατον, ὃ ἐπὶ τῶν ὦμων ἔλαβεν ὁ Σωτὴρ <...>. καὶ αὐτὰ δὲ ἅ φησι ῥήματα ἐπ' ὦμων ἐλίττων, τὴν ἐννοίαν βεβαίωθι. φάσκει γάρ «Ἐπὶ τῶν ὦμων, Χριστέ, τὴν πλανηθεῖσαν ἄρας φύσιν, ἀναληφθεῖς, τῷ Θεῷ καὶ Πατρὶ προσήγαγες» (...оμοфор <...> обвивает плечи вокруг, спереди и сзади. И это наглядно показывает (букв. «есть показывающее») воплощение и вочеловечивание Слова нас ради от Девы <...> потому-то [оμοфор] и из шерсти, что изображает заблудшую овцу, которую на Свои плечи взвалил Спаситель.

²⁵ Тенденция к употреблению причастия для перевода *verbum finitum* наблюдается в произведениях Евфимия Тырновского, см.: *Иванова-Мирчева Д.* Отражение то на езика и стила на Тырновската книжовна школа в хомилетичната литература от XIV в. Тырновска книжовна школа. 1980. Т. 2. С. 278. Также см. примеры из рукописи Рыльского монастыря РМ2/24 (*Димитрова М.* Тълкувания на Песен на песните в ркп 2/24 от Рилската света обител. София: Херон прес, 2012. С. 97).

<...> И такие слова говорит обвивающий плечи, [который] подтверждает этот смысл, ибо возглашает: «На плечи, Христе, взвалив заблудшую природу, вознесясь, Ты привел к Богу и Отцу» [На ράμψηχῶν, χριτῆ, заблῶνδισῆς ἐξάβξ ἐρεπετῶδ, вознέεεεε εεη, εῖῥ ἢ εῖῥῥ привέεεε εεη].

Н 85а 16–20 *Омофоръ съзаци и съпрѣди ѡбвити, въображаеть безъ съдѣланія еже ѡ двѣце на рѣ възчлѣвшаго се, еже на рама възетъ къ ѡиш принесѣ* (Омофор, сзаци и спереди обвитый, изображает Вочеловечившегося нас ради от Девы без сотворения [и ягненка], которого Он на плечи взвалил и к Отцу принес).

Здесь греческое сложносочиненное предложение преобразуется в сложноподчиненное.

Интересное зеркальное превращение синтаксических отношений в обоих языках: греческим λαμβάνει ‘берет’ (личная форма) <...> δεικνύς ‘показывающий’ (причастие) соответствуют прѣемъ ‘приняв’ (причастие) <...> покѣзѣ (возможно, личная форма с выпадением конечного т(ь)²⁶, однако нельзя исключить и альтернативную версию о том, что это действительное причастие настоящего времени с графической заменой суффиксальной λ на ε) — наблюдается при переводе следующего пассажа:

Н 86б 27 — 87а 1 прѣемъ (Е 92 λαμβάνει) омофоръ покѣзѣ (δεικνύς). ꙗко слоугѣ вѣше и говѣаше (Взяв омофор, показывает, что он был слугой и действовал богобоязненно).

Причастие могло представлять и часть сложной финитной формы с или без вспомогательного глагола, который может подразумеваться²⁷.

²⁶ Несмотря на регулярную замену в рукописях ресавской орфографии «юса малого» буквой «естъ» в суффиксах действительных причастий и многочисленные примеры употребления в тексте причастий вместо личных форм глаголов я склонна считать, что здесь стоит личная форма наст. вр. ед. ч. с выпавшим конечным «т»; это подтверждается другими подобными случаями в ЛТ. Например, решительно можно утверждать, что ѡвѣше из чтения Н 86а 16 — форма наст. вр. 3 л. ед. ч. с выпавшим -т-, поскольку и в греческом оригинале стоит та же форма (δηλοῖ): Н 86а 11–14 Изгонет се ѡглашѣнїи, вѣше вѣ скончаниѣ ѡвѣше, понѣже вѣ рѣ проповѣдати се баговѣстїю, коиць... (Изгоняются оглашенные, так как [то, что происходит далее — Литургия Верных] указывает на конец времен, поскольку, сказал [Христос], когда будут проповедовать Евангелие [во всем мире, наступит] конец...) — Е 59 Κατηχοῦμενοι δὲ εὐθὺς ἀπολύονται <...> ἐπεὶ ὁ καιρὸς οὗτος τὸν τῆς συντελείας δηλοῖ καιρὸν (Оглашенные же сразу удаляются <...> так как это время [Литургия Верных] указывает на конец времен). Присутствие чтения с конечным «т» в одной из двух рукописей, которыми мы располагаем, не оставляет сомнений в том, что это форма наст. вр. 3 л. ед. ч. Таким является, например, разночтение на знаменѣ В133а9 : на знаменуѣть Н8465. Подобные случаи можно было бы объяснить инновацией в окончаниях или текстологическими причинами (апокопой конечного «т» вследствие ошибки переписчика).

²⁷ Такое употребление сочетания действительного причастия настоящего времени и форм вспомогательного глагола особенно характерно для языка Евфимия Тырновского. Оно было известно уже в древнеболгарский период, когда использовалось для обозначения продолженного действия. См. дополнительно: *Иванова-Мирчева Д.* Евтимий Тырновски, писател-творец на литературния български език от Късното средновековие // Тырновска книжовна школа. 1974. Т. 1. С. 201.

Н 86а 27–29 млтвѣу просѣ (Е 68 αἰτεῖται) вѣды нѣмощь члчства, и дрѹгѣ за дрѹга млити се (О молитве прося, зная о немощи человечества, и чтобы молились друг о друге).

Н 86б 21–23 и посѣмъ весеѣ се (Е 75 ἀνομιεῖ) и вѣсѣ стѣхъ поминѣеть... (и затем с радостью (букв. «радующийся, радуясь») всех святых поминает).

Засвидетельствован и противоположный процесс: перевод в ЛТ греческого причастия личными формами глагола, например:

Н 84а 6–8 василіѣ же и злѹстѣи пространнѣиши изложише (Е 12 ἐκθέμενοι) чинѣ (Василий же [Великий] и Иоанн Златоуст более подробно изложили чин).

Н 85б 30 — 86а 1 словѣхъ свою показзѹють (Е 14 ἐπιδεικνύς) гѣи ([архиерей] показывает свое служение Господу).

Н 86а 3–6 Прѣидѣть (Е 57 προπορεύόμενος) ѡмофѹръ на великыи вѣхѹ... (Шествует впереди омофор на Великом входе).

Н 86а 24–25 ѡще не и ѣще рѣ свѣрши се (Е 65 τετελεσμένα), нѣ къ свѣршѣнію ѹготовиши (Если еще и не сказал: «Исполнилось!») — но к претворенію [дары] приготовлены).

Н 87а 18–21 анафора тако срѣднѣише изет се (Е 104 ἐκβληθέν) и сценно дѣа се, нѣ и копѣмъ знамена се (Е 104 σφραγισθείς), тогѹ ради стѹ (Анафора как самая центральная частица вынута (букв. «вынулась») и используется в священнодействии (букв. «и священнодействующаяся»), и копием отмечена (букв. «отметилась»), поэтому это святыня).

Замена греческих причастных форм личными формами глагола в славянском переводе связана с распространившейся в XIV–XV вв. тенденцией употреблять причастия как финитные глаголы, а финитные глаголы, в свою очередь, заменять причастиями²⁸. В. А. Баранов отмечает, что это направление развития ведет к усилению роли глагольного центра синтагмы за счет ослабления именного²⁹. По мнению Искры Христовой-Шомовой, между элементами в сочетании, состоящем из причастия и глагола, есть одновременно и паратаксовая, и синтаксическая связь; это означает, что причастные и

²⁸ Харалампиев Ив. За някои специфични езикови особености в произведенията на писателите от Търновската книжовна школа във връзка с преводите им на съвременен български език. Търновска книжовна школа. 1985. Т. 4. С. 192–193. Аналогичную тенденцию в среднеболгарской литературе, создание которой связано с Търновской книгописной школой, обнаруживают и другие ученые, см.: Иванова-Мирчева Д. Отражението на езика и стила на Търновската книжовна школа в хомилетичната литература от XIV в. Търновска книжовна школа. 1980. Т. 2. С. 269–281; Димитров К. Причастията в Дионисиевия превод на словата против аномеите от св. Йоан Златоуст. Търновска книжовна школа. 2019. Т. 11. № 1. С. 290.

²⁹ Баранов В. Грамматические разночтения в списках славянской майской служебной минеи: архаика и инновации. Българска филологическа медиевистика... С. 110.

личные глагольные формы в подобных конструкциях находятся в равноправных отношениях³⁰.

Таким образом, наблюдения над системой причастий в ЛТ позволяют сделать некоторые обобщения, касающиеся характерных особенностей переводческого почерка, принадлежащего составителю южнославянской эпитомы. Книжник, из-под чьего пера вышла статья Прѣтѣ ѡ ѡбъѣдѣ, и цркви, и чинѣ сѣейничьскомѣ, тонко улавливает семантические нюансы в оригинальном тексте трактата Ἐπιτηδεῖα περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ и ищет наиболее адекватный способ их передачи на славянский язык, без колебаний отклоняясь от текста оригинала, когда это необходимо, и демонстрируя этим отличное владение обоими языками (исключение составляют некоторые отклонения от смысла оригинала, обусловленные многозначностью греческих слов и возникшие в процессе перефразирования). Здесь отсутствует характерное для афонских редакторов стремление достичь полного формально-грамматического тождества с греческим оригиналом. Причину этого, вероятно, нужно искать в неофициальном характере перевода, сделанного, может быть, для личных нужд и не претендующего на то, чтобы использоваться для серьезных целей как авторитетный текст. Кроме того, сама конспективная форма эпитомы предполагает более свободный, где-то даже перифрастический перевод. Конечно, помимо индивидуального авторского подхода здесь обнаруживаются и некоторые общие тенденции, в целом характерные для переводческой манеры XIV–XV вв., как, например, практика заменять финитные глаголы причастиями, а причастия — финитными глаголами. В речевой манере видна и школа представителей Тырновского книгописного центра. Указанные черты — высокая филологическая компетенция и живая связь с языком книжников круга патриарха Евфимия — полностью соответствуют ментальному профилю Константина Костенецкого. Эти наблюдения, подкрепленные дополнительными аргументами, могли бы подтвердить гипотезу о его предполагаемом авторстве перевода статьи в рукописях РГАДА 88 и Богишич 52.

*Перевод с болгарского и греческого языков
О.В. Трефиловой*

Источники

St. Symeon of Thessalonika. The Liturgical Commentaries / edited and translated by Steven Hawkes-Teeples. Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1953. Репр.: Toronto, 2011.

³⁰ Христова И. Синтаксисът на Климентовите слова. Кирило-Методиевски студии. 1991. Т. 8. С. 54.

Литература

- Афанасьева Т. И.* Славянская литургия Преждеосвященных даров XII–XIV вв. Текстология и язык: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.
- Баранов В.* Грамматические разночтения в списках славянской майской служебной минеи: архаика и инновации. Българска филологическа медиевистика: сборник научни изследвания в чест на проф. дфн Иван Харалампиев / отг. ред. А. Давидов. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2006. С. 109–122.
- Димитров К.* Причастията в Дионисиевия превод на словата против аномеите от св. Йоан Златоуст. Търновска книжовна школа. 2019. Т. 11. № 1. С. 283–298.
- Димитрова М.* Тълкувания на Песен на песните в ркп 2/24 от Рилската света обител. София: Херон прес, 2012.
- Иванова-Мирчева Д.* Евтимий Търновски, писател-творец на литературния български език от Късното средновековие. Търновска книжовна школа (1371–1971). 1974. Т. 1. С. 194–210.
- Иванова-Мирчева Д.* Отражението на езика и стила на Търновската книжовна школа в хомилетичната литература от XIV в. Търновска книжовна школа. Т. 2. 1980. С. 269–281.
- Илиева Т.* «Ερμηνεία περί τοῦ θεοῦ ναοῦ» на св. Симеон Солунски в южнославянски превод от XV век: идентификация на византийския източник на литургийното тълкувание от РГАДА 88 и Богшич 52. Palaeoslavica. 2022. Т. 30. № 1/2. С. 92–106.
- Карачорова И.* Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира. Кирило-Методиевски студии. 1989. Кн. 6. С. 130–245.
- Кувев К., Петков Г.* Събрани съчинения на Константин Костенечки. София: Изд. на БАН, 1986.
- Минчева А.* Дателен самостоятелен падеж (Dativus absolutus). Граматика на старобългарски език / ред. Ив. Дуриданов. София: БАН, 1993. С. 449–451.
- Мошкова Л. В.* Долгие путешествия сербского сборника. Вестник Альянс-Архео. 2016. Вып. 16. С. 38–58.
- Речник на българския език / Българска академия на науките. Ин-т за български език. Т. 11. София: Академ. изд-во «Марин Дринов»: ЕТ «ЕМАС», 2002.
- Славова Т.* Някои предварителни наблюдения върху редактирането на евангелски текст в Света гора. Palaeobulgarica. 1990. Т. 14. № 1. С. 72–81.
- Тасева Л., Йовчева М.* Езиковите образци на атонските редактори. Българска филологическа медиевистика: сборник научни изследвания в чест на проф. дфн Ив. Харалампиев по случай 60-годишния му юбилей / отг. ред. А. Давидов. Велико Търново: Унив. изд-во «Св. св. Кирил и Методий», 2006. С. 221–240.
- Харалампиев Ив.* За някои специфични езикови особености в произведенията на писателите от Търновската книжовна школа във връзка с преводите им на съвременен български език. Търновска книжовна школа. 1985. Т. 4. С. 187–197.
- Харалампиев Ив.* Основните принципи на Евтимиевата езикова реформа и езикът на Григорий Цамблак. Търновска книжовна школа. 1984. Т. 3. С. 220–233.

- Христова И. Синтаксисът на Климентовите слова. Кирило-Методиевски студии. 1991. Кн. 8. С. 45–59.
- Христова И. В. Книжовната старобългарска норма в словата на Климент Охридски: дис. София, 1985. С. 255–258.
- Miltenova A. The Mysteries of Ms 88 of the Obolensky Collection (No 201), RGADA. Старобългарска литература. 2021. Т. 63/64. С. 258–278.
- Večerka R. Syntax aktivních participií v staroslovenštině. Praha: Státní pedagogické nakl., 1961.

References

- Afanas'yeva, T. I., 2004. *The Slavonic Liturgy of the Presanctified Hosts 12–14th centuries. Textology and Language*. Dis. kand. filol. nauk. SPb.: Izd-vo SPbGU. (In Russian)
- Baranov, V., 2006. Grammatical variant-readings in the manuscripts of the Slavic May Office Menaion: archaisms and innovations. In: A. Davidov, ed, 2006. *Bulgarian philological medieval studies: A Symposium of Scholarly Research in Honour of Prof. I. Haralampiev*. Veliko Tarnovo: Univ. izd-vo VTU. (In Russian)
- Bulgarian Academy of Sciences. Institute for Bulgarian language, 2002. *Dictionary of Bulgarian language. V. II*. Sofia: Akadem. izd-vo «Marin Drinov»: ET «Emas». (In Bulgarian)
- Dimitrov, K., 2019. The Participles in the Dionysius' Translation of the Homilies against the Anomoean by st. John Chrysostom. *The Tarnovo School of Writers*, 11 (1), pp. 283–298. (In Bulgarian)
- Dimitrova, M., 2012. *Commentaries on the Song of Songs in Manuscript 2/24 in the Rila Monastery*. Sofia: Heron pres. (In Bulgarian)
- Haralampiev, Iv., 1984. The Main Principles of Eutymius's Linguistic Reform and Gregory Tsamblak's Language]. *The Tarnovo School of Writers*, 3, pp. 220–233. (In Bulgarian)
- Haralampiev, Iv., 1985. On Some Specific Linguistic Peculiarities in the Works of the writers of the Turnovo School in Relation to Their Translation into Today's Bulgarian. *The Tarnovo School of Writers*, 4, pp. 192–193. (In Bulgarian)
- Hristova, I., 1991. The Syntax of St.Kliment's Homilies. *Cyrillo-Methodian studies*, 8, pp. 45–59. (In Bulgarian)
- Hristova, I. V., 1985. *The Old Bulgarian Literary Norm in Kliment Ohridski's Homilies*. Diss. Sofia: Kl. Ochridski. (In Bulgarian)
- Ilieva, T., 2022. «Ἐρμηνεία περὶ τοῦ θεοῦ ναοῦ» by St.Simeon of Thessaloniki in a 15th-century Southern Slavonic Translation: An Identification of the Byzantine Source of the Liturgical Commentary in RGADA 88 and Bogishich 52. *Palaeoslavica*, XXX (1/2), pp. 92–106. (In Bulgarian)
- Ivanova-Mircheva, D., 1974. Eutymius of Tarnovo, Writer and Creator of the Bulgarian Literary Language of the Late Middle Ages. *The Turnovo School of Writers*, 1, pp. 194–210. (In Bulgarian)
- Ivanova-Mircheva, D., 1980. The reflection of the language and style of the Turnovo School of Writers in the homiletic literature of the 14th century. *The Turnovo School of Writers*, 2, pp. 269–281. (In Bulgarian)

- Karachorova, I., 1989. On the Question of the Cyrillic and Methodian Old Bulgarian Translation of the Psalter. *Cyrillo-Methodian studies*, 6, pp. 130–245. (In Bulgarian)
- Kuev, K., Petkov, G., 1986. *Collected works of Konstantin Kostenechki*. Sofia: Izd. na BAN. (In Bulgarian)
- Miltenova, A., 2021. The Mysteries of Ms 88 of the Obolensky Collection (No 201), RGADA. *Medieval Bulgarian Literature*, 63/64, pp. 258–278.
- Mincheva, A. 1993. The Dative Absolute Case (Dativus Absolutus). In: Iv. Duridanov, ed, 1993. *An Old Bulgarian Grammar*. Sofia: BAN, S. 449–451. (In Bulgarian)
- Moshkova, L. V., 2016. The Long Peregrinations of the Serbian Col. *Vestnik Al'yans-Arkheo*, 16, pp. 38–58. (In Russian)
- Slavova, T., 1990. Some Preliminary Observations on the Redacting of the Gospel Text in Holy Mount Athos. *Palaeobulgarica*, 14 (1), pp. 72–81. (In Bulgarian)
- Taseva, L., Yovcheva, M., 2006. The Linguistic Models of the Athonite Writers and Translators. In: A. Davidov, ed, 2006. *Bulgarian Philological Medieval Studies. A Symposium of Scholarly Research in Honour of Prof.I.Haralampiev, PhD, on the Occasion of his 60th Anniversary*. Veliko Tarnovo: Univ. izd-vo «Sv. sv. Kiril i Metodiy», pp. 221–240. (In Bulgarian)
- Večerka, R., 1961. *Syntax aktivnich participii v staroslovenštine*. Praha: Státní pedagogické nakl.

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В СОСЕДНИХ СЛАВЯНСКИХ И АРУМЫНСКИХ СЕЛАХ МАКЕДОНИИ

Александра Игоревна Чиварзина

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Аннотация

Романское население Балкан распространено неравномерно по территории полуострова. В частности, в Македонии арумыны преимущественно дисперсно проживают в рамках славянских поселений, однако некоторые районы городов и даже отдельные населенные пункты представляют собой цельные арумынские анклав. В июне 2022 года в г. Крушево и в селах округа г. Битола (Северная Македония) состоялась десятидневная этнолингвистическая экспедиция. Целью полевого выезда стало осуществление обследования арумын, проживающих в тесном соседстве с македонцами. Несмотря на сохранение исторической памяти и собственной отличной от окружающих идентичности, носители арумынского языка все реже говорят на своем идиоме. В повседневном общении с окружающими и даже внутри семьи арумыны отдают предпочтение общеупотребимому македонскому языку. Регулярные интенсивные контакты славянского с неславянским населением способствовали не только языковой, но и культурной интерференции в обследованных традициях. Настоящая статья имеет целью познакомить читателя с народной традицией на примере распространенных в рассматриваемом балканском регионе коммеморативных практик. Похоронно-поминальный обряд выбран в качестве основной темы, поскольку именно в его структуре можно найти наиболее архаические элементы традиционной народной культуры, отражающие древние мифологические представления. В статье также представлены подробные диалектные тексты на македонском, записанные от современных, часто билингвальных, носителей языка. Детальные этнолингвистические описания погребально-поминального комплекса дают представление об архаических элементах традиции, которые заимствовались и развивались в контактных условиях. Фрагменты восточнороманской традиции находят отражение в ритуалах, принятых у македонцев, как и наоборот — терминологическая лексика мортальной сферы заимствуется в конкретный арумынский идиом.

Ключевые слова

Похоронно-поминальный комплекс, традиционная народная культура, арумынский язык, македонский язык, языковые контакты

Финансирование

Работа осуществлялась по проекту РФФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>) (руководитель — гл. н. с. ИСл РАН А.А. Плотникова).

Статья поступила в редакцию 16 мая 2023 г.

Статья доработана автором 9 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 12 ноября 2023 г.

Цитирование: Чиварзина А.И. Погребально-поминальная традиция в соседних славянских и арумынских селах Македонии. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 35–53. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.02>

FUNERAL AND MEMORIAL TRADITIONS IN NEIGHBOURING SLAVIC AND AROUMANIAN VILLAGES OF MACEDONIA

Alexandra I. Chivarzina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Abstract

The Romanian population of the Balkans is distributed unevenly throughout the peninsula. In particular, in Macedonia, the Aromanians mainly live dispersedly within the Slavic settlements, however some city areas and even separate settlements might be considered Aromanian enclaves. In June 2022, a ten-day ethnolinguistic expedition took place in the city of Kruševo and in the villages nearby Bitola (North Macedonia). The purpose of this field survey was to study the Aromanians living close to the Macedonian population in this area. Despite the preservation of the historical memory and their own distinct identity from those around them, the native speakers of the Aromanian very infrequently use their own idiom. In everyday communication and even in the family, the Aromanians give preference to the commonly used Macedonian language. Constant intensive contacts of the Slavic and non-Slavic populations contributed to the linguistic and cultural interference in the traditions under discussion.

This article aims to acquaint the reader with the folk tradition on the example of the commemorative practices common in the Balkan region under consideration. The funeral and memorial rite was chosen as the main topic, since it is in its structure that one can find the most archaic elements of traditional folk culture, reflecting ancient mythological ideas. There are also contemporary dialect texts in the Macedonian language, recorded from often bilingual native speakers. Detailed ethnolinguistic descriptions of the funeral and memorial rites give an idea of the archaic elements of the traditional folk culture, borrowed and developed in contacts. The fragments of the Eastern Romanian tradition are reflected in the rituals borrowed and adopted by the Slavs, and vice versa — the terminological vocabulary was borrowed into Aromanian idiom.

Keywords

Funeral and memorial rites, traditional folk culture, Aromanian, Macedonian, language contacts

Funding

The work was carried out according to the RNF project No. 22-18-00484 “Slavic-non-Slavic borderlands: funeral and memorial rite in ethnolinguistic illumination” (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>) (Head of project — Head of the Scientific Research Institute of the Russian Academy of Sciences A.A. Plotnikova).

Received 16 May 2023

Revised 9 November 2023

Accepted 12 November 2023

For citation: Chivarzina, A.I., 2023. Pogrebal'no-pominal'naia traditsiia v sosednikh slavianskikh i arumynskikh selakh Makedonii [Funeral and Memorial Tradition in Neighbour Slavic and Aroumanian Villages of Macedonia]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 35–53. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.02>

Арумыны представляют одну из ветвей романоязычного населения Балкан. В румынской лингвистической и историографической традициях арумыны преимущественно описываются как потомки носителей проторумынского (или общерумынского) языка до его разделения на диалекты¹. Арумыны сохранили этноним, восходящий к латинской лексеме *romanus* ‘римский’, — *armân*, или *rumân* / *râmân* (без протезы гласного *a* в идиоме в районе Пинда северо-западной Греции, а также в Северном Эпире и в долине Корчи в Албании)². По отношению к арумынам — *Ароманци* — в македонском языке (как и в других контактных славянских и неславянских балканских языках) встречаются и другие этнонимы: *Власи* (язык — *влашки*), *Цинцари* (оним, основанный на широком распространении аффрикаты *ts* в арумынском), *Кѳцовласи* (букв. «хромые влахи»), алб. *çoban* «пастух» (основой хозяйственной деятельности арумын на протяжении веков являлось скотоводство). Однако в настоящей статье мы будем использовать термин *арумыны*, *арумынский язык* во избежание недопонимания при совпадении обозначений, поскольку этноним *влах*, будучи общим названием предков всех восточнороманских народов³, широко используется также по отношению к романоязычному населению восточной Сербии⁴.

Крушево, город на юго-западе Северной Македонии, считается центром арумынского языка и культуры на Балканах. Здесь по-прежнему активно используется арумынский в повседневном общении горожан. Романское население появилось в Крушево в ходе нескольких волн миграций в конце XVIII и во второй половине XIX в.⁵ Арумыны мигрировали из некогда крупнейшей балканской торговой метрополии Мосхополи (арум. *Muscópole*, рум. *Moscopole*, греч. *Μοσόπολις*, алб. *Voskopojë*) на юге Албании. В результате регулярных разрушительных набегов албанского исламизированного населения город был фактически оставлен, а арумыны были вынуждены пересе-

¹ *Guia S. Elemente de dialectologie română. Iași: Vasiliana'98, 2014. P. 161.*

² *Djuvaga D. Aromânii: istorie, limbă, destin. București: Humanitas, 2012. P. 18.*

³ *Русакоев А.Ю. Влахи. Большая Российская энциклопедия [в 35 т.]. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. [Электронный ресурс]. Т. 5 (Великий князь — Восходящий узел орбиты). URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (дата обращения: 11.05.2023).*

⁴ Подробнее о языке и традиционной народной культуре влахов восточной Сербии см. в: *Голант Н.Г. Материалы по календарной обрядности румын (влахов) долины Тимока. Зимняя обрядность. Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014 / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. Вып. 3. С. 223–238; Голант Н.Г., Рыжова М.М. Влахи (румыны) восточной Сербии и Румынская православная церковь. АБЫСС (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2020. № 2 (12). С. 71–81; Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность влахов (румын) долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию. Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025361-0>*

⁵ *Матковски А. Историја на Крушево и Крушевско. Од постановокот на градот до поделбата на Македонија. Крушево: Собрание на општината, 1978. Книга прва. С. 17.*

ляться⁶. Одним из направлений миграции был выбран г. Крушево, который привлекал своим горным ландшафтом и расположением у торговых дорог.

В окрестностях г. Битолы также находятся анклавы романоязычного населения. Так, ежегодным местом проведения фестиваля арумунского языка и культуры является арумуноязычное село Маловиште (арум. *Mulovishte*), которое некогда в XVIII в. основали беженцы из южной Албании и греческого Эпира, преимущественно из Грамоса (Γράμος). Рядом расположены села со смешанным македонско-арумунско-албанским населением (Тырново, Нижеполе⁷, Магарево), которые в XVIII в. наряду с другими македонскими селами и городами стали направлением миграции православных славян, албанцев и арумын. Так с. Тырново, а вместе с ним и соседние сс. Магарево и Нижеполе (которые не попадают в настоящее исследование ввиду отсутствия необходимого материала) стали полиэтничными и полиязыковыми торговыми центрами⁸. Тырново привлекало не только православных христиан, но со временем здесь стали появляться и мусульманские общины албанцев. По статистическим данным начала XX в., в селе проживало более 2,5 тыс. жителей, большинством из которых были арумыны⁹. В настоящий момент в селе проживает в 10 раз меньше людей, из которых большинство — македонцы. Албанцы и арумыны распределяются в равной пропорции.

В ходе экспедиции было проведено обследование близлежащих пунктов, населенных македонцами (сс. Ротино и Цапари). Если информанты из Тырново подчеркивали, что они живут в пестрой этнической и религиозной среде, то жители Ротино и Цапари считают себя исключительно славянами. Тем не менее, история национального состава этих сел оказывается не такой однозначной. Так, в начале прошлого века в селе Ротино насчитывалось ок. 400 жителей, которые считались славянами, исповедующими православие под юрисдикцией Болгарского экзархата¹⁰. Известно, что направление миграции часто связано с языком и культурой, которые люди воспринимают как свои и которые, как они могут полагать, облегчат им период адаптации на новом месте¹¹. Ввиду близкого расположения к г. Битоле основная миграция сельского населения в настоящий момент происходит

⁶ *Berciu-Drăgicescu A. Româniile din Balcani. București: Editura Globus, 1996. P. 37; Guia S. Elemente de dialectologie... P. 163.*

⁷ Также вариант *Нижополе*, арум. *Nijopolea*, алб. *Xhinxhopolë*, греч. Νιζοπολή.

⁸ *Кънчов В. Македония. Етнография и статистика. София, 1990. Электронный ресурс. URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b8.htm (дата обращения: 11.05.2023).*

⁹ Там же. URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_2_36.htm (дата обращения: 11.05.2023).

¹⁰ Там же. URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_2_36.htm (дата обращения: 11.05.2023).

¹¹ Ср. исследования на балканском материале: *Kokkali I. Albanian Immigrants in the Greek City: Spatial 'Invisibility' and Identity Management as a Strategy of Adaptation. Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States / eds. H. Vermeulen, M. Baldwin-Edwards, R. van Boeschoten. New York; London: SpringerOpen, 2015. P. 123-142; Baldwin-Edwards M., van Boeschoten R., Vermeulen H. Introduction. Ibid. P. 1-30.*

именно в этот крупный центр. Оттуда были и некоторые информанты, которые на выходные вернулись в родные края посетить могилы и почтить память своих предков. Однако среди популярных направлений в середине 50-х гг. XX в., помимо США и Австралии как наиболее перспективных для эмиграции стран, из с. Ротино немногочисленные семейства переезжали в Болгарию и Сербию по признаку веры и языка, а также — что примечательно — в Румынию¹². Последнее направление, полагаем, выбирали потомки арумын из смешанных влашско-македонских семей, которые были знакомы с языком и культурой восточнороманского населения Балкан.

С. Цапари также расположено вблизи г. Битолы. В настоящее время это крупное село с 600 жителями, которых было еще больше в период существования одноименной общины с центром в самом селе. По разным сведениям, на начало XX в. здесь проживало от 1500 до 2000 жителей, которые были записаны православными христианами¹³. Несмотря на то что данные переписей свидетельствуют о славянском составе с. Цапари, фамилии некоторых родов ведут свое происхождение от арумынских онимов, перестроенных под славянскую грамматику¹⁴. Например, считается, что предок семейств с фамилией Нашовци (в селе некогда насчитывалось до четырех домов этой семьи) был по происхождению из соседнего с. Маловиште, которое населено исключительно арумынами (оним связан с распространенной арумынской фамилией Нашо). По легенде, одна семья в с. Цапари ведет род от влаха из округа Струги, где, по последним полевым исследованиям, по-прежнему используется арумынский язык в повседневном общении жителей¹⁵.

При этом, как показывают современные исследования и как было замечено в ходе настоящей экспедиции, существуют устойчивые тенденции к исчезновению идиома. Большинство информантов — люди пожилого возраста, а их дети и внуки преимущественно являются пассивными носите-

¹² База на податоци МакСтат Электронный ресурс. URL: https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat_Popisi_Popis2021_NaselenieVkupno_PodatociNaselenie/T1503P21.px/table/tableViewLayout2/ (дата обращения: 11.05.2023); Државниот завод за статистика. 2002. Дефинитивни податоци / отв. ред. Д. Герасимовски. Скопје: «Даме Груев», 2002. С. 71.

¹³ Кънчов В. Македония. Етнография и статистика... URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_2_36.htm (дата обращения: 11.05.2023).

¹⁴ Улчар-Јачева Е. Презимето кај Македонците. Скопје: Менора, 2022. С. 114.

¹⁵ Winistörfer O., Escher A. At the crossroads of definiteness, specificity, and animacy — the local patterns of differential object marking in the aromanian varieties. Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан / отв. ред. И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. (Балканские чтения. 17.) С. 75–82; Државниот завод за статистика. С. 182; Korhonen J., Makartsev M., Spasov Lj., Petruševska M. Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status. In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans / ed. by M. Makartsev and M. Wahlström. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 13–50. (Slavica Hel-singiensia 49).

лями. Несмотря на все предпринимаемые меры в рамках популяризации арумунского в Северной Македонии (просветительские мероприятия, издание словарей и учебников, телерадиовещание на арумунском), существует реальная опасность исчезновения этого идиома. Билингвальное население предпочитает использовать государственный, общий и понятный всем македонский язык. Кроме того, несмотря на просьбы исследователей отвечать по-арумунски, информанты регулярно переключались на родной славянский язык, потому что многие термины были им либо неизвестны, либо они не могли подробно описать традицию на арумунском. Арумунский не представлен и в языке церкви, служба и проповедь ведется на понятном всем македонском языке даже в районах проживания абсолютного большинства арумын, поэтому в терминологии даже такой архаической сферы, как исследуемая нами «мортальная», арумунский вытесняется македонским.

Этнолингвистическая экспедиция проходила в период празднования Троицы (диал. макед. *Дуови*). Суббота накануне в православной традиции посвящена поминовению усопших. На этот период в Македонии церковь и приходские помещения украшаются полевыми цветами и листьями грецкого ореха. Зеленый последний является одним из ярких символов «того света». Среди балканских славян и, в частности, у македонцев существуют представления, что листья грецкого ореха привлекают души умерших, поэтому дома, церкви и кладбища украшают ветками этого дерева на время поминальных дней троичского комплекса¹⁶. После службы прихожане — македонцы и арумыны — сплетают венки из полевых цветов, которые забирают домой. Информанты мотивировали свои действия тем, что троичская зелень защищает имущество и, в частности, одежду от моли и других вредоносных насекомых [КЗ]. Среди восточнороманского населения, проживающего в тесном контакте со славянами, так же, как и у последних, распространен запрет на сон под деревом грецкого ореха. По народным представлениям, человек, нарушивший этот запрет, рискует заболеть, пораженный духами, что вновь свидетельствует о связи грецкого ореха с хтоническим миром¹⁷. Именно эта связь способствует использованию плодов и листьев грецкого ореха в традиционной лечебной практике, например, у арумын¹⁸, а также использованию троичских венков в домашних нуждах, как видно из действий прихожан. Ниже приводится фрагмент этнолингвистического опросника, который был заполнен в связи с локальной традицией празднования Троицы¹⁹:

¹⁶ Агапкина Т.А. Орех грецкий. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К-П). С. 559.

¹⁷ Țîrcomnici E. Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009. P. 95.

¹⁸ Ibid. P. 45.

¹⁹ Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: ИСЛ РАН, 2009. С. 33.

- 47.1. День Св. Троицы, Пятидесятница (воскресенье): *Дуови*
- 47.2. Духов день, Святой Дух — следующий после Пятидесятницы день (понедельник): *Дуовден, Свети Дув*
- 47.3. Канун пятидесятницы: *задушнина* (Цапари), *задушница* (Ротино); *Задушници*. *За сега сабота ни е Задушница* [Родительская суббота. Сегодня суббота — Родительская] (ТП)
- 47.4. Название Троицкой (следующей после Пятидесятницы) недели: *Руса*
- 47.5. Появляющиеся в это время мифологические существа женского пола, молодые, красивые, без одежды, с распущенными волосами (у румын и как уродливые старухи): нет
- 47.6. Обходы ряженных, исцеляющих от болезней в это время: нет
- 47.7. Предводитель участников обхода: нет
- 47.8. Место захоронения ряженных, убитых в бою между группами участников обхода: нет
- 47.9. Причина болезни человека в это время: нет
- 47.10. Лечебное растение, цветущее в это время: нет

Накануне праздника в пятницу²⁰ и в субботу люди посещают кладбища, где приводят в порядок могилы и приносят поминальные хлеба, чтобы разделить и съесть их вместе с присутствующими. Следующие тексты были записаны в субботу накануне Троицы от македонцев и арумын в связи с описанием предстоящего праздника.

Утре на гробишта одат. Утре ни е дено за умрениите. Дено за умрениите. Секоја година утрешната... денес е петок... Така? Утре сабота. Секоја година на истио ден е овој ден за умрениите [Завтра на кладбище идут. Завтра день для (поминовения) мертвых. Каждый год завтра... сегодня пятница. Так? Завтра суббота. Каждый день в один и тот же день — день для (поминовения) мертвых] (СС).

Овој ден е за сите умрени, ме разбираш? И таму одиме сега. Даваме... ќе се направат работи, ме разбираш? Ова мојата ќерка ми прави пакетчиња со јадења, со ова она, со паковки. И потоа одиш таму и им даваш на сите на колишките, на сите. Со кои си живееш ти. Оти таму има многу. И тие го носат и ти го носиш за душата на умрениите [Это день для умерших, ты меня понимаешь? И мы идем туда, значит. Раздаем... Делают разное, ты меня понимаешь? Вот моя дочка мне подготовила пакетики с едой, с тем, с другим, в упаковках. И потом ты приходишь туда и раздаешь всем соседям, всем. Всем, с кем ты живешь. Потому что там полно людей. И они что-то приносят, и ты приносишь за души почивших] (СС).

Се раздават низ црквата. Колачи, што сакаш, банана. Ориз [Раздаются в церкви. Булочки, что угодно, бананы. Рис] (ЕП).

А за овие дена викаме само луѓе. И ние домашните си одиме, си палиме свеќи, ќе си носиме јадења. И сите други исто нешто носат. Нешто благо,

²⁰ В Северной Македонии пятница накануне Троицы также объявляется выходным днем, поэтому население имеет возможность приехать несколько заранее в родные края к могилам предков.

нешто вино, пченица. И имаме една трпезарија. И во трпезаријата ќе го раздам за душата. И кафе се пие. А пред то држиме свеќи. Пет минути да речам. И кога ни изгаснат свеќите почнуваме со раздавање. Имам маса таму и сè се раздава [И на эти дни мы приглашаем только своих. И мы свои идем, зажигаем свечи и приносим еду. И все другие тоже что-нибудь приносят. Что-нибудь сладкое, немного вина, пшеницы. И есть у нас трапезная. И в трапезной мы раздаем за упокой души. И кофе пьем. И до того держим свечи. Скажем, пять минут. И когда погаснут свечи, начинаем с раздачей. У нас там есть стол и все раздается] (МЛ).

На секоја гробница *santu preftu*. Пееше *preftu*. Ќе дојде кај мене, кај тебе, кај други, кај сите. Утре задолжително попот ќе пее на гробиштата. <...> Ќе му плакаш на попо, ама таму на гробо. [На каждой могиле служил священник (арум.). Служил священник (арум.). Придет ко мне, к тебе, к другим — ко всем. Завтра обязательно священник будет служить на кладбище. <...> Священнику платишь, но там, на могиле] (СС).

При более подробном исследовании терминологии смертной сферы были выявлены незначительные лексические варианты. Так, в обозначении загробного мира в македонском диалекте ожидаемо используется *оној свет* или *друго свет*, а также *рај* и *некол*, лексемы, зафиксированные и в литературном македонском. Однако хотелось бы обратить внимание на слово, произнесенное в спонтанной речи на арумунском языке, — *cătrani* ‘ад’ (через тур. *katran* ‘смола’ от араб. *qatrān*)²¹ в значении ‘проклятый; несчастный’. Среди устойчивых оборотов, которые собирались в процессе полуструктурированных интервью, встретились следующие с колоративным компонентом арум. *lai* ‘черный’: *laie cā cătrani* ‘черный как ад’, *cătrani lai* ‘очень плохо’, где *cătrani* выступает в роли интенсификатора переносного значения колоронима. Использование лексемы в переносном значении способствовало развитию колористической семы у самого *cătrani*, что соответствует функционированию дериватов макед. *црн*: *cătrănsescu* ‘приносить горе’ (ср. макед. *оцрнува*, *натажува* букв. «делать черным, делать печальным»), *cătrănseari* ‘погружение в горе’ (ср. макед. *завивање во црно* букв. «закутывать в черное»).

В связи с записанной лексемой для обозначения ада, которая также находит отражение в двуязычном влашко-македонском словаре и имеет аналогичное переносное значение в рамках идиоматических выражений²², хотелось бы обратиться к обозначению траурной одежды и траура в целом. Для обозначения горя и траура имеются макед. *црнина* и арум. *lăeatsă* ‘траур’, *tu laili*, *cu laili* ‘в трауре’. В экспедиции не удалось записать свидетельств о трауре другого цвета, не отражено это и в наименованиях. Тем не менее, ниже приведем текст, который свидетельствует, с одной стороны,

²¹ Български етимологичен речник / съст. В.И. Георгиев. София: БАН, Ин-т за български език, 1979. Т. 2 (И-крепя). С. 276.

²² *Cuvata D.* (Димчев Д.Н.) Влашко-Македонски речник. Скопје: Uniea ti cultură-a Armănjlor dit Machidunii, 2006. P. 131.

о замещающей функции цвета, если он попадает в ряд контекстуальных синонимов. С другой — об амбивалентности конкретного цвета в рамках традиционной народной культуры. Так, черный, будучи символом горя и основным внешним обозначением траура, попадает под запрет, табуируется и замещается синим. Последний, как известно из исследований, в частности, на македонском материале, может выступать в качестве траурного цвета в деталях костюма²³:

Јас за свкрвата една година носив шамија, не црна туку тегет. Оклетија ми остави црно да не клавиш. Оклетија ми остави во сино, тегет. На годината носев. Некои до шест недели носат. Црно воопште не носев, таа не сака дури црна сукња да облеча. <...> [Я год носила платок по свекрови, не черный, а темно-синий. Она наказала мне, чтобы я не надевала черный. Наказала мне быть в синем, темно-синем. Я год носила. Некоторые до шести недель носят. Я черное вообще не надевала, она не любила надевать даже черную юбку] (РН).

По народным представлениям, покойный должен остаться, «переночевать» в доме. Сразу на следующий день отпевают и хоронят тех, кто умер до полуночи. Если человек умер после полуночи, то похороны назначают на второй день после смерти. На современном этапе не было зафиксировано обычая ритуального оплакивания умершего, но собранные сведения говорят о некогда существовавшей традиции:

Кога беше помлад мајка, сестра, домашните тажеа [Когда умирал молодой, то мать, сестра, домашние оплакивали] (БЛ).

Никој сега не тажи. Тажалки. Постарите [Никто теперь не оплакивает. Плакальщицы. Старые (женщины)] (ЕЛ).

И откога умре човек одма ќе го направат убо како за на свадба. Така го направат човек. [И как только умрет человек, его наряжают красиво как на свадьбу. Так наряжают человека] (СС).

Многу сум жалосен за мајката што ми умре, за жената. Жалењето е само фамилијарно [Я очень тоскую по матери, которая умерла, по жене. Траур только внутри семьи] (СС).

Во всех обследованных арумунских населенных пунктах отмечался обычай поливать водой могилы в течение первых 40 дней после смерти. Если родственники вынуждены уехать, то они просят соседей ухаживать и поливать свежую могилу в течение указанного периода. На кладбищах можно заметить сосуды, наполненные водой. Однако подобные действия никак не мотивировались самими информантами.

Ние вака правиме. До шест недели. Први на три дена, одма — на будење. Со вода гробот се полива. И свеќе се палат [Мы так делаем. До 6 недель.

²³ Извори за българската етнография. Етнография на Македония. Материали од архивното наследство. София: Македонски научен институт, Етнографски институт с музей, Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1998. Т. 3. С. 269.

Первые три дня, сразу — на «пробуждение». Могилу водой полить. И свечи зажигают] (МЛ).

На три дена оди попо. — На гробишта. — И пее таму. Некои одат да турат вода до 40 дена. Турат вода. — Будење? — Е на тоа е. Само третиот [На третий день приходит священник. — На кладбище. — И отвечает там. Некоторые ходят поливать водой до сорокового дня. Поливают водой. — «Пробуждение»? — Да, именно это. Но только на третий] (ЕА, ЕЛ).

Этой традиции придерживаются и славяне из соседних сел, но не повсеместно. На более же широком региональном уровне можно найти параллели в традициях населения восточной Сербии. У влахов и славян Болевацкого края, проживающих в тесном контакте, существует поверье о сильной жажде на «том свете». С целью оказания помощи усопшему и облегчения посмертных мук родственники привязывают бутылку к деревянному кресту, и через проделанное отверстие вода капает в изголовье могилы²⁴.

Общим для македонской и арумунской традиции является поминовение в течение трех лет после смерти: на третий день, девятый день, двадцатый день (иногда), сороковой день, на три месяца, на полгода, на девять месяцев, год, два года (иногда) и три года. Данный обычай называется арум. *aradã* и макед. *ред* «поминки в течение трех лет после смерти»²⁵. Этимологически близкие термины для обозначения фрагментов из сферы похоронной обрядности встречаются и в других районах Македонии: диал. макед. *реди* ‘причитать’ (Теово, р-н Велеса), *редене* ‘причитание, голошение’ (Мариово, Брегалница)²⁶.

Сетне 9 дена. 20 дена и 40 дена. За 40 дена тогаши повеќе луѓе се берат. Роднини сите и ручек се дава [Потом 9 дней, 20 дней и 40 дней. На 40 дней тогда больше людей собирается. Все родственники и дается обед] (МЛ).

Помени, помени се викат. Или ред. Ке му правиме ред. Е така. Ред ке му правиме. Ке му правиме ред на 13. Ке му правиме ред година. Дојди на ред. Ке заврши 6 недели, правиме 3 месеци. Ние правиме за свкрва ми, 3 месеци, 6 месеци, 9 месеци. На годината повеќе луѓе се береме. А на други помалку [Поминки, поминки называется. Или ред. Мы ему устроили поминки. Так. Поминки ему устроили. Поминки устроим 13 числа. Поминки ему устроим на один год. Прийти на поминки. Прошло 6 недель, делаем поминки на 3 месяца. Свекрови мы делали на 3 месяца, на 9 месяцев. На один год мы собирали много людей. А на другие (даты) — меньше] (РН, ГП).

Сетне 2 години. Некои прават, некои не. Прескокнуваат. И сетне трите години. Исто секои три месеци правевме. Ама сега не прават така. До го-

²⁴ Плотникова А.А. Наименования поминальных дней в традициях восточной Сербии: этнолингвистический аспект. Славяноведение. 2022. № 6. С. 98–107. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0023262-1>

²⁵ Это не находит параллели в румынской традиции, предполагающей семилетний период поминовения, см. в Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность влахов (румын) долины Тимока... С. 125–135.

²⁶ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 580.

дина и готово — сè [Потом 2 года. Некоторые устраивают, а некоторые нет. Перескакивают. И затем три года. Так же каждые три месяца мы устраивали. Но сейчас не делают так. Год и всё] (МЛ).

Порано кокошка нешто се колеше. Ако се во мрсно. До шест недели да заколеш нешто [Раньше закалывали, например, курицу. Если не постный день. До 6 недель надо приготовить что-то мясное] (РН).

Ручек се дава на 40 дена, на година и на три години. Другите редои што се праат тие се носат пченица, литургија, вино. И ставаме и обични лепчиња. И маслинка и овие работи. И сето тоа прво пченица ја носиме, сите викнеме блиските, подалечни, како мислиме, и одиме на гробот. На гробот ја давам пченицата, литургијата, виното. Седваме тамо, се наместиме. И после тоа... палење свеќи сите. За овие редои не оди попо за споредни: полагадина, 3 месеци, 9 месеци. Попот оди за 40 дена, за година и за 2 години [Обед дается на 40 дней, на год и на 3 года. На другие поминки, которые устраивают, приносят пшеницу, хлеб, вино. И обычные хлеба даем. И оливки, и подобное. И все это, но сначала пшеница, созываем всех близких, далеких, кого хотим, и идем на могилу. На могиле раздаем пшеницу, хлеб, вино. Садимся там и сидим. А потом... все зажигаем свечи. На эти поминки священник не приходит, на неосновные: полгода, 3 месяца, 9 месяцев. Священник приходит на 40 дней, на год и на 2 года] (МЛ, РН).

<На 9 дена> ручек не се дава. Само ќе викнеш пријатели што ќе дојдат дома, една пченица в црква. Ке дојдат дома, по едно кафе и нешто благо. Ред, arād. За 40 дена пак се дава ручек. Никој сега нема 20 дена, порано имаше. Arād te mortu [<На 9 дней> обед не дается. Разве что позовешь друзей, которые придут к тебе, да пшеницу в церковь. Придут в гости, по чашечке кофе выпьют и что-нибудь сладкое. Ред, arād. На 40 дней снова готовится обед. Никто не соблюдает 20 дней сейчас, раньше — да. Arād te mortu] (ЕЛ, ЕА).

Утре треба да постам, за причест се спремам, оти ми почина старата, жената ја немам. Сега има еве 9 месеци. Таа види сунругата (информант указывает жестом на фотографию). Е сега. Бог да ја прости, што да правиме? [Завтра мне нужно попоститься, чтобы подготовиться к причастию, потому что у меня умерла моя старуха, нет у меня жены. Сейчас вот уже 9 месяцев. Вот она, сунруга. И что сейчас. Царство Небесное, что поделаешь?] (СС).

Утре пак одат тоа се вика будење. Пак се раздаваат. Се берат луге. Се запалат свешта на гробот. И што имаш му го раздаваш за душа. И на 9 дена и така до 40 дена. Пак виното и што ќе пее попот. И на гробот таму има шише. И на маж ми брат утре ќе му прават 40 дена. И ако нешто остана ќе го скршиши шишето [На следующий день снова приходят и это называется «пробуждение». Снова раздают. Собираются люди. Зажигают свечу на могиле. И все, что у тебя есть, раздаешь за упокой души. И так на 9 дней и так до 40 дня. Снова вино и освящение священником. А на могиле там есть бутылка. И брату мужа завтра будет 40 дней. И если что-то останется, разбиваешь бутылку] (ЕП).

За годината даваш татe гозба. Одиш по пријатели, по роднините. Тоа на годината. А последното што го правиме — на три години. И тоа е крај. За умренио. После што — овие празници сите. Само на гробишта одиме,

палиме свеќи едно друго. Ама редои нема [На год даешь большой (арум.) обед. Идешь к друзьям, к родным. Это на год. А последнее, что мы устраиваем, — на три года. И конец. Для умершего. А что после — все эти праздники. Только на кладбище ходим, зажигаем свечи и то-другое. Но поминок уже нет] (СС).

Повсеместно в рассматриваемом регионе среди арумын и македонцев фиксируется традиция выпекания пяти пресных хлебов, которые украшаются просфорной печатью — макед. *шаралник* (арумынского эквивалента зафиксировать не удалось) и называются арум. *liturghie* или диал. макед. *литургии*. Один из хлебов раздают и съедают сразу после отпевания. Две *литургии* предназначены для клира, четвертую разделяют на кладбище между присутствующими на похоронах, а пятую делят на третий день поминок.

Литургија е башка, а колак е башка. Има сиромашијата кога една литургија ќе купиш и толку [*Литургија* — это одно, а *колак* — другое. А бывает такая бедность, что купишь одну *литургија* и всё] (ДБ).

Вместе с пятью хлебами готовится пять блюд колива из отваренных зерен пшеницы, которые распределяются по аналогичному принципу.

Colivă. Gârni hirtu. Пченица варена се велиме. Без пченица не може биде умрена работа. Gârni со шеќер сечен, орев малце внатре клаиме [Пшеница. Пшеница вареная (арум.) Пшеница вареная — так мы называем. Без пшеницы нельзя. Пшеница (арум.) с рубленным сахаром, грецкий орех добавляем] (СС).

За умрениите литургии. Пети. Зошто пет? Една — за попот. Една — за умрениот, ко го изнесуваат од дома. Една во црква. Сите се пет — литургии. Една пченица. Пет пченици и 5 литургии. И една пченица и една литургија ја држат дома кога изнесуваат мртовецот. Зависи колку има попа в црква. Ако два, 2 пченици и две литургии и таму се носат. И една се држи за вториот ден. Кога ќе одат на гробишта. (...) една за третиот ден. Пет. Пет се носат [Для умерших *литургии*. Почему пять? Одна — для священника. Одна — для покойного, когда его выносят из дома. Одна в церковь. Все пять — *литургии*. Одна пшеница. Пять пшениц и пять хлебов. Один хлеб и одну пшеницу оставляют дома, когда выносят покойного. Зависит от того, сколько священников в церкви. Если два, то две пшеницы и два хлеба туда относят. И одну оставляют на второй день, когда идут на кладбище. (...) И одна на третий день. Пять. Пять приносят] (ЕА, ЕА).

Една порција попот ќе ја пеем. И лепче, литургија се ставит. Лебче и вино. И пченица. На чело на софрата се клаи порцијата, литургијата, виното. И потоа се раздава на луѓето. Пред да седне за масата се сече погачава. А и на гробот пред да го клаи во гробот пченицата се клава и во гробот. На гробот пшеница и винце му се тури. А виното до 6 недели чуваме што е од погребот. Само што притурваме во шишето [Одну порцию освящает священник. И хлеб, *литургию* кладет. Хлеб и вино. И пшеницу. Во главу стола ставится порция, хлеб, вино. И потом раздается людям. Прежде чем сесть за стол, разрезается пирог. А и на могиле прежде, чем опу-

стить в могилу, кладут пшеницу и в могилу. На могилу пшеница ставится и вино льется. А вино с похорон до 6 недель хранится. Только переливается в бутылку] (МЛ).

На поминках раздают также маленькие булочки без украшения или посыпанные кунжутом — арум. *bobitsi* и диал. макед. *бобици*.

Лепчинья се раздаваат на сите луѓе што ќе идат. Симитчиња. Бобици [Хлеба раздаются всем людям, кто придет. Булочки. *Бобици*] (ЕА).

Колачиња. Бобици. Мали такви. Спрема луѓе. Сега мислам 50 души. Уште една за умрениот. Дарои дава на гостите. Гостите доаѓаат и на сите им раздаат (само на 40 дена). И ручек даваат [Булочки. *Бобици*. Маленькие такие. Смотря сколько человек. Скажем, на 50 человек. И еще одна для покойного. Подарки раздаются гостям. Приходят гости и им всем раздают (только на 40 дней). И обед дают] (ЕП).

<*Бобици*>. *За секој човек. По една. Зато кога умре човек одиш и порачвааш* [<Булочки раздают> На каждого человека. По одной. Поэтому, когда умирает человек, ты идешь и заказываешь] (КЗ).

Распространенная в рассматриваемом регионе традиция повторного погребения обусловлена горным рельефом и отсутствием иного места для захоронения усопших. Не существует особой привязки ко времени захоронения, и в одну могилу, как видно из контекстов ниже, хоронят и по прошествии всего одного года после смерти предыдущего члена семьи. Отдельного наименования этот обычай также не получил.

Попот пее коски. Ако погребваат на старио и има коски што било попо ги пее и нив и другиот и клава заедно [Священник отпевает кости. Если хоронят поверх старого и там есть кости, то, что осталось, отпевает священник, и их <кости>, и другого кладут вместе] (НП).

Ако има некој стар друг, тогај збираат во вреќа и пак се ставаат. Вино се тури во гробот и попо пак ги пее. А ако нераспадат, на него — нов ковчег [Если есть кто-то другой старый, то собирают в мешочек и снова туда кладут. Вином поливают могилу, и священник их отпевает. А если кто не разложился, то сверху на него — новый гроб] (ТС).

Пред некој ден мртов една година. И сега жена почина пред 2–3 дена. И отворија гроб и во истиот гроб го кладоа на мажа и. Гробот искршија, го извадија в ќебе. Не бил расипан ништо. Ископале подлабоко. И заедно клале со женава [Несколько дней назад год был одному. И вот жена 2–3 дня назад умерла. Откопали могилу и в эту же могилу мужа ее положили. И гроб разбили, достали его в одеяле. Он не разложился вообще. Выкопали поглубже. И вместе с женой положили] (ЕП).

В качестве выводов хотелось бы отметить, что на примере взаимодействия арумьинской и македонской традиции можно видеть подтверждение тезиса о том, что социальная история Балкан способствовала выработке механизмов взаимодействия с чужой культурой. С одной стороны, в основе этих механизмов лежит открытость к интенсивным контактам в поли-

этнической и полиязыковой среде, что способствует успешной интеграции в единое социальное пространство. Последнее было необходимым условием адаптации на новом месте арумынского населения, бежавшего после разорения их родных городов. На примере обрядов коммеморативной практики мы видим, что ритуалы, широко распространенные среди восточно-романского населения (например, поливание водой могил, выпекание пяти хлебов и приготовление пяти блюд из пшеницы), заимствуются другими балканскими народами, в частности, македонцами. Одновременно происходит обмен терминологической лексикой: например, арум. *aradā* (ср. диал. макед. *ped*), *bobitsi* (ср. диал. макед. *бобици*), *priscurā* (ср. диал. макед. *проскурник*), диал. макед. *турпа* (из арум. *turtā*). С другой стороны, наблюдалось и дистанцирование ради противостояния ассимиляции: в начале эпохи глобализации и стирания этнических границ люди, чувствовавшие свою связь с романской культурой, старались переехать ближе к культурному и языковому центру²⁷. Однако на сегодняшний момент арумынский утратил свой престиж и, будучи исчезающим языком²⁸, находится под особенно агрессивным влиянием македонского. Даже в смертельной сфере, отражающей наиболее архаические представления, наблюдается ряд заимствований в терминологической лексике. Собранные ответы от информантов-арумын на македонском связаны с тем, что носители не могли вспомнить или даже не знали необходимых терминов на родном арумынском.

Приложение

Ниже представлены материалы вопросника²⁹, заполненного в экспедиции 2022 г. на македонском языке от славян и арумын из г. Крушево и окрестных сел г. Битола. Материалы ограничены кругом опрошенных информантов и краткостью самой пилотной экспедиции, опущены также подробности и детальное описание ритуалов:

- 3.1. Умиравший, человек в агонии: нет
- 3.2. Агония, предсмертные страдания: *се мачи, мачење, бере душа, не може да собере; умирачка* (CC)

²⁷ На другом балканском материале данная проблематика поднимается в: Ермолин Д.С. Границы конфессионального, этнического и регионального в погребальном обряде албанцев. Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 101–120.

²⁸ Арумынский находится в списке исчезающих языков ЮНЕСКО: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_endangered_languages_in_Europe#North_Macedonia. Правительство Северной Македонии выступает с программами защиты арумынского как нематериального наследия: уп. *Службен гласник на Република Македонија*, бр. 117/09 од 25.9.2009.

²⁹ *Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения... С. 44–46.*

Умирачката му беше многу тешка. Многу се измачи дури умри [Смерть (умирание) было тяжелым у него. Он очень намучился, пока не умер] (СС); *Умри и се куртули* [Умер и освободился] (КЗ)

3.3. Умерший, покойник: *мртовец*

3.4. Души умерших родителей, предки: *предци, прадедовци*

3.5. Душа человека: *душа*

И даваме за душата, на дедо, на брат. Ние пишме на книце и попот ги чита [Раздаем за душу, дедушки, брата. Мы пишем записку, и священник их <имена> читает] (НП)

3.6. Загробный мир, «тот свет»: *на оној свет, на другиот свет*

Ние викаме кога некој почина: оди на друго свет. [Мы говорим, когда кто-то умирает: ушел на тот свет] (НП)

3.7. Ад: *некол*

3.8. Рай: *рај*

3.9. Похороны, погребение умершего: *погреб*

Кај нас: одиме на погреб [По-нашему: идем на похороны] (НП)

3.10. Гроб: *ковчег*

3.11. Могила: *гроб*

3.12. Кладбище: *гробшита*

3.13. Саван, риза, полотно, которым покрывают покойника: *саван*

3.14. Оплакивание покойника: *тажење, врискање*

3.15. Женщины, которые оплакивают покойника: *тажалки* (ЕЛ)

3.16. Хлеб, который едят при покойнике: *литургија*

Литургија е лебчето. Проскурник се вика [Литургија — это небольшой хлеб. Просфора так называется] (ТП)

3.17. Обрядовый погребальный хлеб, связанный с народными представлениями об архангеле Михаиле, забирающем душу умирающего: нет

3.18. Хлеб «для мертвого»: нет

3.19. Маленькие булочки без украшений: *бобици*

3.20. Поминальное блюдо из жита — кутья, коливо: *пченица*

3.21. Поминальная трапеза в доме после погребения: *ручек за душа*

Се враќаше од гробшита и одиш во салава. И во салава има спремено сè, јадење, пиење, сè. Истото со за погребот за душата на покојниот.

За душа на покојниот ние ќе се напиеме и ќе каснеме [Возвращаешься с кладбища и идешь в зал. А в зале все приготовлено, еда, напитки — все. Так же, как на похороны за упокой души покойного. За упокой души покойного мы выпьем и закусим] (НП)

- 3.22. Поминки, сопровождающиеся посещением могилы в течение года: *ред*
- 3.23. Поминки по истечении года со дня смерти: *ред*
- 3.24. Поминальные дни в течение календарного года: *задушнина, задушница* (Ротино)
- 3.25. Обрядовый хлеб в форме креста на поминках: *литургија* (с христианской символикой, не в форме креста)
- 3.26. Маленькие булочки на поминках: *бобици*
- 3.27. Траур по покойнику: *црнина, жалос(т)*
- 3.28. Повторное погребение: есть обычай, нет термина
- 3.29. Надгробный деревянный памятник (опишите его форму): *крс(т)*
- 3.30. Надгробный камень, плита (опишите его / ее форму): *споменик*

Список информантов

- БЛ — Благоја Лечковски, 1953 г.р., село Ротино;
- ДБ — Димитрий Баталия, 1961 г.р., село Маловиште;
- ЕА — Елена Атанасоска, 1949 г.р., город Крушево;
- ЕЛ — Елеонора Атанасоска, 1972 г.р., город Крушево;
- ЕП — Елена Поповски, 1947 г.р., село Цапари;
- РН — Радка Николовска, 1948 г.р., село Ротино;
- КЗ — Констандина Зафироска, 1959, город Крушево;
- МЛ — Милева Лечковска, 1957 г.р., село Ротино;
- НП — Наум Поповски, 1941 г.р., село Цапари;
- СС — Славе Стерийовски, 1936, село Трново;
- ТП — Татјана Петровска, 1966 г.р.,
город Битола (из села Ротино);
- ТС — Томе Симена, 2000 г.р., город Крушево.

Источники

- Български етимологичен речник / съст. В.И. Георгиев. София: БАН, Ин-т за български език, 1979. Т. 2 (И–крепя).
- Државниот завод за статистика. 2002. Дефинитивни податоци. / отв. ред. Д. Герасимовски. Скопје: «Даме Груев», 2002.
- Извори за българската етнография. София: Македонски научен институт, Етнографски институт с музей, Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1998. Т. 3. Етнография на Македония. Материали од архивното наследство.
- Cuvata D. (Димчев Д.Н.)* Влашко-Македонски речник. Скопје: Uniea ti cultură-a Armănjlor dit Machidunii, 2006.
- Țircomnicu E.* Obiceiuri și credințe macedoromâne: dicționar. București: Biblioteca Bucureștilor, 2009.

Литература

- Агапкина Т.А.* Орех грецкий. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3 (К–П). С. 559.
- Голант Н.Г., Рыжова М.М.* Влахи (румыны) восточной Сербии и Румынская православная церковь. АBYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2020. № 2 (12). С. 71–81.
- Голант Н.Г.* Материали по календарной обрядности румын (влахов) долины Тимока. Зимняя обрядность // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2012–2014 / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. Вып. 3. С. 223–238.
- Голант Н.Г., Струтинский И.М.* Погребальная обрядность влахов (румын) долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025361-0>
- Ермолин Д.С.* Границы конфессионального, этнического и регионального в погребальном обряде албанцев. Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 101–120.
- Кънчов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1990. Электронный ресурс. URL: http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b8.htm; http://www.promacedonia.org/vk/vk_2_36.htm (дата обращения: 11.05.2023).
- Матковски А.* Историја на Крушево и Крушевско. Од постанокот на градот до поделбата на Македонија. Крушево: Собрание на општината, 1978. Книга прва.
- Плотникова А.А.* Материали для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Исл РАН, 2009.
- Плотникова А.А.* Наименования поминальных дней в традициях восточной Сербии: этнолингвистический аспект. Славяноведение. 2022. № 6. С. 98–107. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0023262-1>
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.

- Русаков А.Ю.* Влахи. Большая Российская энциклопедия [в 35 т.]. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 5 (Великий князь — Восходящий узел орбиты). [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (дата обращения: 11.05.2023).
- Улчар-Јачева Е.* Презимето кај Македонците. Скопје: Менора, 2022.
- Berciu-Drăgicescu A.* *Români din Balcani*. București: Editura Globus, 1996.
- Guia S.* *Elemente de dialectologie română*. Iași: Vasiliana'98, 2014.
- Djuvara D.* *Aromânii: istorie, limbă, destin*. București: Humanitas, 2012.
- Korhonen J., Makartsev M., Spasov Lj., Petruševska M.* Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status. In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans / ed. by M. Makartsev and M. Wahlström. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 13–50. (*Slavica Helsingiensia* 49).
- Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States* / eds. H. Vermeulen, M. Baldwin-Edwards, R. van Boeschoten. New York; London: SpringerOpen, 2015.
- Winistörfer O., Escher A.* At the crossroads of definiteness, specificity, and animacy — the local patterns of differential object marking in the aromanian varieties. *Определенность и неопределенность в языках и культурах Балкан* / отв. ред. И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 5–82. (Балканские чтения. 17.)

References

- Agapkina, T.A., 2004. Walnut. In: N. I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 3 (K–P), p. 559. (In Russian)
- Baldwin-Edwards, M., van Boeschoten, R., Vermeulen, H., eds, 2015. *Migration in the Southern Balkans: From Ottoman territory to Globalized Nation States*. New York, London: SpringerOpen.
- Berciu-Drăgicescu, A., 1996. *Români din Balcani*. Bucharest: Editura Globus.
- Djuvara, D., 2012. *Aromânii: istorie, limbă, destin*. Bucharest: Humanitas.
- Ermolin, D. S., 2015. Borders of religious, ethnic and regional in funeral rite of Albanians. *Arkheologija ruskoj smerti*, 1, pp. 101–120. (In Russian)
- Golant, N.G., 2014. Materials on the calendar rites of the Romanians (Vlachs) of the Timok valley. Winter rituals. In: A. A. Plotnikova, ed, 2014. *Carpatho-Balkan dialect landscape: Language and culture. 2012–2014*. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN. Issue 3, pp. 223–238. (In Russian)
- Golant, N.G., Ryzhova, M. M., 2020. Vlachs (Romanians) of eastern Serbia and the Romanian Orthodox Church. *ABYSS (Issues of Philosophy, Political Science and Social Anthropology)*, 2 (12), pp. 71–81. (In Russian)
- Golant, N.G., Strutinskii, I. M., 2023. Funeral rituals of the Vlachs in the Timok Valley. Review of the field research in Eastern Serbia. *Slavic Studies*, 2, pp. 125–135. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0025361-0> (In Russian)
- Guia, S., 2014. *Elemente de dialectologie română*. Iași: Vasiliana'98.

- Korhonen, J., Makartsev, M., Spasov, Lj., Petruševska, M., 2016. Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status. In: M. Makartsev, M. Wahlström eds, 2016. *In search of the center and periphery — linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans (Slavica Helsingiensia 49)*, Helsinki: University of Helsinki, pp. 13–50.
- Kunchov, V., 1990. Macedonia. Ethnography and statistics. Available at: http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b8.htm; http://www.promacedonia.org/vk/vk_2_36.htm (Accessed: 11.05.2023). (In Bulgarian)
- Matkovski, A., 1978. *History of Kruševo and Kruševo region. From the foundation of the city to the division of Macedonia*. Kruševo: Sobranie na opština. Book 1. (In Macedonian)
- Plotnikova, A. A., 2004. *Ethnolinguistic geography of Southern Slavia*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Plotnikova, A. A., 2009. *Materials for ethnolinguistic studies of the Balkan Slavic area*. Moscow: Institute of Slavic studies RAS. (In Russian)
- Plotnikova, A. A., 2022. Names of memorial days in the traditions of Eastern Serbia: ethnolinguistic aspect. *Slavic Studies*, 6, pp. 98–107. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0023262-1> (In Russian)
- Rusakov, A. Yu., 2006. The Vlachs. *Great Russian Encyclopedia [in 35 vol.]*. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia. Vol. 5. Available at: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705> (Accessed: 11.05.2023). (In Russian)
- Ulčar-Jačeva, E., 2022. *The surname among the Macedonians*. Skopje: Menora. (In Macedonian)
- Winistörfer, O., Escher, A., 2023. At the crossroads of definiteness, specificity, and animacy — the local patterns of differential object marking in the aromanian varieties. In: I. A. Sedakova, ed, 2023. *Definiteness and indefiniteness in the languages and cultures of the Balkans*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 75–82. (Series Balcanica. 17)

Л.Н. БУДАГОВА И «ШРАМКОВА СОБОТКА»

Ян Билек

Доктор философии, доцент,
руководитель секции кафедры
чешского языка и литературы
Педагогического факультета
Университета Градец-Кралове
Почтовый адрес: ул. Рокитанского, 62,
Градец-Кралове, 500 03, Чехия
Электронный адрес: jan.bilek@uhk.cz;
bilek.jan1@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7334-7529

Аннотация

В статье рассматриваются отношения ведущего представителя российской богемистики доктора филологических наук Л.Н. Будаговой (1932–2022) с чешским городом Сobotка и проходящим в нем фестивалем языка, речи и литературы «Шрамкова Сobotка» (чешск. *Šrámkova Sobotka*). На основе анализа доступных источников и литературы прослеживаются события 1975–2022 гг. Л.Н. Будагова познакомилась с ежегодным фестивалем во время экскурсии, после чего ее стали приглашать для выступлений. В период с 1977 по 2010 г. она подготовила двенадцать лекций, посвященных чешской и русской литературе, чешско-русским литературным и культурным связям и российским культурным реалиям. Ее лекции и другие тексты, посвященные фестивалю, собраны в книге «О литературе и культуре» (чешск. *O literatuře a kultuře. Texty pro Šrámkovu Sobotku*), изданной в 2012 г. Следующий сборник Будаговой «Из моей жизни с чешской литературой. Избранные публикации на чешском языке» (чешск. *Z mého života s českou literaturou. Výbor z česky publikovaných prací*) был издан в 2021 г. по инициативе и благодаря усилиям представителей фестиваля, в него вошли двадцать текстов, написанных в период с 1973 по 2020 г. Кроме того, в работе рассматриваются статьи Будаговой, вышедшие в журнале *Zpravodaj Šrámkovy Sobotky*, а также анализируются напечатанные там заметки о ней. В 2012 г. Будагова получила премию города Сobotка (за популяризацию города и чешской культуры). О ней есть запись в местной энциклопедии (*Kdo je kdo v dějinách Sobotecka a Dolnobousovska*, 2015). В исследование также включены основные сведения о городе и фестивале и воспоминания автора.

Ключевые слова

Л.Н. Будагова (1932–2022), Сobotка, фестиваль «Шрамкова Сobotка», чешская литература, богемистика

Статья поступила в редакцию 25 мая 2023 г.

Статья доработана автором 3 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 10 ноября 2023 г.

Цитирование: Билек Я. Л.Н. Будагова и «Шрамкова Сobotка» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 54–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.03>

L.N. BUDAGOVA AND “ŠRÁMKOVA SOBOTKA”

Jan Bílek

Mgr., Ph. D., assistant professor,
head of the Section,
Department of Czech Language and Literature,
Faculty of Education, University of Hradec Králové
Postal address: Rokitanského, 62,
Hradec Králové, 500 03, Czech Republic
E-mail: jan.bilek@uhk.cz; bilek.jan1@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7334-7529

Abstract

The study deals with the relationship between the leading representative of the Bohemian studies in Russia L.N. Budagova, D.Sc. (1932–2022) and the Czech town of Sobotka and to the local festival of language, speech and literature called *Šrámek's Sobotka* (*Šrámková Sobotka*). Based on an analysis of available sources and literature, it follows the core of the relationship defined by the years 1975–2022. Budagova got to know about the annual festival during an excursion and then she was invited to appear. Between the years 1977 and 2010, she prepared twelve lectures focused on the Czech and Russian literature, the Czech-Russian literary and cultural relations and Russian cultural realities. Her lectures and other texts about the festival are summarized in the book *O literatuře and kultuře (Texty pro Šrámkovu Sobotku)*, published in 2012. Her next book written in Czech *Z mého života s českou literaturou (Výbor z český publikovaných prací)* was published in 2021 thanks to a local initiative. It involves twenty works written between the years 1973 and 2020. Furthermore, the study deals with her articles published in the journal *Zpravodaj Šrámkovy Sobotky* and it analyses short articles, which were published about her there, as well. She received the Sobotka Town Award in 2012 (for a promotion of the town and the Czech culture). There is an entry regarding Budagova in the local lexicon *Kdo je kdo v dějinách Sobotecka a Dolnobousovska* (published in 2015). Moreover, the study includes basic information about the town and the festival for the better context and it incorporates memories of the author, as well.

Keywords

L.N. Budagova (1932–2022), Sobotka, festival Šrámková Sobotka, Czech literature, bohemian studies

Received 25 May 2023

Revised 3 November 2023

Accepted 10 November 2023

For citation: Bílek, J., 2023. L.N. Budagova i “Šrámková Sobotka” [L.N. Budagova and “Šrámková Sobotka”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (3–4), pp. 54–65. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.03>

ВСТУПЛЕНИЕ

С начала 2022 г. друзья историка литературы, богемиста, доктора филологических наук Людмилы Норайровны Будаговой (1932–2022) с нетерпением ждали празднования ее 90-го дня рождения — 3 сентября. В мою жизнь эта необыкновенная личность вошла еще во времена моего детства и сопровождала меня вплоть до второй половины января 2022 г., когда наша дружба была прервана ее скоропостижным уходом — 3 февраля 2022 г. Мы виделись лично в последний раз в Москве осенью 2019 г., а в январе 2022 г. разговаривали по телефону и обменивались письмами по почте. В течение многих лет мы знали, что принадлежим к лучшей части жизни друг друга. В моем возрасте я знаю, какая это редкость, когда о тебе помнят и думают. Мы всегда думали друг о друге с разной степенью интенсивности на протяжении десятилетий. (Иногда я не мог удержаться, чтобы с некоторым нажимом не напомнить Людмиле Норайровне, что прошло уже мое детство, когда я лакомился полученными от нее конфетами «Белочка», — сейчас я всякий раз думаю о ней, заваривая «Майский чай», который в последние годы привозил из России и который моя мама иногда покупает и в Чехии). Нас свела богемистика, к изучению которой ее побудил отец, а меня, в свою очередь, семейное окружение и фестиваль чешского языка, речи и литературы «Шрамкова Сobotка» — его помогали организовывать три поколения моей семьи.

ГОРОД СОБОТКА И ФЕСТИВАЛЬ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА, РЕЧИ И ЛИТЕРАТУРЫ «ШРАМКОВА СОБОТКА»

Город Сobotка находится на прямой линии между расположенной в центре страны Прагой и приграничными горами Крконоше, сейчас это всего лишь в 65 км от конечной станции метро быстро растущей столицы. Во времена феодализма поселение служило главной резиденцией Костецкого владения и было возведено в статус города королем Владиславом Ягеллонским в 1498 г.¹ С середины XIX в. до середины XX в. здесь располагались районный суд, налоговая инспекция и управа района. Сobotка была небольшим городком северо-восточной Чехии, где, как и во всей стране, после Первой мировой войны и получения государственной независимости происходила эмансипация чешского общества до уровня современной нации. Сегодня это небольшой поселок с населением менее 2,5 тыс. человек, известный и собственной живописностью, и как своего рода ворота в прекрасную природную зону отдыха под названием Чешский рай. Квадратная центральная

¹ *Bílek K. a kol. Malé dějiny Sobotecka: příroda, osobnosti, data, události. Sobotka: Město Sobotka s obcemi Libošovice, Markvartice, Mladějov, Ohařice, Osek, Samšina a Zámostí, 2008, 2013. Díly I–II.; Bičíšková O. Vlastivěda Sobotecka a okolí. Sobotka: Město Sobotka, 2018.*

площадь и обрамляющие ее старинные дома, частично с аркадами, расположены между возвышающейся над городком готической церковью — с одной стороны — и небольшим холмом с эллиптической башней барочной летней резиденции Гумпрехта, символом города, с другой. От площади расходится паутина улиц и переулков с одноэтажными и двухэтажными деревянными домами XVIII–XIX вв., из которых самой известной является усадьба Шольца, и современными зданиями первой половины XX в., некоторые из которых выделяются прекрасной архитектурой. Таким образом, *genius loci* сочетает в себе живописный пейзаж, урбанизм и разбросанную во времени, от традиционного до современного, производящую сегодня идиллическое впечатление законсервированность провинциального городка.

Нематериальную самобытность Сobotки составляет солидная культурная традиция: в музыке, изобразительном искусстве и, прежде всего, в литературе. Ее эпицентром выступает восприятие города как места рождения выдающегося писателя Франи Шрамека (1877–1952), чье имя прочно укоренилось в школьных учебниках и общественном сознании². Он прославил Сobotку в ряде своих известных стихотворений, таких как: «Сobotка» (*Sobotka*), «Кладбище Сobotки» (*Sobotecký hřbitov*), «Луна на площади» (*Měsíc na náměstí*). Несмотря на то, что Шрамак не начал здесь даже полноценно ходить в школу и его отца постоянно переводили в качестве чиновника с места на место по всей Чехии, поэт часто возвращался сюда сначала к своим родственникам, а в 20-е и 30-е годы XX в. — к своей овдовевшей матери. Эти приезды на каникулы в составе ученических групп с преподавателем были наполнены пешими прогулками, плаванием, просто отдыхом. Но и работой: написанием пьес и подготовкой представлений любительского театра, которые игрались в конце августа. Эти визиты закрепили за городом образ «Сobotки поэта». Так ее охарактеризовал один из летних гостей Шрамека, его друг — писатель Карел Чапек³.

Несмотря на то, что после смерти матери Шрамак больше не посещал Сobotку, после кончины писателя жена исполнила желание поэта быть погребенным в своем родном городе, завещать ему авторские права, поставить в нем памятник и учредить музей-квартиру с библиотекой и архивом — Дом Шрамека. Музей стал не только базой для исследования и популяризации творчества писателя, но и центром местной культуры в целом (при нем, в том числе, успешно работает драмкружок). Венцом этого развития стало открытие в 1957 г. фестиваля «Шрамкова Сobotка», который с начала 1960-х гг. превратился в недельное мероприятие, посвященное родному

² Šrámek F. Přícházejí, odcházejí: Šrámek a Sobotka: 1877–1977 / zprac. M. Hejnová. Hradec Králové: Kruh, 1977; Будагова Л.Н. Бурная жизнь тихой чешской провинции. Славянский альманах 2001 / отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Издательство «Индрик», 2002. С. 444–456.

³ Feters A. Přátelé Karel Čapek a Fráňa Šrámek. Sobotka: Středisko městské kultury, 2002; Sobotecká šrámkovská tradice / sest. V. Šrámková. Sobotka: Osvětová beseda, 1971.

языку. Фестиваль включает в себя два направления: академически-просветительское — лекции и семинары от ведущих специалистов Академии наук и университетов и культурное — с гастрольными выступлениями театров и профессиональных декламаторов. Кроме того, здесь проводятся авторские чтения, дискуссии с писателями, художниками и учеными, а также краеведческие мероприятия — экскурсии и прогулки по Сobotке.

Людмила Норайровна Будагова и «Шрамкова Сobotка»

Людмила Норайровна Будагова познакомилась с Сobotкой в 1975 г., ее туда сопровождала Добрава Молданова, сотрудница Института чешской и мировой литературы Чехословацкой академии наук, которая тогда занималась исследованием творчества Шрамека. Свою гостью из московского Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР она отвела в музей-квартиру Шрамека к трудолюбивому, творческому и обаятельному человеку с душой гимназического преподавателя чешского и французского языков времен межвоенной Чехословакии — хранительнице наследия Шрамека, члену каникулярного кружка поэта и инициатору «Шрамковых Сobotек» Марии Гейновой⁴. Будагову также интересовало творчество самого известного уроженца Сobotки — поэта, прозаика и драматурга Франи Шрамека. Тогда же Людмила Норайровна узнала и о поэтическом фестивале чешского языка, речи и литературы — «Шрамковой Сobotке». Вскоре она уже приняла приглашение активно в нем участвовать и в период с 1977 по 2010 г. подготовила для фестиваля двенадцать лекций в области чешской и русской литератур, чешско-русских литературных и культурных связей, русских культурных реалий (только в 2010 г. она не смогла выступить лично по семейным обстоятельствам).

Уже на первой лекции она расположила к себе аудиторию: вопреки ожиданиям, перед слушателями предстал не идеологически жестко настроенный «товарищ», представитель доминирующей державы, а профессиональный ученый-богемист и приятный, приветливый человек. «Она была русскоязычной армянкой, <...> большим другом нашей республики и чешской литературы», — охарактеризовала ее в своей статье в сборнике к 40-летию фестиваля «Шрамкова Сobotка» Шарка Штембергова-Кратохвилова, ведущий преподаватель сценической речи и художественного слова⁵. Там же она определила роль Будаговой для фестиваля в период до 1989 г.: «Присутствия советской гостьи нельзя было избежать из-за решений шишек наверху, и в то же время Люся была наша». Здесь исследовательница говорит о репрессивном периоде чешской истории, наступившем

⁴ Hraše J. Tam v tom domě na náměstí: život a dílo manželů Marie a Václava Hejnových. Sobotka: Středisko městské kultury Sobotka; Občanské sdružení Šrámkova Sobotka, 2007.

⁵ Štembergová-Kratochvílová Š. Jak nazvat sobotecké vzpomínky? Zázrak nového společenství: vzpomínky a úvahy. Sobotka: Městské kulturní středisko, 1996. S. 19.

после пусть и тоталитарных, но более свободных «золотых шестидесятых». 1968 год разрушил надежды на реформирование социалистической модели общества и утвердил принадлежность Чехословакии к сфере влияния Советского Союза его непосредственным военным присутствием. Так называемая «нормализация» характеризовалась маразмом нелегитимного режима, построенного на лжи, к участию в котором принуждалась большая часть общества, что влекло за собой подавление личности. Несмотря на то, что «Шрамкова Сobotка» существовала как официальное мероприятие, благодаря своей теме, литературе, она позволяла общаться «между строк» вопреки властям. Фестиваль использовал лазейки для маневрирования и касался своего рода «серой зоны» — вопроса приемлемых границ самой власти.

Людмила Норайровна часто вспоминала свою первую лекцию на фестивале, подготовленную к 100-летию со дня рождения Шрамека, с характерным для нее юмором: «Я думала, что меня пригласили на очередную конференцию <...>. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что должна читать лекцию <...>. К тексту я придумала вступление о том, что я не хочу читать академическую лекцию, потому что день рождения — это семейный, личный праздник, и лекция в таком случае не подойдет, и вообще, что будет слишком уж жестоко заставлять слушать гостей фестиваля лекцию в такое прекрасное солнечное утро, как сейчас. Когда я приехала в Сobotку, погода была отличной. Но именно в тот день, когда я должна была читать свою лекцию, она испортилась: было пасмурно и время от времени шел дождь. Несмотря на это, я начала с заранее подготовленного вступления о прекрасном солнечном утре, а затем перешла к своему неакадемическому “Слову о Шрамеке”»⁶. Постепенно у Людмилы Норайровны сложились тесные отношения с «Шрамковой Сobotкой», она подружилась со многими участниками и организаторами фестиваля. Будагова занимала видное место среди его верных и пользующихся популярностью докладчиков. Свою приязнь Людмила Норайровна перенесла и на саму Сobotку, и на ее окрестности в целом. Основанные на человеческой и профессиональной состоятельности обеих сторон, отношения между ученым и «Шрамковой Сobotкой» пережили изменение международной и внутренней социальной ситуации в 1989 г. О популярности Л.Н. Будаговой среди гостей фестиваля свидетельствует, например, тот факт, что в 1996 г. в дополнение к своей лекции она организовала для библиотекарей, участвовавших тогда в «Шрамковой Сobotке» в рамках «Библиотечной недели», отдельную дискуссию о состоянии российской культуры.

К 80-летию Л.Н. Будаговой в рамках фестиваля «Шрамкова Сobotка» была издана книга «О литературе и культуре (тексты для “Шрамковой Сobotки”)»⁷. В 2013 г. в журнале *Zpravodaj Šrámkovy Sobotky* (русск. «Инфор-

⁶ *Budagová L. Můj život s českou literaturou. Eadem. Z mého života s českou literaturou. Sobotka: Šrámkova Sobotka, z.s., 2021. S. 12.*

⁷ *Budagová L. O literatuře a kultuře (Texty pro Šrámkovu Sobotku). Praha: Občanské sdružení Šrámkova Sobotka v nakl. Akropolis, 2012.*

Л.Н. Будагова во время презентации своей книги
«О литературе и культуре» на фестивале «Шрамкова Сobotка»,
на заваulinке усадьбы Й. Шольца, июль 2012 г.

Liudmila N. Budagova during the presentation of her book
«On Literature and Culture» at the festival «Shramkova Sobotka»,
at the estate of J. Scholz, July 2012

мационный бюллетень Шрамковой Сobotки», далее — ZŠS. – Я. Билек) на нее была опубликована рецензия Дагмар Блюмловой (2013, № 3). В книгу вошло двенадцать лекций Людмилы Норайровны, прочитанных на фестивале с 1977 по 2010 г., а также две другие работы, в которых автор рассматривает его особенности, периодизацию, содержание, организацию и значение для чешской культуры, литературы и образования с международной точки зрения. Ее цитировали во время празднования 500-летия получения Сobotкой статуса города. Статьи в книге размещены в хронологическом порядке: «Слово о Шрамеке (творчество Шрамека в интерпретации московской богемистики)», «Вклад Витезслава Незвала в развитие чешского поэтического языка», «Отношение чешского художественного авангарда к Советской России», «Чешская литература в СССР», «Франя Шрамок и Октябрьская революция». Далее следуют тексты, относящиеся к периоду после 1989 г.: «Эхо творчества Яна Амоса Коменского в России», «Современная русская литература», «Против течения (О культурной функции “Шрамковой Сobotки” и причинах ее долгого существования)», «Культурная ситуация в современной России», «Литература русской межвоенной эмиграции в Чехословакии»,

«Телефонный разговор между Брежневым и Дубчеком летом 1968 г. и его последствия для “Шрамковой Сobotки”», «Карел Гинек Маха в России (рецепция, переводы, значение)». Далее статьи: «Бурная жизнь тихого чешского городка (“Шрамкова Сobotка”: люди, история и современность)» (2002 г.) и «Полувековой юбилей “Шрамковой Сobotки” (впечатления, воспоминания)» (2007 г.). Книга дополнена предисловием историка литературы, университетского профессора Ярославы Яначковой и портретом автора. Некоторые лекции и статьи были опубликованы на чешском и русском языках, другие основывались на рукописях автора. В таком составе с редакторской обработкой и авторской правкой они были изданы впервые. Автор лично представила свою книгу на фестивале в 2012 г. и по этому случаю также выступила с воспоминаниями «Моя жизнь с чешской литературой».

В разное время в ZŠS появлялись не только тексты некоторых лекций Л.Н. Будаговой, но и другие ее поздравления и статьи (1984, 2000, 2006, 2018 и 2020). Также журнал публиковал сообщения о ней, особенно когда поклонница города посещала его не в дни фестиваля. Людмила Норайровна приезжала в Сobotку, например, на Рождество 1992 г., в декабре 1997 г., затем в 1998 г. по пути с конференции в честь 650-летия основания Карлова университета, где за свою работу она была награждена медалью философского факультета, а также во время командировки на 12-й съезд славистов в Кракове. В 1999 г. она входила в организационный комитет «Шрамковой Сobotки» и написала новогоднее поздравление: «Каждое посещение “Шрамковой Сobotки”, самой Сobotки, культурного центра, Дома Шрамека, разных мест Сobotки — это всегда для меня большая радость и поддержка. Мои дружеские и профессиональные отношения с фестивалем “Шрамкова Сobotка” и всем, что к нему относится, я считаю настоящим подарком судьбы <...>» (ZŠS, 2000, № 1). Она ненадолго появилась в городе в 2000 г. после 2-го Всемирного конгресса литературоведческой богемистики в Праге. Затем Людмила Норайровна посетила Сobotку во время научной командировки в Институт чешской литературы Академии наук Чешской Республики в конце 2002 г., когда она также присутствовала на заседании организационного комитета, и ZŠS впоследствии напечатал интервью с ней, в котором она высоко оценила взаимодействие «Шрамковой Сobotки» с учителями: «Фестиваль соответствует вашим лучшим культурным традициям, ведь вы — страна Яна Амоса Коменского» (ZŠS, 2003, № 1). Также она приезжала в Сobotку в 2003 г. А во время своей десятой юбилейной лекции летом 2004 г. она получила ключ от города из рук представителей муниципалитета. Затем Людмила Норайровна посещала Сobotку в зимние месяцы с 2004 по 2013 г. По крайней мере дважды, летом 1996 г. и зимой 1998 г., мы вместе побывали в расположенном в то время неподалеку литературном архиве Памятника национальной письменности (чешск. *Památník národního písemnictví*), которым руководил мой отец. Архив находился в замке соседнего местечка Старе-Грады, которое тогда называли

«столицей чешского литературного архивного дела» и где любили проводить исследования многие литературоведы. Когда мы достали из архивных папок ее письма к разным персонам, она была растрогана...

На открытии 56-й «Шрамковой Сobotки» 2 июля 2012 г. Людмила Норайровна Будагова получила Городскую награду от старосты города «за популяризацию города и чешской культуры». В соответствии с чешским правом, в частности с Законом о муниципалитетах, эта награда утверждается городским советом. Она состоит из диплома и медали. Вскоре об этом написали и в ZŠS в большой статье к юбилею Людмилы Норайровны (2012, № 5). А когда в декабре того же года она получила почетную медаль Йозефа Добровского за заслуги в филологических и философских науках из рук президента АН ЧР, там же присутствовала и делегация из Сobotки, куда входили староста, его заместитель и председатель комиссии по культуре (ZŠS, 2013, № 1). В то время мы начали думать о новой книге, которая в итоге была издана под названием «О моей жизни с чешской литературой (Избранные работы, опубликованные на чешском языке)» только в 2021 г.⁸ Монография, опубликованная снова «Шрамковой Сobotкой», содержала двадцать статей Будаговой 1973–2020 гг., посвященных в первую очередь чешской литературе первой половины XX в., то есть основной области ее научных интересов, а также представителям чешской литературы и литературоведения XX в. Часть статей второго раздела была ранее опубликована в журнале ZŠS (2010, 2013, 2020). В заключении книги приводятся биографический и библиографический обзоры (работы, изданные на чешском языке, литература на чешском языке об авторе и ее трудах). Послесловие написала Дагмар Блюмлова. В качестве сборника тексты с авторской правкой публикуются впервые. Рецензию на него в ZŠS в 2022 г. подготовила Ладислава Ледербухова (2022, № 3). Последней публикацией Л.Н. Будаговой в ZŠS было прошлогоднее «Поздравление с 65-летием фестиваля “Шрамкова Сobotка”»: «Он запал мне в душу», – писала она (2021, № 3). Сobotка попрощалась с Людмилой Норайровной Будаговой коротким некрологом, опубликованным в вышеупомянутом местном журнале. За ним последовала благодарность за соболезнования от ее дочери Людмилы Гуськовой (ZŠS, 2022, № 3). Имя Людмилы Норайровны Будаговой вошло в хроники города записью в биографическом словаре⁹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Улыбающийся, дружелюбный, приветливый ученый-богемист из России и чешский город у подножия замка Гумпрехт были связаны узами дружбы благодаря особому литературному и культурному характеру го-

⁸ *Budagová L. Z mého života s českou literaturou. Sobotka: Šrámkova Sobotka, z.s., 2021.*

⁹ *Šekerová M., Bičíšřová O. Budagová Ludmila Norajrovna roz. Sissakjan. Bílek K. a kol. Malé dějiny Sobotecka. Sobotka: Město Sobotka, 2015. III. díl. Kdo je kdo v dějinách Sobotecka a Dolnobousovska. S. 48.*

рода, воплощением которого стал фестиваль «Шрамкова Сobotка». Это продлилось почти 50 лет. Людмила Нораировна Будагова любила его посещать, она показала красоты Чешского рая и Сobotки дочери, внучке и внуку, а во время своего последнего визита летом 2015 г. — и мужу. Тогда же она выступала перед гостями фестиваля, во время вечерней встречи в усадьбе Шольца говорила, среди прочего, о конгрессе богемистов, на котором незадолго до этого побывала в Праге (ZŠS, 2015, № 1, с. 4). Это был последний раз, когда мы сидели в саду возле нашего дома в тени раскидистой кроны старого орехового дерева. В последний раз на кухне пахло ее сырниками. В последний раз мы прогулялись по окрестностям вокруг символа Чешского рая — руин замка Троски. И, кажется, когда она покидала Сobotку, мы снова вместе читали стихотворение Ярослава Сейферта:

*В час прощанья, как ведется,
Платочком ли белым, рукой ли махнем;
Что-то кончается с нынешним днем —
Что-то прекрасное к нам не вернется.*

(Пер. В. Корчагина)

Или «С богом и платочек» любимого Витезслава Незвала?

*С Богом! И уж если не встретимся мы снова —
Было все прекрасно, и довольно с нас.
С Богом! И возможно, что гостя мы другого
Встретим у порога в назначенный час.*

(Пер. Л. Мартынова)

Она помнила наизусть множество стихов разных чешских поэтов.

В Москве Людмила Нораировна принимала у себя многих своих соботских друзей. Она стала почетным консулом Сobotки и «Шрамковой Сobotки» в российской столице. Как жаль, что мы больше вместе не споем неофициальный гимн города и фестиваля: «Я знаю один прекрасный замок...» (*Znám já jeden krásný zámek...*). Она очень любила чешские песни. В Сobotке у нее было множество друзей среди писателей, литературоведов, учителей, других участников фестиваля и местных жителей не только из-за общих интересов, но и благодаря ее дружелюбному характеру, необычайному вниманию, такту и остроумию, а также ее профессиональным и человеческим качествам. В своей лекции в 2006 г. она сказала: «Я была вашей, я сейчас ваша и всегда останусь вашей»¹⁰. Людмила Нораировна Будагова обобщила свой опыт и знания, вынесенные из Сobotки, в нескольких текстах, чрезвычайно ценных благодаря дистанцированности и особому углу зрения на рассматриваемые проблемы; помимо всего прочего, она позна-

¹⁰ *Budagová L. O literatuře a kultuře. S. 149.*

комила мировую богемистику с фестивалем «Шрамкова Сobotка». Она высоко оценила программу фестиваля, нацеленную на заботу о родном языке, ее качество, ориентацию на учителей, а также свободу мысли, праздничную непринужденность, лиризм и дружелюбную атмосферу. Верная себе, Людмила Норайровна никогда не скрывала своей эмоциональной предвзятости, выражения приязни и того, что город, люди и фестиваль стали близки ее сердцу. Так случилось и с чешской литературой и вообще с нашей страной. Ведь она стала для нее «третьей родиной, третьим домом» после России и Армении.

Перевод с чешского К.К. Масловой, А.В. Амелиной

Источники

- Budagovová L.* O literatuře a kultuře (Texty pro Šrámkovu Sobotku). Praha: Občanské sdružení Šrámkova Sobotka v nakl. Akropolis, 2012.
- Budagovová L.* Z mého života s českou literaturou. Sobotka: Šrámkova Sobotka, z.s., 2021.
- Šrámek F.* Přicházejí, odcházejí: Šrámek a Sobotka: 1877–1977 / zprac. M. Hejnová. Hradec Králové: Kruh, 1977.

Литература

- Будагова Л.Н.* Бурная жизнь тихой чешской провинции. Славянский альманах 2001 / отв. ред. М.А. Робинсон. М.: Издательство «Индрик», 2002. С. 444–456.
- Bičíšřová O.* Vlastivěda Sobotecka a okolí. Sobotka: Město Sobotka, 2018.
- Bílek K. a kol.* Malé dějiny Sobotecka: příroda, osobnosti, data, události. Sobotka: Město Sobotka s obcemi Libošovice, Markvartice, Mladějov, Ohařice, Osek, Samšina a Zámostí, 2008, 2013. Díly I–II.
- Fetters A.* Přátelé Karel Čapek a Fráňa Šrámek. Sobotka: Středisko městské kultury, 2002.
- Hraše J.* Tam v tom domě na náměstí: život a dílo manželů Marie a Václava Hejnových. Sobotka: Středisko městské kultury Sobotka; Občanské sdružení Šrámkova Sobotka, 2007.
- Sekerová M., Bičíšřová O.* Budagovová Ludmila Norajrovna roz. Sissakjan. *Bílek K. a kol.* Malé dějiny Sobotecka. Sobotka: Město Sobotka, 2015. Díl III. Kdo je kdo v dějinách Sobotecka a Dolnobousovska. S. 48.
- Sobotecká šrámkovská tradice / sest. V. Šrámková. Sobotka: Osvětová beseda, 1971.
- Štembergová-Kratochvílová Š.* Jak nazvat sobotecké vzpomínky? Zázrak nového společenství: vzpomínky a úvahy / přípr. Městské kulturní středisko v Sobotce. Sobotka: Městské kulturní středisko, 1996. S. 17–21.

References

- Bičišťová, O., 2018. *Vlastivěda Sobotecka a okolí*. Sobotka: Město Sobotka.
- Bílek, K., et al., 2008, 2013. *Malé dějiny Sobotecka: příroda, osobnosti, data, události*. Sobotka: Město Sobotka s obcemi Libošovice, Markvartice, Mladějov, Ohařice, Osek, Samšina a Zámostí. Vol. I–II.
- Budagova, L.N., 2002. Stormy life of a quiet Czech province. *Slavianskii al'manakh 2001*. Moscow: Izdatel'stvo "Indrik", pp. 444–456. (In Russian)
- Fetters, A., 2002. *Přátelé Karel Čapek a Fráňa Šrámek*. Sobotka: Středisko městské kultury.
- Hraše, J., 2007. *Tam v tom domě na náměstí: život a dílo manželů Marie a Václava Hejnových*. Sobotka: Středisko městské kultury Sobotka; Občanské sdružení Šrámkova Sobotka.
- Sekerová, M., Bičišťová, O., 2015. Budagovová Ludmila Norajrovna roz. Sissakjan In: K. Bílek, et al., 2015. *Malé dějiny Sobotecka*. Sobotka: Město Sobotka. Vol. III. *Kdo je kdo v dějinách Sobotecka a Dolnobousovska.*, p. 48.
- Šrámková, V., ed., 1971. *Sobotecká šrámkovská tradice*. Sobotka: Osvětová beseda.
- Štembergová-Kratochvílová, Š., 1996. Jak nazvat sobotecké vzpomínky? In: *Zázrak nového společenství: vzpomínky a úvahy*. Sobotka: Městské kulturní středisko, pp. 17–21.

Иосиф (Юзеф) Олешкевич – УЧАСТНИК АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ 1814 ГОДА

Ксения Борисовна Егорова

Кандидат филологических наук, доцент,
Институт истории Санкт-Петербургского
государственного университета;
старший научный сотрудник,
Российская национальная библиотека
Почтовый адрес: Менделеевская линия, 5,
Санкт-Петербург, 199034, Россия;
ул. Садовая, 18, Санкт-Петербург, 191069, Россия
Электронный адрес: xenia.egorova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4050-6888

Аннотация

Иосиф (Юзеф) Олешкевич, выходец из польско-литовских земель, был талантливым живописцем-портретистом, который в начале XIX столетия обосновался на берегах Невы и был избран академиком Императорской Академии художеств в 1812 г. Олешкевич был известен польскому петербургскому обществу не только как художник, обладавший собственной уникальной живописной манерой и снижавший популярность у прекрасного пола за умение создавать одухотворенные женские портреты, но и как мистик, философ, вдохновенный поэт. Сейчас Олешкевич известен, прежде всего, как герой поэмы Адама Мицкевича «Дзяды». В III части поэмы, законченной в 1832 г., содержится стихотворение «Олешкевич». Художник накануне знаменитого петербургского наводнения 1824 г. произнес пророчество, которое соотносилось с библейским сюжетом и положило начало формированию апокалиптического мифа о гибели города от невских вод. Несмотря на значительное историко-культурное значение личности и творчества Олешкевича для польской культуры первой четверти XIX века, биография художника нуждается в дополнительном изучении, а специальных исследовательских работ, посвященных его творческой деятельности, не существует. Личность художника получила в историографии мифологическую трактовку, реальный человек растворился в художественном образе, созданном Мицкевичем. Представляется необходимым восполнить лакуны, существующие в нашем знании, о жизни и творчестве этого польско-литовского художника, провести дополнительные архивные разыскания, которые помогут не только уточнить некоторые детали его биографии, но и в будущем найти и атрибутировать живописные полотна, принадлежащие перу художника. Статья посвящена участию Олешкевича в академической выставке 1814 г. и установлению названий картин, которые были им выставлены в этот год. Исследование проводилось на основе материалов Российского государственного исторического архива.

Ключевые слова

Наследие Великого Княжества Литовского, Олешкевич, Мицкевич, «Дзяды», польская культура, польская живопись, Императорская Академия художеств

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РНФ № 19-18-00073-П «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.».

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 7 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 10 ноября 2023 г.

Цитирование: *Егорова К.Б.* Иосиф (Юзеф) Олешкевич — участник академической выставки 1814 года. Славянский мир в третьем тысячелетии, 2023. Т. 18. № 3–4. С. 66–74. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.04>

JOZEF OLESZKIEWICZ AS A PARTICIPANT OF AN ACADEMIC EXHIBITION IN 1814

Kseniia B. Egorova

Ph. D., Associate Professor,
Institute of History, St Petersburg University;
Senior Researcher, The National Library of Russia
Postal address: Mendeleevskaya Line, 5,
Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: xenia.egorova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4050-6888

Abstract

Jozef Oleszkiewicz, a native of the Polish-Lithuanian lands, was a talented portrait painter who settled on the banks of the Neva at the beginning of the 19th century and was elected academician of the Imperial Academy of Arts. Oleszkiewicz was known to the Polish community of St. Petersburg not only as an artist who had his own unique painting style and gained popularity among the fair sex for his ability to create inspired portraits of women, but also as a mystic, philosopher, and inspired poet. Now Oleszkiewicz is known primarily as the hero of Adam Mickiewicz's poem "Dziady". Part III of the poem, completed in 1832, contains the "Oleszkiewicz" section. On the eve of the famous St. Petersburg flood of 1824, the artist uttered a prophecy that correlated with the biblical plot and marked the beginning of the formation of an apocalyptic myth about the death of the city from the Neva waters. Despite the major historical and cultural significance of Oleszkiewicz's personality and work for Polish culture in the first quarter of the 19th century, the artist's biography needs additional study, and there are no special research works devoted to his artistic career. The personality of the artist received a mythological interpretation in historiography; the real person disappeared into the artistic image created by Mickiewicz. It seems necessary to fill the gaps that exist in our knowledge about the life and work of this Polish-Lithuanian artist, to conduct additional archival research, which will help not only to clarify some details of his biography, but also in the future to find and attribute his paintings. The article is devoted to Oleszkiewicz's participation in the academic exhibition of 1814 and to establishing the names of the paintings that were exhibited by Oleszkiewicz in that year. The study was conducted on archival materials (Russian State Historical Archive).

Keywords

Belarusian painting, heritage of the Grand Duchy of Lithuania, Oleszkiewicz, Mickiewicz, "Dziady", Polish culture, Polish painting, Imperial Academy of Arts

Funding

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation № 19-18-00073-P "National identity in the imperial policy of memory: the history of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian state in historiography and social thought of the 19th — 20th centuries".

Received 13 September 2023

Revised 7 November 2023

Accepted 10 November 2023

For citation: Egorova, K.B., 2023. Iosif (Iuzef) Oleshkevich — uchastnik akademicheskoi vystavki 1814 goda [Jozef Oleszkiewicz as a Participant of an Academic Exhibition in 1814]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 18 (3–4), pp. 66–74. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.04>

Художник Иосиф (Юзеф) Олешкевич (1777–1830) принадлежал к плеяде творцов-выходцев из Виленского учебного округа, обосновавшихся в Петербурге в первой четверти XIX столетия; его судьба не была связана с трагическими событиями, которые потрясли учебный округ и Виленский университет в 1820-е гг., когда шли следственные процессы по делу о филаретах и филوماتах. Однако в истории культуры он остался прежде всего как кумир этого поколения, пророк из поэмы Адама Мицкевича «Дзяды», имя которого появилось в III части поэмы. В современной историографии нет специальных исследований, посвященных Олешкевичу-художнику, его творческой манере и характеру живописного полотна. Лирический герой Мицкевича практически полностью заменил реального художника, который был популярен в Петербурге, чьи дамские портреты пользовались известностью. Сейчас к наследию Олешкевича обращаются музеи и коллекционеры, интересующиеся искусством современных белорусских земель (так, «Портрет дамы в синей шали» хранится в корпоративной коллекции Белгазпромбанка, а вопросы авторства и атрибуции отдельных живописных полотен активно разрабатываются белорусскими исследователями)¹.

Поиск сохранившихся полотен Олешкевича и их атрибуция являются важной исследовательской проблемой, поскольку художник вписан в художественную традицию земель бывшего Великого Княжества Литовского, его работы могут составить выставку, интересную для современной Белоруссии. В данной статье проанализирован возможный путь поиска и атрибуции живописных полотен Олешкевича через выявление материалов, связанных с организацией и проведением ежегодных торжественных собраний и выставок Императорской Академии художеств, в которых мог принимать участие Олешкевич, будучи включенным в 1812 г. в ее состав. Так, архивные разыскания сделали возможным реконструировать выставку 1814 г. и определить, как менялся состав участников выставки, а также какие полотна были представлены зрителю Олешкевичем (художнику принадлежали полотна «Хананеянка на коленях просит Спасителя о избавлении ее дочери», «Портрет князя Горчакова», «Портрет Кутузова», «Портрет графини Хитровой»)².

В сентябре 1814 г. состоялось ежегодное торжественное собрание Императорской Академии художеств, которое предварялось открытием выставки новых работ художников; в ней принимали участие профессора и члены Академии, а также пенсионеры и «ученики 4 возраста». Выставка была удостоена высочайшего внимания: 16 сентября ее посетила императрица Мария Федоровна.

¹ См., например, заметку об атрибуции портрета: *Паньшина И.Н.* К атрибуции двух портретов XIX века. Национальный художественный музей Республики Беларусь, 2010–2023 [сайт]. URL: <https://artmuseum.by/ru/k-atributcii-dvukh-portretov-xix-v> (дата обращения: 07.11.2023).

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 71. Л. 24.

Ежегодные собрания Академии художеств (обыкновенные, чрезвычайные и публичные) регламентировались первым уставом Императорской Академии художеств 1764 г., один из разделов которого назывался «О собраниях». Согласно этому разделу, «публичному собранию быть ежегодно сентября 1 дня, о коем наперед объявлять печатными листами, приглашая к оному почетных любителей и членов Академии, также и прочих знатных особ, дабы все обще могли рассуждать о предпринятых работах, за которые определяются награждения, и о принимаемых посторонних искуснейших художниках в назначенные и в академики»³. Публичные выставки, на которых зачитывались речи, освещающие достижения Академии за год, становились важной частью истории Императорской Академии художеств; постепенно вокруг ежегодных собраний, обставленных со всей торжественностью, сложилась своя церемониальная культура, которая была официально закреплена в 1774 г., когда вышел «Церемониал публичному собранию сентября 4 дня»⁴.

В 1814 г. 32 художника представили публике свои живописные полотна; среди них в зале Академии художеств были выставлены четыре работы Иосифа Олешкевича; опубликованное описание торжественного собрания 1814 г. не дает названия этих работ, но указывает, что перед взором публики предстали одна историческая картина и три портрета с натуры.

О судьбе Олешкевича — члена Императорской Академии художеств — известно немного. Юбилейный справочник Кондакова скромно указывает, что портретист Олешкевич учился живописи в Париже, а в 1812 г. был удостоен звания академика исторической живописи за полотно «Благодетельное призрение и попечение императрицы Марии Федоровны о бедных». Дата избрания Олешкевича академиком доподлинно известна, свидетельство об этом событии содержится в документах РГИА⁵, сохранилась и характеристика работы, снискавшей благосклонность почетных академистов: «Сюда же я могу причислить картину г. Олешкевича, яко уроженца Виленской губернии и российского подданного, который по сему произведению своему ласкается удостоен быть звания академика. Картина сия представляет эмблематический портрет Ее Величества императрицы Марии Федоровны. Есть ли приятно видеть в портретах знаменитых лиц физическое сходство, то еще важнее, может быть, находить в оных черты их моральные, особливо тех лиц, кои составляют счастье человеческое. Здесь художник изобразил точно добродетели, украшающие Ее Император-

³ Подробнее см.: Привилегия и Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии училищем: [Дана в Санктпетербурге ноября 4 дня 1764 года]. Санктпетербург: [Печ. при Имп. Акад. наук], [июня 9 дня] 1765. С. 36–37.

⁴ Подробнее об этом: РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 632. Л. 17.

⁵ РГИА. Дело о присвоении равным лицам званий профессора и академика, в т.ч. звание академика Иосифу Олешкевичу. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 89.

ское Величество. Благоразумие в лице сей государыни, благочестие в лице девы, на раменах которой покоится рука ее, и преклоняющееся перед нею человеколюбие, окруженное веселыми младенцами, суть черты имеющие совершенное сходство без всякой лести с чертами души сей монархини, и которые никогда не изменятся»⁶.

И хотя живописную манеру Олешкевича критиковали современники, за ним признавали талант портретиста, способного увидеть красоту лица и передать ее на холсте. Так, Станислав Моравский отмечал, что «в плане художественного мастерства Олешкевич не вполне смел и уверен в рисунке, нетвердо помнит анатомию человеческого тела, не отличается страстной, проворной, дерзкой кистью и довольно тяжел в композиции»⁷; и сразу же делал оговорку: «...душа чистая, ангельская, Олешкевич обладал особым даром изображать лицо красивее при сохранении похожести. В портрете его кисти волос мрачный и тусклый начинал переливаться стеклянным блеском, маленькие глаза становились большими и выразительными...»⁸. Эта особенность творческой манеры Олешкевича быстро сделала виленского живописца популярным в дамской среде. Станислав Моравский заключал: «Уметь идеализировать, опозитизировать физиономию малозначимую — великий талант и великая заслуга. Вот почему при таком обилии живописцев женщины последний грош несли ему, лишь бы иметь портрет от Олешкевича»⁹.

О таланте Олешкевича говорили в столице: дамы выстраивались в очередь за портретами, а прибывающие в Петербург поляки старались познакомиться с соотечественником, прославившимся своими странностями и чудаковатыми манерами, но сыгравшим важную роль в истории польского Петербурга.

Слава Олешкевича как чудака и оригинала (а он попал в знаменитую книгу Пыляева¹⁰) сослужила плохую службу для сохранения достоверной памяти об этом, безусловно, ярком польско-литовском живописце, обосновавшемся на берегах Невы. Мы крайне мало знаем о жизни Олешкевича до переезда в российскую столицу (ученик Францишка Смуглевича, обласкан вниманием богатого рода Ходкевичей), мы имеем еще меньше подлинных источников о творчестве Олешкевича в петербургский период (с 1812 г. до его смерти в 1830 г.).

⁶ Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1765, 1767–1770, 1772–1774, 1776, 1779, 1794, 1802–1815) / сост., авт. вступ. и примеч. Н.С. Беляев. СПб.: БАН, 2016. С. 175.

⁷ Моравский С. В Петербурге. 1827–1838. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост. А.И. Федута. М.: НЛО, 2010. С. 553.

⁸ Моравский С. В Петербурге. 1827–1838. С. 556.

⁹ Там же.

¹⁰ Пыляев М.И. Замечательные чудаки и оригиналы: Истории и анекдоты. М.: Захаров, 2001.

Мемуарные свидетельства (а это, помимо уже упоминавшихся воспоминаний Станислава Моравского, «Беглые очерки» земляка Олешкевича, уроженца Гродненской губернии Осипа Антоновича Пржецлавского)¹¹ неизменно характеризуют Олешкевича как «глубокого мистика» (Пржецлавский), развивавшего теорию о человеке-духе и пользе душевных страданий, равнодушного к кошкам, но равнодушного к мирским благам, или «поэта-пророка» (Моравский), который «разгорался, когда он был в ударе, а ты был с ним один на один в тот таинственный серый мистический час, речь его, словно огненный поток, изливалась из уст его»¹². Современники поочередно писали о нем то как о человеке большой учености, то как о пророке, не имеющем достаточной научной аргументации, но тонко чувствующем мир. Ораторские способности Олешкевича-пророка также оценивались мемуаристами различно: Моравский сравнил его речь с огненным потоком, Пржецлавский же, напротив, свидетельствовал, что Олешкевич говорил плохо, обрывками, путал собеседника.

Вероятно, Олешкевич имел огромный авторитет в польской среде, а потому все приезжающие в столицу поляки считали своим долгом непременно познакомиться с этим человеком, засвидетельствовать свое почтение или просто посмотреть на «знаменитого чудака и оригинала» и его образ жизни.

Пржецлавский познакомил Адама Мицкевича с художником-мистиком, это стало поворотным моментом в истории мифологизации фигуры портретиста. Образ Олешкевича окончательно разошелся с реальным персонажем и начал жить своей новой жизнью уже в качестве романтического литературного героя¹³. Олешкевич написал портрет Мицкевича и тем обеспечил себе известность как автор прижизненного портрета польского гения; Мицкевич в стихотворении «Олешкевич» изобразил художника пророком, предвещающим петербургское наводнение 1824 г. и в приступе витийства и красноречия проклинающим российскую столицу. Пржецлавский записал, что накануне наводнения Олешкевич туманно заметил, что «Нева прекрасная река, но ей доверять слишком не надо; если она скоро не замерзнет, то наделает беды»¹⁴, эти слова современники впоследствии связали с печальными событиями ноября 1824 г., когда Нева вышла из берегов и действительно «наделала беды».

¹¹ *Пржецлавский О.А.* Беглые очерки. Русская старина. 1876. Т. 16. С. 559-566; 1883. Т. 39. С. 377-406. Воспоминания Пржецлавского были недавно переизданы в сборнике: Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М.: НЛО, 2010. Тексты первой публикации об Олешкевиче и переиздания совпадают.

¹² *Моравский С.* В Петербурге. 1827-1838. С. 555.

¹³ Примечательно, что пророчества художника-мистика, вдохновившего Мицкевича, появляются и в современной массовой литературе. Так, Олешкевич появляется в недавно вышедшем в интернет-издании историческом романе Виктора Некраса «Не-доросли: холодные перспективы».

¹⁴ *Пржецлавский О.А.* Беглые очерки. С. 564.

Представляется, что Адам Мицкевич одним из первых предложил эсхатологическую трактовку сюжета о петербургском наводнении в поэме «Дзяды», ее основа — размышления о туманных пророчествах художника Олешкевича, видевшего в волнении реки грядущую гибель нового Вавилона. Этот сюжет восходит также к драме Дж. Г. Байрона «Сарданапал» (1821 г.); неопределенное высказывание Олешкевича, окруженного ореолом масонского мистицизма, было дополнено байроновской интерпретацией трагедии Сарданапала, в которой наводнение воспринималось и как знамение, предвестник гибели Сарданапала, и как часть мятежа, готовящегося против грозного правителя. Вероятно, только в контексте байроновской трактовки гибели Вавилона можно рассматривать появление устойчивого нарратива о гибели российской столицы от невских вод.

Все известные нам немногочисленные исследования, посвященные творчеству Олешкевича¹⁵, основываются на трактовке образа художника-пророка, предложенной Мицкевичем, Моравским и Пржецлавским, и не ставят задачу собрать документы, позволяющие реконструировать историю Олешкевича как художника, а не литературного романтического персонажа. Для дальнейшей разработки проблемы необходимо оставить в стороне сложившийся образ, составить полный список сохранившихся работ художника, проанализировать его творческую манеру в соотнесении с характеристикой эпохи, поднять пласт архивных материалов о его деятельности в Академии художеств. Представляется, что такая глобальная цель должна стоять перед современными исследователями художественного творчества Олешкевича.

В следующем после избрания 1813 г. Олешкевич принял участие в ежегодном академическом собрании, где были представлены четыре его работы: «Эмблематический портрет государыни императрицы Елизаветы Алексеевны» и три портрета.

Последняя академическая выставка, представившая столичной публике работы Олешкевича, была подготовлена к торжественному собранию 1814 г. Олешкевич уже традиционно представил столичному зрителю три портрета и одно историческое полотно. В опубликованных отчетах о торжественных собраниях Академии художеств не дается описания этих полотен, не приведены их названия. Наметившийся интерес белорусских музеев и коллекционеров к фигуре художника определяет первоочередную исследовательскую задачу — атрибутировать картины, уточнить их названия, начать работу по определению их нахождения в коллекциях музеев и архивов.

В фонде Российского государственного архива содержатся документы, позволяющие реконструировать историю приготовления ежегодной выставки («Дело о читанной конференц-секретарем речи на торжественном собрании 1814 г.»)¹⁶. В фонде сохранились черновые записи, относящие-

¹⁵ См.: *Свирида И.И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве: XVIII — середина XIX вв.: Очерки. М.: ОГИ, 1999. С. 82.

¹⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 71.

ся к подготовке торжества, а также представлены разные редакции списка планируемых к показу работ, которые, будучи сопоставлены, позволяют более или менее точно реконструировать состав выставки и даже развеску полотен. Анализ этих документов свидетельствует о том, что количество работ Олешкевича, представленных на суд публики и Академии, несколько раз менялось. В одной из редакций финального списка участников и полотен под именем Олешкевича значилось: «четыре картины <...> Хананеянка на коленях просит Спасителя о избавлении ее дочери. 2. Портрет князя Горчакова 3. Кутузова 4. Портрет графини Хитровой»¹⁷. Вероятно, это был окончательный список полотен, которые оказались в зале в день Торжественного собрания.

Документ позволяет нам атрибутировать картины, представленные Олешкевичем в 1814 г., но не удостоенные поименного перечисления в финальном опубликованном отчете о собрании. Историческое полотно «Хананеянка на коленях просит Спасителя о избавлении ее дочери», продолжающее линию исторических полотен в творчестве Олешкевича, не значится в коллекциях Академии художеств, Русского музея, в музеях белорусского искусства. Возможно, оно было утеряно, но мы можем надеяться, что при внимательном научно-архивном поиске нас еще ожидает его находка.

В статье на основе архивных источников были выявлены картины, выставленные Олешкевичем на академической выставке 1814 г., а также сделаны выводы о необходимости при исследовании творческого наследия художника не опираться только на сохранившийся в воспоминаниях современников образ пророка-мистика, ставшего лирическим героем поэмы «Дзяды», но привлекать широкий круг архивных источников, чтобы восстановить названия картин, принадлежащих живописцу.

Источники

Российский государственный исторический архив (РГИА). Дело о читанной конференц-секретарем речи на торжественном собрании 1814 г. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 71.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Дело о присвоении равным лицам званий профессора и академика, в т.ч. звание академика Иосифу Олешкевичу. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 89.

Моравский С. В Петербурге. 1827–1838. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост. А.И. Федута. М.: НЛЮ, 2010. С. 479–616.

Пржецлавский О.А. Беглые очерки. Русская старина. 1876. Т. 16. С. 559–566; 1883. Т. 39. С. 377–406.

Привилегия и Устав Императорской Академии трех знатнейших художеств, живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной Академии

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 71. Л. 24.

училищем: [Дана в Санктпетербурге ноября 4 дня 1764 года]. Санктпетербург: [Печ. при Имп. Акад. наук], [июня 9 дня] 1765.

Пыляев М.И. Замечательные чудачки и оригиналы: Истории и анекдоты. М.: Захаров, 2001.

Торжественные публичные собрания и отчеты Императорской Академии художеств (1765, 1767–1770, 1772–1774, 1776, 1779, 1794, 1802–1815) / сост., авт. вступ. и примеч. Н.С. Беляев. СПб.: БАН, 2016.

Литература

Паньшина И.Н. К атрибуции двух портретов XIX века. Национальный художественный музей Республики Беларусь, 2010–2023 [сайт]. URL: <https://artmuseum.by/ru/k-atribucii-dvukh-portretov-xix-v> (дата обращения: 07.11.2023).

Свирида И.И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве: XVIII — середина XIX в.: Очерки. М.: ОГИ, 1999.

References

Pan'shina, I.N., 2010–2023. To the attribution of two portraits of XIXth century. *The National Art Museum of the Republic of Belarus* [Online]. Available at: <https://artmuseum.by/ru/k-atribucii-dvukh-portretov-xix-v> (Accessed: 07.11.2023). (In Russian)

Svirida, I.I., 1999. *Between St. Petersburg, Warsaw and Vilna: Artist in the cultural space: XVIII — mid-XIX centuries: Essays*. Moscow: OGI. (In Russian)

К 85-ЛЕТИЮ С.М. ТОЛСТОЙ

TO THE 85th ANNIVERSARY OF S.M. TOLSTAYA

DOI: 10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.05

ЗАЧЕМ ИВАНКО ПАВЛОВИЧ «РЫЛ РЕКУ» В 1133 Г.?

Алексей Алексеевич Гиппиус

Доктор филологических наук, академик РАН,
главный научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: agippius@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7797-9446

Аннотация

В дискуссионном вопросе о значении сочетания рыти рѣку, употребленного в надписи на Стерженском кресте 1133 г., автор присоединяется к традиционной точке зрения, согласно которой здесь имеются в виду работы по углублению русла Волги в ее верховьях. Эта трактовка опирается на ряд прецедентов, уже приводившихся в литературе. Альтернативная версия, предполагающая отражение в надписи обряда пахания реки — магического средства вызывания дождя, — признается маловероятной по историческим и лингвистическим соображениям. Проведение работ на Верхней Волге в 1133 г. ставится в связь с засухливостью этого года, предполагать которую позволяют данные дендрохронологии. Особое значение придается факту возведения в том же 1133 г. в Новгороде нового моста через Волхов: два события трактованы как скоординированные акты, использовавшие благоприятные для строительства гидрологические условия. Синхронность этих актов рассматривается в связи с политической ситуацией момента: для князя Всеволода Мстиславича строительство моста могло быть средством укрепить свое пошатнувшееся после событий 1132 г. положение в Новгороде. В действиях же Ивана Павловича просматриваются наследственные строительные амбиции — ориентация на образец отца, ладожского посадника Павла, заложившего в 1116 г. каменную крепость в Ладоге — одновременно с закладкой Мстиславом Владимировичем новой крепости в Новгороде. Высказано предположение, что так называемый «Чудный крест», стоявший у входа на Великий мост через Волхов, был, подобно Стерженскому кресту, установлен в ознаменование строительства моста.

Ключевые слова

Стерженский крест, Великий мост в Новгороде, Иванко Павлович, дендрохронология

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 30 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 5 декабря 2023 г.

Цитирование: *Гиппиус А.А.* Зачем Иванко Павлович «рыл реку» в 1133 г.? Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 75–86. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.05>

WHY DID IVANKO PAVLOVICH “DIG THE RIVER” IN 1133?

Aleksei A. Gippius

D. Sc., Academician
of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: agippius@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7797-9446

Abstract

In the debatable issue about the meaning of the phrase *ryti rĕku*, used in the inscription on the Sterzhensky cross in 1133, the author supports the traditional point of view, according to which it means the work to deepen the riverbed of the Volga in its upper reaches. This interpretation is based on a number of precedents already cited in literature. An alternative version, which assumes that the inscription reflects the ritual of plowing the river — a magical means of causing rain — is considered unlikely for historical and linguistic reasons. The work on the Upper Volga in 1133 is put in connection with the aridity of this year, which is supported by the dendrochronology. Special importance is given to the construction of a new bridge over the Volkhov in Novgorod in the same year 1133: two events are interpreted as coordinated acts that used favorable hydrological conditions for construction. The synchronicity of these acts is considered in connection with the political situation of this period: for Prince Vsevolod Mstislavich, the construction of the bridge could be a means to strengthen his position in Novgorod, which was shaken after the events of 1132. At the same time, hereditary building ambitions are visible in the actions of Ivanko Pavlovich — following the model of his father, the Ladoga *posadnik* Pavel, who laid the stone fortress in Ladoga in 1116 — simultaneously with the laying of a new fortress in Novgorod by Mstislav Vladimirovich. It has been suggested that the so-called “Wonderful Cross”, which stood at the entrance to the Great Bridge over the Volkhov, was, like the Sterzhensky Cross, erected to commemorate the construction of the bridge.

Keywords

Sterzhensky Cross, Great Bridge in Novgorod, Ivanko Pavlovich, dendrochronology

Received 25 November 2023

Revised 30 November 2023

Accepted 5 December 2023

For citation: Gippius, A. A., 2023. Zachem Ivanko Pavlovich “ryl reku” v 1133 g.? [Why Did Ivanko Pavlovich “Dig the River” in 1133?]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 75–86. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.05>

в церкви с. Панилова (Архангельское поморье): «1707 года месяца августа 7-го дня поставлен сей образ святого креста на Орлеце по обещанию раб-отных людей, которыя ломали камень на малую Двину в новую крепость радением Михаила Волкова. Резал капитан Иван Воронцов»⁶. Опираясь на эту параллель, она предложила видеть и в Стерженском кресте обетный памятник, поставленный ради благополучного завершения начатых работ. В.В. Хухарев⁷ обратил внимание на хронологически более близкую параллель, приведенную уже в книге о русских крестах И.А. Шляпкина (правда, безотносительно к Стерженскому кресту): «В летописи Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере рассказывается о поставлении каменного креста при отводе реки Сухоны (в Кривой Луке) и Вологды около 1278 г.: “Князь же перекопа, и потече тѣмъ ровомъ великая рѣка Сухона и крестъ поставиль, и оттолѣ зовется Княже-Глѣбова прость, и оттолѣ поиде к Вологдѣ рѣкѣ и тамо такожде перекопа и крестъ поставиль”»⁸. М.А. Бобрик⁹, обсуждая возможное значение глагола *рыти* в надписи, также признает самым вероятным его буквальное истолкование как обозначения земляных работ, связанных с изменением русла реки, и ссылается на гидронимы с основой *ры(т)-* типа *Рыта*, *Рытица* и *Перерытица* (ср. в приведенной выше цитате: «потече тѣмъ ровомъ великая рѣка Сухона»).

Ввиду этих данных кажется чрезмерной осторожность С.В. Алпатова, находящего выбор в пользу какой-то одной из высказанных интерпретаций надписи невозможным¹⁰. Представляется, что обрядовая версия, при всей ее

⁶ Яшкина (Панченко) В.Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. Канун. СПб.: б. и., 1998. Вып. 4. Антропология религиозности / ред. Д.С. Лихачев. С. 338.

⁷ Хухарев В.В. Стерженский крест и каменные кресты Тверского края. Вопросы эпиграфики. Вып. VII, ч. 2. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 156.

⁸ Шляпкин И.А. Древние русские кресты. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1906. С. 16; И.А. Шляпкин приводит цитату по «Истории...» Н.М. Карамзина (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. 4. С. 357, прим. 160), где текст продолжается: «... и оттолѣ зовется Княже-Глѣбова прость и до сего дне». Карамзин цитирует Сказание о Спасо-Каменном монастыре Паисия Ярославова, созданное в конце XV в. Любопытно отметить, что в списке, взятом за основу современным изданием памятника (Прохоров Г.М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре. Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1991. [Вып.]: XI–XVI вв. С. 156) в соответствии с безусловно первоначальным *прость* ‘протока’ дважды читается *трость*. Похоже, что это разночтение возникло не без влияния библейского рассказа о Моисее: «...и ударил в скалу железом своим дважды, и потекло много воды» (Числа 20:11).

⁹ Бобрик М.А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 193–194.

¹⁰ Алпатов С.В. Реконструкция эпического компонента семантики надписи на Стерженском кресте. Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия. М.: Индрик, 2023. С. 107. Сам С.В. Алпатов как средство sobлюсти «баланс интерпретаций» предложил привлечь к трактовке надписи «средневековые восточноевропейские предания и легенды, содержащие мотивы упорядочивания природного ландшафта». В свете

привлекательности, решительно уступает строительной. Последняя не встречает никаких существенных противоречий и подкрепляется как лингвистически, так и примерами (неважно, достоверными или легендарными) установки крестов на местах проведения масштабных гидротехнических работ. На пути же обрядовой версии встает целый ряд препятствий. Это и сомнительность увековечивания установкой креста откровенно языческого обряда, и участие в нем видного представителя новгородского боярства, и немотивированность выбора именно данного места для проведения обряда. На еще одну, лингвистическую сложность обратила внимание В.Б. Яшкина (Панченко), заметив, что глагол *почахъ* вряд ли был бы уместен в подобном контексте¹¹. Действительно, по этнографическим данным, исчерпывающе представленным С.М. Толстой¹², пахание реки представляло собой разовую акцию, несомненно занимавшую намного меньше времени, чем требовалось на установку монументального каменного креста.

Цель настоящей заметки состоит, однако, не в том, чтобы, суммировав ранее сказанное, остаться при традиционной трактовке надписи. Считая эту трактовку уже достаточно обоснованной нашими предшественниками, укажем на два до сих пор не отмечавшихся факта, небезразличных для понимания исторического контекста появления Стерженского креста, который до сих пор рассматривался лишь сквозь призму новгородско-суздальской конфронтации. Первый факт извлекается из данных дендрохронологии и состоит в том, что на 1132–1133 гг. приходится одно из наиболее значительных в XII–XIII вв. угнетений, то есть резких снижений прироста годичных древесных колец, одинаково прослеживаемое на разных новгородских раскопах¹³. Такие угнетения могут, в принципе, объясняться разными факторами, но все же обнаруживают определенную корреляцию с годами засухи¹⁴. Допустив, что 1133 г. был в Новгороде засушливым и маловодным (что предполагает, например, Л.В. Алексеев¹⁵ для Смоленской земли, также с опорой на дендрохронологию), мы как будто получаем аргумент в пользу

этих параллелей водружение Стерженского креста предстает как «акт эпической саморепрезентации средневекового мужчины и вождя». См.: Там же.

¹¹ Яшкина В.Б. К вопросу о распространении каменных крестов в Древней Руси. Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования» / отв. ред. и сост. А.А. Селин. СПб.; Старая Ладога: б. и., 1998. С. 79.

¹² Толстая С.М. Пахание реки, дороги. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1986. С. 18–22.

¹³ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.) / Академия наук СССР, Институт археологии; отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1977. С. 65, 68.

¹⁴ Соломина О.Н., Кузнецова В.В., Мацковский В.В., Долгова Е.А. От чего зависит ширина годичных колец деревьев в центральной части Восточно-Европейской равнины? Известия РАН. Сер.: Географическая. 2016. № 3. С. 60–61.

¹⁵ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. С. 199.

обрядово-магической интерпретации надписи. Однако в равной степени это обстоятельство работает и на традиционную версию: маловодность реки создает благоприятные условия для проведения инженерных работ на обычно залитых водой участках русла. С этой точки зрения представляется показательной указанная в надписи дата начала работ — 14 июля, в межень (заметим, что с обрядовой версией эта дата согласуется хуже: для средней полосы России середина июля — время начала жатвы, для которой дождь как раз крайне нежелателен)¹⁶. Но особенно примечательным выглядит в данной перспективе следующий факт: в том же 1133 г., в котором Иванко Павлович «рыл реку» в верховьях Волги, в самом Новгороде был выстроен новый мост: «И томъ же лѣтъ обновиша мость цересь Волхово, рушивъше»¹⁷. Синхронность двух событий позволяет видеть в них скоординированные между собой акции новгородских властей, использовавших подходящие гидрологические условия для строительства нового моста через Волхов и углубления русла Волги у впадения ее в озеро Стерж.

Приведенное известие 1133 г. — первое достоверное летописное упоминание Великого моста через Волхов. Хронологически ему предшествует только рассказ о крещении Новгорода в версии, читаемой в летописях Новгородско-Софийской группы. Знаменитый эпизод с «палицей», которую низвергнутый идол Перуна бросил на мост, проплывая под ним, обычно считается вставкой, сделанной в XV в. на основе фольклорного источника, но может быть и органической частью рассказа, впервые появившегося в киевском летописном своде 1060-х гг.¹⁸. Впрочем, анахронизмом упоминание моста не было бы и для конца X в.: в 2018 г. в ходе подводных археологических работ на дне Волхова были обнаружены конструкции моста, датируемые второй четвертью этого столетия; стало ясно, что мост появился в Новгороде практически одновременно с возникновением города на его нынешнем месте¹⁹. В отличие от позднейшего моста на свайных опорах этот древний мост имел более сложную и массивную ряжевую конструкцию и находился на полтора метра выше по течению Волхова. Формулировка сообщения 1133 г. в принципе не исключает (хотя с обязательностью и не предполагает) того, что старый ряжевый мост был в этом году разрушен и вместо него возведен новый свайный. Следующая перестройка моста имела место в 1144 г. после его частичного разрушения поздней осенью 1143 г. («озеро морози

¹⁶ *Виноградова Л.Н., Усачева В.В.* Жатва. Славянские древности. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 192.

¹⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 23.

¹⁸ *Гиппиус А.А.* Низвержение кумиров в начальном и новгородском летописании: литературные источники и происхождение текста. Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, 16–18 апреля 2014 г.: материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 73.

¹⁹ *Степанов А.В., Степанов М.А.* Открытие древнейшего Волховского моста. Археологические открытия. 2018 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 50–54.

въ ночь, и растърза вѣтръ, и вънесе въ Волхово, и поломи мость, 4 городнѣ отинудь бе-знатбе занесе») ²⁰. В 1133 г. стихийных бедствий, которые бы предшествовали обновлению моста, летопись не отмечает. Это делает вероятным, что именно маловодность Волхова подвигла власти Новгорода на осуществление этого строительства.

Синхронность возведения нового моста через Волхов и начала обустройства нового водного пути в верховьях Волги представляет интерес и с точки зрения соотношения политических сил в Новгороде. В 1133 г. новгородский стол занимал Всеволод Мстиславич, чье положение, однако, заметно ослабло после неудачной попытки уйти на княжение в Переяславль в 1132 г., воспринятой новгородцами как измена обещанию остаться у них пожизненно. Вернувшись в Новгород, Всеволод был изгнан из него объединенными силами новгородцев, псковичей и ладожан, после чего был возвращен обратно — явно на определенных условиях. Замечательно, что 1133 г. является наиболее вероятной датой закладки Всеволодом Мстиславичем Троицкого собора во Пскове ²¹. В контексте предшествующих событий этот акт выглядит как реверанс в адрес псковичей, участвовавших в решении судьбы князя. Аналогично и строительство нового моста в Новгороде могло быть для Всеволода способом вернуть доверие горожан. Возведение моста — главной артерии, соединявшей Софийскую сторону с Торговой, осуществлялось силами всего новгородского политического сообщества. Эту коллективную ответственность ярко выражает перечисление городней Великого моста в датируемой серединой XIII в. интерполяции в «Уставе о мостех князя Ярослава». Городни с 1-й по 10-ю значатся в нем как возводимые за счет городских сотен, а городни с 12-й по 19-ю — за счет новгородских волостей. Срединная, 11-я городня определена как «княжа», а соседняя с ней 10-я — как находящаяся в ведении княжей сотни («княжа ста») ²². Таким образом, именно князь выступает в этой конфигурации как главный «мостостроитель».

Одновременность «рытья» верховьев Волги Иванком Павловичем и строительства моста через Волхов под эгидой (и, возможно, в значительной мере на средства) Всеволода Мстиславича в 1133 г. заставляет вспомнить две также синхронные строительные акции, имевшие место, согласно Новгородской первой летописи, в 1116 г., а согласно Ипатьевской — в 1114 г. В тот год отец Всеволода Мстислав Владимирович «заложил Новъгородъ болии пьрваго», а отец Иванка, ладожский посадник Павел «заложил Ладо-

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 27.

²¹ Михеев С.М. Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII в. Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 12.

²² См. анализ структуры интерполяции в: Гиппиус А.А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех». Славяноведение. 2005. № 4. С. 17.

гу городъ камянь»²³. Параллелизм этих двух пар известий представляется весьма показательным.

Не стоит упускать из вида и другую фигуру, несомненно имевшую отношение к занимающим нас событиям. В 1133 г. новгородским посадником был Петрила Микульчич. Избранный на этот пост в 1130 г., он должен был играть ключевую роль в изгнании и возвращении Всеволода в 1132 г. и быть действительным инициатором строительства нового моста. В 1134 г. Петрила лишился посадничества, которое было отдано Иванку Павловичу. Как установлено В.А. Буровым²⁴ и В.Л. Яниным²⁵, Петрила и Иванко представляли разные боярские группировки: первый происходил из Неревского конца, второй — из Людина конца. При этом Иванко, по-видимому, выполнял какие-то административные функции уже в посадничество Петрилы Микульчича: вместе с Петрилой он является вероятным адресатом берестяной грамоты № 88, автором которой был, скорее всего, сам Всеволод Мстиславич²⁶. Одновременность двух строительных акций, предпринятых в 1133 г., если взглянуть на нее с этой точки зрения, предстает как состязание амбиций предводителей двух главнейших территориальных кланов новгородского боярства²⁷.

Заканчивая эти заметки, укажем на еще одно примечательное обстоятельство. У входа на Великий мост с Софийской стороны издревле стоял так называемый Чудный или Черный крест. Хотя первое упоминание о нем относится к 1499/1500 г., предполагается, что крест появился намного раньше. Позднее предание связывает его установку с обретением креста Владимира Святославича после отражения в 1069 г. второго набега на Новгород Всеслава Полоцкого. Высказывалось и мнение о связи Чудного креста с усмирением языческого мятежа в 1071 г.²⁸ Однако сам факт нахождения креста у входа на мост позволяет задаться вопросом: не мог ли он быть

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 20. Ср. в Ипатьевской летописи: «В се же лѣѣ Мъстиславъ заложи Новъгородъ болии первого. В се же лѣѣ заложена быѣ Ладога каменiemъ на приспѣ Павломъ посадникомъ при кнѣзѣ Мъстиславѣ». См.: Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александра, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 278.

²⁴ Буров В.А. О родословии бояр Мишиничей–Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.). Древности славян и Руси / отв. ред. Б.А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 119–125.

²⁵ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1993. [Т. IX:] Из раскопок 1984–1989 гг. С. 8–9.

²⁶ Гиппиус А.А. Берестяное «хитросплетение» XII века (грамота № 88). Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 37–43.

²⁷ Ср. Гиппиус А.А. Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог / отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012.

²⁸ Гордиенко Э.А. Чудный (Черный) крест. Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь / отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 535.

изначально поставлен в память о возведении нового моста и, подобно Стерженскому кресту, увековечивать сам факт строительства? В этой связи любопытно заметить, что часовня, в которой располагался Чудный крест, принадлежала в XVI в. Никольскому Розважскому монастырю, находившемуся в южной части Неревского конца, неподалеку от исследованных на Неревском раскопе усадеб, с которых происходят берестяные грамоты, связываемые В.А. Бузовым²⁹ с посадниками Микулой, Петрилой Микульчичем и Константином Микульчичем.

Источники

- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / [Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. [С доп. М.П. Сотниковой]. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
- Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись.
- Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М.: Наука, 1964. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1–44).

Литература

- Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980.
- Аллатов С.В. Реконструкция эпического компонента семантики надписи на Стерженском кресте. Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы XII Международной научной конференции 11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия / отв. ред. Е.Л. Конявская, Л.А. Беляев. М.: Индрик, 2023. С. 107–108.
- Бобрин М.А. Маргиналии к берестяным грамотам и памятникам древнерусской эпиграфики. Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28). С. 191–201.
- Бузов В.А. О родословии бояр Мишиничей–Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.). Древности славян и Руси / отв. ред. Б.А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 119–125.
- Виноградова Л.Н., Усачева В.В. Жатва. Славянские древности. Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 191–196.
- Воронин Н.Н. Новые памятники русской эпиграфики XII в. Советская археология. 1940. Вып. VI. С. 309–315.
- Гипшиус А.А. Берестяное «хитросплетение» XII века (грамота № 88). Великий Новгород и средневековая Русь: Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 37–43.

²⁹ Бузов В.А. О родословии бояр Мишиничей–Онцифоровичей (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.). С. 119–125.

- Гиттис А.А.* К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: «Устав князя Ярослава о мостех». Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.
- Гиттис А.А.* Низвержение кумиров в начальном и новгородском летописании: литературные источники и происхождение текста. Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, 16–18 апреля 2014 г.: материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 70–75.
- Гиттис А.А.* Соперничество городских концов как фактор культурной истории Новгорода XII–XIII вв. Споры о новгородском вече: Междисциплинарный диалог / отв. ред. М.М. Кром. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2012. С. 121–136.
- Гордиенко Э.А.* Чудный (Черный) крест. Великий Новгород. История и культура IX–XVII вв. Энциклопедический словарь / отв. ред. В.Л. Янин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 535.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб.: печатано в Военной типографии Главного штаба его императорского величества, 1817. Т. 4.
- Колосов В.И.* Стерженский и Лопастичский кресты в связи с древними водными путями в верхнем Поволжье. Тверь: Твер. уч. арх. комис., 1890.
- Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы (Абсолютные дендрохронологические шкалы с 788 г. по 1970 г.). М.: Наука, 1977.
- Медынцева А.А.* Грамотность на Руси в XI–XII вв. М.: Наука, 2000.
- Михеев С.М.* Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII в. Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 7–22. <https://doi.org/10.25986/IRI.2022.4.90.002>
- Прохоров Г.М.* Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре. Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1991. [Вып.]: XI–XVI вв. С. 143–162.
- Соломина О.Н., Кузнецова В.В., Мацковский В.В., Долгова Е.А.* От чего зависит ширина годичных колец деревьев в центральной части Восточно-Европейской равнины? Известия РАН. Сер.: Географическая. 2016. № 3. С. 47–64.
- Степанов А.В., Степанов М.А.* Открытие древнейшего Волховского моста. Археологические открытия. 2018 год / отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2020. С. 50–54.
- Толстая С.М.* Пахание реки, дороги. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1986. С. 18–22.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье. Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И.М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 95–130.
- Хухарев В.В.* Стерженский крест и каменные кресты Тверского края. Вопросы эпиграфики / отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. Вып. VII. Ч. 2. С. 146–163.
- Шляпкин И.А.* Древние русские кресты. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1906.

- Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Наука, 1993. [Т. IX:] Из раскопок 1984–1989 гг.
- Яшкина (Панченко) В.Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. Канун. СПб.: б. и., 1998. Вып. 4. Антропология религиозности / ред. Д.С. Лихачев. С. 336–374.
- Яшкина В.Б. К вопросу о распространении каменных крестов в Древней Руси. Староладожский сборник. Материалы I–V конференций «Северо-Западная Русь в эпоху средневековья: междисциплинарные исследования» / отв. ред. и сост. А.А. Селин. СПб.; Старая Ладога: б. и., 1998. С.75–89.

References

- Alekseev, L.V., 1980. *Smolensk land in the 9th–13th centuries*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Alpatov, S.V., 2023. Reconstruction of the epic component of the semantics of the inscription on the Sterzhensky cross. In: E.L. Koniavskaia, L.A. Beliaev, eds, 2023. *An integrated approach to the study of Ancient Rus. Proceedings of the XII International Scientific Conference September 11–15, 2023, Moscow, Russia*. Moscow: Indrik, pp. 107–108. (In Russian)
- Bobrik, M.A., 2014. Marginalia to birch bark letters and monuments of ancient Russian epigraphy. *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (28), pp. 191–201. (In Russian)
- Burov, V.A., 1988. On the genealogy of the Mishinich-Ontsiforovich boyars (based on materials from the Nerevsky excavation site of 1951–1962). In: B.A. Timoshchuk, ed, 1988. *Antiquities of the Slavs and Rus*. Moscow: Nauka, pp. 119–125. (In Russian)
- Gippius, A.A., 2005. To the study of the princely statutes of Veliky Novgorod: The statute of Prince Yaroslav on bridges. *Slavic studies*, 4, pp. 9–24. (In Russian)
- Gippius, A.A., 2009. Birch bark “intricacy” of the 12th century (letter no. 88). In: N.A. Makarov, ed, 2009. *Veliky Novgorod and medieval Rus’: Collection of articles for the 80th anniversary of academician V.L. Yanin*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, pp. 37–43. (In Russian)
- Gippius, A.A., 2012. Rivalry between urban ends as a factor in the cultural history of Novgorod in the 12th–13th centuries. In: M.M. Krom, ed, 2012. *Disputes about the Novgorod veche*. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, pp. 121–136. (In Russian)
- Gippius, A.A., 2014. The Baptism of Kiev and Novgorod in the Tale of Bygone Years: literary sources and origin of the text. In: E.A. Mel'nikova, ed., 2014. *Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Paganism and monotheism in the processes of politogenesis: XXVI Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto, April 16–18, 2014: conference materials*. Moscow: IVI RAN, pp. 70–75. (In Russian)
- Gordienko, E.A., 2007. Wonderful (Black) cross. In: V.L. Yanin, ed, 2007. *Veliky Novgorod. History and culture of the 9th–17th centuries. Encyclopedic Dictionary*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, p. 535. (In Russian)
- Iashkina (Panchenko), V.B., 1998. Medieval stone crosses in traditional culture of the 19th–20th centuries. In: D.S. Likhachev, ed, 1998. *Kanun*. Saint Petersburg: s. l. Issue 4: Anthropology of religiosity. (In Russian)

- Iashkina, V.B., 1998. On the issue of the distribution of stone crosses in Ancient Rus. In: A.A. Selin, ed, 1998. *Proceedings of the I–V conferences “North-Western Rus in the Middle Ages: interdisciplinary research”*. Saint Petersburg; Staraya Ladoga: s. 1., pp. 75–89. (In Russian)
- Karamzin, N.M., 1817. *History of Russian State*. Saint Petersburg: pechatano v Voennoi tipografii Glavnago shtaba ego imperatorskago velichestva. Vol. 4. (In Russian)
- Khukharev, V.V., 2013. Sterzhensky cross and stone crosses of the Tver region. In: A.G. Avdeev, ed, 2013. *Epigraphy issues*. Moscow: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2013. Issue VII, part 2, pp. 146–163. (In Russian)
- Kolchin, B.A., Chernykh, N.B., 1977. *Dendrochronology of Eastern Europe (Absolute dendrochronological scales from 788 to 1970)*. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)
- Kolosov, V.I., 1890. *Sterzhensky and Lopastitsky crosses in connection with ancient waterways in the upper Volga region*. Tver: Tver. uch. arkh. komis. (In Russian)
- Medyntseva, A.A., 2000. *Literacy in Rus in the 11th–12th centuries*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Mikheev, S.M., 2022. Dated record in a Novgorod 12th century manuscript of Vsevolod Mstislavich founding the Pskov Trinity Cathedral. *Drevniaia Rus': vo-prosy medievistiki*, 4 (90), pp. 7–22. <https://doi.org/10.25986/IRI.2022.4.90.002> (In Russian)
- Prokhorov, G.M., 1991. The legend of Paisiy Yaroslavov about the Spaso-Kamenny Monastery. In: D.S. Likhachev, ed, 1991. *Book centers of Ancient Rus. XI–XVI centuries: Various aspects of research*. Saint Petersburg: Nauka. [Issue]: XI–XVI centuries, pp. 143–152. (In Russian)
- Shliapkin, I.A., 1906. *Ancient Russian crosses*. Saint Petersburg: tip. I.N. Skorokhodova. (In Russian)
- Solomina, O.N., Kuznetsova, V.V., Matskovskii, V.V., Dolgova, E.A., 2016. What determines the width of tree rings in the central part of the East European Plain? *Izvestiia RAN. Ser.: Geograficheskaiia*, 3, pp. 47–64. (In Russian)
- Stepanov, A.V., Stepanov, M.A., 2020. Opening of the ancient Volkhov Bridge. In: N.V. Lopatin, ed, 2020. *Archaeological discoveries. 2018*. Moscow: IA RAN, pp. 50–54. (In Russian)
- Tolstaia, S.M., 1986. Plowing rivers, roads. In: N.I. Tolstoi, ed, 1986. *Slavic and Balkan folklore. Spiritual culture of Polesie against the common Slavic background*. Moscow: Nauka, pp. 18–22. (In Russian)
- Tolstoi, N.I., Tolstaia, S.M., 1978. Notes on Slavic paganism. 2. Making Rain. In: I.M. Sheptunov, ed, 1978. *Slavic and Balkan folklore. Genesis. Archaic. Tradition*. Moscow: Nauka, pp. 95–130. (In Russian)
- Vinogradova, L.N., Usacheva, E.S., 2004. Zhatva. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 2, pp. 191–196. (In Russian)
- Voronin, N.N., 1940. New monuments of Russian epigraphy of the 12th century. *Sovetskaia arkheologiia*, VI, pp. 309–315. (In Russian)
- Yanin, V.L., Zalizniak, A.A., 1993. *Novgorod letters on birch bark*. Moscow: Nauka. [Vol. IX:] *From excavations of 1984–1989*. (In Russian)
- Zalizniak, A.A., 1995. *Dialect of Ancient Novgorod*. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian)

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА МИРА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ: ЖОРЖ ДЮМЕЗИЛЬ И ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

Владимир Яковлевич Петрухин

Доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Отдел средних веков,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32-А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Аннотация

Социальной доминантой русского фольклора является его крестьянская основа, связанная с земледельческим календарем. Эта основа описывается системой универсальных семантических бинарных оппозиций (С.М. Толстая), напрямую не зависящей от системы социальных противопоставлений. В былинном эпосе земледелец (Микула Селянинович) оказывается сильнее воина-богатыря. При этом на подражание древнерусским социальным верхам («князья», «бояре») ориентирован свадебный фольклор. С мотивом царской свадьбы связана и волшебная сказка о Царевне-лягушке: три царских сына должны жениться на невестах, которых определит гадание — стрельба из лука. Стрелы старших братьев попадают на престижные дворы, где их ждут княжеская / боярская и генеральская / купеческая дочери. Стрела Ивана-царевича попадает в болото в лапы лягушки. Этот сюжет стрельбы из лука соответствует (в культурной антропологии Ж. Дюмезиля) архаичной, индоевропейской в своей основе, модели распределения власти между тремя братьями — культурными героями, которые воплощают три социальные функции (высшая — сакральная, царская, средняя — воинская, низшая — «хозяйственная», обеспечивающая плодородие). Эта структура соответствует универсальной космологической трехчленной модели — верх (небесная сфера), срединная зона (атмосфера, земная поверхность), плодородный хтонический низ (почва, преисподняя). Трехфункциональную социальную структуру и космологическую модель передает и духовный «Стих о Голубиной книге», где три сословия производятся из членов тела первочеловека — Адама. Вероятно, эти тернарные структуры связаны с архаической индоевропейской моделью, переданной славянской традиции при древнем посредстве иранской (согласно исследованиям В.Н. Топорова).

Ключевые слова

Стрельба из лука, лягушка, трехфункциональная модель, бинарные оппозиции, славянский фольклор, индоевропейская мифология

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 2 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 25 ноября 2023 г.

Цитирование: *Петрухин В.Я.* Социальные аспекты образа мира в русском фольклоре: Жорж Дюмезиль и Царевна-лягушка. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 87–102. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.06>

SOCIAL ASPECTS OF THE IMAGE OF THE WORLD IN RUSSIAN FOLKLORE: GEORGES DUMÉZIL AND THE FROG PRINCESS

Vladimir Ia. Petrukhin

D. Sc., Chief Researcher,
Department of the Middle Ages,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6151-4262

Abstract

The social dominant of Russian folklore is its peasant basis, associated with the agricultural calendar. This basis is described by a system of universal semantic binary oppositions (Svetlana M. Tolstaya), which did not include social oppositions directly. In the epic, the farmer (Mikula Selyaninovich) turns out to be stronger than the warrior-hero. Wedding folklore is focused on imitation of the ancient Russian social elites (“princes”, “boyars”). The motif of the royal wedding is also connected with the fairy tale about the frog princess: the three royal sons must marry brides, who will be determined by fortune-telling archery. The arrows of the elder brothers fall into prestigious courts, where the princely/boyar and general/merchant daughters are waiting for them. The arrow of Ivan Tsarevich falls into the swamp in the paws of a frog. This plot of archery corresponds (in the cultural anthropology of G. Dumézil) to the archaic Indo-European model of the distribution of power between three brothers — cultural heroes who embody the three social functions (the highest is sacred, royal, the middle is military, the lowest is “economic” (providing fertility). This structure corresponds to the universal cosmological trinomial model — the top (celestial sphere), the middle zone (the atmosphere, the earth’s surface), and the fertile chthonic bottom (soil, underworld). The trifunctional social structure is also conveyed by the spiritual “Verse on the Golubinaya kniga”, where the three estates are made from the members of the first man — Adam. Probably, these ternary structures are associated with the archaic Indo-European model, transmitted to the Slavic tradition through the ancient mediation of the Iranian (Indo-Iranian, studied by Vladimir N. Toporov) tradition.

Keywords

Archery, frog, trifunctional model, binary oppositions, Slavic folklore, Indo-European mythology

Received 18 September 2023

Revised 2 November 2023

Accepted 25 November 2023

For citation: Petrukhin, V.Ia., 2023. Sotsial’nye aspekty obraza mira v russkom fol’klore: Zhorzh Diumezil’ i tsarevna-liagushka [Social Aspects of the Image of the World in Russian Folklore: Georges Dumézil and the Frog Princess]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 87–102. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.06>

Очевидной социальной доминантой русского фольклора является его крестьянская основа, связанная с земледельческим календарем — С.М. Толстая продемонстрировала, что народный календарь представляет «ядро всей традиционной культуры» (Толстая, 2005). Некалендарный — эпический фольклор дает ту же характерную для славянского образа мира картину: пахарь сильнее воина. Конная дружина князя-чародея Вольги не может угнаться за былинным пахарем, пашущим в поле. Даже главному герою былинного эпоса — Илье Муромцу заповедано «не биться с родом Микуловым: его любит матушка сыра земля»¹. Имя пахаря *Микула Селянинович* отсылает к «русскому богу» Николе; в восточнославянском фольклоре он не столько покровитель странствующих на море (рыбаков), каким считается в общехристианской традиции св. Николай Мирликийский, сколько календарный персонаж, определяющий начало (Никола вешний) и конец (Никола зимний) земледельческих работ². В расхожих славянских легендах Николай противопоставлен Касьяну, который кичится своим «панским» происхождением, не желает вытаскивать из грязи застрявший там воз крестьянина — поэтому заступник крестьянина Никола удостоивается двух праздников в году, память же Касьяна празднуют раз в четыре года (29 февраля)³. Напомню, что вся дружина Вольги не может вытащить из борозды сошник Микулы⁴.

Князь и его дружина не могли овладеть силой матери сырой земли, но не были лишены престижа в фольклоре, прежде всего в свадебном, а не

¹ *Петров Н.В.* Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Форум; Неолит, 2017. С. 99; ср. сказочный вариант: *Молдавский Д.М.* Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках. М.-Л.: Наука, 1966. С. 87. Впрочем, не следует Илье «ходить» и «на Вольгу Сеславича», который «возьмет не силою, а хитростью» — истинный герой несовместим с магией. В былинах Ильи — вольный казак, пребывающий вне феодальных сословий и не принимающий почестей — он отказывается стать воеводой освобожденного города:

Не дай, Господи, делати с барина холопа,
С барина холопа, с холопа дворянина,
Дворянина с холопа, из попа палача,

А также из богатыря воеводу! (*Новиков Ю.А.* Эпический мир и способы его художественного воплощения. Вильнюс: Издательство Литовского эдукологического университета, 2013. С. 182).

² *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. С. 145–147.

³ См. статьи о Николе вешнем, Николе зимнем и Касьяне в: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5. Ср. о земледельческом культе Николы: Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство Московского университета, 1982; о Касьяне — *Анастасова Е.* Магия и святость (св. Иоанн Кассиан Римский и его современные метаморфозы). Еще раз о Касьяне. Слово и человек: к столетию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 329–337.

⁴ В иранской архаической традиции, согласно В.И. Абаеву, «шаман сильнее воина»: *Абаев В.И.* Избранные труды: в 4-х томах / отв. ред. А.Л. Чибиров. Владикавказ: Издательство «Ир», 2020. Т. 1. С. 370–377.

в календарном. «Свадебный чин» XVI в., примыкающий к «Домострою» и отражающий становление русского свадебного обряда, описывает поезжан как конную дружину во главе с «тысяцким» и дружкой, жених именуется «князем», в доме невесты их встречают «седачие бояре»⁵.

Фольклорные представления о феодальной социальной иерархии сохраняет распространенная сказка о Царевне-лягушке⁶: три царских сына по повелению отца должны жениться на невестах, которых определит гадание — стрельба из лука. Стрелы старших братьев попадают на престижные дворы, где их ждут княжеская / боярская и генеральская / купцова дочери. Стрела Ивана-царевича попадает в болото и оказывается в лапах лягушки⁷. Как обычно, в русской сказке неудачник оказывается избранником и обретает чудесную невесту. Лягушка — чародейка (*хитра* в одном из вариантов сказки⁸), ее окончательное превращение в царевну требует победы над персонажами иного мира — Ягой (которая может выступать как мать лягушки) и Кощеем⁹. В русской свадебной обрядности известен обычай стрельбы

⁵ Чин свадебный / подгот. текста В.В. Колесова. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10. С. 216–239. См. сравнительные данные по славянским свадебным традициям: Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011. С. 105, 111; о соответствующей лексике молодежных игр — Морозов И.А. Женитьба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы». М.: Лабиринт, 1998 (по указателю), там же предположение о связи молодежных обрядовых дружин с архаическим дружинным бытом (с. 217–296).

⁶ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979 (СУС 402); ср. *Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Part 1: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction; part 2: Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales; part 3: Appendices. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004 (ATU 881)*. См. также в литовской традиции — *Кербелите Б. Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М.: РГГУ, 2005. Часть вторая. С. 691*.

⁷ Вариантом чудесной невесты оказывается старуха, сидящая на болоте, — воплощение хтонической стихии (*Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 163*).

⁸ См. о рукоделии (которым славилась сказочная Царевна-лягушка) как «хитрости» девушки-невесты в славянской традиции: *Бернштам Т.А. «Хитро-мудро рукодельице» (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб.: Наука, 1999. С. 191–249; ср. Баранов Д.А., Мадлевская Е.Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян. Там же. С. 122*.

⁹ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. II, № 267–269. См. о лягушке в свадебном обряде: Гура А.В. Лягушка. Славянские древности... Т. 3. М., 2004. С. 162–163; Гура А.В. Брак и свадьба... С. 644, 679; о связи лягушки с космогонией см. *Судник Т.М., Цивьян Т.В. О мифологии лягушки (балто-балканские данные). Балто-славянские исследования. 1981 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Т. М. Судник. М.: Наука, 1982. С. 138*. В славянской традиции эту связь демонстрируют изученные С.М. и Н.И. Толстыми обычаи вешать на дерево,

из ружей: дружка стрелял первый раз *промеж конем* свадебного поезда, второй раз — вверх, чтобы со всех сторон предохранить свадьбу от порчи¹⁰.

Исследователи давно обратили внимание на функции стрелы, нацеленной на невесту, в календарном¹¹ и свадебном фольклоре и любовной магии¹². Со времен А.Н. Афанасьева принято неточно толковать данные «Свадебного чина» о ложе новобрачных, по углам которого размещаются «стрѣлки» — речь идет не о стрелах-оберегах, а о столбцах, конструктивной основе кровати¹³. Иное дело — обычай расплетения стрелой косы невесты и поднятие стрелой ее брачного покрывала¹⁴: суть не в космологической семантике стрелы (как молнии в интерпретации А.Н. Афанасьева)¹⁵, а во вполне «приземленной» символике брачного соития (дефлорации). Эту символику

забор или ворота убитую лягушку, чтобы прекратить засуху. Засуха часто приписывалась повесившемуся самоубийце, нарушившему космический порядок (Толстая С.М. Лягушка, уж и другие животные в обрядах вызывания и остановки дождя. Славянский и балканский фольклор. [Вып. 6:] Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. М.: Наука, 1986. С. 22-27; Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2003. С. 85-86, 101-108): когда между небом и землей оказывалась и убитая лягушка — жертва, этот порядок восстанавливался. Славянский материал, связанный с лягушкой, имеет точные соответствия в индийской календарной обрядности — см. о вызывании дождя Васильков Я.В. Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе (Сказание о Ришьяшринге). Литература и культура древней и средневековой Индии / отв. ред. Г.А. Зограф, В. Г. Эрман. М.: Наука. 1979. С. 99-133.

¹⁰ Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. С. 327. См. также Узеньва Е.С. Стрела. Славянские древности... М., 2012. Т. 5. С. 181-182.

¹¹ Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. С. 499.

¹² См. Григорьева А.Б. Межжанровые связи свадебной поэзии (мотив «каленой стрелы»). Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Выпуск 24. Филология. Искусствоведение. С. 46-53 (там же лит.); Гура А.В. Лягушка. С. 162-163; Гура А.В. Брак и свадьба... С. 526, 634.

¹³ См. Чин свадебный. С. 218, 219. В.Я. Пропп сравнивал с сюжетом русской сказки о чудесном супруге античный роман Апулея «Метаморфозы или Золотой осел»: Психея обнаружила у кровати Амура (Купидона) его лук и стрелы — уколотившись одной из них, она прониклась любовью к богу (Пропп В.Я. Русская сказка / отв. ред. К.В. Чистов и В.И. Еремина. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 21).

¹⁴ Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 1996. С. 175-176; см. об использовании оружия и острых предметов на осетинской свадьбе и в других регионах — Багаев А.Б. Использование оружия в свадебной обрядности осетин (в период традиционного общества). Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7047> (дата обращения: 11.09.2023).

¹⁵ Метафорой молнии считал стрелу в обряде «вождения стрелы» В.Е. Гусев (Гусев В.Е. Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье. Славянский и балканский фольклор. 1986. С. 71). Целью стрелы в песенном тексте вождения оказывается, однако, «добрый молодец», что относится к брачной символике обрядовых стрел (ср. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы... С. 687-688; Узеньва Е.С. Стрела. С. 181).

сохраняет приведенная русская сказка, мотив свадебных песен о поражении невесты стрелой и былинные мотивы о состязании в стрельбе из лука героя и его невесты¹⁶.

Космологическую символику на обширном материале от древних текстов Ригведы до средневековых оттоманских трактатов об искусстве стрельбы анализирует классическая статья историка религий Ананды Кумарасвами «Символизм стрельбы из лука»¹⁷. Сам лук с натянутой тетивой воплощал космическую модель и мировую ось, стрелы, в зависимости от количества задействованных в том или ином тексте — параметры вселенной: три стрелы — небо, земля, преисподняя; семнадцать — все 16 направлений стрельбы и мировая ось. Естественно, стрельба ассоциировалась с сюжетами священного брака и добывания волшебной невесты.

Эти космологические сюжеты заставляют вспомнить знаменитую тернарную модель Ж. Дюмезиля, где ярусы вселенной соотносятся с тремя архетипическими сословиями индоевропейской традиции: жрецами, воинами и земледельцами / скотоводами («экономическая» функция). Царь в этой трехфункциональной модели воплощает все три сословия и космические зоны, поэтому в Древней Индии священник при коронации вручал ему царское оружие — лук, два «плеча» которого соотносились со сдвоенным божеством *Митра-Варуна*¹⁸ — воплощением космоса; вместе с луком царь получал три стрелы, соотносимые с тремя уровнями мироздания. Этот текст Шатапатха-брахманы приводит А. Кумарасвами¹⁹. Вручение лука при инвеституре свойственно также и всему скифо-иранскому миру: Д.С. Раевский проанализировал скифскую легенду Геродота и рассказ о передаче «скифским» Гераклом своего лука трем сыновьям: тот, кто сможет натянуть богатырский лук, унаследует скифское царство. Правда, в брак с хтоническим существом — не лягушкой, а змееногой богиней (полудевой-полузмейей), в скифской легенде пришлось вступить самому Гераклу²⁰. В.И. Абаев сам греческий термин *скиф* возводил к германскому обозначению стрелка

¹⁶ Григорьева А.Б. Межжанровые связи...; ср. Новичкова Т.А. Эпическое сватовство и свадебный обряд. Русский фольклор. Т. XXIV. Л.: Наука, 1987. С. 15–16. Ср. также в тюркско-монгольской эпической традиции: Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе. Фольклор и историческая этнография / отв. ред. Р.С. Липец. М.: Наука, 1983. С. 42–74, в том числе о «немотивированности» состязания в стрельбе с невестой — с. 60.

¹⁷ Кумарасвами А.К. Восток и Запад. Религия. Мифология. Символика. Искусство / пер. с англ. М.В. Маковчик. М.: Беловодье, 2015.

¹⁸ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / пер. с франц. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1986. С. 49–62. О восприятии трехфункциональной модели в отношении славянской мифологии см.: Гейштор А. Мифология славян / пер. А.М. Шпирт. М.: Издательство «Весь мир», 2014 и послесловие Л. Слупецкого, там же. С. 305–306.

¹⁹ Кумарасвами А.К. Восток и Запад. С. 119.

²⁰ Раевский Д.С. Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухина, М.Н. Погребовой. М., 2006. С. 35–105.

из лука²¹; широкое распространение иранского (индоиранского) сюжета в Европе позволило В.И. Абаеву привлечь к его исследованию литературную сказку о трех братьях Л.Н. Толстого, указав на ее связь с трехфункциональной моделью Ж. Дюмезиля.

В этой сказке²² у богатого крестьянина («мужика») было три сына — Семен-воин, Тарас Брюхан и Иван-дурак. Старшие братья добиваются войска и богатства, младший остается кормить хлебопашеством отца и мать. Иван выручает попавших в беду братьев и преодолевает козни чертей — нечистой силы. Абаев подчеркивает, что именно Иван оказывается носителем высшей сакральной функции; при этом он остается пахарем в соответствии с архаической славянской традицией. Достаточно напомнить об основателях легендарных славянских династий — полянском Кие и польском Пясте, носивших «орудийные», связанные с земледелием имена²³.

В ранней работе мне представлялось, что с тернарной моделью мира у славян связаны рассказы восточных авторов IX в. о трех «центрах» (видах) Руси, определенно не соотносимых с древнерусскими городами, за исключением Киева — *Куйаба*; город *Салавийя* (*Слава*) традиционно отождествляется с Новгородом на том основании, что тот основан, по летописи, новгородскими словенами и расположен в отдалении от прочих городов; третий центр, *Арса*, локализация которого загадочна, может считаться главным (там резиденция царя русов) и сакральным — туда нет доступа иноземцам, однако оттуда приходят купцы²⁴. Эти скудные данные с трудом соотносятся с трехфункциональной моделью Дюмезиля: функции сакрального центра совмещаются с торговыми.

В.И. Абаев на основе сравнительного изучения архаических эпических традиций предположил, что трехфункциональную модель славянского языческого пантеона воплощает триада *Свантовит — Перун — Велес*, которой в былинном эпосе соответствует триада «старших» богатырей: *Святогор — Вольга — Микула*²⁵. Гипотеза допускает существование общеславянского пантеона, ибо Свантовит известен лишь в западнославянской традиции,

²¹ См. к «скифо-европейским изоглоссам» — Абаев В.И. Избранные труды: в 4-х томах. Т. 2. С. 270–271.

²² Толстой Л.Н. Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 317–341.

²³ Петрухин В.Я. Русь в IX–X вв.: от призвания варягов до выбора веры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2017. С. 110–111.

²⁴ Петрухин В.Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция. Художественный язык средневековья / отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 143–158. См. последнее комментированное издание текстов: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009 (по географическому указателю). Т. III: Восточные источники / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.

²⁵ Абаев В.И. Избранные труды: в 4-х томах. Т. 1. С. 360.

а «скотий бог» Волос / Велес не входил в состав летописного древнерусского пантеона²⁶. При этом былинный Святогор наделяется сакральной функцией на основе форманта *свят-*, в эпосе он представлен как первобытный великан, которого не носит «мать сыра земля» — он вынужден обитать на далеких каменистых горах (не связанных с лесистыми холмами Киева)²⁷.

Не менее гипотетичным остается «этническое» происхождение сказочного сюжета о волшебной стрельбе из лука. Ираноязычных скифов и сарматов / аланов в степи сменили тюрки, не менее знаменитые стрелки из лука, освоившие причерноморские степи тогда же, когда славяне стали расселяться по рекам Восточной Европы²⁸. Критики Ж. Дюмезиля постоянно обращали внимание на широкое распространение трехфункциональной модели вне индоевропейского мира²⁹.

В русской внесказочной традиции трехфункциональная модель явлена духовным «Стихом о Голубиной книге», где происхождение трех «сословий» связано с космогоническим актом творения из частей первосущества:

*Оттого у нас цари пошли —
От святой главы от Адамовой;
Оттого зачались князья-бояры —
От святых мощей от Адамовых;
От того крестьяны православные —
От свята колена от Адамова³⁰.*

Первосуществом в этом сюжете оказывается библейский Адам, что естественно для духовного стиха: само название стиха В.Н. Топоров, особое внимание уделявший иранским основам древней славянской культуры, связывал с зороастрийской «Книгой глубин» (Бундахишн)³¹. Существенно, что в этой русской «редакции» трехфункциональной модели отсутствует

²⁶ См. *Гейштор А.* Мифология славян / пер. А.М. Шпирт. М.: Издательство «Весь мир», 2014. Очевидно при этом включение иранских персонажей в пантеон и воздействие иранской традиции на славянскую дохристианскую религию: см. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. В 2 т. М.: Гнозис — Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 508–600.

²⁷ О киевских горах см.: *Белова О.В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 88–96. См. о происхождении имени Святогор: *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Святогор. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 491–492.

²⁸ См. о хазарском воздействии на мотивы стрельбы из лука в древнерусском искусстве: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X вв. С. 340–353.

²⁹ См., в частности, работу африканиста В.М. Мисюгина о трех братьях: *Мисюгин В.М.* Три брата. СПб.: Наука, 2009.

³⁰ Народные духовные стихи / сост. Ф.М. Селиванов. М.: Русская книга, 2004. С. 38. Ср. о корнях сюжета в Ригведе (X. 90): *Шохин В.К.* Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.). М., 2023 [в печати]. С. 370.

³¹ *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2006. Том II. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 1. С. 225–227.

высшая «жреческо-юридическая» часть: ее замещает царь³²; неявной оказывается и функция богатства — «купеческая»; в стихе — ее, видимо, осуществляет крестьянство; при этом Царевна-лягушка перемещается в сказке из низшей третьей функции (хтонического болота) в высшую — царскую. Так или иначе, приводимая в духовном стихе тернарная модель тяготеет к бинарной. Эта модель представляется доминантной в славянской архаической культуре³³; недаром при составлении этнолингвистического словаря «Славянские древности» С.М. Толстая подготовила обобщающую (отсылочную) статью «Оппозиции семантические», которые практически не включали социальных противопоставлений³⁴. Реконструируемый индоевропейский «основной миф» описывает космогонию как борьбу двух начал — небесного и хтонического: громовник поражает своего змеевидного противника громовыми стрелами, очищая от его присутствия элементы мироздания и освобождая плодородную влагу³⁵. Так и в иранском Бундахишне первосущество — первый смертный Гайомарт: ему и его создателю Ормазду противостоял Злой дух (Ахриман) в образе «бревеннообразной ящерицы» — лягушки³⁶. В другом варианте лягушка должна была угрожать мировому дереву, содержавшему напиток бессмертия³⁷: она была воплощением хтонического хаоса. Три брата появляются в Бундахишне как далекие потомки первочеловека, рожденные от самого Зардушта — Заратуштры: старший стал главой жрецов, средний — земледельцев, третий — воинов³⁸ (в зороастрийской традиции праведный труд был более почетен, чем война). С книгой Бундахишн сюжет стиха о Голубиной книге роднит этиологическое перечисление реалий земного мира — главой людей и вещей стал Гайомарт, главой коз — белая антилопа, перечислены главы гор и т.д.³⁹ Стрела (стрельба из лука) упоминается в книге Бундахишн в связи с битвой небесного коня Тиштара с черным жеребцом преисподней, приносящим

³² Образ царя синтезирует все социальные функции: см. о ритуале первой запашки, производимой царем на древнем Востоке (в Индии и Китае — *Васильков Я.В.* Земледельческий миф... С. 112-114).

³³ См. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М.: Наука, 1965.

³⁴ *Толстая С.М.* Оппозиции семантические. Славянские древности... Т. 3. С. 557-558. К сфере социального может относиться оппозиция *богатый — убогий*, но и она связана с архаическими представлениями о *боге*, как воплощении блага, формировавшимися под воздействием иранской традиции.

³⁵ *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. С. 86-94.

³⁶ Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / изд. подготовлено О.М. Чунаковой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. С. 270.

³⁷ Там же. С. 289-290.

³⁸ Там же. С. 309.

³⁹ Там же. С. 298 и сл.

засуху: гром и молния, плодородный дождь появляются во время этой битвы (вариант реконструируемого индоевропейского «основного мифа») ⁴⁰.

Замечательный образец мифологической стрельбы вне индоевропейской традиции дает карельская руна на сюжет мирового дерева — «большого дуба» начальных времен: дерево нужно было срубить, ибо оно загораживало светила. В руне, опубликованной М.В. Кундозеровой ⁴¹, сюжет ориентирован на заговор против колик. Колики (прострелы) вызывают болезнетворные стрелы, происходящие от дубовых щепок, попавших в руки ведьмы. О них прознала нечистая сила (ведьма), и три ее сына — Немошный, Хромой и Слепой взялись за стрельбу: «Немошный стрелы изготовлял, Хромой лук натягивал, Слепой стрелял». Первая стрела попала «земле-матушке в ноги», вторая едва не расколола «небесную крышку», третья попала в стальную гору, от которой отскочила «в плоть человека-бедняги», ее-то врачевателю следует вытащить из плоти зубами.

Распространенный сюжет космогонической стрельбы в противоположном регионе евразийского пространства связан с деяниями китайского культурного героя стрелка И (Хоу-и): он уничтожает стрелами девять из палящих десяти солнц, спасая мир от их жара (а не раскалывая небо, как в карельской руне) ⁴².

С более «приземленным» мотивом добывания «невесты» (полонянки) в чужой земле связан рассказ о первоначальной победе русичей над половцами в «Слове о полку Игореве»: «въ пятькъ потопташа поганяя плъкы половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты». Но Русская земля в «Слове» была уже «за шеломянемъ»: там, в чужом пространстве, за холмом «чръныя тучя съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солнца [...] Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго [...] Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрѣя плъкы Игоревы» ⁴³. Предполагается, что четыре солнца в этом фрагменте «Слова» символизируют не отсутствие правильного мироустройства (как десять солнц в китайском мифе), а грядущее поражение четырех русских князей. В мифопоэтическом контексте «Слова» это «языческое» отождествление князей, потомков солнечного бога («Дажьбожьих внуков») со светилами ⁴⁴ актуализи-

⁴⁰ Зороастрийские тексты... С. 274.

⁴¹ Кундозерова М.В. Концепт мироздания в карельских рунах / науч. ред. А.М. Петров. Петрозаводск: Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории, 2020. С. 219–221.

⁴² Б.Р. [Рифтин Б.И.] И. Мифологический словарь. С. 225.

⁴³ Слово о полку Игореве / подгот. текста О.В. Творогова. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 256.

⁴⁴ См. Соколова Л.В. Солнце. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / отв. ред. О.В. Творогов. Т. 5. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. С. 24–26. Ср. Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. С. 133–160.

зируется в «поганой» Половецкой земле, где ветры — вредоносные стрелы, внуки языческого Стрибога⁴⁵. Сквозная метафора в «Слове» — отождествление битвы со свадьбой, сватовством и свадебным пиром, наряду с метафорой битвы как жатвы⁴⁶.

Доминантой древнерусской культуры, как и фольклора, остается земледельческий «код».

Источники

- Абаев В.И.* Избранные труды: в 4-х т. / отв. ред. А.Л. Чибиров. Владикавказ: Издательство «Ир», 2020.
- Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 1996.
- Б.Р.* [Рифтин Б.И.]. И. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 225.
- Гейштор А.* Мифология славян / пер. А.М. Шпирт. М.: Издательство «Весь мир», 2014.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. III: Восточные источники / сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин.
- Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / изд. подготовлено О.М. Чунаковой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Святогор. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 491–492.
- Кербелите Б.* Типы народных сказок. Структурно-семантическая классификация литовских народных сказок. М.: РГГУ, 2005. Часть вторая.
- Молдавский Д.М.* Господин леший, господин барин и мы с мужиком. Записки о сказочниках. М.-Л.: Наука, 1966.
- Народные духовные стихи / сост. Ф.М. Селиванов. М.: Русская книга, 2004.
- Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. II, № 267–269.
- Слово о полку Игореве / подгот. текста О.В. Творогова. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 254–267.
- Соколова Л.В.* Солнце. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / отв. ред. О.В. Творогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 24–26.

⁴⁵ Дажьбог и Стрибог — божества древнерусского летописного пантеона, В.Н. Топоров (как и В.И. Абаев и др.) считал их иранскими по происхождению (*Топоров В.Н.* Святошь... С. 526–531).

⁴⁶ *Гаспаров Б.М.* Поэтика «Слова о полку Игореве». С. 39–80; можно оспорить соотношение стрел — ветров, Стрибожьих внуков, с плодородным дождем, необходимым для сева-битвы (Там же. С. 423). Очевидна поражающая, демоническая функция этих стрел «поганых» половцев, связываемых с языческим божеством.

Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

Толстой Л.Н. Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10. С. 317–341.

Чин свадебный / подгот. текста В.В. Колесова. Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10. С. 216–239.

Uther H.-J. The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004. Part 1: Animal Tales, Tales of Magic, Religious Tales, and Realistic Tales, with an Introduction; part 2: Tales of the Stupid Ogre, Anecdotes and Jokes, and Formula Tales; part 3: Appendices.

Литература

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

Анастасова Е. Магия и святость (св. Иоанн Кассиан Римский и его современные метаморфозы). Еще раз о Касьяне. Слово и человек: к столетию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 329–337.

Багаев А.Б. Использование оружия в свадебной обрядности осетин (в период традиционного общества). Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7047> (дата обращения: 11.09.2023).

Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008.

Васильков Я.В. Земледельческий миф в древнеиндийском эпосе (Сказание о Ришьяшринге). Литература и культура древней и средневековой Индии / отв. ред. Г.А. Зограф, В.Г. Эрман. М.: Наука. 1979. С. 99–133.

Гаспаров Б.М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000.

Григорьева А.Б. Межжанровые связи свадебной поэзии (мотив «каленной стрелы»). Вестник Челябинского государственного университета. 2008. Выпуск 24. Филология. Искусствоведение. С. 46–53.

Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М.: Индрик, 2011.

Гура А.В. Лягушка. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 162–164.

Гусев В.Е. Вождение «стрелы» («сулы») в Восточном Полесье. Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1986. [Вып. 6:] Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. С. 63–76.

Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / пер. с франц. Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1986.

- Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы / отв. ред. Т.А. Бернштам. СПб.: Наука, 1999.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М.: Наука, 1965.
- Кумарасвами А.К. Восток и Запад. Религия. Мифология. Символика. Искусство / пер. с англ. М.В. Маковчик. М.: Беловодье, 2015.
- Кундозерова М.В. Концепт мироздания в карельских рунах / науч. ред. А.М. Петров. Петрозаводск: Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории, 2020.
- Липец Р.С. «Завоеванная женщина» в тюрко-монгольском эпосе. Фольклор и историческая этнография / отв. ред. Р.С. Липец. М.: Наука, 1983. С. 42–74.
- Мисюгин В.М. Три брата. СПб.: Наука, 2009.
- Морозов И.А. Женильба добра молодца. Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женильбы». М.: Лабиринт, 1998.
- Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.
- Новиков Ю.А. Эпический мир и способы его художественного воплощения. Вильнюс: Издательство Литовского эдукологического университета «Эдукология», 2013.
- Новичкова Т.А. Эпическое сватовство и свадебный обряд. Русский фольклор. Л.: Наука, 1987. Т. XXIV. С. 3–20.
- Петров Н.В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Форум; Неолит, 2017. 3-е, испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2017.
- Петрухин В.Я. Три «центра» Руси. Фольклорные истоки и историческая традиция. Художественный язык средневековья / отв. ред. В.А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 143–158.
- Протт В.Я. Русская сказка / отв. ред. К.В. Чистов и В.И. Еремина. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры / предисл. В.Я. Петрухина, М.Н. Погребовой. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Судник Т.М., Цивьян Т.В. О мифологии лягушки (балто-балканские данные). Балто-славянские исследования. 1981 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов, Т.М. Судник. М.: Наука, 1982. С. 137–155.
- Толстая С.М. Лягушка, уж и другие животные в обрядах вызывания и остановки дождя. Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1986. [Вып. 6:] Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н.И. Толстой. С. 22–27.
- Толстая С.М. Оппозиции семантические. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 557–558.

- Толстая С.М. Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005.
- Толстой Н.И. Очерки славянского язычества / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2003.
- Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М., 2006. Том II. Индо-европейские языки и индоевропеистика. Книга 1. С. 225–227.
- Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. В 2-х томах. М.: Гнозис — Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Узенёва Е.С. Стрела. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 181–182.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Издательство Московского университета, 1982.
- Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси (XI — середина XV в.). М., 2023 [в печати].

References

- Agapkina, T.A., 2002. *Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Anastasova, E., 2023. Magic and holiness (St. John Cassian of Rome and his modern metamorphoses). Once again about Kasyan. In: S.M. Tolstaya, ed, 2023. *Word and Man: on the occasion of centenary of the birth of academician Nikita Ilytch Tolstoy*. Moscow: Indrik, pp. 329–337. (In Russian)
- Bagaev, A.B., 2012. Use of weapons in the wedding ritual of the Ossetians (in the period of traditional society). *Modern problems of science and education*, 5 [Online]. Available at: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7047> (accessed: 11.09.2023). (In Russian)
- Belova, O.V., Petrukhin, V.Ya. 2008. *Folklore and Literature: Myth and Historical Realities*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Bernshtam, T.A., ed, 1999. *Woman and the material world among the peoples of Russia and Europe*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Coomaraswamy, A.K., 2015. *East and West. Religion. Mythology. Symbolism. Art*. Moscow: Belovod'e. (In Russian)
- Gasparov, B.M., 2000. Poetics “The Tale of Igor’s Campaign”. Moscow: Agraf. (In Russian)
- Grigorieva, A.B., 2008. Intergenre connections of wedding poetry (motif of the “red-hot arrow”. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, 24, pp. 46–53. (In Russian)
- Gura, A.V., 2004. Frog. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 3, pp. 162–164. (In Russian)
- Gura, A.V., 2011. *Marriage and Wedding in Slavic Folk Culture: Semantics and Symbolism*. Moscow: Indrik. (In Russian)

- Gusev, V.E., 1986. Driving the “arrow” (“sula”) in Eastern Polesie. Slavic and Balkan folklore. In: N.I. Tolstoy, ed, 1986. *Spiritual culture of Polesie on the all-Slavic background*. Moscow: Nauka, pp. 63–76. (In Russian)
- Dobrovolskaya, V.E., 2009. *Subject realities of the Russian fairy tale*. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol’klor. (In Russian)
- Dumézil, G., 1986. *Supreme gods of the Indo-Europeans*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ivanov, Viach. Vs., Toporov, V. N., 1965. *Slavic language modeling semiotic systems. Ancient period*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ivanov, Viach. Vs., Toporov, V.N., 1974. *Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues of text reconstruction*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Kundozerova, M.V., 2020. *The concept of the universe in the Karelian runes*. Petrozavodsk: Federal’nyi issledovatel’skii tsentr “Karel’skii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk”, Institut iazyka, literatury i istorii. (In Russian)
- Lipets, R.S., 1983. “The Conquered Woman” in the Turkic-Mongolian epic. In: R.S. Lipets, ed, 1983. *Folklore and historical ethnography*. Moscow: Nauka, pp. 42–74. (In Russian)
- Misiugin, V.M., 2009. *Three brothers*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Morozov, I.A., 1998. *Marriage of good fellows. The origin and typology of traditional youth entertainment with the symbolism of “wedding” / “marriage”*. Moscow: Labyrinth. (In Russian)
- Morozov, I.A., Sleptsova, I.S., Ostrovsky, E.B., Smolnikov, S.N., Minyukhina, E.A., 1997. *Spiritual culture of Northern Belozerye. Ethnodialectic dictionary*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
- Novikov, Yu. A., 2013. *Epic world and ways of its artistic embodiment*. Vilnius: Izdatel’stvo Litovskogo edukologicheskogo universiteta “Edukologija”. (In Russian)
- Petrov, N.V., 2017. *Russian epos: heroes and plots*. Moscow: Forum; Neolit. (In Russian)
- Petrukhin, V.Ya., 1982. Three “centers” of Russia. Folklore origins and historical tradition. In: Karpushin V.A., ed, 1982. *The artistic language of the Middle Ages*. Moscow: Nauka, pp. 143–158. (In Russian)
- Propp, V.Ya., 1984. *Russian fairy tale*. Leningrad: Izdatel’stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian)
- Raevsky, D.S., 2006. *World of Scythian culture*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russian)
- Shokhin, V.K., 2023. *Ancient India in the culture of Russia (11th — the middle of the 15th century)*. Moscow [in print]. (In Russian)
- Sudnik, T.M., Tsivyan, T.V., 1982. On the mythology of the frog (Balto-Balkan data). In: Viach. Vs. Ivanov, T.M. Sudnik, eds, 1982. *Balto-Slavic Studies. 1981*. Moscow: Nauka, pp. 137–155. (In Russian)
- Tolstaya, S.M., 1986. Frog, and other animals in the rites of causing rain. In: N.I. Tolstoy, ed, 1986. *Slavic and Balkan folklore*. Moscow: Nauka. [Issue 6]: *Spiritual culture of Polesie on the all-Slavic background*. pp. 22–27. (In Russian)

- Tolstaya, S.M., 2004. Semantic oppositions. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 3, pp. 557–558. (In Russian)
- Tolstaya, S.M., 2005. *Polesie folk calendar*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Tolstoy, N.I., 2003. *Essays on Slavic paganism*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Toporov, V.N., 1995. *Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture*. In 2 vols. Moscow: Gnosis — School “Languages of Russian Culture”. (In Russian)
- Toporov, V.N., 2006. *Research on etymology and semantics*. Moscow: Languages of Russian culture. Volume II: *Indo-European Languages and Indo-European Studies*. Book 1, pp. 225–227. (In Russian)
- Uspensky, B.A., 1982. *Philological searches in the field of Slavic antiquities*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Uzeneva, E.S., 2012. Strela. In: N.I. Tolstoy, ed, 2012. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 5, pp. 181–182. (In Russian)
- Vasilkov, Ya.V., 1979. Agricultural myth in the ancient Indian epic (The Legend of Rishyashring). In: G.A. Zograf, V.G. Erman, eds, 1979. *Literature and culture of ancient and medieval India*. Moscow: Nauka, pp. 99–133. (In Russian)

ОБ ИЗУЧЕНИИ КРАИНЫ МЕТОХИЯ В КОСОВЕ НА ОСНОВЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ЦИФРОВОГО ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА

Андрей Николаевич Соболев

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН,
внеплановый профессор
Марбургского университета
Почтовый адрес: Тучков переулок, 9,
Санкт-Петербург, 199053, Россия
Электронный адрес: andrey.n.sobolev@gmail.com,
sobolev@staff.uni-marburg.de
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Аннотация

В статье обосновывается необходимость составления интерактивного цифрового этнолингвистического атласа косовской крайины Метохия (алб. Rrafshi i Dikagjinit «Дукадьжинская равнина»), в которой уникальным образом в течение уже двух тысячелетий с различными результатами взаимодействовали и взаимодействуют такие этнические и лингвистические группы, как палеобалканские племена, римляне, албанцы, балканские романцы, южные славяне, румелийские и анатолийские турки, а также цыгане (рома, ашкали и «египтяне») и др. Вплоть до настоящего времени языки и культуры этой крайины исследуются по отдельности, даже в изоляции друг от друга.

Формирование российского научного дискурса по всему кругу вопросов метохийской этнолингвистики представляется важной задачей нашей балканистики, причем термин «этнолингвистический» в соответствии с общим синтезирующим и агрегационным подходом балканского языкознания предлагается использовать в обоих его принятых в российской науке значениях. Поднимается проблема специфики языкового, этнолингвистического (этноязыкового) и культурно-антропологического ландшафта Метохии на общевалканском фоне и ставится вопрос: сложился ли на этой территории вследствие многовековых тесных контактов между населяющими ее этнолингвистическими группами языковой и культурный союз? Для решения проблемы предлагается ареальное исследование языковой, диалектной и культурно-антропологической микродифференциации всех языков и культур крайины в связи с местными этническими и социальными процессами, включая в первую очередь межэтническое, социальное, межконфессиональное, культурное и языковое взаимодействие.

В программу атласа предлагается включить этноязыковые и социолнгвистические вопросы, включая этническое самоопределение, миграции, лингвистические аспекты брачных стратегий и пр.; далее — вопросы, отражающие все уровни языковой структуры всех известных науке метохийских территориальных говоров и социальных диалектов; а также — вопросы этнолингвистики в традиционном для российской науки понимании.

Атлас позволит ответить на вопрос о причинах, ходе и механизмах формирования языковых и культурных союзов или блокировки таких конвергентных процессов в отдельных микроареалах Балканского полуострова.

Ключевые слова

Балканский языковой союз, балканский союз культур, Косово, Метохия, албанский язык, балканороманские языки, южнославянские языки, турецкий язык, цыганские диалекты Балкан, языковые контакты, культурные контакты

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00244.

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 7 октября 2023 г.

Статья принята в печать 12 ноября 2023 г.

Цитирование: *Соболев А.Н.* Об изучении краины Метохия в Косове на основе интерактивного цифрового этнолингвистического атласа. *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2023. Т. 18. № 3–4. С. 103–114. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.07>

INVESTIGATING THE REGION OF METOHİJA IN KOSOVO THROUGH AN INTERACTIVE DIGITAL ETHNOLINGUISTIC ATLAS

Andrey N. Sobolev

D. Sc., professor, Chief Researcher,
Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
extranumeral professor
of the University of Marburg
Postal address: Tuchkov lane, 9,
Saint Petersburg, 199053, Russia
E-mail: andrey.n.sobolev@gmail.com,
sobolev@staff.uni-marburg.de
ORCID: 0000-0003-2673-9228

Abstract

The article advocates for the imperative need to compile an interactive digital ethnolinguistic atlas of the Metohija region in Kosovo (Alb. Rrafshi i Dukagjinit, “Dukagjin Plain”). Over the course of two millennia, this area has been a unique arena for interaction among diverse ethnic and linguistic groups, including paleo-Balkan tribes, Romans, Albanians, Balkan Romance speakers, South Slavs, Rumelian and Anatolian Turks, as well as Roma (Romani, Ashkali, and “Egyptians”), among others. Remarkably, the languages and cultures of this region are still studied independently, often in isolation from one another.

The formation of a comprehensive Russian scientific discourse on a range of Metohija ethnolinguistic issues is deemed a crucial task within Balkan studies. The term “ethnolinguistic,” in line with the overarching synthesizing and aggregating approach of Balkan linguistics, is proposed to be employed in both its accepted meanings in Russian academia — ‘ethnolinguistic’ (e.g., ethnolinguistic groups of people) and ‘investigating language in relation to culture’ (e.g., Moscow Ethnolinguistic School).

The article raises the question of the specificity of the linguistic, ethnolinguistic, and cultural-anthropological landscape of Metohija against the backdrop of the broader Balkan context. It queries whether, due to centuries of close contacts between its ethnolinguistic groups, a linguistic and cultural union has evolved on this territory. To address this issue, an areal study is proposed, investigating the linguistic, dialectal, and cultural-anthropological micro-differentiation of all languages and cultures within the region in relation to local ethnic and social processes, focusing on interethnic, social, interfaith, cultural, and linguistic interactions.

The proposed atlas program includes ethnolinguistic and sociolinguistic inquiries, covering ethnic self-identification, migrations, linguistic aspects of marital strategies, etc. Subsequently, it encompasses questions reflecting all levels of language structure across the known Metohija territorial varieties and social dialects. Additionally, it addresses questions of ethnolinguistics in the traditional sense within Russian scientific understanding.

The atlas aims to provide insights into the reasons, processes, and mechanisms behind the formation of linguistic and cultural unions or the hindrance of such convergent processes in specific micro-areas of the Balkan Peninsula.

Keywords

Balkan Linguistic Union, Balkan Cultural Union, Kosovo, Metohija, Albanian language, Balkan Romance languages, South Slavic languages, Turkish language, Romani dialects in the Balkans, language contacts, cultural contacts

Funding

This research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 19-18-00244.

Received 23 September 2023

Revised 7 October 2023

Accepted 12 November 2023

For citation: Sobolev, A.N., 2023. Ob izuchenii krainy Metokhiia v Kosove na osnove interaktivnogo tsifrovogo étnolingvističeskogo atlasa [Investigating the Region of Metohija in Kosovo through an Interactive Digital Ethnolinguistic Atlas]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 103–114. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.07>

В Юго-Восточной Европе есть несколько крупных регионов, вековая политическая напряженность вокруг которых никак не отражается на пробуждении международного интереса к их изучению ни в балканском языкознании, ни в балканской культурной антропологии. Обе отрасли балканской лингвокультурной антропогеографии (научной исследовательской дисциплины «балканистика»), интенсивно развивающейся в настоящее время в Западной Европе, США и России, уже десятилетиями равнодушны к многоязычной Северной Греции и многоязычному Косово и Метохии¹.

Косово и Метохия (далее — Косово) — спорная политическая территория в западной части Балканского полуострова. После распада Югославии, проведения специальной военной операции НАТО в 1999 г., размещения в Косове контингента войск НАТО и объявления здесь государственной независимости Организация Объединенных Наций, Республика Сербия, Россия и др. продолжают считать данную территорию Автономным краем в составе Республики Сербия. Для США, части стран Евросоюза, Албании и др. речь идет о частично признанном государстве. С антропогеографической точки

¹ См. обобщающие публикации: Handbuch Balkan / ed. U. Hinrichs. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.; Zeitschrift für Balkanologie / red. P. Himstedt-Vaid. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. Bd. 58. № 1 / 2; Friedman V., Joseph B. The Balkan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.

зрения, территория Косова объединяет две крупные краины — Косово поле (алб. Fusha e Kosovës) и Метохию (алб. Rrafshi i Dukagjinit «Дукадьжинская равнина»), которые расчленяются далее на ряд малых краин включая города. На территории Метохии антропогеографы вычленяют в первую очередь краины Ругова (алб. Rugova), Метохийское подгорье (алб. Podguri i Pejës), собственно Метохию (алб. Fusha e Dukagjinit «Дукадьжинское поле»), Прекорупле, Подриму (алб. Lugu i Drinit, Anadrini), Хас (алб. Has), Призренское поле, Призренское подгорье (алб. Podguri i Prizrenit), Гору (алб. Gora), Ополе (алб. Oroja), жупу Средачка (алб. Srecka), жупу Сиринич (алб. Siriniq) и др., причем между сербской и албанской номенклатурами есть существенные различия не только в названиях, но и в составе единиц. Метохийские города — Исток (Istok, алб. Istog, Burim), Печ (Пећ / Реć, алб. Pejë), Дечани (Deçani, алб. Deçan), Джьяковица (Ђаковица / Đakovica, алб. Gjakovë), Ораховац (Orahovac, алб. Rahovec) и Призрен (Prizren, алб. Prizren). Этноязыковой состав каждой краины индивидуален: в настоящее время Метохию в целом населяют албанцы-мусульмане (сунниты и шииты различных тарикатов), албанцы-католики, православные сербы, православные черногорцы, бошняки (сербохорватскоязычные мусульмане), гораны (славяне-мусульмане области Гора, или македонцы мусульманского вероисповедания), турки-османы, а также различные группы цыган (рома, ашкали, «египтяне») и др. Для периода Античности и Средних веков предполагается существование палеобалканского этноязыкового субстрата и романского суперстрата и адстрата, греческого культурно-языкового суперстрата.

В ходе составления рабочей библиографии научных публикаций по диакронической и синхронной этноязыковой композиции, лингвистическому и этнолингвистическому описанию Метохии (с учетом диалектологических исследований славистов Г. Элезовича, М. Стевановича, М. Павловича, Д. Барьяктаревича, М. Букумирича, П. Ивича, Р. Младеновича и др., албанистов И. Айети, А.В. Десницкой, Б. Беци, коллектива авторов «Диалектологического атласа албанского языка» (в который включены 12 пп. с интересующей нас территории), тюркологов Ю. Суреи, Э. Жабле (опубликовавших материал о турецких идиомах гг. Призрена, Печи и с. Мамуша²); ономастических изысканий С. Пуляхи, М. Пешикана, М. Гркович; антропогеографических штудий М. Лутовца, М. Филиповича, М. Краснич, вплоть до новейших описаний отдельных малых краин в изданиях Приштинского института албанистики и многоязычных международных лингвистических атласов (ОЛА, АЛЕ, ОКДА)) оказалось, что в науке накоплено достаточное количество надежных первичных данных, несомненно позволяющее создать новый синтез знаний о краине³. Наука в XXI в. наконец обрела возможность

² *Jable E.* Kosova türk ağızları (incelme — metin — sözlük): Yayınlanmamış doktora tezi. Sakarya: Sakarya üniversite sosyal bilimler enstitüsü, 2010.

³ Ср. *Lutovac M.* La Metohija: Étude de géographie humaine. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1935.

агрегировать достоверные и аутентичные знания об этничности, языке, традиционной духовной и материальной культуре (то есть о языковых и культурных кодах) всех этнических групп этого балканского микрорегиона. При этом хорошо заметно, что несмотря на давний устойчивый интерес российских исследователей⁴ количество наших работ о собственно Метохии очень невелико, тогда как продолжение формирования российского научного дискурса по всему кругу вопросов метохийской этнолингвистики, не вторичного по отношению к уже бытующим и конфликтующим («западному», сербскому, албанскому, турецкому) дискурсам и равно с ними претендующего на верховенство толкования «косовско-метохийского вопроса», представляется важной задачей нашей балканистики. Политический Косовский кризис не является препятствием для свойственного современной российской лингвистической и культурно-антропологической балканистике объективного изучения языков и культур региона во взаимодействии с международным научным сообществом.

На относительно небольшой территории Метохии наблюдается, вне сомнения, уникальное по своему разнообразию сочетание языковых и этнических ситуаций, состояний и процессов. Например, в краине Ругова могла иметь место смена населения; в формировании Хаса особую роль сыграли миграции, внутриэтническая конфессиональная раздробленность албанцев (христиане-католики и мусульмане), а также разделение местного албанского говора и его культурного ареала политической границей; в Опое очевидно произошла смена как языка, так и предшествующей славянской этнической идентификации на албанскую; в Метохии в узком понимании имел место руральный симбиоз этнических групп, а в г. Призрен — урбанный; Гора демонстрирует уникальный этно- и лингвогенезис с итоговым формированием особой горанской этноязыковой общности, тогда как Средска и Подрима — (частичную) смену вероисповедания при сохранении языка, а в Сириниче, напротив, произошла этническая, культурная и диалектная консолидация сербского населения; в г. Дъжяковица наблюдалась отчетливая этническая сепарация, тогда как в г. Ораховац — типологически редкая для Западных Балкан смена языка (албанского на сербохорватский) с сохранением исконной этнической, то есть албанской, идентификации⁵. Свою немалую роль в этих процессах сыграли повсеместный романский субстрат (и адстрат в городах), турецкий суперстрат (и адстрат в городах), цыганский адстрат; для православного населения бесспорна роль высокопрестижной греческой православной культуры. Несмотря на очевидную специфику положения дел в каждой из малых краин Метохии и слабую развитость балканской

⁴ См. *Ястребов И.С.* Обычай и песни турецких сербов (в Призрене, Ипекке, Мораве и Дибре). СПб.: Типография В.С. Балашева, 1886.

⁵ *Морозова М.С., Русаков А.Ю.* Городское сообщество Ораховца: язык, история, самоидентификация. Стратегии межбалканской коммуникации: перевод / отв. ред. И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 136-159.

урбанной диалектологии вообще, на современном уровне наших познаний возможно вычленение областей симбиоза, экзо- и эндогамии, (новых) миграций и (ранней) седентаризации, сепарации и (этнических, конфессиональных и языковых) трансфертов, а также соотнесение их с физико-географическими характеристиками отдельных территорий, с проходившими здесь историческими, социальными и культурными процессами. Горные краины вроде Руговы, Горы и Сиринича демонстрируют иной вектор развития нежели равнины, а села и малые города вроде Печи, Дъжяковицы — иной, нежели крупный даже на общеполубалканском фоне административный, военный, торговый и культурный центр Призрен; преимущественно мусульманские районы — иной, нежели христианские и конфессионально смешанные; районы сохранения архаики противопоставлены районам инноваций (христианизирующих, османизирующих, вестернизирующих и пр.), а районы билингвизма — областям его отсутствия.

В лингвистическом и культурно-антропологическом отношении Метохия как многоязычное целое и (периферийный) субареал балканского языкового союза никогда не изучалась. Языки и культуры этой краины обычно исследуются по отдельности, даже в изоляции друг от друга, специализированными идиоэтническими филологиями (албанистика, славистика (преимущественно — сербистика), тюркология, ромология) и «национальными этнографиями». В настоящее время имеется возможность поставить актуальную проблему специфики языкового, этнолингвистического (этноязыкового) и культурно-антропологического ландшафта Метохии на общеполубалканском фоне и предложить ответ на дискуссионный вопрос: сложился ли на этой территории вследствие многовековых тесных контактов между населяющими ее этнолингвистическими группами языковой и культурный союз? И если нет, то по каким причинам. В области теории следует подвергнуть проверке выдвинутую в российской балканистике гипотезу о необходимости и достаточности *регулярных функциональных соответствий между языковыми единицами и категориями группы контактирующих языков* для признания такой группы конвергентной, то есть языковым союзом⁶.

Сбор системно организованных количественно релевантных, локализованных во времени (в синхронии и диахронии) и пространстве высококачественных первичных (опубликованных, архивных, полевых) данных по всем языкам и культурам Метохии и применение к ним методов картографии, историко-лингвистического, культурно-антропологического, формального и количественного анализа позволит приступить к их холистическому изучению и установить как минимум эвристически ценные корреляции между ними, а как максимум — системные, закономерные, регулярные отношения между единичными и групповыми фактами географии, языка и

⁶ Sobolev A.N. Balkan Sprachbund theory as a research paradigm. Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact / ed. A.N. Sobolev. Berlin; New York: De Gruyter, 2021. P. 285–314.

культуры разных этнических групп, и в итоге ответить на вопрос о причинах (не)формирования языкового и культурного союза на (части) территории этой страны.

В частности, опираясь на уже накопленные в науке (в том числе — в российской) сведения, включая данные многоязычных трудов «Atlas linguarum Euforae» и «Общекарпатский диалектологический атлас», можно приступить к детальному исследованию диалектной микродифференциации всех языков и культур страны, ее связи с местными этническими и социальными процессами, включая в первую очередь межэтническое, социальное, межконфессиональное, культурное и языковое взаимодействие. Например, из перспективы современного контактного балканского языкознания целесообразно детально рассмотреть такие дифференциальные признаки албанских говоров Метохии⁷, как ретракции ударения, наличие носовых гласных фонем, наличие долгих гласных фонем, лабиализация /a/, упрощение дифтонгов, отсутствие палатальных смычных / аффрикат в ряде лексем, неразличение палатальных и постальвеолярных аффрикат, сохранение анлаута носовой + смычный, формы артикля, наличие гегского инфинитива, формы конъюнктива, формы вспомогательных глаголов, флексии презенса и имперфекта индикатива, перфект актива со вспомогательным глаголом 'быть' и др. Аналогичным образом следует поступить с диалектными различительными признаками сербохорватских, горанских (македонских), турецких и цыганских говоров региона. Установление контактной обусловленности (или резистентности относительно контактного воздействия) дифференциальных признаков этих языков на территории Метохии впервые в балканском языкознании позволит рассмотреть в максимальном приближении процессы конвергенции (и ее блокировки) не пары, но целого ряда контактирующих неблизкородственных идиомов.

Подобным же образом целесообразно исследовать характеристики материальной и духовной культуры населяющих страну этнических групп. В частности, центральную роль следует отвести традиционной одежде — яркому многозначному кумулятивному маркеру возраста, пола, этнической идентификации, вероисповедания, иногда — языка, места проживания, социального статуса, профессии и иных характеристик человека⁸. Как знак культуры этноязыковой группы, часть ее культурного, семиотического кода и самостоятельный информационный код (или даже семиотическая система), одежда (в первую очередь костюм как группа функционально взаимосвязанных и взаимообусловленных предметов) отражает не только этнодифференцирующую специфику, но и результаты взаимодействия с другими этноязыковыми группами и взаимовлияния между ними. Мето-

⁷ Десницкая А.В. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.

⁸ Калашникова Н.М. Семиотика народного костюма: учебное пособие. СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2016. Изд. 2-е.

хийские костюмы — повседневный, праздничный, траурный, обрядовый, фольклорный — включают в свой состав головной убор (это, например, чалма, телеша (плис), феска, шубара, шайкача, капа (черногорская), европейская шляпа и пр.; платок, вуаль, хиджаб, паранджа и пр.), одежду (это, например, нательная плечевая рубаша, плечевые — жилет (антерия, джемадан и пр.), пиджак; куртка, плащ, пальто; распашные — например халат, поясные — штаны, юбки, шаровары и пр.) и обувь (албанские опинги и сербские опанки, кондуре, папуче и пр.). Можно установить импликационные, композиционные отношения между очевидно и неочевидно этноспецифически или конфессионально маркированными предметами одежды, выявить стратегии формирования костюма. При условии обеспечения сопоставимости конструктивного, прагматического, функционального, семантического планов предметов костюма (например, свадебного) и их названий возможно установление регулярных сходств и различий между метохийскими этноязыковыми группами.

Далее, хорошие новые перспективы открывает инновационное этнолингвистическое исследование А.А. Плотниковой⁹, в котором в общем южнославянском контексте представлена сербская обрядовая лексика, семантика и прагматика, зафиксированные в г. Исток, г. Печ, г. Дечани, г. Призрен с ближайшей округой, в районах Призренского Подгорья, Подримы, Жупы Средска и Жупы Сиринич. Будущее сравнительно-сопоставительное и картографическое исследование может сконцентрироваться на ныне известных метохийских албанских, турецких, цыганских и иных южнославянских параллелях к таким явлениям, как хрононимы Рождества, рождественский хлеб типа «чесница», рождественское полено типа «бадняк» (ср. алб. badnjak), масленичные костры и факелы, легенда о дерзкой старухе «Баба Марта» (ср. алб. ditvere), заклинания против змей в день св. Иеремии, весенне-летние девические обходы, обряд вызывания дождя типа «додола», праздник по случаю рождения ребенка, ребенок-участник свадьбы типа «наконьче», голошение по покойному, поминальная трапеза типа «софра», поминки в течение года после смерти, жертвенное животное на поминках (ср. алб. kurban), мифологические персонажи типа «вила» (ср. алб. zana), ходячий покойник типа «гробник» (ср. алб. lugati), ведьма (ср. алб. shtriga), воздушные и иные демоны (ср. алб. kallukanxha) и пр.

В цифровой век можно полагать, что для перманентного ввода, корректирования и пополнения, организации, ручной и автоматической обработки, а также бессрочного хранения в цифровом виде крупных комплексов первичных статистических, лингвистических и культурно-антропологиче-

⁹ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004; ср. Толстая С.М. Лексика традиционной духовной культуры Косова в южнославянской и общеславянской перспективе. Косово и Метохија у цивилизацијским токовима. Међународни тематски зборник / ур. Д. Маликовић. Косовска Митровица: Универзитет у Приштини, 2010. Књ. 1. Језик и народна традиција. С. 381-389.

ческих данных по различным этноязыковым группам Метохии наиболее целесообразным будет создание особого агрегационного интернет-ресурса — «Этнолингвистического атласа краины Метохия». Некоторый прогресс в области цифровой ареальной лингвистики, в том числе и в связи с составлением обобщающего «Atlas of the Balkan Linguistic Area»¹⁰, вселяет надежду на успешное рассмотрение под современным цифровым увеличительным стеклом положения дел и в отдельных краинах Балкан. При этом термин «этнолингвистический» в соответствии с общим синтезирующим и агрегационным подходом балканского языкознания можно использовать в обоих его принятых в российской науке значениях — ‘этноязыковой’ (например, этнолингвистические / этноязыковые группы людей) и ‘исследующий язык в его отношении к культуре’ (например, Московская этнолингвистическая школа).

Сетка пунктов такого атласа могла бы представлять все малые, руральные и урбанные краины Метохии, с учетом их физико-географических и антропогеографических доминант, а также степени их изученности в опубликованных или доступных в рукописном виде источниках. Программа атласа могла бы обратиться к аспектам этничности, языка и культуры, наиболее релевантным для этнолингвистических групп Балкан вообще и Метохии в частности. В первый единый тематический блок программы можно отнести этноязыковые и социоллингвистические вопросы, включая этническое самоопределение, миграции, лингвистические аспекты брачных стратегий¹¹, исторический и современный социоллингвистический статус языков и идиомов, билингвизм и пр., вплоть до вопросов бытования письменности — греческой, латинской, кириллической, арабской и еврейской (в том числе в ритуальных практиках, культовых центрах, местах захоронений, системе светского и религиозного образования и пр.). Непреходящей ценностью будут обладать цифровые этноязыковые карты метохийской территории¹². Ко второму, собственно внутрilingвистическому блоку относились бы вопросы, отражающие все уровни языковой структуры всех известных науке на сегодняшний день метохийских территориальных говоров и социальных диалектов; здесь представляется уместным применить к метохийским языкам и идиомам прежде всего исследовательскую про-

¹⁰ Atlas of the Balkan Linguistic Area Online / eds E. Adamou, A.N. Sobolev. 2023. URL: <https://abla.cnrs.fr> (дата обращения: 11.11.2023).

¹¹ См. *Lutovac M.* La Metohija: Étude de géographie humaine. P. 76 о “mélange des races” в Метохии в узком смысле.

¹² См. первые российские разработки в: *Gorlov N.G., Morozova M.S., Sobolev A.N.* Ethnolinguistic groups of Southeastern Europe: Ways of presentation. Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26-28 June, 2023 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. Part I. P. 326-344.

грамму «Atlas of the Balkan Linguistic Area»¹³, но существенно расширить ее в антропоцентрическом направлении (интересны, например, метохийские обозначения женщин в соответствии с возрастом, статусом и ролью — младенец, девочка, девушка, сестра, невеста, невестка, роженица, золовка, мать, свекровь, тетя, бабушка и пр., а также их коннотации и традиционный культурный контекст бытования; нельзя обойти вниманием терминологию жилого дома (алб. *kulla*), традиционного ориентального быта, питания, виноделия, оружия, музыки (гусли и ляхута, барабаны, свирели, колокольчики; ориентальные и западноевропейские инструменты), торговли (чаршия, пазар, дюкян, продавница и пр.), народную фитонимию и соответствующие практики, включая медицинские, а также антропонимию и топонимию). Третий блок составили бы вопросы этнолингвистики в традиционном для российской науки понимании — термины народного календаря, мифологии, защитной магии, обрядов перехода, музыкальных традиций, взаимодействия язычества, ислама и христианства включая роль культовых центров вроде Печской архиепископии, святых людей, а также дервишей призрачных тарикатов синани, саади, кадери, халвети и пр. Важно принять во внимание и доминанты метохийской культуры, такие как честь, достоинство, гостеприимство, гордость, кровная месть, любовь к традиции (см. алб. *kumbargia* ‘свойство’, *vëllamia* ‘братство’).

Не имеющий аналогов в современной российской и мировой науке интерактивный цифровой этнолингвистический атлас, агрегирующий релевантные языковые и культурно-антропологические сведения о всех этноязыковых группах малого балканского региона, отягощенного затяжным политическим конфликтом, позволит выявить закономерности (результаты, механизмы, ход и причины) этнолингвистического взаимодействия и факторы, предопределяющие формирование языковых и культурных союзов или препятствующие ему. Сформированная в российской балканистике теория языковых союзов предоставляет парадигму для глубокого изучения и убедительного решения фундаментальных вопросов языковой, этнической и культурной конвергенции, а имеющиеся практические наработки (прежде всего в виде аналоговых и цифровых атласов) и высокие профессиональные квалификации работающих в нашей стране специалистов вселяют уверенность в успешном решении этой уникальной задачи.

¹³ Atlas of the Balkan Linguistic Area Online / eds E. Adamou, A. N. Sobolev. 2023. URL: <https://abla.cnrs.fr> (дата обращения: 11.11.2023); Sobolev A.N. Serbian North Metochian idiom of the village of Tuchepe in the Atlas of the Balkan Linguistic Area. Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Part II. P. 1067-1091.

Литература

- Десницкая А.В. Албанский язык и его диалекты. Л.: Наука, 1968.
- Калашикова Н.М. Семиотика народного костюма: учебное пособие. Изд. 2-е. СПб.: ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2016.
- Морозова М.С., Русаков А.Ю. Городское сообщество Ораховца: язык, история, самоидентификация. Стратегии межбалканской коммуникации: перевод / отв. ред. И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 136–159.
- Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Толстая С.М. Лексика традиционной духовной культуры Косова в южнославянской и общеславянской перспективе. Косово и Метохија у цивилизацијским токовима. Међународни тематски зборник / ур. Д. Маликовић. Косовска Митровица: Универзитет у Приштини, 2010. Књ. 1. Језик и народна традиција. С. 381–389.
- Јатребов И.С. Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипекке, Мораве и Дибре). СПб: Типография В.С. Балашева, 1886.
- Atlas of the Balkan Linguistic Area Online / eds E. Adamou, A.N. Sobolev. 2023. URL: <https://abla.cnrs.fr> (дата обращения: 11.11.2023).
- Friedman V., Joseph B. The Balkan Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2024.
- Handbuch Balkan / hrsg. von U. Hinrichs. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014.
- Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023 / edited by Nikolai N. Kazansky. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS, 2023. Part I–II.
- Jable E. Kosova türk ağızları (incelme — metin — sözlük): Yayınlanmamış doktora tezi. Sakarya: Sakarya üniversite sosyal bilimler enstitüsü, 2010.
- Lutovac M. La Metohija: Étude de géographie humaine. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1935.
- Sobolev A.N. Balkan Sprachbund theory as a research paradigm. Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact / ed. A.N. Sobolev. Berlin; New York: De Gruyter, 2021. P. 285–314.
- Zeitschrift für Balkanologie / red. P. Himstedt-Vaid. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2022. Bd. 58. № 1 / 2.

References

- Adamou, E., Sobolev, A.N., eds, 2023. *Atlas of the Balkan Linguistic Area Online*. Available at: <https://abla.cnrs.fr> (accessed: 11.11.2023).
- Desnitskaia, A.V., 1968. *Albanian language and its dialects*. Leningrad: Nauka. (In Russian)
- Friedman, V., Joseph, B., 2024. *The Balkan Languages*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Himstedt-Vaid, P., ed, 2022. *Zeitschrift für Balkanologie*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, Bd. 58. № 1 / 2.
- Hinrichs, U., ed, 2014. *Handbuch Balkan*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Jable, E., 2010. Kosova türk ağızları (incelme — metin — sözlük): Yayınlanmamış doktora tezi. Sakarya: Sakarya üniversite sosyal bilimler enstitüsü.
- Kalashnikova, N.M., 2016. *Semiotics of folk costume: a textbook. 2nd ed.* Saint Petersburg: FGBOU VO “SPbGUPTD”. (In Russian)
- Kazansky, N.N., ed, 2023. *Indo-European Linguistics and Classical Philology XXVII (Joseph M. Tronsky memorial Conference). Proceedings of the International Conference, St. Petersburg, 26–28 June, 2023*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS. Part I–II.
- Lutovac, M., 1935. *La Metohija: Étude de géographie humaine*. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion.
- Morozova, M.S., Rusakov, A. Yu. Urban community of Orahovac: language, history, self-identification. In: I.A. Sedakova, ed, 2022. *Strategies of inter-Balkan communication: translation*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, pp. 136–159. (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2004. *Ethnolinguistic geography of Southern Slavia*. Moscow: Indrik. (In Russian)
- Sobolev, A.N., 2021. Balkan Sprachbund theory as a research paradigm. In: A.N. Sobolev, ed., 2021. *Separation and Symbiosis: Southeastern European Languages and Cultures in Contact*. Berlin; New York: De Gruyter, P. 285–314.
- Tolstaya, S.M., 2010. Lexicon of traditional spiritual culture of Kosovo in the South Slavic and pan-Slavic perspective. In: D. Maliković, ed, 2010. *Kosovo and Metohija in civilization currents. International thematic collection*. Kosovska Mitrovica: University of Priština. Book 1. Language and folk tradition, pp. 381–389. (In Russian)
- Yastrebov, I.S., 1886. *Customs and songs of Turkish Serbs (in Prizren, Ipek, Morava, and Dibre)*. Saint Petersburg: Typography of V.S. Balashev. (In Russian)

ОБ ОДНОМ НАЗВАНИИ ВОЛКА В СЕРБИИ: АРХАИКА ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Анна Аркадьевна Плотникова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: annaplotn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Аннотация

В статье рассматриваются две гипотезы происхождения лексемы *kurjak* 'волк' в сербском языке. Слово имеет ограниченный ареал бытования в сербскохорватском диалектном пространстве (распространяясь и на диалекты восточной Боснии, Черногории), входит в словарный состав сербского литературного языка. Компактный ареал лексемы в центре Южной Славии может свидетельствовать о славянском архаическом происхождении слова (письменные ономастические фиксации известны с начала XIV в., как показывает работа А. Ломы по топонимии средневековой грамоты). Более распространенная гипотеза о турецком заимствовании также заслуживает всестороннего рассмотрения. В обоих случаях к анализу привлекается фольклорно-этнографический материал, помогающий выявить возможные следы почитания волка на славянских Балканах: во-первых, опасному зверю приносится жертвоприношение в виде петуха, курицы, цыпленка (сербско-болгарское пограничье); во-вторых, табуированные названия вредоносных животных, в том числе с использованием матерной брани, могут служить подкрепляющим фактором в случае заимствования турецкого *kyuruk* с последующей контаминацией со славянским бранным словом при наименовании волка. В обоих случаях этнолингвистические и картографические данные представляются наиболее верным шагом к решению проблемы автохтонного появления / заимствования лексемы в сербском языковом пространстве.

Ключевые слова

Сербская лексика, диалекты, заимствования, культ волка, жертвоприношение, народный календарь, этнолингвистика, ареалогия, сербско-болгарское пограничье, Балканы

Статья поступила в редакцию 10 августа 2023 г.

Статья доработана автором 13 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 15 ноября 2023 г.

Цитирование: Плотникова А.А. Об одном названии волка в Сербии: архаика или инновация? Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 115–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.08>

ON ONE NAME FOR A WOLF IN SERBIA: ARCHAICS OR INNOVATION?

Anna A. Plotnikova

D. Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: annaplotn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Abstract

The article considers two hypotheses of the origin of the word *kurjak* ‘wolf’ in the Serbian language. This word has a limited existence in the Serbo-Croatian dialect space (spreading to the dialects of Eastern Bosnia and Montenegro). However, it is included in the vocabulary of the Serbian literary language. The compact area of usage in the center of Southern Slavia may denote the Slavic archaic origin of the word (as the written onomastic fixations have been known since the beginning of the 14th century, based on the work of A. Loma). The more common hypothesis of Turkish borrowing also has the right to be comprehensively analyzed. In both cases, folklore and ethnographic material is involved in the analysis, which helps to find some possible traces of the wolf veneration in the Slavic Balkans. Firstly, a sacrifice is made to a dangerous beast with a rooster, hen or chicken (Serbian-Bulgarian border). Secondly, the taboo names of harmful animals, including the use of swearing, can serve as a reinforcing factor in the case of borrowing the Turkish *kuyruk* with subsequent contamination with the Slavic swear word when naming a wolf. In both cases, ethnolinguistic and cartographic data seem to be the most correct route towards solving the problem of the autochthonous / borrowed nature of this word in the Serbian language space.

Keywords

Serbian lexicon, dialects, borrowings, wolf cult, sacrifice, national calendar, ethnolinguistics, areaology, Serbian-Bulgarian border, Balkans

Received 10 August 2023

Revised 13 November 2023

Accepted 15 November 2023

For citation: Plotnikova, A.A., 2023. Ob odnom nazvanii volka v Serbii: arkhaiika ili innovatsiia? [On One Name for a Wolf in Serbia: Archaics or Innovation?]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 115–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.08>

В центральной части южнославянского континуума в диалектах бывшего сербскохорватского языка регулярно функционирует название волка *курјак*: с.-серб., ц.-серб., черног., босн. *курјак*. Слово известно и широко употребляется в северной Сербии (Воеводина), центральной, западной, восточной и отчасти юго-восточной Сербии, а также в Черногории и Боснии.

Данная лексема может быть заимствована из турецкого языка, где функционирует *kurt* ‘волк’; ср. также серб. обл. *kurjuk, kujruk* из тур. *kuyruk* с тем же или близким значением (тур. лит. *kuyruk* ‘хвост’, ‘волк’)¹. Выводы об ареале лексемы на сербской лингвистической территории сделаны на основе данных диалектных словарей, при этом следует отметить, что рассматриваемый турцизм вошел и в литературный сербский язык наряду со славизмом *вук*. Указания в литературных словарях сербскохорватского языка на производные от *курјак* свидетельствуют о тенденции к расширению форм и значений: *курјаков* ‘волчий’, *курјакуша* ‘дробь для волка’ — в словаре Матицы Сербской 1969 г.²; *курјаче, курјачић* ‘волченос’, *курјачица* ‘самка волка’, *курјачји, курјачки* ‘волчий’³ и т. д. Любопытно, что уже в первом из указанных словарей приводится и целый ряд поговорок с использованием лексемы *курјак*: *курјак длаку мења а ћуди никада* «волк шерсть меняет, а норы — никогда»; *и курјаци сити и овци на броју* «и волки сыты, и овцы целы»; *с курјацима треба урлати* «с волками жить — по волчьей выть» и др.⁴

Если по сведениям из диалектных словарей представить карту распределения наименований *курјак*, то на западе сербскохорватского диалектного ареала условной крайней «точкой» будет регион Рогатицы в восточной Боснии, где отмечено *курјак* ‘волк’⁵, а на юго-востоке — район Понишавья; в частности, в пиротских диалектных текстах о встрече с волком отмечены фразы, поясняющие, что волка называют и *влк* (*влиц, вличиште тека ћи окамо* «волки, волчары — так их называем»), и *курјак* (*курјакът, тој влк*,

¹ В данной статье отвергается гипотеза П. Скока о происхождении лексемы *курјак* из венгерского, в чем автор согласен с такими учеными, как А. Лома, А.В. Дыбо и др. Петар Скок данное название волка связывал с венг. *kurya* ‘волк’, указывая на уподобление слову *вук* по конечной согласной, однако остается неизвестным, в каких зонах Венгрии это наименование отметил ученый, поскольку волк по-венгерски — *farkas*, букв. ‘хвостатый’. Чисто теоретически это был бы небезосновательный аргумент в пользу дополнительного «подкрепляющего» фактора для табуированного названия волка с учетом широкого распространения самого слова *курјак* в значении ‘волк’ в центральной части Южной Славии. См. в: *Shok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972. Knj. 2. S. 243.

² Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска, 1969. Т. 3. С. 135. (Далее РСКХЈ).

³ Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011. С. 603.

⁴ Речник српскохрватскога... С. 135.

⁵ *Јахић Џ.* Ловачка лексика и фразеологија у Рогатичком крају. Српски дијалектолошки зборник. 1983. Књ. 29. С. 361.

курјак све једно «“курьяк”, этот волк, “курьяк” — всё одно»)⁶. В восточной Сербии лексема *курјак* и ее производные известны на Тимоке: *курјаковина* ‘шкура волка’, ‘часть одежды из шкуры волка’, *курјачетина* ‘волчара’⁷, то же фиксируется и при полевых исследованиях восточной Сербии⁸. Вместе с тем лексема отсутствует в диалектных словарях из южной Сербии Г. Элезовича, М. Златановича, а также и в словарях македонского языка, см., например, трехтомный словарь македонского языка 1961–1966 гг.⁹ Другими словами, лексема практически не фиксируется как на юге Сербии, так и в других южнославянских языках, а также на западе и на востоке от обозначенной выше территории. Ареал наименований лексемы *курјак* можно охарактеризовать как компактный центрально-южнославянский. Последнее наводит на мысль о второй гипотезе происхождения слова, бытующего в ограниченном ареале сербскохорватского языка, — собственно славянской.

В пользу архаических старосербских значений слова могут быть признаны топонимы из Грамоты короля Милутина монастырю Баньска (*Бањска хрисовуља краља Милутина*, или *Повеља краља Милутина манастиру Бањска*, или *Светостефанска хрисовуља*¹⁰), исследованной сербским ученым А. Ломой в объемной монографии, посвященной старосербской топонимике в средневековой «Баньской грамоте»¹¹: нижняя граница датировки грамоты рассматривается как 1312–1313 гг. В «Словаре топонимов, отмеченных в Баньской грамоте», который занимает центральную часть монографии, приводятся следующие наименования: *Курјак* и *Курјач рт* в Старой Сербии (область Рашка) как обозначения приблизительно одного и того же места — горы, определяющей надель земли. А. Лома дает также сведения о сходных топонимах в этой местности: старое наименование села *Курјача* (по турецким источникам), гора (982 м) под существующим до сих пор названием *Курјача*, а в качестве дополнительных сведений упоминается топоним *Курјача* — высокий холм в Маевице (северо-восточная Босния)¹². Автором выдвигается предположение о том, что топоним происходит из ст.-серб.

⁶ *Ђирић Љ.* Говори Понишавља. Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књ. 46. С. 241.

⁷ *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик, 2008. С. 370.

⁸ Благодарю Е.И. Якушкину за сведения из лингвистических экспедиций, проведенных вместе со студентами в восточной Сербии и других частях сербского лингвистического пространства.

⁹ Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1961. Т. I: А-Н.

¹⁰ По наименованию монастыря Святого Стефана в местечке Баньска, построенного королем Милутином в качестве прижизненного дара живым (*задужбина*), а также и своей будущей гробницы.

¹¹ *Лома А.* Топонимија Бањске Хрисовуље. Ка осмишлењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенских именовних образаца. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.

¹² Там же. С. 126.

поссесивного прилагательного *курјач* (как принадлежащий, возможно, волку)¹³. В статье словаря *Курјак* при анализе упомянутого в грамоте топонима *Курјач рт* дискуссионная проблема представлена подробнее, с указанием на возможную праславянскую лексему *kurъjakъ из *kurъjъ ‘куриный’.

По мнению А. Ломы, связь названий волка и курицы может объясняться только употреблением наименований волка в насмешливом, унизительно-ругательном значении, чему посвящается дальнейшая часть словарной статьи автора. Ученый пишет о том, что если лексема *курјак* — слово, появившееся в сербском языке до XIV в., то в основе притяжательных прилагательных могла бы лежать унизительная кличка *Kurjak ‘импотент’ или же видоизмененный вариант календарного имени святого *Киријак*, что слабо соотносится с хронологией и распространением вариантов имени святого в этих местах в такой степени, чтобы появлялись оронимы и топонимы на данной основе¹⁴.

Возможным решением проблемы происхождения связи волка и петуха (курицы, цыпленка) было бы обращение к фольклорно-обрядовой традиции сербов, причем именно в одной из наиболее архаических ее зон — восточной. Как известно, волк у славян — «один из центральных и наиболее мифологизированных животных персонажей»¹⁵, и по самым недавним полевым фиксациям из восточной (и частично — центральной) Сербии, в дни, посвященные волку, ему приносится в жертву петух или цыпленок. Так, по собранным мною данным в 1997 г. в селе Доня-Каменица¹⁶ в течение недели, посвященной волкам (называется *Мратинци*, *Мратиньци*, поскольку празднуется осенью после дня св. Мраты, 11/24.XI), женщины не прядут шерсть, чтобы волк не тронул домашних животных, но режут и жарят цыпленка, называемого *мратиньак*. В селе Равна-Гора (Лесковацкий край, район Власотинцев)¹⁷ на неделе, называемой *мратиньци*, которая празднуется для предупреждения нападений волка на скот, существовал запрет работать с веретеном и вязать, а в день св. Мраты на пороге дома резали курицу или цыпленка, называя его *мратá*. Важно отметить, что такая жертва в первый день «волчьей недели» была обязательна, иначе запрещалось в течение праздников работать с режущими предметами: *Закољемо кокошкy, да не кољу вуци, да си може кољемо преко Мратинци, да си работимо* [Режем курицу, чтобы волки не нападали, чтобы мы могли резать во время праздников, работать]. При продолжении беседы информантка выразилась более

¹³ Гипотеза о происхождении слова от прилагательного выдвигается под знаком вопроса.

¹⁴ Лома А. Топонимија Бањске Хрисовуље... С. 125-126.

¹⁵ Гура А.А. Волк. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А-Г). С. 411.

¹⁶ Пункт «Малого диалектологического атласа балканских языков», обследование проводилось в рамках одноименного проекта под рук. А.Н. Соболева.

¹⁷ Совместное полевое обследование села с Б. Сикимич, 1998 г.

определенно: *Само за Мрату закољу кокошку, да може да кољемо свиње тѣ у јесен. Да мож да кољеш. Ако не закољеш, не ваља да кољеш после, закоље ти вук* [Курицу режем только на праздник Мрата, чтобы затем резать свиней осенью. Чтобы иметь право резать. Если не зарежешь <курицу>, нельзя после резать <свинью>, волк у тебя заберет]¹⁸. На самом юге Сербии (с. Ябланица на Пчине)¹⁹ «куриная» жертва может только обозначаться: пускают, например, лишь каплю крови в канун первого дня «волчьей недели». Впрочем, некоторые собеседники, проживающие в Ябланице, убеждены, что следует резать курицу или петуха в день св. Мраты, жертва также называется *Мрата*²⁰.

При этом только лишь на южнославянской периферии (на востоке и юго-востоке Сербии) эта жертва известна в виде петуха, цыпленка, курицы (*мрата*, *мратиньак* по названию праздничных дней). Как показывает карта «волчьих» дней в Южной Славии, распространение куриного жертвоприношения в осенний праздник св. Мраты фиксируется в архаической зоне сербско-болгарского пограничья (на востоке и юго-востоке Сербии, реже — на северо-востоке Болгарии, единичные случаи отмечены в средней части Болгарии и в Македонии), тогда как в других славянских традициях рассматриваемый ритуал отсутствует²¹.

Ареалы праздников, посвященных отгону от дома зверей, которые причиняют ущерб хозяйству особенно в зимнее время (волка, медведя и даже мышей), на карте Южной Славии оказываются сходными по конфигурации — концентрация наименований и соответствующих экстралингвистических контекстов (фольклорных и этнографических) наблюдается на сербско-болгарском пограничье: см. карты «День св. Андрея как “медвежий” день: названия, ритуалы, легенда»²²; «“Мышиный день”: названия, время празднования»²³. Ареал куриного жертвоприношения волку, имеющий древнюю природу, совпадает с ареалами других «звериных» праздников на сербско-болгарском пограничье и в Болгарии. Таким образом, при кар-

¹⁸ Информантка — Ружа Величкович, 1925 г.р.; расшифровка диалектных текстов осуществлена Б. Сикимич. В этой же местности активно практиковался обход домов с чучелом убитого волка; подробнее о ритуальном обходе *вучари* см. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 123–134.

¹⁹ Совместное полевое обследование села с Б. Сикимич, 1998 г.

²⁰ Подробнее аутентичные утверждения информаторов см. в работе: Плотникова А.А. Этнолингвистические материалы из Пчини (южная Сербия). Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 63–149. <https://doi.org/10.31168/91674-650-1>

²¹ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 72–79, 348–358.

²² См.: Там же. С. 360–364.

²³ В данном случае в качестве дифференцирующего признака для выявления изодокс на территории Южной Славии указывается и время празднования: Там же. С. 340–347.

тографировании данного фрагмента народной культуры обнаруживается балканский характер подобных празднований, особенно это касается волчьих дней, известных и в Румынии²⁴, а также и у гуцулов под влиянием соседей-румын²⁵. Примечательно, что на сербской территории еще на рубеже XX–XXI вв. ритуал достаточно полно сохранялся, о чем свидетельствуют собственные записи автора (констатация ритуала и корреспондирующих фрагментов народной культуры в восточной Сербии практически повсеместна). Однако если на сербской территории единичны обозначения праздников от лексемы *vŭlk, то в Болгарии и восточной части Македонии они превалируют (болг. *Вълчи празници (дни)*, з.-болг. *Вучляци*, в.-болг. *Вълче погано* и под.), что в данном случае отражает менее христианизированную картину наименований «поганых» праздников. На границе с Сербией возможны контаминированные варианты названий праздника и жертвы волку: в с. Чипровцы вблизи Железны три, шесть или семь дней, празднуемых для защиты от волков (начиная от дня св. Архангела Михаила, 8/21.XI), называются либо *Мъртинци (Мрътинци)*, либо *Вълчи празници*, тогда как жертвуемого в это время петуха именуют *мратиняк*²⁶.

Табу с использованием ругательной, а также и матерной лексики по отношению к любому опасному зверю находит аналогии на всей территории южнославянского континуума, ср., в частности, серб. диал. обозначения змеи *проклетија*, *поганица* и пр. Так, *гадовија* в области Бачка (Срем) встречается в заклинательной отгонной формуле против змей на Лазареву субботу. Женщина в Лазареву субботу произносит заклинание при ритуальном обходе дома: «Беште, беште гадовија, вија вас лазарија» [Бегите, бегите, гады, преследуют вас лазарицы] (с. Товаришево, Воеводина, Сербия)²⁷. Важно и то, что в отношении волка в праздники, ему посвященные, фиксируются лишь единичные случаи отгонных формул — в силу более высокого статуса зверя, которому следует приносить жертву, — однако табу на упоминание волка встречается как в названиях самих праздников (ю.-в.-болг. *Погано*, *Заклопени дни*, букв. ‘закрытые дни’ и под.), так и в немногочисленных встреченных нами в литературе заклинаниях против волка. На территории сербского лингвистического пространства удалось найти только два случая, оба — из Косово²⁸: в первом случае волка называют ги-

²⁴ См., например: *Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вълча, область Олтения). Карпато-балканский диалектный ландшафт. Памяти Галины Петровны Клепиковой: Сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 295.

²⁵ *Кабакова Г.И.* Волчьи дни. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 428.

²⁶ Зап. А.А. Плотниковой и Е.С. Узенёвой, 2000 г.

²⁷ *Босић М.* Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад: Монада, 1996. С. 234.

²⁸ Отметим, что в самом этнографическом описании Т. Вукановича из Косова встречаем только употребление лексемы *вук*, тогда как лексема *курјак* отсутствует даже при описании «волчьих праздников» (сделанном автором на основе рассказов ин-

перонимом *zver* (регион Средска)²⁹, во втором — оценочным отрицательным *roganas* (Ново Брдо)³⁰, как и в случае со змеями, мышами и прочими дикими животными, которых не хотят видеть в пространстве дома и двора. В болгарских регионах на пограничье с Сербией встречаются прямые обращения к волку без упоминания его имени: в районе Самокова (с. Радуил) в канун дней, называемых *Вучл'аци* или *Мратинци* (11/24.XI — 19.XI/2.XII) и празднуемых с целью защиты дома и хозяйства от волков, хозяева обходили стадо с ножом, затем вкладывали его в ножны и запирали на замок, зарубали топором кладку дров, закручивали сверло в дерево и красной ниткой делали несколько стежков на рубашке в обратную сторону со словами: «Зашиваю тебе пасть, зашиваю тебе глаза...»³¹.

Подытоживая собранные данные о фольклорных и этнокультурных контекстах, связанных с почитанием волка на Балканах, включая способы защиты от него (задабривание и магические отгонные действия), можно сделать некоторые выводы о втором наименовании волка в Сербии — *курјак*. Во-первых, топонимические данные (на которые указывает А. Лома) могут служить подтверждением того, что «куриные» жертвы волку ранее совершались в определенных местах, особенно на холмах. Эти данные, несомненно, усиливают архаическую культурную составляющую ритуала, сохраняющегося по сей день. Подобные названия холмов и невысоких гор (и их ономастические продолжения³²) могут, соответственно, свидетельствовать об архаическом славянском происхождении наименования *курјак*. В этом случае ограниченный ареал лексемы *курјак* получает иную трактовку, подтверждая гипотезу именно об исконно возникшем славянском наименовании, имеющем изначально весьма узкое распространение³³. Во-вторых, гипотеза о турецком заимствовании лексемы также заслуживает внимания, поскольку на южнославянской почве возможно переосмысление

формантов), что лишний раз свидетельствует в пользу ограниченного функционирования лексемы *курјак* в сербском диалектном пространстве.

²⁹ Перед праздником *Мратинци* хозяйка соединяет вместе чесальные гребни для конопля со словами: *Бог да ни чува стоку од звери* «Пусть Бог нам хранит скот от зверя»; см. *Vukanović T. Srbi na Kosovu. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986. Т. 2. S. 410.*

³⁰ В течение 9 дней, пока празднуются *Мратинци*, не ткют, не прядут и не работают с шерстью, а части ткацкого станка разбираются с магическим приговором: *Чувај Боже стоку од поганца* «Сохрани, Боже, скот от поганого» (*Vukanović T. Srbi na Kosovu. Т. 2. S. 410.*)

³¹ Подробнее см. *Ангелова Р. Село Радуил. Самоковско. Известия на семинара по славянска филологија при Университета в Софија. 1948. Кн. VIII–IX. С. 223–224.*

³² См. например, фиксацию *Гргур Курјакковић* от 1333 г. (*Лома А. Топонимија Бањске Хрисовуље... С. 126.*)

³³ Автору статьи близка именно эта версия, так как она подкреплена ареалогическим критерием (отсутствии наименования в болгарском и македонском языках, а также и на юге Сербии). Следует добавить, что в силу вхождения слова *курјак* (и его многочисленных производных) в современный сербский литературный лексикон, составление карты распространения наименования в настоящее время крайне затруднительно.

внутренней формы турецкого названия волка и сближение наименования с *kur(j)*- с соответствующими пейоративными коннотациями, присущими славянскому омонимичному корню. Не исключено и параллельное развитие обоих процессов — славянский архаизм *kurьjakъ на достаточно компактной территории юго-западной Сербии (Рашка) и примыкающих областей, с одной стороны, и позднее инновационное влияние турецкого языка, с другой.

Источники

- Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик, 2008. 921 с.
- Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1961. Т. I: А–Н.
- Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011.
- Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1969. Т. 3.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972. Knj. 2.

Литература

- Ангелова Р.* Село Радуил. Самоковско. Известия на семинара по славянска филологија при Университета в София. 1948. Кн. VIII–IX. С. 301–392.
- Босић М.* Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад: Монада, 1996.
- Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения). Карпато-балканский диалектный ландшафт. Памяти Галины Петровны Клепиковой: Сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 271–322.
- Гура А.А.* Волк. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 411–418.
- Јахић Џ.* Ловачка лексика и фразеологија у Рогатичком крају. Српски дијалектолошки зборник. 1983. Књ. 29. С. 341–402.
- Кабакова Г.И.* Волчи дни. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 427–428.
- Лома А.* Топонимија Бањске Хрисовуље. Ка осмишљењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенких именованих образаца. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Пчини (южная Сербия). Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 63–149.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Ђурић Љ. Говори Понишавља. Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књ. 46. С. 1–262.

Вукановић Т. Срби на Косову. Вранје: Nova Jugoslavija, 1986. Т. 2.

References

Angelova, R., 1948. The village of Raduil. Samokovo region. *Izvestija na seminaru po slavjanska filologija pri Universiteta v Sofija*, VIII–IX, pp. 301–392. (In Bulgarian)

Bosić, M., 1996. *Annual customs of Serbs in Vojvodina*. Novi Sad: Monada. (In Serbian)

Ćirić, Lj., 1999. Dialects of Ponišavlje. *Srpski dijalektološki zbornik*, 46, pp. 1–262. (In Serbian)

Golant, N.G., 2008. Ethnolinguistic materials from Mălaia commune, Romania (Valcea county, Oltenia region). In: A.A. Plotnikova, ed, 2008. *Carpatho-Balkan dialectal landscape. In memory of Galina Petrovna Klepikova: Collection of articles*. Moscow: Institut slavjanovedenija RAS, pp. 271–322. (In Russian)

Gura, A.A., 1995. Wolf. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 1 (A–G), pp. 411–418. (In Russian)

Jahić, Zh., 1983. Hunting lexicon and phraseology in the Rogački region. *Srpski dijalektološki zbornik*, 29, pp. 341–402. (In Serbian)

Kabakova, G.I., 1995. Wolfs' days. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 1 (A–G), pp. 427–428. (In Russian)

Loma, A., 2013. *Toponymy of Banjska Hrisovuja. Toward the creation of an Old Serbian toponymic dictionary and a better knowledge of all-Slavic nomenclatural patterns*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti. (In Serbian)

Plotnikova, A.A., 2004. *Ethnolinguistic geography of Southern Slavia*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Plotnikova, A.A., 2021. Ethnolinguistic materials from Pčinja (Southern Serbia). In: S.M. Tolstaja, ed, 2021. *Slavic archaic areas in Europe*. Moscow: Indrik, pp. 63–149. (In Russian)

Tolstoj, N. I., 1995. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Vukanović, T., 1986. *Srbi na Kosovu*. Vranje: Nova Jugoslavija. Vol. 2.

ЯГОДЫ В СЛАВЯНСКОЙ УСТНОЙ И КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ ТОЛКОВАНИЯ СНОВ

Александр Викторович Гура

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: avgura@mail.ru

Аннотация

Параллельное рассмотрение ягод в славянской устной и книжной традиции толкования снов позволяет сравнить их символику в обоих корпусах текстов и выявить взаимодействие и взаимовлияние между ними, а также проследить процесс филиации снотолкований в книжных сонниках. Ягоды входят в две обширные группы устных народных снотолкований, одна из которых предвещает слезы, другая — болячки на коже. Для книжной традиции обе эти модели толкования снов не характерны. Изредка в качестве символа слез в сонниках встречаются ягоды и вишни, в чем можно видеть влияние устной традиции. В одном редком случае обе традиции сближает мотив надежды в символике вишен. Толкование ягод в славянской книжной традиции восходит в основном к античному соннику Артемидора. С другим источником — так называемым сонником Ахмета — связаны по происхождению некоторые особенности символики слив в европейских и арабских сонниках. Интересна символика вишен и слив, характеризующая время. Можно наблюдать, как признак «скоропортящийся», обусловивший у вишен символику мимолетности, преходимости, развивает новые значения, связанные со временем, — символизирует непостоянство и старение. У слив символика болезни и страха как препятствия порождает мотив замедления и растяжения времени, а затем и символические значения скуки и тоски. Отличительной особенностью слив в устной традиции, в отличие от книжной, является метафорическая в своей основе символика слез, чирьев и синяков. В остальном в народных снотолкованиях слив, особенно у южных славян, можно видеть сильное влияние книжной традиции.

Ключевые слова

Символика сновидений, символика растений, ягоды, славянский фольклор, сонники

Статья поступила в редакцию 21 августа 2023 г.

Статья доработана автором 13 сентября 2023 г.

Статья принята в печать 20 сентября 2023 г.

Цитирование: *Гура А.В.* Ягоды в славянской устной и книжной традиции толкования снов. *Славянский мир в третьем тысячелетии*, 2023. Т. 18. № 3–4. С. 125–154. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.09>

BERRIES IN THE SLAVIC ORAL AND WRITTEN TRADITION OF DREAM INTERPRETATION

Aleksandr V. Gura

D.Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: avgura@mail.ru

Abstract

A parallel examination of berries in the oral and written traditions of dream interpretation allows us to compare their symbolism in both corpuses of texts and to identify the interaction and mutual influence between them, as well as to trace the process of filiation of dream interpretations in dream books. Berries are included in two extensive groups of oral folk interpretations, one of which foreshadows tears, the other — sores on the skin. For the written tradition, both of these models of dream interpretation are not typical. Occasionally, berries and cherries are found as a symbol of tears in dream books, in which one can see the influence of oral tradition. In one rare case, both traditions are brought together by the motif of hope in the symbolism of cherries. The interpretation of berries in the Slavic literary tradition goes back mainly to the ancient dream book of Artemidorus. With another source — so called Akhmet's dream book — some features of the symbolism of plums in European and Arabic dream books are related by origin. The symbolism of cherries and plums, which characterizes time, is interesting. One can observe how the “perishable” sign, which caused the symbolism of transience in cherries, develops new meanings associated with time — it symbolizes impermanence and aging. In plums, the symbolism of illness and fear as an obstacle generates a motive of slowing down and stretching time, and the symbolic meanings of boredom and longing. A distinctive feature of plums in the oral tradition is the metaphorical symbolism of tears, teals and bruises. Otherwise, in the folk interpretations of plums, especially among the South Slavs, one can see a strong influence of the written tradition.

Keywords

Symbolism of dreams, symbolism of plants, berries, Slavic folklore, dream books

Received 21 August 2023

Revised 13 September 2023

Accepted 20 September 2023

How to cite: Gura, A.V., 2023. Iagody v slavianskoi ustnoi i knizhnoi traditsii tolkovaniia snov [Berries in the Slavic Oral and Written Tradition of Dream Interpretation]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 125–154. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.09>

В символическом отношении растения в славянском корпусе снотолкований не образуют своей собственной сколько-нибудь цельной структуры, а скорее, растворяются в общей системе символов сновидений. Во-первых, потому, что чаще всего в этой тематической группе символически трактуется не столько растение как таковое, сколько один из его признаков (атрибутивных, акциональных, количественных и др.), широко представленных и во многих других тематических группах. Во-вторых, толкования растений в соннике, прежде всего в устном народном, представлены по большей части обобщенно. Символика отдельных видов трав, грибов, цветов, кустарников отсутствует или почти не встречается; лишь некоторые виды деревьев и плодов — овощей, фруктов и в том числе ягод — могут выступать в качестве самостоятельных объектов толкования. Параллельное рассмотрение ягод в устной и книжной традиции толкования снов позволяет сравнить их символику в обоих корпусах текстов и выявить взаимодействие и взаимовлияние между ними, а также проследить процесс филиации снотолкований в книжных сонниках.

В отличие от устных снотолкований как малого фольклорного жанра, эволюцию книжных сонников как жанра популярной литературы, их предметные связи можно установить и реконструировать по отдельным письменным вариантам (спискам) с учетом способа передачи этих текстов и их многократного воспроизведения. Сравнительный анализ содержания славянских книжных сонников позволяет выделить в их филиации три основные, отчасти пересекающиеся линии, или родословные ветви.

К первой относится греческий сонник Артемидора Далдианского II века н. э.¹ Один из старейших русских наследников этого сонника — составленный в конце XVIII в. и дошедший до нас в списке начала XIX в. рукописный сборник «Всеобщее снов толкование» из Отдела письменных источников (фонд № 96) Государственного исторического музея в Москве².

Родоначальник второй ветви — анонимный сонник на греческом языке, так называемый сонник Ахмета, составленный около 820 г. или между 843-м и 1075 гг. в Константинополе неким сыном Сирина, арабом или греком. Авторство приписывали либо арабскому врачу Ахмаду ибн Сирину (или Ахмету бен Сирину), либо персидскому математику, астроному и астрологу Абу Машару Джафару ибн Мухаммаду аль-Балхи (известному в греческой передаче как Апомасар, в латинской — Альбумазар), либо арабскому богослову Абу Бакру Мухаммаду ибн Сирину. Латинский перевод сонника Ахмета с сокращенного греческого текста выполнил в 1176 г. Лев Тосканец,

¹ *Артемидор. Сонник* / сост., общ. ред. Р.В. Грищенкова. СПб.: Издательство «Кристалл», 1999. (Далее — Арт.)

² *Всеобщее снов толкование (сонник). Из собрания Отдела письменных источников ГИМ* / сост. Н.В. Горбушина, О.И. Самсонова, А.Д. Яновский. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1990. (Далее — ВСТ.)

переводчик византийского императора Мануила I Комнина. После этого появились версии этого сонника на разных европейских языках. На рубеже XIV–XV вв. чешский поэт, писатель и хронист Лаврентий (Вавржинец) из Бржезовой (1370 — ок. 1437) переложил сонник Ахмета на чешский язык для короля Чехии Вацлава IV. Это старейший сонник на славянском языке. Первое издание этой рукописи — середины XVI в., 2-е издание — 1581 г.³, 3-е издание — 1614 г. К данной ветви относится один из самых ранних переводных русских сонников, упоминаемых А.И. Соболевским, — список Московского архива Министерства иностранных дел конца XVII в. Снотолкования разной степени близости, восходящие к сонникам Ахмета и Лаврентия из Бржезовой, а также отдельные следы снотолкований Артемидора присутствуют в русском рукописном «Соннике польском» XVII в.⁴

Третья линия сонников ведет свое происхождение от византийского сонника Псевдо-Даниила, составителем которого был анонимный греческий автор⁵. Время создания сонника точно неизвестно, по разным данным, он датируется периодом между IV и VII в., в котором появился его латинский перевод. К 1512 и 1533 гг. относятся краковские издания Даниилова сонника на латинском языке, к 50-м годам XVI в. — старейший польский сонник, основанный на переводе латинского издания с использованием некоего другого источника. В середине XVIII в. краковское издание «Снов Даниила» 1700 г. появилось в русском рукописном переводе. С польского переведен и первый русский печатный сонник «Истолкование снов по астрономии происходящих по течению луны» 1768 г.⁶ Он относится к тому типу сонников, в которых снотолкования распределяются по 12 знакам зодиака⁷.

³ [Vavřinec z Březové]. Snář velmi pěkný, z mnohých Spisuow Mudrcůw Starých y Nowých: Yz Kněh Zákona obogijho wybraný, wedlé příjhad Lidských, skrze Sny gim od Boha zgewonané, K výstraze Lidské, skrze k těm podobné Sny, častokrát gim vkázané. We dwańáct Kněh rozdělený, a nynij opěť znowu wytisštěný. Praha: W Starém Měšťě Pražském v Giříjka Dačického, 1581.

⁴ Сонник польской. Российская национальная библиотека, Отд. рукописей, Ф. 777, Тиханов П.Н., оп. 3, № 308. 8 л.

⁵ Pseudo-Danielis Oneirokritikon. Псевдо-Даниил. Сонник / пер., вст. ст. и прим. Т.И. Самойленко под ред. Д.Е. Афиногенова. Вестник древней истории, 1999. № 1. С. 239–250; Сонник Даниила. По Оксфордской рукописи XV–XVI веков. Кухня ведьм: Полезные тайны / пер. с лат. Д. Захаровой и Е. Ванеевой. Введение и сост. Н. Горелова. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. С. 307–336.

⁶ Истолкование снов по астрономии происходящих по течению луны / пер. с польского А. В. [М.:] Печатано при Императорском Московском Университете, 1768.

⁷ Подробнее о славянских сонниках см.: Гура А.В. Славянские сонники: источники и параллели. Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. А.М. Молдован. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 325–357. О русских сонниках см.: Вигзелл Ф. Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVIII–XX вв.). М.: ОГИ, 2007. С. 34–52. О ранних польских и русских сонниках: Kapelús H. Senniki sta-

Рассмотрение ягод в фольклорных и книжных снотолкованиях мы начнем с характеристики наиболее частотных моделей символизации ягод в целом, а затем сравним прочие значения отдельных ягод (шелковицы, смородины, кизила, вишен и слив) в каждой традиции, устной и письменной.

1. ДВЕ МОДЕЛИ ТОЛКОВАНИЙ СНОВ О ЯГОДАХ: СИМВОЛИКА СЛЕЗ И БОЛЯЧЕК НА КОЖЕ

Ягоды относятся к плодам округлой формы, часто мелким и представленным во множестве, которые в народной традиции входят в две обширные группы снотолкований, одна из которых, бóльшая, предвещает слезы, другая, меньшая, — болячки на теле.

1.1. Устная традиция

Символикой слез, плача наделяются ягоды в толкованиях снов у русских (Вологодская обл.⁸, Ярославская губ.⁹, Калужская губ.¹⁰, Краснодарский кр.¹¹), белорусов (Гомельская обл.¹², Брестская обл.¹³), украинцев (Ровенская обл.¹⁴, Волинская обл.¹⁵), поляков (Сувалкское, Остроленское, Бяльскоподляское, Люблинское, Хелмское, ЗамоЙское, Радомское воев.¹⁶), кашубов¹⁷. На Волини под ягодами понимается прежде всего черника: «Ягоды [‘черника’] — слёзы; як бэрэ́ш я́годы — слёзы, пла́катымэ́ш»¹⁸; «Ёгоды

ropolskie. Z dziejów literatury popularnej XVI-XVIII wieku. Studia z dawnej literatury czeskiej, słowackiej i polskiej, poświęcone V Międzynarodowemu Kongresowi Słowistów w Sofii / pod redakcją K. Budzyka i J. Hrabáka. Warszawa: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1963. S. 295-306; Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI-XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 148-150. О старочешском соннике Лаврентия из Бржезовой: *Horejší M. Staročeské rukopisy snáře Vavřince z Březovéj. Borovský T., Nohkálá Miltová R. a kol. Sny mezi obrazem a textem. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. S. 53-71.*

⁸ Белозерский р-н, Маекса, зап. автора.

⁹ Пошехонский у., Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя: III. Ярославской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 151.

¹⁰ Мосальский у., Замошье, Пятницкий С. И. Этнографическое описание жителей Мосальского уезда Калужской губернии. Архив Русского Географического общества. Ф. XV. Оп. 1. № 41. Л. 40.

¹¹ Северская, зап. В. А. Потаповой.

¹² Золотуха, зап. А. Б. Страхова.

¹³ Олтуш, зап. автора.

¹⁴ Глинное, зап. И. А. Мямикеевой.

¹⁵ Уховецк, зап. автора.

¹⁶ Bartmiński J., Bączkowska G. Materiały do sennika ludowego. Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988 (Далее — Bartm.MSL). Т. 1. S. 155; Niebrzegowska S. Polski sennik ludowy. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996 (Далее — Niebrz.PSL). S. 168.

¹⁷ Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1972 (Далее — Sych.SGK 5). Т. 5. S. 34.

¹⁸ Речица, зап. автора.

['черника'] — слёзы»¹⁹. Но аналогично толкуются там же и ягоды в целом: «Ягоды (вышня, ягода ['черника'], мальна, смородына) — слёзы»²⁰; «Ягоды — на слёзы, плакатымэш» (всякие ягоды, не только черника), «мусыть, журахлыны ['клюква'] — то само»²¹. Русские Каргопольского р-на Архангельской обл. считают, что к слезам снятся только черные ягоды, а «красные ягоды — хорошо»²². У белорусов Витебской губ. «ягоды всех видов и сортов предвещают слезы, и чем крупнее они, зрелее, тем большие предстоят слезы». При этом «большие слезы предстоят при сновидении: земляники, малины, клубники, крыжовника, клюквы и брусники; меньшие по продолжительности — черемухи, смородины, черники и рябины»²³. Здесь мы уже наблюдаем наметившееся семантическое различие ягод по цвету (а не только по размеру). Но обычно это не приводит к существенным различиям в их символике — слезы и плач могут предсказывать как красные, так и черные ягоды: «Если снятся красные ягоды — к слезам» (Воронежская губ.)²⁴; «Если ягоды красные снятся — это плач» (Польша, Замойское воев.)²⁵; «Ягоды черные — это слезы» (Вологодская обл.²⁶; Минская губ.²⁷; Замойское воев.²⁸); «Як ягады чўорныя сьняцьсе <...> чарнацёнё будзе, плач» (Гродненская губ.²⁹). И пожалуй, только в белорусской народной традиции, где символика слез тоже обычно не зависит от цвета ягод, лишь красные ягоды, а не черные символически соотносятся с болячками на теле: «Ягоды красныя убачиш — нехорошо, короста будя. Также: воспа у дзятей будя. Ягоды чорныя — няловко, жалоба (траур) будя. Также: слезы. <...> Агруст (крыжовник) — к слезам. Бруснику бачить — слезы нейкия будуть. Также: скульля [чирьи], короста. Также: горячка» (Витебская, Могилевская губ.³⁰);

¹⁹ Мельники Речицкие, зап. автора.

²⁰ Уховецк, зап. автора.

²¹ Пески Речицкие, зап. автора.

²² Якушкина Е.И. Народный сонник из Каргополя. Живая старина, 1999. № 2 (22). С. 29.

²³ Полоцкий у., Ловаж, Никифоровский Н.Я. Материалы для народного снотолкователя: I. Витебской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 134.

²⁴ Острогоский у., Сагуны. Яковлев Г. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогоского уезда. Живая старина, 1906. Вып. 3. С. 140.

²⁵ Майдан Рушовски. Bartm.MSL. S. 155, Niebrz.PSL. S. 168.

²⁶ Вытегорский р-н, Морозово, зап. автора.

²⁷ Мозырский у., Дорошевичи, Moszyński K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczyckiego. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928. S. 150.

²⁸ Осередек, Bartm.MSL. S. 155

²⁹ Волковысский у., Мстибово, Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877-1891. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1897. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lidy i Sokółki. S. 213.

³⁰ Романов Е. Опыт белорусского народного снотолкователя. Этнографическое обозрение, 1889. № 3 (Далее — Ром.ОБНС.) С. 72.

«Ягоды красные — добра: скула прарвѣть; <...>. Агрест (крыжовник) — слезы; брусника — тоже» (Минская губ.³¹). Из отдельных видов ягод в качестве символа слез, кроме упомянутых крыжовника и черники, выступают черная смородина у поляков: «Черная смородина — это печаль и слезы» (Остроленкское воев., Сельц, Niebrz.PSL: 200), рябина и калина — у белорусов: «Рябину убачиш, то уже поплачеш. Калину ня вот-то бачить: слезы, горко будя» (Витебская, Могилевская губ.³²). Кроме того, красные ягоды во сне могут предвещать сыпь при заболевании корью или оспой: «ўўсыпка красная: ци одзёр [корь], ци óспа» (Минская губ.³³), а черные ягоды вызывают прыщи (Ровенская обл.³⁴).

Часто символику слез в устном народном соннике воплощают вишни (Краснодарский кр.³⁵; Витебская, Могилевская губ.³⁶; Минская губ.³⁷; Ровенская обл.³⁸; Волынская обл.³⁹; Польша, Пшемысльское, Хелмское, Остроленкское, Познанское воев.⁴⁰; кашубы⁴¹) и черешни (Польша, Замойское воев.⁴²). У кашубов такая символика вишен согласуется с приметой, что в год обильного урожая вишни будет много плача⁴³.

Символом слез и плача в народных снотолкованиях иногда выступают сливы, например, у русских на Кубани (Краснодарский кр.⁴⁴) и у поляков восточной Польши (Сувакское, Остроленкское, Замойское, Пшемысльское воев.⁴⁵). При этом сливы во сне, особенно темно-красного, бордового цвета или фиолетовые венгерки, чреваты появлением чирьев, нарывов (Замойское, Хелмское, Тарнобжегское воев.⁴⁶). И такая мотивировка символики слив осознается самими носителями традиции, которые, объясняя ее, рассуждают так: «Они круглые — это тоже, наверное, к опухолям, шишкам [пагузу]» (Великопольша, Лешненское воев., Домахово⁴⁷).

³¹ Минский, Борисовский, Бобруйский у., *Ляцкий Е.* Материалы для народного снотолкователя: II. Минской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1 (Далее — Ляц.МНС.) С. 149.

³² Ром.ОБНС. С. 72.

³³ Мозырский у., Дорошевичи, *Moszyński K.* Polesie Wschodnie. S. 150.

³⁴ Сварицевичи, зап. И.А. Мямикеевой.

³⁵ Северская, зап. В.А. Потаповой.

³⁶ Ром.ОБНС. С. 64.

³⁷ Минский, Борисовский, Бобруйский у., Ляц.МНС. С. 145.

³⁸ Сварицевичи, зап. И.А. Мямикеевой.

³⁹ Пески Речицкие, зап. автора.

⁴⁰ Bartm.MSL. S.167; Niebrz.PSL. S. 218.

⁴¹ Sych.SGK 5: 33–34.

⁴² Bartm.MSL. S.151; Niebrz.PSL. S. 155.

⁴³ Sych.SGK 5. S. 33–34

⁴⁴ Северская, зап. В.А. Потаповой.

⁴⁵ Bartm.MSL. S. 166; Niebrz.PSL. S. 211.

⁴⁶ Bartm.MSL. S. 166, 169; Niebrz.PSL. S. 211, 227.

⁴⁷ Niebrz.PSL. S. 217.

1.2. Книжная традиция

Для книжной традиции обе символические модели толкования снов о круглых плодах не характерны. Изредка в качестве символа слез в сонниках встречаются ягоды и вишни, причем такая их символика в ряде случаев дополняется и подчеркивается признаком ‘кислые’: «Вишни, если они кислы, — слезы»⁴⁸; «Вишня — слезы»⁴⁹; «Если видишь во сне вишню, это означает слезы»⁵⁰; «Ягоды — прибыль, есть их — слезы»⁵¹; «Видеть много ягод — <...> большие слезы», «Собирать ягоды — готовить то, что приведет к слезам. <...> Есть с большим или меньшим аппетитом — плакать больше или меньше», «Землянику видеть — к слезам», «Клюкву видеть — к большим слезам»⁵². В подобных снотолкованиях можно видеть влияние устной традиции.

Но есть в книжных сонниках одно стоящее особняком снотолкование, в котором предвестьем слез выступают красные ягоды в сочетании с белыми ягодами как предвестьем победы: «Ягоды белые обещают нам победу над неприятелем и во всяком деле выигрыш, но красные, виденные во сне, угрожают кровопролитием; есть же их значит слезы»⁵³; «Ягоды бѣлыя (бѣлыя) рвать, или по нихъ ходить во снѣ, значить одержаніе побѣды надъ непріателемъ. Ягоды красныя (красныя) [серб. «ягоде лепе» ‘ягоды красивые’⁵⁴] ѣсть во снѣ, значить слезы»⁵⁵; «Ягоды бѣлыя збираѣ одоление непрія-

⁴⁸ Мильчевский О. Полный новейший снотолкователь, с научным объяснением теории снов, галлюцинации и сомнамбулизма и с словарем сновидений. М.: Типография Бахметева, 1869 (Далее — Мильч.) С. 8.

⁴⁹ Сонник. [Самиздат]. [Размножено фотографическим способом на фотобумаге. Куплено в поезде № 3 Волгоград — Москва 6 сентября 1985 г.]

⁵⁰ Анчев А. В. Пълен български съновник. С вечен календар. София: Труд, 1995 (Далее — Анчев). С. 10.

⁵¹ Новейший полный сонник. Одесса: тип. «Спорт и наука», 1919. С. 16.

⁵² Гришина Н. Г. Сонник XVI–XX века. М.: Молодая гвардия, 1993 (Далее — Гриш. С16–20в.). С. 116.

⁵³ ВСТ. С. 128; Новый, полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и каковаго еще Сонника до сего времени на Российском языке небывало; с приобщением старых баб забавной философии. Выбранный из сочинений многих иностранных и в снагадательной науке искусных мужей, как-то: Платона, Птоломея, Алия, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Иоанна Кенигсбергера. Расположенный азбучным порядком. В Санктпетербурге: Печатано в Императорской Типографии, 1802 (Далее — НППС). С. 331. В цитируемых снотолкованиях в круглых скобках приводятся разночтения, имеющиеся в разных списках, в квадратных скобках — пояснения, касающиеся перевода, и пропущенные в тексте слова.

⁵⁴ Волшебное огледало Кое открива таине ствари Великога Алберта и остали знаменити Егвпетскій мудреца, кои на Звезде сматраю и прико ньи покажу кои подь каквомъ планетомъ, и знакомъ небеснимъ родіосе, у каквомъ пораѣю свога живота имаѣе Среѣю свою / Съ Россійскаго на просто Сербскій преведено. Въ Будинѣ Градѣ: Писмены Кралевскаго Всеучилища Венгерскаго. На тѣмъ же издано г. Даміаномъ Каулицы Новосадскимъ Книгопродавцемъ, 1808 (Далее — ВОА).

⁵⁵ Сонник или Истолкование снов выбранное из наблюдений Астрономических и физических и по Алфавиту расположенное с приобщением о седми планетах и

теля зна^{ме}нуе^т»⁵⁶; «Ягоды виноградные албо якіе иншіе воснѣ збира^т албо по ныхъ топтати, неприятеля звѣтяти^т знаменуе^т»⁵⁷; «Ягоды белыя рвать или поихъ ходитъ знакъ вдержаніе победы над^бнеприятелем, красные есть значить слезы»⁵⁸; «Ягоды красные видетъ — предвещает слезы. Ягод множество видетъ и ходитъ по ним — одержание победы над неприятелем, каким бы то ни было»⁵⁹; «Белые ягоды видетъ — победа, торжество, успех. Разные красные ягоды видетъ — слезы»⁶⁰; и наконец в совсем уже кратком и полустертом виде: «Ягоды <...> белые рвать — успех; красные — слезы»⁶¹. Приведенные примеры толкования белых и красных ягод наиболее характерны именно для старейших российских печатных сонников, однако источник их происхождения остается пока неясен.

2. ДРУГАЯ СИМВОЛИКА ЯГОД

2.1. Устная традиция

Подробно рассмотрев две основные модели символизации ягод в устных народных снотолкованиях, обратимся к другой их символике. Так, ягоды у поляков означают болезнь (Остроленское, Люблинское, Краков-

---

двенадцати небесных знаках описания и способов узнавать кто под которою планетою и зодиаком родился. Переведено с разных Языков для увеселения любопытнаго общества. СПб.: Печатано у Христофора Геннинга, 1784 (Далее — СИС). С. 76; Сонник или Истокование снов выбранное из наблюдений Астрономических и Физических и по Алфавиту расположенное. Переведено с разных Языков для увеселения любопытнаго общества. 2 изд. В Калуге: [тип. Батурина], 1787 (Далее — СИСВН). С. 74; Волшебное зеркало, открывающее секреты великаго Алберта, и другихъ знаменитыхъ Египетскихъ мудрецовъ и Астрономовъ, с показаніемъ кто подъ которою изъ планетъ и знаковъ небесныхъ родился, въ какомъ родѣ жизни какое будетъ имѣть шастіе; съ приложеніемъ Арабскаго кабалиста, дающаго отвѣты и предсказывающаго судьбу каждаго чело^вѣка. М.: Издвненіемъ С. Комиссарова. Въ типографіи И. Зеленникова, 1794 (Далее — ВЗА). С. 54; ВОА. С. 58.

⁵⁶ Здесь начинаются сны по^алфавиту с первого слова. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777 (собрание П. Н. Тиханова). Опись фонда № 3. № 272 (Сборник гадательный). Л. 62об.

⁵⁷ Овещахъ розніхъ яже воснѣ кому являють сн. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Q. III. № 208 (Планетник и Сонник на украинском наречии). Л. 122.

⁵⁸ Толкование поалѣвиту сновъ. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777 (собрание П. Н. Тиханова). Оп. 1. № 657 (Сборник смешанного содержания). Л. рл.

⁵⁹ Справочный энциклопедический лексикон сновидений. Более 3000 объяснений явлений сна / Собирал втечении 66 лет добрый старичок из Утиной улицы. Издал в свет наследник доброго старичка из Утиной улицы, по его завещанию. СПб.: Печатано и издано Ю. Штауфом, [1862]. [Репринт:] М.: «Книга», 1991 (Далее — ЭЛС). С. 364.

⁶⁰ Гриш. С16–20в. С. 116.

⁶¹ Миллион снов. Новый и полный сонник. Предсказание снов, гадание на картах и пр. Распознавание будущего по рукам и по лицу человека. Составлено по указаниям лучших авторов и ученых по древней и новой философии и герметике. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1901 (Далее — МСНС). С. 89.

ское, Опольское воев.), смерть или тяжелую болезнь (Познанское воев.), похороны, большое горе (Сувалкское воев.), огорчение (Люблинское воев.), беспокойство (Замойское воев.), а также сплетни (Остроленкское воев.), неприступную любовь и счастливое соперничество в любви (Замойское воев.)⁶². Черные ягоды (черника) символизируют болезнь (Опольское воев.), болезнь вплоть до смерти (Еленегурское воев.) или саму смерть (Седлецкое воев.), и только для женщин они символически связаны с кровью: для молодых означают месячные, а женщинам старшего возраста грозят кровотечением (Тарнобжегское воев.)⁶³. В ровенском Полесье болезнь предвещают черные ягоды, а с кровью и кровным родственником ассоциируются красные ягоды: «Чырвонэ ягоды — кров, с краёного болезнь, черные — болезнь»⁶⁴. Брусника, по представлению поляков, снится к болезни (Опольское воев.) или к чему-то печальному (Пшемысльское воев.)⁶⁵.

2.2. Книжная традиция

Символика ягод в книжной традиции, кроме метафоры слез, не имеет ничего общего с традицией устной, у нее своя линия развития. Пожалуй, наиболее вероятным источником, к которому восходят варианты толкований снов о ягодах, можно считать греческий сонник Артемидора II века н. э. В современном переводе этот пассаж из него звучит так: «Персики, абрикосы, черешни и прочие плоды, кроме лишь тутовой ягоды, означают в урочную пору удовольствие и обман, а в неурочную пору — напрасные труды»⁶⁶. В немецких переводах XIX и XVI в. имеются некоторые отличия: «Персики, абрикосы, вишни и тому подобные фрукты, за исключением ягод шелковицы, означают в пору своей спелости мимолетные развлечения [Vergnügungen] и заблуждения [Täuschungen], в противном же случае напрасные усилия [Vermühungen]»⁶⁷; «Персики, вишни и тому подобные фрукты, которые недолговечны и скоро погибают, за исключением ягод шелковицы, означают сластолюбие [wollust] и обман [betrügligkeit]. Но если нам приснятся такие плоды не в надлежащую, не в привычную пору, это означает напрасный, бесполезный труд [vnnütze arbeyt]»⁶⁸. В более позд-

⁶² Niebrz.PSL. S. 168; Bartm.MSL. S. 155.

⁶³ Niebrz.PSL. S. 168.

⁶⁴ Дубровицкий р-н, Озерск, зап. автора.

⁶⁵ Niebrz.PSL. S. 147.

⁶⁶ Арт. С. 109.

⁶⁷ *Artemidoros aus Daldis. Symbolik der Träume / Übersetzt von Friedrich S. Krauss. Wien; Pest; Leipzig: A. Hartleben's Verlag, 1881 (Далее — Арт.). S. 83–84.*

⁶⁸ *Traumbuch Artemidori des Griechischen Philosophi darinnen vrsprung, vnderschied vnd bedeutung allerhand träumen, wie dieselben eynem im schlaaf fürkommen mögen, auss natürlichen vrsachen gründlich ausgelegt vnd erklärt worden. Samt eyner erinnerung Philippi Melanchtonis vnd vnterscheyd der Träume Vnd angehencktem Bericht, was von Träumen zu halten seie. Strassburg: Th. Rihel, 1570 (Далее — Artem.). S. 190.*

них вариантах этого снотолкования на других языках видоизменяются символические значения этих плодов, соответствующие поре их созревания (удовольствие и обман; сластолюбие и обман; развлечения и заблуждения; успех и счастье; успех в сватанье, радость, семейное счастье; здоровье и счастье; счастье; удача, нарушенное обещание, радость в супружестве, выгода; неполучение обещанного, бракосочетание, хорошая торговля; польза) и сопоставленные однозначно негативным их значениям в остальное время года (напрасные труды; напрасные усилия; напрасный, бесполезный труд; тягостный труд и огорчение; тяготы труда и малый прок; несчастья и болезни; заботы или несчастье; труд и заботы; труд и злость). При этом двухчастная структура снотолкования, задаваемая противопоставлением времен года, может сохраняться: «Ветка с ягодами, если они спелые, предвещает успех в предпрятии и всякое счастье, если же незрелы, то это знак несчастья и болезни»⁶⁹. Снотолкование может распадаться на два или несколько самостоятельных: «Ягоды есть — здоровье, счастье, но не без труда [truda] и забот [skrbj]» и «Ягоды искать — труд [trud], злость [jeza]»⁷⁰, а также дополняться новыми: «Ягоды видеть или есть спелые — молодым успех в сватанье, другим радость вообще. Ягоды недозрелые — заботы, а женщине или изнеженному мужчине — конфуз из-за несдержанного обещания. Ягоды рвать — супругам и людям степенным семейное счастье, другим — неприятность из-за высокомерия. Ягоды в лесу собирать — много труда и мало пользы. Ягоды цветущими видеть — отдаленная выгода»⁷¹; «Ягоды есть или видеть — хорошая удача, не сдержать обещания, нарушить данное слово. Ягоды рвать — радость в супружеской жизни. Ягоды еще цветущие — отдаленная выгода. Ягоды лесные искать и собирать — тяготы труда [trudy], малый прок [pożytek]»⁷²; «Ягоды во сне предвещают счастье»; «Ягоды есть во сне означает старость; неполучение обещанного; заботы или несчастье; предстоящее бракосочетание [женитба]; хорошую торговлю»; «Если во сне собираешь ягоды — это принесет тебе пользу»⁷³. В некоторых вариантах утрачивается первая часть снотолкования, соответствующая поре спелости: «Видеть много ягод — много трудов — мало выгоды»⁷⁴; «Ягоды искать —

⁶⁹ СЭЛС. С. 54.

⁷⁰ Turk A. Sanje v podobah po najboljših virih zbrane. Ljubljana: Natisnil A. Slatnar v Kamniku, 1902. [Reprint:] Ljubljana: Narodna in univerzitetna knjižnica, 2011 (Далее — Turk). S. 25

⁷¹ Sennik polski największy z istniejących obejmujący przeszło 10000 wykładów z dodaniem informacyi o wpływie planet, znaków niebieskich, dniach feralnych, snach i ich wykładach / Przez samego Morfeusza. Warszawa: Nakładem wydawcy, 1892 (Далее — SPNI). S. 102.

⁷² Nowy sennik ułożony i dopełniony według niezawodnych wskazówek na podstawie długoletnich badań z dodatkiem chiromancyi czyli wrózenia z ręki. Warszawa, 1895. S. 16.

⁷³ Анчев. С. 82.

⁷⁴ Гриш. С16-20в. С. 116.

тягостный труд [Mühsal]) и огорчение [Aergernis]»⁷⁵; «Ягоды искать — труд [trud] и злость [jeza]»⁷⁶. В процессе филиации возникают изменения символических значений и их состава:

удовольствие → развлечения;

удовольствие → сластолюбие → успех в сватанье, радость, семейное счастье → радость в супружестве → бракосочетание;

удовольствие → удача, счастье → счастье и успех → счастье и здоровье vs несчастья и болезни;

обман → заблуждения;

обман → нарушенное обещание → неполучение обещанного;

напрасные труды → напрасные усилия;

напрасные труды → тягостный труд, тяготы труда;

тягостный труд, тяготы труда → труд и заботы → заботы или несчастье → несчастья и болезни vs счастье и здоровье;

труд и заботы → тягостный труд и огорчение → труд и злость.

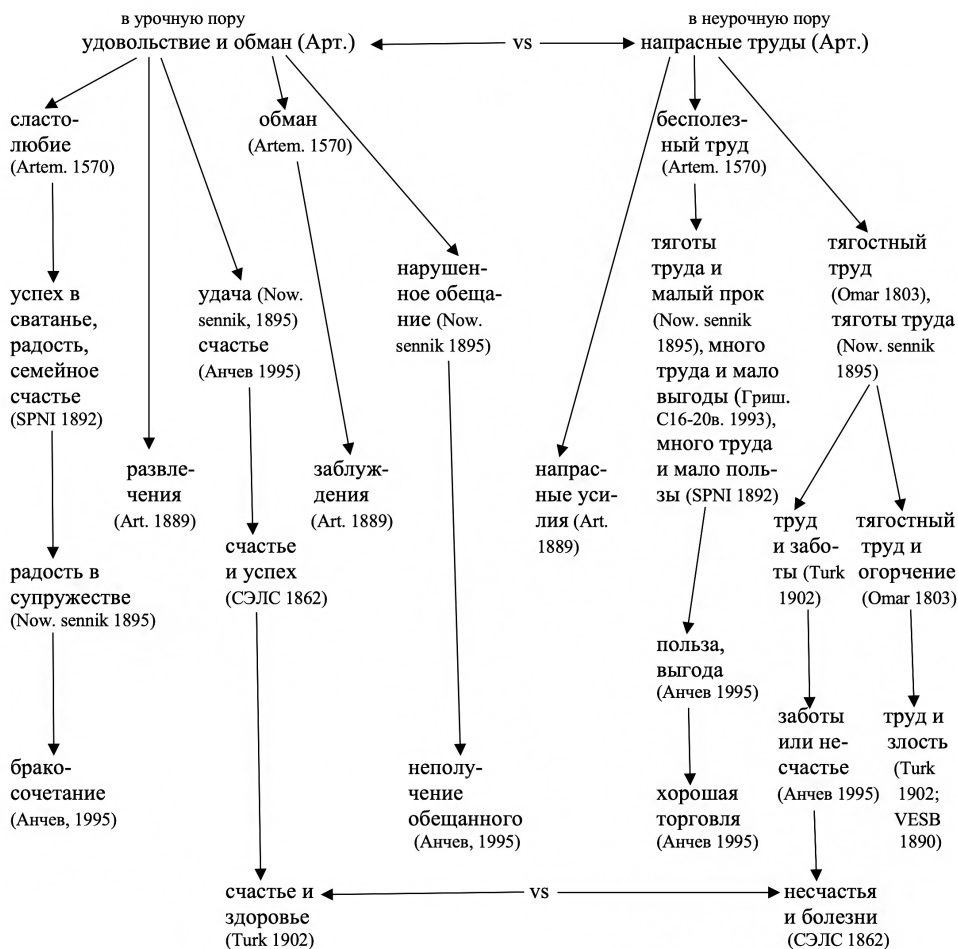
напрасные труды → бесполезный труд → тяготы труда и малый прок, много трудов и мало выгоды, много труда и мало пользы;

прок → польза, выгода → хорошая торговля.

⁷⁵ *Omar Paschas* echtes türkisch-persisches Traumbuch. Enthaltend die ältesten bewahrten Traumdeutungen mit glück- und gewinnbringenden Zahlen für das Lotto nach chaldäischen, persischen und türkischen Handschriften. Ergänzt durch viele Hundert Bilder, Wahrsagekunststücke, Handdeutung, Kartenlegekunst und Spielmethoden für Lotto und Klassenlotterie. Erstmalig gedruckt 1803 bei Arm[br]uster in Pescht. Wien, s. a. S. 24.

⁷⁶ Velike egiptovske sanjske bukve po starih egiptovskih in arabskih pismih. Ljubljana: Založil in prodaja M. Gerber, Tiskal J. R. Milic, [1890] (Далее — VESB). S. 50.

Символические значения ягод в книжных сонниках
Symbolic meanings of berries in book dream books

Не относится к этой ветви снотолкований одно из польского сонника: «Ягоды есть — получишь несварение желудка»⁷⁷.

⁷⁷ Milon snow. Nowy wielki sennik opracowany podług najwiarogodniejszych ksiąg zawierający przepowiednie wszystkich snów z dodatkiem wrózenia z kart oraz z rąk z oznaczeniem panujących planet. Warszawa: Bratman, 1899. S. 37.

3. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЯГОД

3.1. Шелковица

3.1.2. Книжная традиция

Ягодам шелковицы Артемидор отводит особое место, отождествляя их символику с символикой граната⁷⁸: «Тутовые ягоды означают то же, что было сказано о гранатах, а именно ранение и кровопролитие»⁷⁹. То же в русском соннике XVIII в.: «Ягоды шелковичные, виденные во сне, означают кровопролитие и раны»⁸⁰. Само же тутовое дерево, согласно Артемидору, означает род (род и племя) сновидца, и если оно снится в цвету, «то это к добру»⁸¹, «предсказывает нечто приятное», «означает что-то хорошее в будущем»⁸², «предвещает как ему, так и его роду предстоящее благополучие»⁸³, а если выкорчевано, вырвано с корнем, «то это к гибели всего рода»⁸⁴, «сулит гибель роду сновидца»⁸⁵, «означает подавление и искоренение этого рода»⁸⁶, «значит, что род того человека в нем пресечется»⁸⁷; предсказывает «потерю, а иногда угасание рода»⁸⁸. Ср. возможный отголосок мотива рода в раннемусульманском соннике Ибн Сирина в его современной редакции: «Тутовое дерево во сне олицетворяет богатого и многодетного человека, <...> богатого и щедрого человека с большой семьей»⁸⁹. Происхождение и развитие некоторых других символических значений шелковицы в книжной традиции трудно проследить с достаточной полнотой и ясностью.

3.2. Смородина

3.2.1. Устная традиция

Смородина в устных толкованиях снов встречается практически только как символ слез.

⁷⁸ Арт. С. 109; Art. S. 83–84.

⁷⁹ Artem. S. 190.

⁸⁰ ВСТ. С. 128.

⁸¹ Арт. С. 109.

⁸² Artem. S. 190.

⁸³ ВСТ. С. 128.

⁸⁴ Арт. С. 109.

⁸⁵ Art. S. 84.

⁸⁶ Artem. S. 190.

⁸⁷ ВСТ. С. 128.

⁸⁸ SPNI. S. 164.

⁸⁹ *Al-Akili M. M. Ibn Seerīn's Dictionary of Dreams. According To Islāmīc Inner Traditions. By Muhammad M. Al-Akili. / Forward by Dr. Mahmoud M. Ayoub, Professor of Islāmīc Studies, Department of Religion, Temple University. Philadelphia: Pearl Publishing House, s. a. [1990-e rr.] (Далее — Ibn Seerīn). P. 296.*

3.2.2. Книжная традиция

В наиболее старых книжных источниках, которыми мы располагаем, смородина не получает каких-либо интерпретаций. А в сонниках XIX–XX вв. снотолкования о смородине имеют между собой мало общего: в русском соннике есть смородину означает «иметь удовольствие и потеху»⁹⁰, в словенском сулит добро⁹¹, а в болгарском предупреждает, что «нужно быть более терпеливым»⁹², и т. д. В некоторых сонниках символика смородины определяется цветом ягод, но определяется не всегда одинаково: «Есть или видеть белую смородину — удовлетворение; красную — снискать милость и расположение, а если их уже обрел, то в этом будет постоянство; черную — предательство или по крайней мере разочарование»⁹³, «Красная смородина — постоянство, смородина белая — удовлетворение, черная вне их времени — неверность», а также «Черная смородина — скорбь»⁹⁴; «Смородину черную [видеть] — дорога, красную — свидание, белую — знакомство»⁹⁵. Лишь в нескольких снотолкованиях прослеживается мотив неожиданности. Такую символику имеет смородина в крестьянском рукописном соннике М.Я. Черной из Волынской области: «Смородина — неожиданность»⁹⁶, и она же присутствует в русском соннике 1901 г. как одним из возможных источников этого рукописного снотолкования: «Смородина. Есть ее — неожиданность»⁹⁷ и в польском русскоязычном соннике 1912 г.: «Смородину [видеть] — неожиданная встреча, любовное увлечение»⁹⁸.

3.3. Кизил

3.3.1. Устная традиция

По западноболгарским представлениям, ягоды кизила, как и ягоды земляники, снятся к получению денег⁹⁹. В основе этой символики лежит, по всей видимости, признак множественности и сходство ягод с круглыми монетами.

⁹⁰ СЭЛС. С. 279.

⁹¹ VESB. S. 45.

⁹² Анчев. С. 70.

⁹³ SPNI. S. 211.

⁹⁴ Мильч. С. 26, 65.

⁹⁵ Миллион двести тысяч снов. Руководство, составленное по творениям знаменитых предсказателей и снотолкователей как древних, так и позднейших как то: Сваденборга, Мартына Задеки, Птоломея, Платона, Каллиостро, Тихобраге, Брюса и знаменитой провещательницы Ленорман. М.: Типография Вильде, 1897 (Далее — МДТС). С. 91.

⁹⁶ Ратновский р-н, Пески Речицкие, зап. автора.

⁹⁷ МСНС. С. 80.

⁹⁸ *Мисс-Хассэ*. Сон и сновидения. Научно обоснованное толкование снов, составленное знаменитым медиумом Мисс-Хассэ. Варшава: Издательство «Рассвет», 1912. С. 53. То же: Мисс-Хассэ. Сон и сновидения. М.: СП «Вся Москва», 1989.

⁹⁹ Софийская обл., р-н Пирдопа, Чавдар, *Маркова Н.Я.* Етнографско изследване на с. Радославово, Пирдопско, 1942. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски». Архив на С. Романски. Ркс. 263. Л. 210.

3.3.2. Книжная традиция

Кизил редко включается в перечень толкуемых объектов сонника, и случаи трактовки его символики в печатных сонниках носят поздний характер. Так, согласно «Справочному энциклопедическому лексикону сновидений», «Есть кизиль и подавиться его косточкою — встретить препятствие и затруднение в том, что почитали не подлежащим препятствиям»¹⁰⁰. В польском соннике 1892 г. он означает взаимность чувства¹⁰¹. В словенском соннике 1890 г. кизил толкуется на основе фонетического созвучия (звуковой анафоры), что свидетельствует о фольклорном происхождении этого книжного снотолкования: «Кусты кизила [*drenje*] — понос [*dristo*], неприятности, страдания, ущерб»¹⁰².

3.4. Вишни

3.4.1. Устная традиция

Вишням в устной традиции редко приписываются иные символические значения, кроме символики слез. По польским народным представлениям, вишни, увиденные во сне, «это болезнь» (Радомское воев., Галки, Хелмское воев., Сосновица) или «огорчение, забота [*zgryzota*]» (Гарнобжегское воев., Янув Любельски)¹⁰³, по созвучию со *zgryźć* ‘раскусить’ и, далее, полисемичным *gryźć* ‘кусать’ и ‘мучить, терзать’. Кроме того, крупные, спелые [пол. *dorodne*] вишни символизируют надежду (Замойское воев., Дерезья), а «черные вишни есть — это нехорошо» (Остроленкское воев., Завады)¹⁰⁴.

3.4.2. Книжная традиция

Вишни в книжной традиции не имеют почти ничего общего с устной. Они подменяют собой черешни в результате смешения их названий в позднейших переводах сонника Артемидора — в том единственном и уже приводившемся фрагменте текста, где они упоминаются вместе с персиками и шелковицей и где различие значения этих ягод в разное время года дополняется их свойством недолго храниться и быстро портиться: «Персики, вишни и тому подобные фрукты, которые недолговечны и скоро погибают, за исключением ягод шелковицы, означают сластолюбие и обман. Но если нам приснятся такие плоды не в надлежащую, привычную пору, это означает напрасный, бесполезный труд»¹⁰⁵. В дальнейшем противопоставление символики вишен в зависимости от времени года заменяется на противопоставление по признакам «зрелый — незрелый» или «сладкий —

¹⁰⁰ СЭЛС. С. 122.

¹⁰¹ SPNI. S. 48.

¹⁰² VESB. S. 35.

¹⁰³ Bartm.MSL. S. 167; Niebrz.PSL. S. 218.

¹⁰⁴ Niebrz.PSL. S. 218.

¹⁰⁵ Artem. S. 190.

кислый» или вовсе утрачивается, а признак «скоропортящийся», породивший символику мимолетности, преходимости («вишни... означают в пору своей спелости мимолетные развлечения»¹⁰⁶), развивает новые символические значения, связанные со временем: (1) непостоянства: «Вишни, как плод недолго лежащий, — значат непостоянство во всяком деле»¹⁰⁷ и (2) старения как скоротечности времени: «Вишни ягоды ѓсть во снѣ, значить старѣться»¹⁰⁸; «Незрелые есть — знак старости»¹⁰⁹; «Если снится, что ты ешь вишни, это к старости»¹¹⁰; возможно, сюда же следует отнести также (3) мотив ожидания: «Вишни — ожидание»¹¹¹; «[Вишни] есть — ждут тебя приятные минуты»¹¹². Другие исходные символические значения тоже изменяются и дополняются: вместо удовольствия и сластолюбия появляются минутное вожделение (похоть) [kurze wollüst] («Клубника, вишни, персики и те [плоды], что не в состоянии себя защитить»¹¹³, означают минутное вожделение»¹¹⁴), благополучие («Зрелые [вишни] есть — к благополучию»¹¹⁵), счастье («Если тебе снятся вишни, это к счастью»¹¹⁶), здоровье и удовольствие («Вишни — здоровье, удовольствие»¹¹⁷), исполнение желаний и удовольствие («Сладкие есть — исполнение желаний, удовольствия»¹¹⁸) или же прелюбодейство («Вишни — преступная любовь и незаконная связь»¹¹⁹). Обман меняется на неисполнение обещания и, далее, на напрасное ожидание (ср. также выше мотив ожидания и ниже — мотив напрасного труда) и на заведомо неисполнимое желание: «Вишни <...> — неисполнение обещания»¹²⁰; «Вишни ягоды ѓсть во снѣ, значить также (такъ же) не получить

¹⁰⁶ Art. S. 83–84.

¹⁰⁷ ВСТ. С. 27; НППС. С. 32.

¹⁰⁸ СИС. С. 8; СИСВН. С. 8; ВЗА. С. 7.

¹⁰⁹ СЭЛС. С. 46.

¹¹⁰ Анчев. С. 10.

¹¹¹ МДТС. С. 35.

¹¹² Сонник. М.: Изд-во «Полис и Ко», б.г. [1990-е гг.] (Далее — СПК). С. 4.

¹¹³ Имеется в виду отсутствие шипов, колючек и т.п.

¹¹⁴ [Cardano G.] Traumbüch Cardani. Warhaftige, gewüsse vnd vnbetrügliche vnderweisung, wie allerhand Traum, Erscheinungen vnnnd Nächtliche gesicht, welche vns von der seelen, wañ sich der leib zů rüwen begeben, eingeildet vnd fürbracht werden, wie solche natürlich vnnnd recht erklärt vnnnd außgelegt werden sollend <...> Auch von den Kleinsten vnd Nächsten dingen. Vnd vom aller Besten und Säligsten läben / Durch den Hochgelerten Hieronymum Cardanum, Doctorn der Artzney, <...> warhaftig vnd gewuß erfunden vnnnd neüwlich in Latin außgangen vnd beschriben. Basel: Gedruckt durch Henrich Petri, [1563]. S. 159.

¹¹⁵ СЭЛС. С. 46.

¹¹⁶ Анчев. С. 10.

¹¹⁷ Мильч. С. 8.

¹¹⁸ Гриш. С16–20в. С. 115.

¹¹⁹ Мисс-Хассэ. Сон и сновидения (1912). С. 19.

¹²⁰ ВСТ. С. 27; НППС. С. 32.

объщанного»¹²¹; «Если снится, что ты ешь вишни, <...> ты не получишь обещанного»¹²²; «Вишни — некое обещание получить, которое вряд ли будет выполнено»; «Кислые есть — <...> обещают и обманут»¹²³; «Вишни — напрасное ожидание»¹²⁴; «Кислые [есть] — не жаждай вещей неосуществимых»¹²⁵ или, наоборот, приобретает противоположный смысл, возможно, из-за случайно пропущенного при переписке отрицания: «Незрелые есть — знак <...> получения обещанного»¹²⁶. Мотив «напрасных трудов», «напрасного, бесполезного труда» либо сохраняется («тщетный и напрасный труд»¹²⁷), либо исчезает совсем. Кроме того, появляются новые символические значения неясного происхождения, например, в снотолкованиях о поедании вишен — (1) символика радости в сочетании с несчастьем или без него: «<...> а иногда онѣ [поедаемые вишни и ягоды] значать (они значуть) радость и нещастіе, смотря по обстоятельствамъ состоянія (и состоянію)»¹²⁸; «<...> а иной раз [вишни и ягоды есть] значит радость и несчастье, когда как»¹²⁹; «Сушеные есть — радость»¹³⁰; (2) заботы (беспокойства) в сочетании с несчастьем или без него: «<...> а иногда [вишни есть] — к заботам (беспокойствам) или несчастью», «Если ешь во сне вишни, это означает заботу (беспокойство)»¹³¹; «Вишни и ягоды есть во сне — значит, будешь заботиться (беспокоиться)»¹³². И, наконец, в сочетании с другими признаками: «Собирать вишни во сне означает оскорбление»¹³³; «Есть их — известия»¹³⁴; «Сырые [есть] — к болезни»¹³⁵ и т. д. И только в одном случае устную традицию сближает с книжной мотив надежды: если спелые вишни в устном снотолковании у поляков Замоиского воев. выступают как символ надежды¹³⁶, то кислые вишни в русском письменном соннике имеют, что вполне логично, прямо противоположный смысл: «Кислые есть — гибель надежд»¹³⁷.

¹²¹ СИС. С. 8; СИСВН. С. 8; ВЗА. С. 7; ВОА. С. 10.

¹²² Анчев. С. 10.

¹²³ Гриш. С.16–20в. С. 115.

¹²⁴ МСНС. С. 30.

¹²⁵ СПК. С. 4.

¹²⁶ СЭЛС. С. 46.

¹²⁷ ВСТ. С. 27; НППС. С. 32.

¹²⁸ СИС. С. 8; СИСВН. С. 8; ВЗА. С. 7.

¹²⁹ ВОА. С. 10.

¹³⁰ Гриш. С.16–20в. С. 115.

¹³¹ Анчев. С. 10.

¹³² ВОА. С. 10.

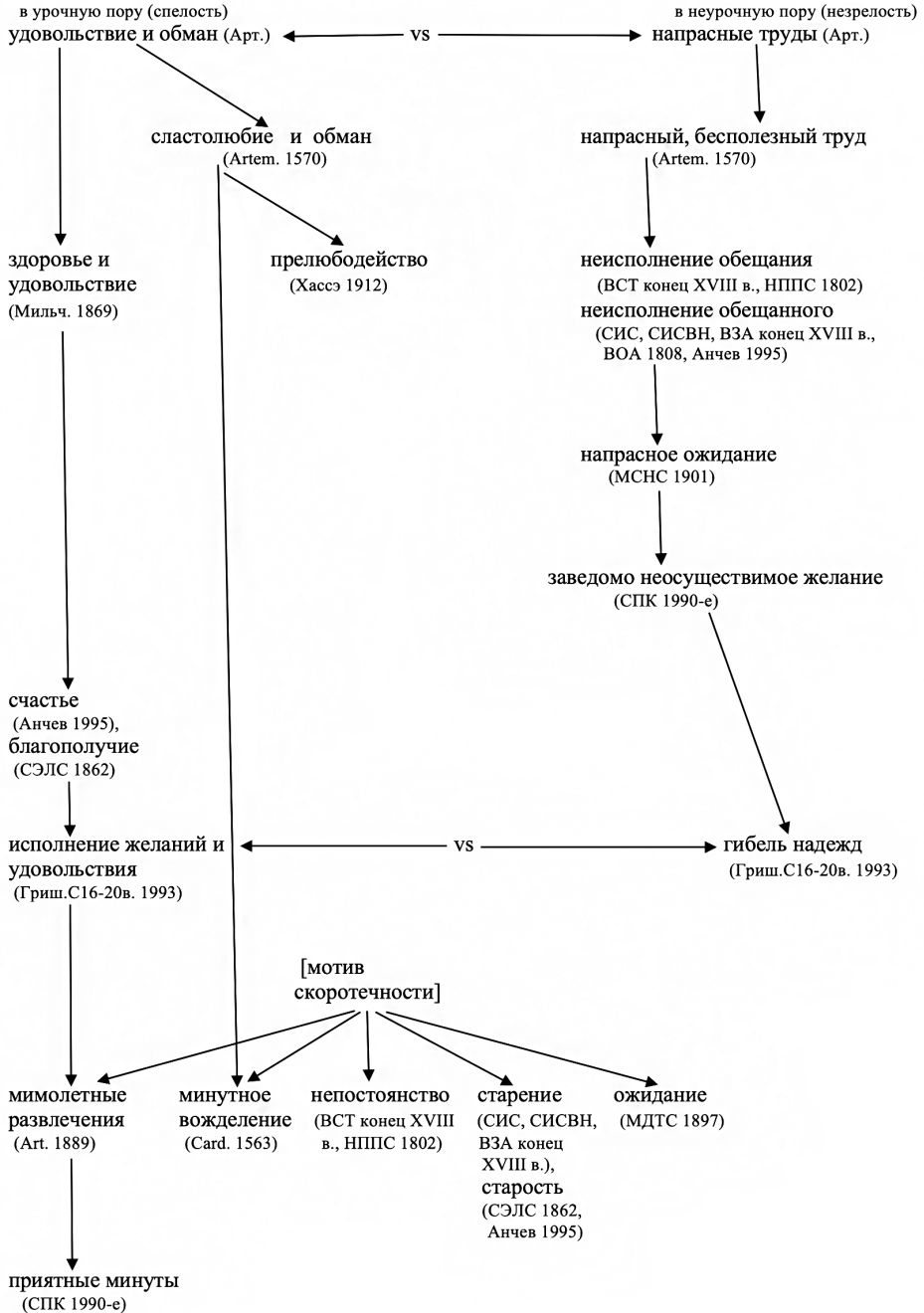
¹³³ Анчев. С. 10.

¹³⁴ Мильч. С. 8.

¹³⁵ СЭЛС. С. 46.

¹³⁶ См. выше: Niebrz.PSL. S. 218.

¹³⁷ Гриш. С.16–20в. С. 115.

Символические значения вишен в книжных сонниках
Symbolic meanings of cherries in book dream books

3.5. Сливы

3.5.1. Устная традиция

Сливы в устном народном соннике поляков и украинцев Покутья символизируют синяки благодаря сходству между ними по цвету и внешнему виду, что отражено и в польском названии сливы (*śliwa*) в переносном значении как ‘синяк’¹³⁸: «Сливы — будут синяки набиты» (Люблинское, Пшемьсльское, Еленегурское воев.¹³⁹); «Сливы — будут “сінякі”» (Покутье¹⁴⁰). Часто сливы предвещают болезнь: «Сливы венгерки — это болезнь» (Польша, Бяльскоподляское воев.¹⁴¹); «Сливы зеленые ешь — болезнь» (сев. Болгария, Плевенская обл., община Долни Дыбник, Садовец¹⁴²); иногда также злословие, наговоры или ссору и рассерженность: «Кто-то дает тебе есть зеленые сливы — утром ожидай плохих слов (речей) [зборой] от одного из своих людей или заболеешь», «Черные сливы собираешь со сливового дерева — слова [зборой] услышишь от какого-либо человека, а если еще и ешь их — поссоришься» (Македония, р-н Битола, Прилепа, Велеса или Самокова¹⁴³); «Кому снятся зеленые сливы, груши, орехи и др., тот будет рассержен [ще се ядосва]» (зап. Болгария, Софийская обл., р-н Пирдопа, Чавдар¹⁴⁴).

3.5.2. Книжная традиция

Символика слив в книжной традиции имеет смешанное происхождение. В соннике Артемидора сливы отдельно не рассматриваются, но они могут скрываться в нем под «прочими плодами» в ряду персиков, абрикосов, черешен или вишен, о чем свидетельствуют слова самого автора: «О каких плодах здесь не сказано, о тех следует судить по образцу сказанного, рассуждая точно так же»¹⁴⁵. Толкование упомянутых плодов имеет двухчастную структуру в зависимости от поры их спелости или незрелости и включает временной мотив непостоянства, мимолетности или преходимости в связи со свойством этих плодов быстро портиться. С другой стороны, сливы

¹³⁸ Niebrz.PSL. S. 89.

¹³⁹ Niebrz.PSL. S. 89.

¹⁴⁰ Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, Polskie wydawnictwo muzyczne, 1963. T. 31: Pokucie. Cz. 3. S. 159.

¹⁴¹ Niebrz.PSL. S. 217.

¹⁴² Младенова Й. Х. Етнографско и езиково изследване на село Садовец, Луковитска околия. [1937]. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски», архив на С. Романски. Ркс 246. Л. 148.

¹⁴³ Цепенков М. Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания. От Битолско, Прилепско, Велешко и Самоковско. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Държавна печатница, 1896. Кн. 13. С. 142–163. С. 148.

¹⁴⁴ Маркова Н. Я. Етнографско изследване на с. Радославо, Пирдопско. С. 210.

¹⁴⁵ Арт. С. 109.

в сонниках нередко смешиваются с инжиром (смоквами, фигами), на что, в частности, косвенно указывает снотолкование из словенского сонника 1890 г.: «Сливы сладкие есть — быть ненадежным человеком [figamož]»¹⁴⁶ при словен. *figamož* (или *figa mož*) ‘тот, кто не держит слово’, дословно тот, от кого можно получить фигу с маслом, то есть ничего. Символика инжира у Артемидора также двойная, по времени года, когда он зрелый или незрелый, но значения эти иные: в любое время года, за исключением поры зрелости, плоды инжира грозят сновидцу клеветой и наговорами. Кроме того, цвет их предвещает разную погоду тем, кто работает на открытом воздухе. Все эти символические значения присутствуют в трактовке слив в тех сонниках, которые связаны по происхождению с сонником Артемидора. Например, в русском «Всеобщем снов толковании» конца XVIII в.: «Сливы есть во сне — знак болезни. Сливы видеть во сне, в настоящее их время — есть сон хороший, особливо, белые, красные же не столько хороши, но они же, виденные во сне в необыкновенное время, значат худые о нас речи. Работающим под открытым небом белые предзнаменуют ясную погоду, а красные и черные — дождливую и пасмурную»¹⁴⁷. Здесь имеется противопоставление символики слив по времени года, когда они вкусны и спелы и когда незрелы, присутствуют символические мотивы наговоров и погоды, адресованные тем, кто работает на открытом воздухе. Ср. выше мотив злословия и наговоров («плохих слов») в македонской устной традиции, а также мотивы клеветы и ссоры в русских книжных сонниках: «Сушить сливы — клевета», «Кислые сливы есть — ссора родни», «Вареные — скандал»¹⁴⁸; «Сливы <...> раздавать — раздор или расстройство»¹⁴⁹. Мотив недолговечности, преходимости, представленный «мимолетными развлечениями» или в позднесредневековом варианте «сладострастием, похотливостью»¹⁵⁰, утрачивает со временем явную связь со скорой порчей плодов и преобразуется в «непотребные влечения»: «Сливы видеть — непотребные влечения испытывать»¹⁵¹. Ср. также в мусульманском соннике Ибн Сирина: «Если человек увидит себя во сне поедающим сладкую и созревшую сливу, то это означает, что он удовлетворит свои удовольствия, страсти и распутство»¹⁵².

В приведенном тексте из «Всеобщего снов толкования» как прямого наследника сонника Артемидора отдельно упоминается вначале символика болезни — единственная, которой нет в соннике Артемидора, но которая

¹⁴⁶ VESB. S. 174.

¹⁴⁷ ВСТ. С. 108.

¹⁴⁸ Гриш.С16-20в. С. 115.

¹⁴⁹ МСНС. С. 80.

¹⁵⁰ Art. S. 83; Artem. S. 190.

¹⁵¹ Гриш.С16-20в. С. 115.

¹⁵² Ibn Seerīn. P. 333-334.

наиболее часто повторяется в русских и южнославянских сонниках позднейшего времени. Например: «Сливы ѿсть во снѣ, значить болѣзнь»¹⁵³, «знакъ болѣзни»¹⁵⁴; «Сливы — болѣзнь»¹⁵⁵; «Кислые сливы есть — <...> болѣзнь», «Рвать [сливы] — болѣзнь»¹⁵⁶; «Сливы есть — болѣзнь, смерть»¹⁵⁷; «Сливы есть во сне означает болѣзнь»¹⁵⁸. Об этой символикѣ болѣзни, которой наделяются сливы, следует сказать особо. Она присутствует в сборниках снотолкований, ведущих свое родословие от так называемого сонника Ахмета, а именно: в соннике Апомасара 1627 года издания и в лейпцигском издании 1763 г. сонника Якоба Лупиуса из Дитмаршена 1644 г. В них сливы в сновидениях обозначают болѣзнь как одно из жизненных препятствий или затруднений наряду со страхом, испугом: «Если кому-то снится, что он ест сливы (сливы, обычные или венгерские¹⁵⁹), он испытает страх и (или) болѣзнь и во всем будет иметь препятствие [in allen Sachen Hindernuß (Hinderniss)]»; «Если кому-то снится, что он ест сливы, обычные или венгерские, он испытает страх или болѣзнь и во всем будет иметь препятствие»¹⁶⁰.

¹⁵³ СИС. С. 62; СИСВН. С. 50.

¹⁵⁴ ВЗА. С. 45; ВОА. С. 47; НППС. С. 280.

¹⁵⁵ Миллион снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индейских мудрецов и астрономов, как-то: Алия, Альбумазара, Иоганна Калиостра, Иоганна Кенигсбергера, Мартына Задеки, Платона, Птолемея и известной французской сногадательницы Г-жи Ленорман, с приложением полной философии старых баб. Новейшая полная и всеобщая гадательная книга, содержащая в себе астролог или новый оракул славных астрономов и великих мудрецов: Тихобраге, Брюса, Алберта, Мартына Задека, Зороастра и других, содержащий в себе 16 следующих книг: 1) Гадательная книга, или Оракул <...>. 2) Масляница блестящая <...>. 3) Игра в бабочки. 4) Игра приветствий. 5) Русские святки, или описание всех гаданий и забав о святках <...>. 6) Ворожея отгадывающая имена, кто кого любит <...>. 7) Волшебница, открывающая способ загадывать бобами. 8) Кофейница <...>. 9) Открытое таинство гадать, раскладывать и отгадывать на картах <...>. 10) Брюсов календарь на 200 лет <...>. 11) Способ узнавать погоду <...>. 12) Отгадай не скажу, или собрание 326 загадок с отгадками <...>. 13) Предсказание Мартына Задека. 14) Арабский и Жидовский Каббалистик. 15) Таблица великого Алберта о днях в году, в которые предпринимать и совершать ничего важного не должно. 16) Миллион снов. М.: Издатель книгопродавец Манухин, Типография С. Орлова, 1866. С. I-VI, 7-69 [предпоследней пагинации]. С. 56; МДТС: 91.

¹⁵⁶ Гриш. С16-20в. С. 115.

¹⁵⁷ Turk. S. 65.

¹⁵⁸ Анчев. С. 63.

¹⁵⁹ *Jakob Lupius* aus Dithmarsen Grosses und sonderbares Traumbuch. Darinnen die nächtlichen Gesichte und Träume der Menschen nicht allein nach den Grundsätzen der uralten berühmten Araber, Egyptier, und anderer Rabbinen deutlich erklärt und ausgelegt sondern auch mit den fleißigen und langwierigen Observationen des Apomasaris, Cardani, Artemidori, Serenii und anderer grossen Weltweisen bestätigt worden. Neue verbesserte Auflage. Leipzig: bey Johann George Löwen, 1763.

¹⁶⁰ Traumbuch Apomasaris, Das ist: Kurtze Ausslegung und Bedeutung der Träume, nach der Lehr der Indianer, Persianer, Egypter und Araber / Erstlich auss Griechischer Sprach ins Latein bracht durch Herrn Johann Lewenklaw: Jetzund aber dem gemeinen Mann, so das Latein nicht versteht, zum Besten verdeutschet. S.l., [1627]. S. 50; *Jakob Lupius* aus Dithmarsen Grosses und sonderbares Traumbuch. S. 161.

Та же символика болезни и страха отражена и в родственном ему арабском соннике Ибн Сирина, где болезнь включается в противопоставление по соответствующему или несоответствующему зрелости слив времени года в оппозиции к здоровью, а страх — в противопоставление по вкусу и спелости слив в оппозиции к сексуальным удовольствиям: «Сезонные сливы во сне олицетворяют здоровье и благополучие. В противном случае не в сезон сливы олицетворяют бедствия и трудности», «Есть во сне сливу не в сезон означает страдать от тяжелой болезни» и «[Есть человеку во сне] сладкую и созревшую сливу» значит «удовлетворить свои удовольствия, страсти и распутство. Если во сне она кислая на вкус, то это символизирует его страх»¹⁶¹. Символика здоровья отражена в ряде поздних сонников: «Сливы, видеть их или есть — здоровье и радость»¹⁶²; «Сливы есть — выздоровление», «Видеть сливы на дереве — крепкое здоровье»¹⁶³; «Сливы есть — больному облегчение, здоровому — понос; сливы видеть — больному выздоровление, здоровому — огорчение»¹⁶⁴. Поскольку болезнь и страх как препятствия (у Апомасара и Лупиуса) или болезнь как одно из бедствий и трудностей (у Ибн Сирина) нарушают нормальное безмятежное существование, затрудняют обычный ход жизни, в толковании снов о сливах появляется мотив замедления и растяжения времени: «[Видеть или есть сливы] не в их время — замедление в своих делах»¹⁶⁵ (ср. выше: «in allen Sachen Hindernis» в сонниках, ведущих происхождение от Ахмета). С этим мотивом в словенских сонниках связана также их символика скуки (словен. *dolgčas*) — буквально «долгого времени» (семантически *dolgčasiti* ‘наводить скуку’ < ‘утомлять, надоедать’): «Сливы сухие — скука»¹⁶⁶. Символическое значение скуки сохраняется у слив в поздних русских сонниках: «Если они [сливы] сухие — скука»¹⁶⁷ или изменяется в тоску: «Сушеные [сливы] — будешь тосковать»¹⁶⁸; «Слива — романтическая тоска, нежная любовь, мир и счастье»¹⁶⁹.

¹⁶¹ Ibn Seerīn. P. 333–334.

¹⁶² Мильч. С. 54.

¹⁶³ VESB. S. 174.

¹⁶⁴ SPNI. S. 247.

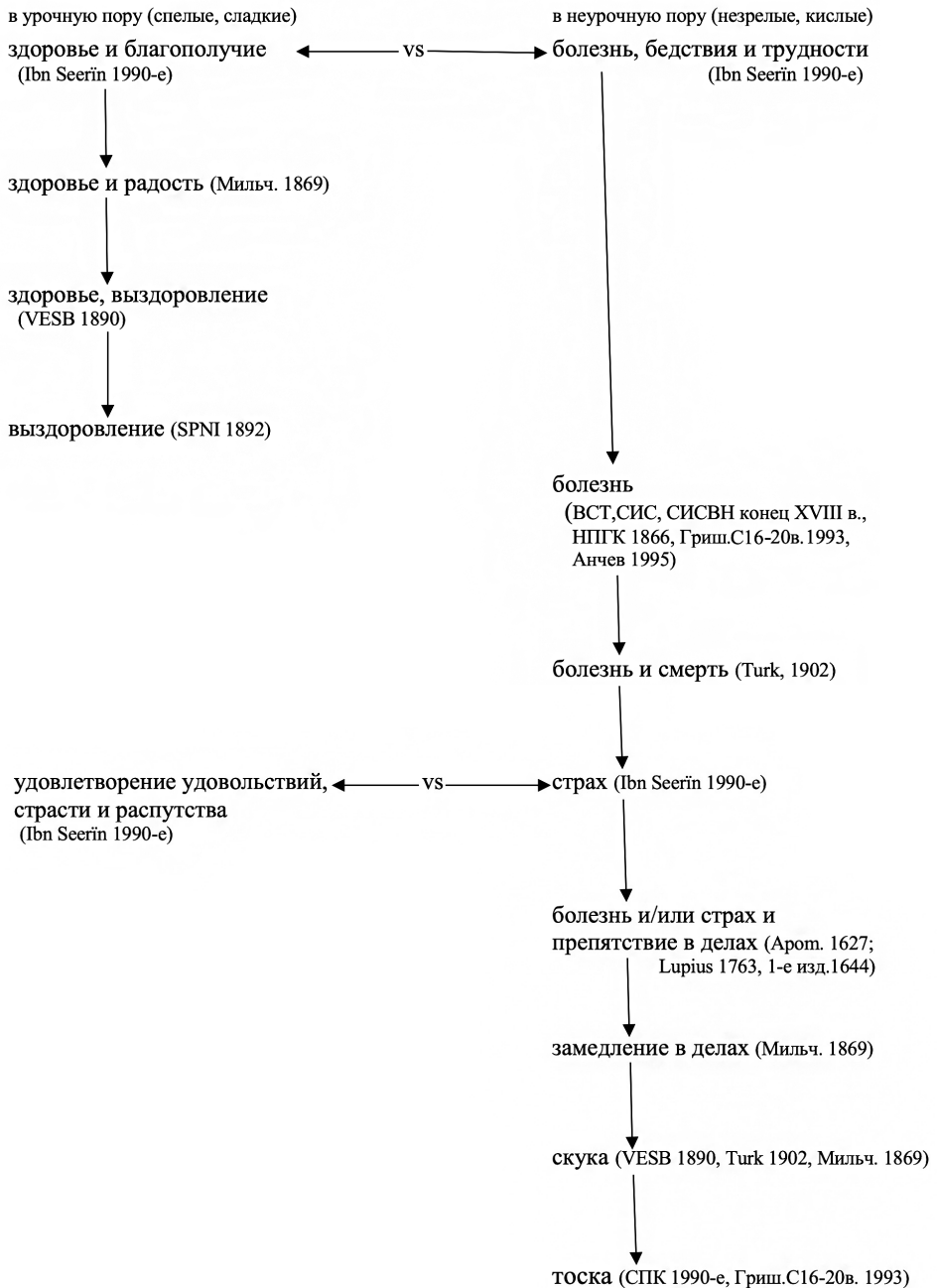
¹⁶⁵ Мильч. С. 54.

¹⁶⁶ VESB. S. 174; Turk. S. 65.

¹⁶⁷ Мильч. С. 54.

¹⁶⁸ СПК. С. 25.

¹⁶⁹ Гриш. С16–20в. С. 110.

Символические значения слив в книжных сонниках
Symbolic meanings of plums in book dream books

Отличительной особенностью слив в устной традиции, в отличие от книжной, является метафорическая в своей основе символика слез, чирьев и синяков. В остальном в народных снотолкованиях слив, особенно у южных славян, можно видеть сильное влияние книжной традиции.

Символика ягод в книжной снотолковательной традиции, связанная в основном по происхождению с античным сонником Артемидора, имеет очень мало общего с устной, но все же некоторые точки соприкосновения между ними есть. Две основные модели метафорической символизации ягод в устной традиции как слез или болячек на коже не характерны для книжных сонников. Имеются отдельные примеры книжной интерпретации ягод и вишен как слез, в чем можно видеть влияние устной традиции, но символика слез в таких снотолкованиях мотивируется не округлой формой, а их красным цветом или дополняется и подчеркивается кислым вкусом. Признак цвета является определяющим в символике смородины в печатных сонниках. Для книжной традиции характерно противопоставление времен года в зависимости от спелости или незрелости ягод, которое в дальнейшем может заменяться на противопоставление по признаку «сладкий — кислый». Мотив надежды в символике вишен сближает устную традицию с книжной. Влиянием устной традиции объясняется символика кизила в словенском соннике, которая определяется языковым созвучием (звуковой анафорой). С другой стороны, в устных народных толкованиях слив у южных славян заметно книжное влияние. Вишни и сливы в книжной традиции сближает символика, связанная с течением времени. У вишен она мотивирована признаком «скоропортящийся», породившим символику мимолетности, преходимости, которая развивает затем значения непостоянства, старения и ожидания. У слив символика болезни и страха как препятствия порождает мотив замедления и растяжения во времени, а также скуки и тоски.

Источники

Анчев А.В. Пълен български съновник. С вечен календар. София: Труд, 1995.

Артемидор. Сонник / Сост., общ. ред. Р.В. Грищенкова. СПб.: Издательство «Кристалл», 1999.

Волшебное зеркало, открывающее секреты великаго Алберта, и другихъ знаменитыхъ Египетскихъ мудрецовъ и Астрономовъ, с показаніемъ кто подь которою изъ планетъ и знаковъ небесныхъ родился, въ какомъ родѣ жизни какое будетъ имѣть щастіе; съ приложеніемъ Арабскаго кабалиста, дающаго отвѣты и предсказывающаго судьбу каждаго челоуѣка. М.: Иждивеніемъ С. Комиссарова. Въ типографіи И. Зеленникова, 1794.

Волшебное огледало, кое открыва таине ствари Великога Алберта и остали знаменити Егупетскій мудреца, кои на Звезде сматраю и прико ньи показую кои подь каквомъ планетомъ, и знакомъ небеснимъ родіосе, у каквомъ пораіаю

- свога живота имаће Сређю своју / Съ Россійскаго на просто Сербскій преведено. Въ Будинѣ Градѣ: Писмены Кралевскаго Всеучилища Венгерскаго. На тѣтъ же издано г. Даміаномъ Каулицы Новосадскимъ Книгопродавцемъ, 1808.
- Всеобщее снов толкование (сонник). Из собрания Отдела письменных источников ГИМ / Сост. Н.В. Горбушина, О.И. Самсонова, А.Д. Яновский. М.: Издательство «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1990.
- Гришина Н.Г. Сонник XVI–XX вв. М.: Молодая гвардия, 1993.
- Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя: III. Ярославской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 149–151.
- Зде починаются сны по^афавиту с первого слова. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777 Собрание П.Н. Тиханова. Описание фонда № 3. № 272 (Сборник гадательный). Л. 50–62об.
- Истолкование снов по астрономии происходящих по течению луны / Переведено с польского А. В. [М.:] Печатано при Императорском Московском Университете, 1768.
- Ляцкии Е. Материалы для народного снотолкователя: II. Минской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 139–149.
- Маркова Н.Я. Етнографско изследване на с. Радославово, Пирдопско, 1942. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски». Архив на С. Романски. Ркс. 263.
- Миллион двести тысяч снов. Руководство, составленное по творениям знаменитых предсказателей и снотолкователей как древних, так и позднейших как то: Сваденборга, Мартына Задеки, Птоломея, Платона, Калиостро, Тихобраге, Брюса и знаменитой провещательницы Ленорман. М.: Типография Вильде, 1897.
- Миллион снов, выбранных из сочинений знаменитых египетских и индейских мудрецов и астрономов, как-то: Алия, Альбумазара, Иоганна Калиостра, Иоганна Кенигсбергера, Мартына Задеки, Платона, Птоломея и известной французской сногадательницы г-жи Ленорман, с приложением полной философии старых баб. Новейшая полная и всеобщая гадательная книга, содержащая астролог или новый оракул славных астрономов и великих мудрецов: Тихобраге, Брюса, Алберта, Мартына Задека, Зороастра и др., содержащий в себе 16 книг: 1) Гадательная книга, или Оракул <...>. 2) Масляница блестящая <...>. 3) Игра в бабочки. 4) Игра приветствий. 5) Русские святки, или описание всех гаданий и забав о святках <...>. 6) Ворожея, отгадывающая имена, кто кого любит <...>. 7) Волшебница, открывающая способ загадывать бобами. 8) Кофейница <...>. 9) Открытое таинство гадать, раскладывать и отгадывать на картах <...>. 10) Брюсов календарь на 200 лет <...>. 11) Способ узнавать погоду <...>. 12) Отгадай не скажу, или собрание 326 загадок с отгадками <...>. 13) Предсказание Мартына Задека. 14) Арабский и Жидовский Каббалистик. 15) Таблица великого Алберта о днях в году, в которые предпринимать и совершать ничего важного не должно. 16) Миллион снов. М.: Издатель книгопродавец Манухин, Типография С. Орлова, 1866. С. I–VI, 7–69 [предпоследней пагинации].
- Миллион снов. Новый и полный сонник. Предсказание снов, гадание на картах и пр. Распознавание будущего по рукам и по лицу человека. Составлено по указаниям лучших авторов и ученых по древней и новой философии и герметике. М.: Типография Товарищества И.Д. Сытина, 1901.

- Мильчевский О.* Полный новейший снотолкователь, с научным объяснением теории снов, галлюцинации и сомнамбулизма и с словарем сновидений. М.: Типография Бахметева, 1869.
- Мисс-Хассэ.* Сон и сновидения. Научно обоснованное толкование снов, составленное знаменитым медиумом Мисс-Хассэ. Варшава: Издательство «Рассвет», 1912.
- Мисс-Хассэ.* Сон и сновидения. М.: СП «Вся Москва», 1989.
- Младенова Й.Х.* Етнографско и езиково изследване на село Садовец, Луковитска околия. [1937]. Библиотека на Софийски университет «Св. Климент Охридски». Архив на С. Романски. Ркс. 246.
- Никифоровский Н.Я.* Материалы для народного снотолкователя: I. Витебской губернии. Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 133–139.
- Новейший полный сонник. Одесса: тип. «Спорт и наука», 1919.
- Новый, полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какового еще Сонника до сего времени на Российском языке не бывало; с приобщением старых баб забавной философии. Выбранный из сочинений многих иностранных и в снагодательной науке искусных мужей, как-то: Платона, Птолемея, Алия, Албумазара, Артемидора, Варлаама и Иоанна Кенигсбергера. Расположенный азбучным порядком. В Санктпетербурге: Печатано в Императорской Типографии, 1802.
- Овещахъ розніхъ яже воснѣ кому являють сн. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Q. III. № 208 (Планетник и Сонник на украинском наречии). Л. 108об.–122.
- Пятницкий С.И.* Этнографическое описание жителей Мосальского уезда Калужской губернии. Архив Русского Географического общества. Ф. XV. Оп. 1. № 41.
- Романов Е.* Опыт белорусского народного снотолкователя. Этнографическое обозрение, 1889. № 3. С. 54–72.
- Сонник или Истолкование снов выбранное из наблюдений Астрономических и Физических и по Алфавиту расположенное. Переведено с разных Языков для увеселения любопытного общества. 2 изд. В Калуге: [Тип. Батурина], 1787.
- Сонник или Истолкование снов выбранное из наблюдений Астрономических и физических и по Алфавиту расположенное с приобщением о седми планетах и двенадцати небесных знаках описания и способов узнавать кто под которою планетою и зодиаком родился. Переведено с разных Языков для увеселения любопытного общества. СПб.: печатано у Христофора Геннинга, 1784.
- Сонник Даниила. По Оксфордской рукописи XV–XVI вв. Кухня ведьм: Полезные тайны / Пер. с лат. Д. Захаровой и Е. Ванеевой. Введение и сост. Н. Горелова. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. С. 307–336.
- Сонник. М.: Изд-во «Полис и Ко», б.г. [1990-е гг.]
- Сонник польской. Российская национальная библиотека, Отд. рукописей, Ф. 777, Тиханов П.Н., оп. 3, № 308. 8 л.
- Сонник. [Самиздат]. [Размножено фотографическим способом на фотобумаге. Куплено в поезде № 3 Волгоград — Москва 6 сентября 1985 г.]
- Справочный энциклопедический лексикон сновидений. Более 3000 объяснений явлений сна / Собирал в течение 66 лет добрый старичок из Утиной улицы.

- Издан в свет наследник доброго старичка из Утиной улицы, по его завещанию. СПб.: Печатано и издано Ю. Штауфом. [1862]. [Репринт:] М.: Книга, 1991.
- Толкование поалѡвиту сновъ. Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777. Собрание П.Н. Тиханова. Оп. 1. № 657 (Сборник смешанного содержания). Л. 108об.–130.
- Цепенков М.* Тълкувания на природни явления, разни народни вярвания и прокобявания. От Битолско, Прилепско, Велешко и Самоковско. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Държавна печатница, 1896. Кн. 13. С. 142–163.
- Яковлев Г.* Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогжского уезда. Живая старина, 1906. Вып. 3. С. 131–142.
- Якушкина Е.И.* Народный сонник из Каргополья. Живая старина, 1999. № 2 (22). С. 29–30.
- Al-Akili M. M.* Ibn Seerīn's Dictionary of Dreams. According To Islāmīc Inner Traditions. By Muhammad M. Al-Akili. / Forward by Dr. Mahmoud M. Ayoub, Professor of Islāmīc Studies, Department of Religion, Temple University. Philadelphia: Pearl Publishing House, s. a. [1990-e гг.]
- Artemidoros aus Daldis.* Symbolik der Träume / Übersetzt von Friedrich S. Krauss. Wien; Pest; Leipzig: A. Hartleben's Verlag, 1881.
- Bartmiński J., Bączkowska G.* Materiały do sennika ludowego. Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. T. 1. S. 147–171.
- [*Cardano G.*] Traumbüch Cardani. Warhaftige, gewüsse vnd vn betrügliche vnderweisung, wie allerhandt Traum, Erscheinungen vnnd Nächtliche gesicht, welche vns von der seelen, wañ sich der leib zů rūwen begeben, eingeildet vnd fürbracht werden, wie solche natürlich vnnd recht erklärt vnnd außgelegt werden sollend <...> Auch von den Kleinsten vnd Nächsten dingen. Vnd vom aller Besten und Säligsten läben / Durch den Hochgelerten Hieronymum Cardanum, Doctorn der Artzney, <...> warhaftig vnd gewüß erfunden vnnd neüwlich in Latin außgangen vnd beschriben. Basel: Gedruckt durch Henrich Petri. [1563].
- Federowski M.* Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materyały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1897. T. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lidy i Sokółki.
- Jakob Lupius* aus Dithmarsen Grosses und sonderbares Traumbuch. Darinnen die nächtlischen Gesichte und Träume der Menschen nicht allein nach den Grundsätzen der uralten berühmten Araber, Egyptier, und anderer Rabbinen deutlich erklärt und ausgelegt sondern auch mit den fleißigen und langwierigen Observationen des Apomasaris, Cardani, Artemidori, Serenii und anderer grossen Weltweisen bestätigt worden. Neue verbesserte Auflage. Leipzig: bey Johann George Löwen, 1763.
- Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań: Ludowa spółdzielnia wydawnicza, Polskie wydawnictwo muzyczne, 1963. T. 31: Pokucie. Cz. 3.
- Milion snow. Nowy wielki sennik opracowany podług najwiarogodniejszych ksiąg zawierający przepowiednie wszystkich snów z dodatkiem wróżenia z kart oraz z rąk z oznaczeniem panujących planet. Warszawa, 1899.

- Moszyński K.* Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczycykiego. Warszawa: Wydawnictwo Kasy im. Mianowskiego, 1928.
- Niebrzegowska S.* Polski sennik ludowy. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996.
- Nowy sennik ułożony i dopełniony według niezawodnych wskazówek na podstawie długoletnich badań z dodatkiem chiromancyi czyli wróżenia z ręki. Warszawa: Bratman, 1895.
- Omar Paschas* echtes türkisch-persisches Traumbuch. Enthaltend die ältesten bewahrten Traumdeutungen mit glück- und gewinnbringenden Zahlen für das Lotto nach chaldäischen, persischen und türkischen Handschriften. Ergänzt durch viele Hundert Bilder, Wahrsagekunststücke, Handdeutung, Kartenlegekunst und Spielmethoden für Lotto und Klassenlotterie. Erstmalig gedruckt 1803 bei Arm[br]juster in Pescht. Wien, s. a.
- Pseudo-Danielis Oneirokritikon. Псевдо-Даниил. Сонник / Пер., вст. ст. и прим. Т.И. Самойленко под ред. Д.Е. Афиногенова. Вестник древней истории, 1999. № 1. С. 239–250.
- Sennik polski największy z istniejących obejmujący przeszło 10000 wykładów z daniem informacji o wpływie planet, znaków niebieskich, dniach feralnych, snach i ich wykładach / Przez samego Morfeusza. Warszawa: Nakładem wydawcy, 1892.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1972. T. 5.
- Traumbuch Apomasaris, Das ist: Kurtze Auslegung und Bedeutung der Träume, nach der Lehr der Indianer, Persianer, Egypter und Araber / Erstlich auss Griechischer Sprach ins Latein bracht durch Herrn Johann Lewenklaw: Jetzund aber dem gemeinen Mann, so das Latein nicht verstehet, zum Besten verdeutschet. S. 1. [1627].
- Traumbuch Artemidori des Griechischen Philosophi darinnen vrsprung, vnderschied vnd bedeutung allerhand träumen, wie dieselben eynem im schlaaf fürkommen mögen, auss natürlichen vrsachen gründlich ausgelegt vnd erklärt worden. Samt eyner erinnerung Philippi Melanchtonis vnd vnterscheid der Träume Vnd angehencktem Bericht, was von Träumen zu halten seie. Strassburg: Th. Rihel, 1570.
- Turk A.* Sanje v podobah po najboljših virih zbrane. Ljubljana: Natisnil A. Slatnar v Kamniku, 1902. [Reprint:] Ljubljana: Narodna in univerzitetna knjižnica, 2011.
- [*Vavřinec z Březové*]. Snář welmi pěkný, z mnohých Spisuow Mudrcůw Starých y Nowých: Yz Kněh Zákona obogijho wybraný, wedlé přijhod Lidských, skrze Sny gim od Boha zgewowané, K výstraze Lidské, skrze k těm podobné Sny, častokrát gim vkázané. We dwanaćt Kněh rozdělený, a nynij opět znou wytisštěný. Praha: W Starém Měště Pražském v Giřijka Dačického, 1581.
- Velike egiptovske sanjske bukve po starih egiptovskih in arabskih pismih. Ljubljana: Založil in prodaja M. Gerber, Tiskal J.R. Milic. [1890].

Литература

- Вигзелл Ф. Читая фортуны: гадательные книги в России (вторая половина XVIII–XX вв.). М.: ОГИ, 2007.
- Гура А.В. Славянские сонники: источники и параллели. Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации / отв. ред. А.М. Молдован. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 325–357.
- Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008.
- Horejší M. Staročeské rukopisy snáře Vavřince z Březovéj. Borovský T., Nokkala Miltová R. a kol. *Sny mezi obrazem a textem*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. S. 53–71.
- Kapełuś H. Senniki staropolskie. Z dziejów literatury popularnej XVI–XVIII wieku. *Studia z dawnej literatury czeskiej, słowackiej i polskiej, poświęcone V Międzynarodowemu Kongresowi Sławistów w Sofii / pod redakcją K. Budzyka i J. Hrabáka*. Warszawa: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1963. S. 295–306.

References

- Gura, A.V., 2018. Slavic Dream Books: Sources and Parallels. In: A.M. Moldovan, ed. 2018. *Written Language, Literature and Folklore of Slavic Peoples. History of Slavic Studies. XVI International Congress of Slavists. Belgrade, 20–27 April 2018. Reports of Russian Delegation*. Moscow: Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN, pp. 325–357. (In Russian)
- Horejší, M., 2016. Staročeské rukopisy snáře Vavřince z Březovéj. In: T. Borovský, R. Nokkala Miltová a kol., 2016. *Sny mezi obrazem a textem*. Prague: Nakladatelství Lidové noviny, pp. 53–71.
- Kapełuś, H., 1963. *Senniki staropolskie. Z dziejów literatury popularnej XVI–XVIII wieku*. In: K. Budzyk, J. Hrabák, eds, 1963. *Studia z dawnej literatury czeskiej, słowackiej i polskiej, poświęcone V Międzynarodowemu Kongresowi Sławistów w Sofii*. Warsaw: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, pp. 295–306.
- Nikolaev, S.I., 2008. *Polish-Russian Literary Contacts of XVI–XVIII Centuries*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Wigzell, F., 2007. *Reading Russian Fortunes: Print Culture, Gender and Divination in Russia from 1765*. Moscow: OGI, 2007, pp. 34–52. (In Russian)

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ
ПОТОМКОВ УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ:
ОБЗОР ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Ирина Владимировна Стрельцова

Кандидат исторических наук,
младший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения
Российской академии наук
Почтовый адрес: ул. Пушкинская, 89,
Владивосток, 690001, Россия
Электронный адрес: i-strel@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0489-063X

Аннотация

В статье представлены результаты полевого исследования сохранности этнокультурных традиций среди потомков украинских переселенцев в Приморье, проведенного в июне 2023 г. в рамках этнолингвистической экспедиции совместно со старшим научным сотрудником Института славяноведения РАН, к.ф.н. Г.П. Пилипенко. Маршрут экспедиции включал сельские поселения Приморского края: с. Реттиховка Черниговского района и с. Хороль Хорольского района. Выбор обследуемых территорий был обусловлен тем, что здесь в конце XIX — начале XX в. в результате переселенческой политики, нацеленной на освоение юга Дальнего Востока, сформировались компактные поселения выходцев из малороссийских губерний Российской империи. Преобладание украинского населения в обследуемых районах, расположенных в плодородных степных зонах Приханкайской низменности, схожих по ландшафту с местами выхода переселенцев, способствовало формированию локусов традиционной культуры, показавших высокую степень стабильности в процессе адаптации к новым природно-климатическим и социально-экономическим условиям. Целью полевого исследования был сбор информации по материальной и духовной культуре украинских переселенцев и их потомков в Приморском крае, фиксация степени сохранности и изменчивости исходных традиций у представителей разных поколений в условиях адаптационных процессов. В ходе экспедиции было также проведено обследование этнографических коллекций районного историко-краеведческого музея (с. Хороль). На основе полученных данных выявлены элементы этнокультурных традиций по семейной и календарной обрядности, фольклору, записаны нарративы о первых поселенцах в Приморье, воспоминания о хозяйственно-бытовом укладе, праздниках, детских играх, отмечены особенности говора.

Ключевые слова

Традиционная культура, фольклор, этнокультурная память, украинские переселенцы, этнографические коллекции, полевое исследование, Дальний Восток

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 2 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 25 ноября 2023 г.

Цитирование: *Стрельцова И.В.* Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев на юге Дальнего Востока России: обзор этнолингвистической экспедиции. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 155–169. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.10>

ETHNOCULTURAL TRADITIONS OF THE DESCENDANTS OF UKRAINIAN SETTLERS IN THE SOUTH OF THE FAR EAST OF RUSSIA: A REVIEW OF THE ETHNOLINGUISTIC EXPEDITION

Irina V. Streltsova

Ph.D., Researcher,
Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East,
Far-Eastern Branch
of Russian Academic of Sciences
Postal address: Pushkinskaya Str., 89,
Vladivostok, 690001, Russia
E-mail: i-strel@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0489-063X

Abstract

This article explores the results of the research on preservation of ethnocultural traditions among the descendants of Ukrainian settlers in Primorye, based on ethnolinguistic expedition conducted in June, 2023. The expedition was carried out jointly with a senior researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Dr. G.P. Pilipenko. The route of the expedition included the rural settlements of the Primorsky Territory: Rettihovka, Chernigovsky district, and Khorol, Khorolsky district. The choice of the surveyed territories was due to the fact that here in the late XIX — early XX century compact settlements of immigrants from the Russian provinces of the Russian empire were formed. The predominance of the Ukrainian population in the surveyed areas, located in the fertile steppe zones of the Khanka lowland, similar in landscape to the places where the settlers came from, contributed to the formation of loci of traditional culture, which showed a high degree of stability in the process of adaptation to new environmental, climatic and socio-economic conditions. The purpose of the field study was to collect information on the material and spiritual culture of Ukrainian settlers and their descendants in Primorye territory, to fix the degree of preservation and variability of the original traditions among representatives of different generations in the conditions of the adaptation processes. During the expedition, the ethnographic collections of Khorol local museum of history were observed. On the basis of the data obtained, elements of ethno-cultural traditions were identified in terms of family and calendar rituals, folklore, narratives about the first settlers in Primorye. Recollections of household culture, holidays, children's games were recorded, and peculiarities of dialect were noted.

Keywords

Traditional culture, folklore, ethno-cultural memory, Ukrainian settlers, ethnographic collections, field research, Far East

Received 15 September 2023

Revised 2 November 2023

Accepted 25 November 2023

For citation: Streltsova, I.V., 2023. Etnokul'turnye traditsii potomkov ukrainских pereselentsev na iuge Dal'nego Vostoka Rossii: obzor etnolingvisticheskoi ekspeditsii [Ethnocultural Traditions of the Descendants of Ukrainian Settlers in the South of the Far East of Russia: A Review of the Ethnolinguistic Expedition]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 155–169. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.10>

В июне 2023 г. была предпринята этнолингвистическая экспедиция, предметом исследования которой стали этнокультурные традиции украинских переселенцев и их потомков в Приморском крае. В экспедиции приняли участие младший научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН И.В. Стрельцова и старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН Г.П. Пилипенко. Основной целью полевой работы было обследование территорий компактного проживания украинских переселенцев и их потомков, сбор этнографических материалов, касающихся материальной и духовной культуры, выявление степени сохранности и изменчивости этнокультурных традиций, в том числе исходного диалекта, в условиях новых мест.

Экспедиция проходила в с. Реттиховка Черниговского района и с. Хороль Хорольского района Приморского края. Полевое исследование осуществлялось в основном в форме интервью с представителями старшего поколения. За 2 дня экспедиции (19-го и 21 июня) было опрошено 9 информантов в возрасте от 65 до 94 лет, собраны данные по традиционной культуре, фото- и видеоматериалы, зафиксированы образцы этнографических коллекций историко-краеведческого музея им. И.Д. Бронниковой (с. Хороль). Сбор материала осуществлялся по авторской программе, основу которой составили разделы по различным аспектам хозяйственно-бытовой культуры, традиционным праздникам, семейной (свадебной и похоронно-поминальной) обрядности. Кроме того, опросник включал вопросы о переселении, языковой адаптации, детских играх и игровом фольклоре.

История заселения региона украинцами. Украинское население в составе восточнославянского массива начало формироваться на юге Дальнего Востока во второй половине XIX в. после подписания в 1860 г. Пекинского договора, закрепившего за Российской империей территории Приморья и Приамурья. На первом этапе освоения дальневосточных земель доля украинских переселенцев была незначительна. В это время появляются отдельные украинские поселения в Амурской области, основанные выходцами из Полтавской губернии (с. Березовское, Богородское, Петропавловское

(1861 г.), Троицкое (1863 г.), Среднебельское, Новотроицкое (1864 г.))¹. Массовое переселение украинцев на территорию современного Приморского края, до 1920 г. входившего в состав Приморской области под названием Южно-Уссурийский край, начинается в 80-е гг. XIX в. после открытия в 1879 г. морского сообщения между Одессой и Владивостоком. Организованное переселение крестьянского населения происходило на судах Добровольного Флота с 1883 г. В результате в период с 1883 г. по 1901 г. в Южно-Уссурийский край морским путем прибыло 55 208 человек². Наряду с морским осуществлялось и сухопутное переселение через Сибирь, получившее особое развитие в XX в. после открытия в 1902 г. Китайско-Восточной железной дороги — южной ветки Транссибирской железнодорожной магистрали, соединившей Приморье с европейской частью страны. Таким образом, благодаря переселенческой политике государства, сделавшего ставку на малоземельное крестьянское население, начиная с 80-х гг. XIX в. основной переселенческий поток в Южно-Уссурийский край направлялся из малороссийских губерний. Изначально переселенцы старались выбирать для постройки жилья и ведения хозяйства плодородные земли, схожие ландшафтом с их прежней родиной. Поэтому наиболее плотно оказались заселены степные и лесостепные территории, прилегающие к Приханкайской низменности и Сучанской долине. Именно в этих местах были основаны первые компактные поселения украинцев, в которых на протяжении долгого времени сохранялись самобытные этнокультурные традиции.

Выбранные для исследования территории представляют собой населенные пункты, где отдельные элементы традиционной украинской культуры сохраняются по сей день. Село Хороль Хорольского района Приморского края было основано в 1891 г. переселенцами из Хорольского уезда Полтавской губернии (рис. 1). Стоит отметить, что для топонимики Приморья в целом характерно обилие украинских этнонимов, поскольку на этапе освоения региона они были перенесены из мест выхода переселенцев. Другой объект полевого исследования: с. Реттиховка Черниговского района Приморского края, было основано в 1902 г. Среди первых жителей села были выходцы из центральных и малороссийских губерний, в том числе братья Войдиловы, приехавшие в 1910 г. из Житомирской губернии. Уроженка с. Реттиховка Анна Александровна Егорова (в девичестве Войдилова), 1931 г. р., — прямой потомок первопоселенцев. Она рассказала об истории своего села и семьи, поделилась воспоминаниями о детстве, хозяйственном укладе, праздниках (рис. 2). Так, по ее словам, село получило свое название по фамилии охотника Артюхова, первым обосновавшегося и способствовавшего расселению здесь других переселенцев.

¹ Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток. Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность / отв. ред. Л.Е. Фетисова, Г.Г. Ермак. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. С.35.

² Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1993. С. 24.

Рис. 1. Мемориальная плита с фамилиями первопоселенцев (с. Хороль)
Memorial plaque with the names of the first settlers (Khorol village)

Диалектные особенности говора и языковое окружение. Наряду со сбором этнографических данных, в процессе экспедиции особое внимание уделялось диалектным особенностям речи респондентов, отражающим специфику народно-бытовой культуры переселенцев и их потомков³. Использование украинского диалекта фиксировалось в контексте обращения информантов к реалиям прошлого, воспроизводстве диалоговых ситуаций, озвучивании образцов фольклора, употреблении терминологической лексики и речевых формул, затрагивающих пласт традиционной культуры в хозяйственно-бытовой и обрядовой сферах.

Языковая адаптация украинских переселенцев и их потомков проходила в основном в окружении родственных восточнославянских народов в условиях всеобщей русификации, что способствовало постепенному вытеснению украинского диалекта из живого бытования. Вместе с тем, благодаря

³ Более подробно о языковой ситуации в обследуемых селах см. статью Г.П. Пилипенко «Восточнославянское контактное взаимодействие в Приморском крае (по данным лингвистической экспедиции 2023 г.). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 170–184».

Рис. 2. Егорова А.А. (уроженка с. Реттиховка)
Egorova A. A. (born in the village of Rettikhovka)

компактности поселений украинцев и своеобразной консервации этнокультурных традиций внутри сельского социума, процесс ассимиляции занял достаточно продолжительный период. Так, в ходе беседы информанты отмечали, что пока были живы родители, в семье все говорили только *по-українски*. Несмотря на то, что потомки переселенцев уже не используют украинский язык в повседневной жизни, многие по-прежнему помнят украинскую речь, поют украинские песни. При этом, по словам информантов, на уровне бытового общения они зачастую пользуются так называемым «хохлацким»

языком — диалектной формой, в которой частично сохраняются некоторые фонетические и лексические особенности украинского языка. Показательно, что в качестве самоназвания украинское население в приморских селах, как правило, употребляет этноним *хохол*. Разграничение в использовании терминов *украинец* и *хохол* объясняют следующим образом: украинцы живут на Украине, а хохлы — где хотят. Русских переселенцев украинцы традиционно называли *кацапами*, белорусов — *бульбашами*. Кроме того, по отношению к белорусам информанты старшего поколения использовали этноним *литвины*. Следует отметить, что термин *литвины* широко применялся в конце XIX — начале XX в. для обозначения белорусского населения со стороны соседей — русских и украинцев в местах их совместного проживания⁴. При этом респонденты отмечали, что всех переселенцев независимо от национальности всегда встречали хорошо, жили дружно. Из представителей восточных народов, с которыми также приходилось контактировать, упоминались японцы и китайцы. О японцах в основном сохранились воспоминания как о военнопленных, которые были задействованы в строительстве первых кирпичных домов. Относительно китайцев рассказывали, что они периодически приезжали в села торговать — ходили по домам, предлагали одежду, галантерею, игрушки.

Хозяйственно-бытовая культура. Большой интерес представляют нарративы о переселении, строительстве домов, хозяйственном укладе. По сообщению информантов, их предки ехали сюда из Одессы на пароходе или добирались поездом. По приезду корчевали лес, разрабатывали землю. Строили глинобитные дома (*хаты*), каркас которых состоял из плотно уложенных деревянных жердей. Подготовленную основу дранковали и обмазывали глиняным раствором снаружи и изнутри. Для этого замешивали глину, навоз и солому, а потом эту смесь забрасывали на стены. После высыхания стены штукатурили и белили. Для строительства домов использовали также саманные кирпичи, изготовленные из глины с добавлением резаной соломы⁵ (рис. 3). Крыша (*стриха*) первоначально делалась из соломы, пол (*долівка*) устраивали глинобитный. Отмечалось, что дома возводили сообща, «всем миром», при активном участии родственников, соседей. Относительно хозяйственно-бытовых занятий рассказывали, что зерно молотили *цепами*, для глажения белья использовали *рубель*. Женщины пряли, вышивали, вязали, шили. Неотъемлемым атрибутом традиционной одежды были вышитые сорочки (рис. 4). Летом, как правило, ходили босиком. В качестве обуви носили лапти, плетенные из лыка липы. Для хранения белья, рушников, одежды использовали сундук (*скрѣню*). При посеве земледельческих культур учитывали благоприятные и неблагоприятные дни.

⁴ Бондарчик В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И. Полесье. Материальная культура. Киев, 1988. С. 35.

⁵ Подробнее об основных типах традиционного украинского жилища см.: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 291.

Рис. 3. Саман. Историко-краеведческий музей им. И.Д. Бронниковой (с. Хороль)
Adobe. I.D. Bronnikova Museum of Local History (Khorol village)

Так, подходящими для начала сева считались женские дни (среда, пятница, суббота). Кроме того, посадки были разрешены во вторник, поскольку, согласно народной этимологии, это способствовало преумножению урожая (все удваивается). Неблагоприятный день для посадок — четверг (заведутся черви). Данные примеры примет, выполняющих прогностическую функцию в земледельческом календаре, иллюстрируют широко используемый в традиционной культуре архаический принцип символической обусловленности фонетических корреляций⁶.

Календарно-обрядовый комплекс. В системе календарной обрядности украинских переселенцев и их потомков особенно ярко представлены зимний и весенне-летний календарные циклы. Любимыми праздниками были Пасха, Троица, Ивана Купала, Новый год, Рождество. По рассказам респондентов, на Рождество (укр. *Риздво́*) обязательно делали кутью (*кутьо́*) из пшеницы или риса с узваром, настоенным на сухофруктах, которую носили крестным или угощали родственников. Кутья считалась поминальным блюдом, которое украинцы готовили под Рождество («богатая кутья»)

⁶ Гура А.В. Языковые созвучия как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах. *Slověne*. 2021. Vol. 10. № 1. С. 330.

Рис. 4. Фрагмент этнографической экспозиции историко-краеведческого музея им. И.Д. Бронниковой (с. Хороль)

A fragment of the ethnographic exposition of the I.D. Bronnikova Museum of Local History (Khorol village)

и под Крещение («бедная кутья»)⁷. В святочной обрядности были отмечены традиции щедрования и посева, четко разделенные по половому признаку. По воспоминаниям информантов, вечером под Старый Новый год щедровали девчата. При этом исполняли короткие обрядовые песенки — *щедривки*. После 12 часов ночи ходили посеять хлопцы, сопровождая свои действия поздравлениями с Новым годом, пожеланиями добра и достатка хозяевам дома. Сохранилось поверье, что посеять должны только парни. Считалось, что если на Новый год первая в дом зайдет женщина, не будет удачи. В святочном обрядовом цикле были также зафиксированы нарративы о традициях ряжения, восходящих к архаичным ритуальным переодеваниям, связанных с культом предков⁸. Отмечалось, что наряжались по-всякому: например, в «Бабу Ягу», в «барана», женщины переодевались в мужчин. При этом широко использовали такие традиционные для святочного ряжения атрибуты, как маски, одежду другого пола, вывернутую наизнанку шубу / козуху⁹. В ходе беседы упоминались случаи, когда ряженные колядовщики могли разбирать заборы или снимать калитки скупым хозяевам — тем, «кто не даст по сто грамм». Подобные ритуальные бесчинства были вполне уместны в обрядовой практике, поскольку в традиционном представлении колядовщики олицетворяли собой представителей потустороннего мира, которых символически надо было задобрить, чтобы избежать несчастий и обеспечить благополучие в реальной жизни¹⁰. В сообщениях, связанных со святочным периодом, описывались различные гадания: башмачок кидали, на блюде гадали, расческу под подушку клали, чтобы суженый явился во сне. Наряду с вышеописанными хорошо сохранившимися сюжетами святочной обрядности, отдельные традиции зимнего цикла оказались утрачены. Так, широко распространенные в прошлом обходы домов на Рождество со звездой, сопровождаемые исполнением христославных песен, записанных у старожилов приморских сел в середине 1990-х гг., уже не фиксировались в памяти наших респондентов. По-видимому, такие обычаи не практиковались в военное и послевоенное время, на которое пришлось детское годы информантов, что было связано с антирелигиозной пропагандой в обществе.

В весенне-летнем обрядовом комплексе были отмечены отдельные обычаи, приуроченные к Пасхе, Троице и Дню Ивана Купалы. По воспоминаниям наших респондентов, на Пасху (*Велик день*) повсеместно пекли

⁷ Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч 1.

⁸ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 132.

⁹ Подробнее о восточнославянских традициях ряжения см.: *Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: б.и., 1994.

¹⁰ Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М.: Информпресс-94, 1998. С. 180-181.

куличи, красили яйца. При этом использовали природные красители — луковую шелуху, кору тополя. Для получения узора варили яйца в сетках, обвязывали их шерстяными нитками. На Троицу косили траву, собирали полевые цветы, ходили за рогозом на озера. Собранной зеленью устилали пол в доме, крыльцо. Помимо этого, устанавливали на заборе веточки деревьев (преимущественно березы), пекли пирожки. Примечательно, что обычай троицких кумлений с совместным употреблением яичницы как основного обрядового блюда, фиксировавшийся ранее у потомков украинских переселенцев в первом поколении, не сохранился в памяти наших собеседников. На Ивана Купалу (*Ива́нов день*) по традиции жгли костры и прыгали через них. При этом верили в оздоровительный эффект таких действий. Практика возжигания купальских костров, получившая широкое распространение среди украинских переселенцев, была характерна для многих славянских народов. Согласно современным исследованиям, обычай разжигания общесельских календарных костров связывают с апотропейными и продуцирующими свойствами обрядового огня, а также с ритуальными испытаниями молодежи, приуроченными к весенне-летнему периоду¹¹.

Семейно-обрядовый комплекс. В сфере семейных обрядов лучше всего сохранились свадебные этнокультурные традиции. Был отмечен ряд сюжетов, связанных с основными этапами свадебного цикла, с характерной терминологической лексикой (*заручины* — обручение, *сва́йба*, *весілля* — свадьба, *гільце* — свадебное деревце, *дру́жка* — подруга невесты). Среди значимых моментов свадебного обряда были зафиксированы следующие: приглашение на свадьбу, выкуп невесты, дарование, изготовление свадебного деревца и каравая, покрывание молодой, проверка «честности» невесты, «испытание» молодой, катание родителей, ритуальное ряжение.

По рассказам информантов, традиционные свадьбы проходили очень интересно. Обычно их отмечали несколько дней. Накануне свадьбы невеста в свадебном наряде, обязательным атрибутом которого была вышитая сорочка и венок, украшенный лентами, ходила по домам вместе с *дру́жкой* приглашать гостей. При этом обычно использовали следующую речевую формулу: «Просьбы ба́тька и ма́ты, прошу́ и я вас, прихо́дьтэ до нас на сва́дьбу».

Свадьба начиналась одновременно у жениха и у невесты. Когда делегация от жениха шла забирать невесту и ее приданое, им устраивали препятствия — закрывали калитку, подпирали ворота подводой, требуя выкуп. Были отмечены традиции, связанные с изготовлением свадебного каравая, который украшали специальными булочками (*шійшиками*), а также с дарованием на свадьбе, сопровождавшимся приговорками шуточного и зачастую эротического содержания: «Вот я дарю покрывало, чтоб жінка тэбэ́ всегда́

¹¹ *Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: «Индрик», 2002. С. 663–693.

давала». Упоминалось, что на свадьбе обязательно присутствовало обрядовое деревце — *гільце*, которое заранее готовили: украшали ленточками, елочными игрушками. Кроме того, был отмечен обряд «покрывания» или «завивания» молодой, сопровождавшийся сменой головного убора у новобрачной, что символизировало ее переход в новый социальный статус замужней женщины¹². По словам информантов, по окончании первого дня свадьбы венок у невесты снимали, заплетали две косы, укладывали их на голове и повязывали платочек.

Были зафиксированы также некоторые обряды послесвадебного периода. Так, после брачной ночи проверяли «честность» невесты, для чего вывешивали простыню на дереве. Информанты отмечали, что такой обычай практиковался еще на их памяти, во время свадьбы родственников в конце 1970-х гг. По воспоминаниям Людмилы Ивановны Мокляк, 1961 г. р., если невеста «честная», родители жениха приносили родителям невесты веточку калины со словами: «Нáтэ вам кáльíну за хорóшу дэ́тыну».

На второй день свадьбы наряжали свата и сватью «женихом» и «невестой», усаживали их за стол на место молодых. Ряженных родителей жениха и невесты было принято катать на *вóзике* или тачке, в которые впрягались несколько мужчин. Непременным условием было искупать «новобрачных», опрокинув тачку в канаву или в лужу. При этом невеста бежала следом и должна была выкупить родителей. В качестве выкупа обычно предлагалась водка: «коня́м — овса́». Такая традиция широко бытовала среди украинского населения, в частности, в Западной Сибири, где помимо родителей было принято катать и крестных¹³.

В сфере свадебной обрядности был отмечен также обычай «испытания» невесты¹⁴. По словам информантов, для невесты устраивали задание: сажей печку вымажут, мусор раскидают, а невеста должна перед приходом гостей все убрать, чтобы показать, что она хорошая хозяйка. На третий день свадебного гуляния рядились цыганами и шли с мешками по селу выпрашивать или воровать кур у тех, кто гулял на свадьбе. Из отловленных кур готовили угощение (бульон с лапшой) для гостей.

В системе семейной обрядности были фрагментарно зафиксированы отдельные элементы похоронно-поминального комплекса. Особенно показательны широко распространенные среди украинских переселенцев и их потомков в Приморье практики, связанные с архаичной традицией использования текстильных предметов (скатерти, рушника, платка). Так, во время похорон была отмечена традиция опускать гроб в могилу на полотенцах,

¹² Украинцы / ред.: Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М.: Наука, 2000. С 305.

¹³ Грибанова Н.С., Чернова И.В., Люля Н.В., Свидовская А.С. Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX века: монография. Барнаул: Алт ГПУ, 2017 С. 108.

¹⁴ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1993. С. 164–165.

которые потом отдавали *копачам*. Кроме того, было принято повязывать полотенце на памятник, а затем обновлять его каждую весну во время поминовения предков. При этом отмечали, что женщинам повязывали платочек, а мужчинам — вафельные полотенца. По свидетельству информантов, через неделю после Пасхи умершим предкам устраивали *проводá* — ходили на кладбище, расстилали на могилах скатерти, на которых раскладывали угощение и поминали родных.

В ходе экспедиции были записаны несколько украинских народных песен лирического содержания. Информанты также поделились воспоминаниями о детских играх. Среди перечисленных игр были отмечены следующие: в лапту, в прятки, в классики, в ножички, в камушки (укр. *в крѐймаху*). От А.А. Егоровой удалось записать подробное описание игры «А мы просо сеяли». Кроме того, были зафиксированы детские стишки, прибаутки, потешки, колыбельные, в том числе на украинском языке.

Заключение

Несмотря на сложные условия адаптации к новым климатическим, социо-культурным и экономическим реалиям, а также процессы ассимиляции и унификации этнических традиций, отдельные элементы материальной и духовной культуры украинских переселенцев продолжали бытовать в приморских селах вплоть до 70-х — 90-х гг. XX в. Устойчивость базисных форм традиционной культуры украинских переселенцев была во многом обусловлена однородностью в этническом отношении и компактностью расселения, а также следованием традиционным установкам в различных сферах народно-бытовой культуры, в том числе в системе семейной и календарной обрядности. К сожалению, ввиду ограниченного времени, отведенного на экспедицию, за рамками исследования остались различные сферы традиционной культуры, в том числе родильная и крестильная обрядность, народная медицина, мифологические персонажи. Требуется дальнейшей проработки похоронно-поминальный комплекс, календарные обрядовые практики. В то же время удалось зафиксировать относительно хорошую сохранность традиций свадебного цикла, элементы хозяйственно-бытовой культуры, святочной обрядности, игровой фольклор. При этом оказались утрачены такие традиционные для первопоселенцев обычаи, как святочные обходы дворов со звездой, троицкие кумления. Претерпел изменения и фольклорный репертуар информантов, который, в отличие от предыдущих поколений, практически не содержит календарных и семейных обрядовых песен, а ограничен в основном необрядовой лирикой. Диалектные особенности говора респондентов были отмечены в нарративах, связанных в первую очередь с воспоминаниями о родителях и детских годах, цитировании диалоговых ситуаций, исполнении украинских песен. В настоящее время этнокультурные традиции украинских переселенцев Приморья практически полностью вышли из активного бытования и лишь

отчасти сохраняются среди потомков второго и третьего поколений. Тем не менее можно констатировать, что полученные данные, являясь неотъемлемой частью этнокультурной памяти жителей Приморского края, представляют собой ценный источник по реконструкции этнических традиций украинских переселенцев, которые внесли значительный вклад в формирование уникального культурного ландшафта в дальневосточном регионе.

Информанты

Артюх Галина Николаевна, 1957 г. р.
 Братик Татьяна Владимировна, 1953 г. р.
 Гириенко Вера Александровна, 1949 г. р.
 Егорова Анна Александровна, 1931 г. р.
 Кискина Елена Григорьевна, 1957 г. р.
 Козлова Любовь Ивановна, 1958 г. р.
 Мокляк Людмила Ивановна, 1961 г. р.
 Пушкарев Петр Иванович, 1946 г. р.
 Томилина Надежда Павловна, 1946 г. р.

Литература

- Агаткина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.
- Аргудяева Ю.В.* Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX — начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1993.
- Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.
- Бондарчик В.К., Браим И.Н., Бураковская Н.И.* Полесье. Материальная культура. Киев: Наук. думка, 1988.
- Грибанова Н.С., Чернова И.В., Люля Н.В., Свидовская А.С.* Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке: монография. Барнаул: Алт ГПУ, 2017.
- Гура А.В.* Языковые созвучия как средство символизации в фольклорных и поэтических текстах. *Slověne*. 2021. Vol. 10. № 1. С. 322–346.
- Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.
- Ивлева Л.М.* Ряженье в русской традиционной культуре. СПб.: б.и., 1994.
- Пашина О.А.* Календарно-песенный цикл у восточных славян. М.: Информ-пресс-94, 1998.
- Пилипенко Г.П.* Восточнославянское контактное взаимодействие в Приморском крае (по данным лингвистической экспедиции 2023 г.). *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 170–184.

- Украинцы / ред. Н.С. Полещук, А.П. Пономарев. М.: Наука, 2000.
- Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч. 1.
- Черномаз В.А. К 125-летию начала массового переселения украинцев на Дальний Восток. Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность / отв. ред. Л.Е. Фетисова, Г.Г. Ермак. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008.

References

- Agapkina, T.A., 2002. *Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle*. M.: Indrik. (In Russian)
- Argudiaeava, Yu. V., 1993. *Peasant family of Ukrainians in Primorye (the 80th of the XIX — early XX centuries)*. M.: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences. (In Russian)
- Baiburin, A.K., 1993. *Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals*. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Bondarchik, V.K., Braim, I. N., Burakovskaia, N.I., 1988. *Polesie. Material culture*. Kiev: Naukova Dumka. (In Russian)
- Chernomaz, V.A., 2008. To the 125th anniversary of the beginning of the mass migration of Ukrainians to the Far East. In: L.E. Fetisova, G.G. Ermak, eds, 2008. *Ukrainians in the Far East: history and modernity*. Vladivostok: Publishing House of the Far East University. (In Russian)
- Fursova, E.F., Vasekha, L.I., 2004. *Essays on the traditional culture of Ukrainian settlers of Siberia in the 19th — first third of the 20th centuries (based on materials from the Novosibirsk region)*. Novosibirsk: Agro-Sibir. Part 1. (In Russian)
- Gribanova, N.S., Chernova, I.V., Liulia, N.V., Svidovskaia, A.S., 2017. *Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia at the end of the 19th — 20th centuries: monograph*. Barnaul: Altay State Pedagogical University. (In Russian)
- Gura, A.V., 2021. Linguistic harmony as a means of symbolization in folklore and poetic texts. *Slověne*, 10 (1), pp. 322–346. (In Russian)
- Ivleva, L.M. 1994. *Dressing in Russian traditional culture*. Saint Petersburg: s. n. (In Russian)
- Pashina, O.A., 1998. *Calendar-song cycle among the Eastern Slavs*. Moscow: Informpress-94. (In Russian)
- Pilipenko, G.P., 2023. East Slavic contact interaction in Primorsky Krai (according to the linguistic expedition of 2023). *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 170–184. (In Russian)
- Poleshchuk, N.S., Ponomarev, A.P., eds, 2000. *Ukrainians*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Zelenin, D.K., 1991. *East Slavic ethnography*. Moscow: Nauka. (In Russian)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЕ КОНТАКТНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ (ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2023 Г.)

Глеб Петрович Пилипенко

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Аннотация

В статье представлены первые результаты экспедиции, проводившейся в июне 2023 г. в Хорольском и Черниговском районах Приморского края среди потомков переселенцев с украинских и белорусских земель. Целью экспедиционного обследования была фиксация речи носителей диалектов украинского и белорусского языков, изучение функционирования диалектов в условиях контактов с близкородственным русским языком, выявление сохранности элементов традиционной народной культуры. Основная проблема, с которой пришлось столкнуться при сборе диалектных текстов, была связана с затруднениями у информантов при попытке исследователей записать спонтанную диалектную речь. Реликтов белорусских диалектов в данной экспедиции обнаружено не было. Воспроизведенные цельные фрагменты на украинском языке были записаны в случаях цитирования высказываний старших родственников, при воспоминаниях о детстве и в фольклорных текстах. В статье приводятся некоторые расшифрованные записи, отмечаются фонетические и морфологические особенности, анализируются отдельные лексические единицы. Представлены нарративы на следующие темы: языковая ситуация среди переселенцев на микро- и на макроуровне, металингвистические наблюдения, рассказы о местной топонимике, этнических прозвищах. Помимо аудиозаписей анализируется и письменный источник на русском языке с диалектными элементами украинского языка — история образования села Хороль. В данном тексте обнаруживаются все отмеченные в устной речи информантов лингвистические особенности. Кроме того, он содержит в себе ценные сведения о повседневных занятиях первых переселенцев, праздниках, обычаях, контактах с иноэтническими соседями. В перспективе планируется работа над расшифровкой всего корпуса записанных текстов для их публикации и анализа, а также публикация обнаруженного письменного источника о селе Хороль.

Ключевые слова

Диалект, Приморский край, экспедиция, нарратив, русский язык, украинский язык, белорусский язык

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2023 г.

Статья доработана автором 16 октября 2023 г.

Статья принята в печать 9 ноября 2023 г.

Цитирование: *Пилипенко Г.П.* Восточнославянское контактное взаимодействие в Приморском крае (по данным лингвистической экспедиции 2023 г.). Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 170–184. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.11>

EAST SLAVIC CONTACT INTERACTION IN PRIMORSKY KRAI (ACCORDING TO THE LINGUISTIC EXPEDITION OF 2023)

Gleb P. Pilipenko

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Abstract

The paper presents the first results of the field research carried out in June 2023 in the Khorol and Chernigov districts of Primorsky Krai of Russia among the descendants of immigrants from Ukrainian and Belarusian lands. The purpose of the expedition survey was to record the speech of dialect speakers of the Ukrainian and Belarusian languages, to study the functioning of dialects in contact with closely related Russian language, to identify the preservation of traditional folk culture. The main problem during field research was related to the difficulties of informants when trying to record spontaneous dialect speech. Relics of Belarusian dialects were not found in this expedition. The utterances in Ukrainian were recorded in cases of quoting speech of older relatives, in memories about childhood and in folklore. The paper presents some transcribed texts, reveals phonetic and morphological features, analyzes individual lexical units. Narratives on the following topics are presented: the linguistic situation among migrants at the micro and macro levels, metalanguage observations, stories about local place names and ethnic nicknames. In addition to audio recordings, a written source is analyzed, the history of the formation of the Khorol village, written in Russian with Ukrainian dialect items. This text reveals all the linguistic features noted in the oral speech of the informants. Moreover, it contains valuable information about the daily activities of the first settlers, about their holidays, customs, contacts with neighbors of different ethnicity. In the future, it is planned to work on transcribing the entire corpus of recorded texts for their publication and analysis, as well as to publish a written history of the village of Khorol.

Keywords

Dialect, Primorsky Krai, field research, narrative, Russian language, Ukrainian language, Belarusian language

Received 20 September 2023

Revised 16 October 2023

Accepted 9 November 2023

For citation: Pilipenko, G.P., 2023. Vostochnoslavianskoe kontaktnoe vzaimodeistvie v Primorskom krae (po dannym lingvisticheskoi ekspeditsii 2023 g.) [East Slavic Contact Interaction in Primorsky Krai (According to the Linguistic Expedition of 2023)]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 170–184. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.11>

С 19-го по 23 июня 2023 г. старший научный сотрудник Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН к.ф.н. Г.П. Пилипенко проводил полевое исследование в Приморском крае среди потомков переселенцев, приехавших в конце XIX — начале XX в. из Полтавской и Черниговской губерний Российской империи в рамках политики заселения новых областей. 19-го и 21 июня Г.П. Пилипенко работал совместно с младшим научным сотрудником Отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН к.и.н. И.В. Стрельцовой¹. Экспедиция проходила в с. Реттиховка в Черниговском районе, с. Хороль в Хорольском районе, г. Усурийске и г. Владивостоке². Целью экспедиции было выяснить, насколько еще употребляется в повседневной жизни исходный диалект переселенцев (диалекты белорусского и украинского языков), как проходила языковая адаптация в новом окружении, какие элементы материальной и духовной традиционной культуры сохраняются в жизни информантов. Главной задачей было побудить информантов к использованию диалекта. Всего было опрошено десять информантов среднего и старшего возраста, записано более десяти часов материала. Самому пожилому собеседнику на момент проведения интервью было 92 года.

Население приморских земель формируется в результате поощрения крестьянского переселения из европейской части Российской империи в конце XIX — начале XX в. Большой удельный вес составляли выходцы из губерний с украинским и белорусским населением — из Киевской, Черниговской, Полтавской, Могилевской, Минской и т. д.³. В том числе большое значение имела реформа Столыпина по привлечению крестьян на новые приграничные территории. Переселенцы, оказавшись в новом окружении, селились компактно, зачастую названия населенных пунктов на новых землях выбирались с учетом названий тех мест, откуда были родом первопоселенцы (например, Черниговка, Хороль, Полтавка, Киевка).

Полевые исследования, проводившиеся среди славянских переселенцев в странах Южной Америки, а также на Балканах⁴, показывают, что сохран-

¹ См. обзор экспедиции: *Стрельцова И.В.* Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев на юге Дальнего Востока России: обзор этнолингвистической экспедиции. *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2023. Т. 18. № 3-4. С. 155-169.

² Автор выражает благодарность за помощь в проведении экспедиции к. и. н. Г.Г. Ермак, к. ф. н. Т.И. Петровой, к. ф. н. О.П. Кормазиной.

³ *Прилико Н.П.* Українська мова в Сибіру та на Далекому Сході. *Українська мова. Енциклопедія / співголова В. М. Русанівський та ін.* Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 732; *Стрельцова И.В.* Костюм украинцев и белорусов в Приморье: адаптация и трансформация этнокультурных традиций (конец XIX — начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2022. С. 33-53.

⁴ См. работы: *Пилипенко Г.П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку. *Славянский альманах*. 2018. № 1-2. С. 289-300; *Pilipenko G.* The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*. 2018. № 1. P. 281-307; *Пилипенко Г.П.* Украина-

ность славянских переселенческих островных диалектов может варьироваться от полноценной языковой компетенции до весьма редуцированного языкового репертуара. Во всех случаях речь шла также о представителях старшего, в меньшей степени — среднего поколения изучаемой группы. На примере потомков переселенцев с родными украинскими и белорусскими диалектами было решено проследить, в какой степени еще сохраняется исходная диалектная система, долгое время находящаяся в контактной ситуации с близкородственным русским языковым окружением. Предполагалось, что в подобных условиях будет быстрее происходить размывание диалектного разнообразия, образование гибридных форм (ввиду сходства лингвистических структур), вытеснение диалектов на периферию языкового репертуара индивида. Тем не менее, исследования, проведенные в других дальневосточных регионах среди потомков переселенцев, показали, что существуют три степени сохранности, а украинскую речь до сих пор можно услышать от информантов⁵.

Полноценные диалектные исследования украинской и белорусской речи в обследованном регионе до сих пор не производились. Исключением здесь является описание отдельных аспектов украинских говоров в немногочисленных работах 1960–1980-х гг.⁶ Из недавних работ по исследованию русской речи жителей Приморского края можно назвать сборники устных текстов, собранные в разных районах Приморского края, а также в самом Владивостоке⁷. В них, тем не менее, можно обнаружить реликты исходной языковой системы, например, специально отмечается фрикативный [γ], специфическая лексика, вариативность глагольного окончания в 3 л. мн. ч. [т'] – [т]: «Отвалы значи[т'] это вот / допустим [γ]де-то низина и машины значи[т'] увозят и / все это сбрасывают»⁸.

ские тексты из Боснии и Герцеговины. Исследования по славянской диалектологии. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь / отв. ред. А.Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17>

⁵ См. подробнее: *Блохинская А.В.* Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области): дис. ... к. ф. н. Благовещенск, 2014.

⁶ См. работы: *Назарова Т.В.* Українські говірки на Далекому Сході. Мовознавство. 1967. № 2. С. 43–52; *Добрянская Л.Н.* Украинские говоры в центральной части Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. IV Республіканська нарада. Тези доповідей та повідомлень / ред. кол. М.В. Никончук та ін. Житомир: В.б., 1983. С. 20–30; *Она же.* Лексико-семантические процессы в говорах Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Народные говоры Дальнего Востока: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ф. Путьгина. Хабаровск: ГПИ, 1989. С. 49–60.

⁷ *Живая речь дальневосточников* / отв. ред. Н.С. Миянчук. Владивосток: ДВФУ, 2013; *Живая речь приморцев. Материалы полевой экспедиции 2016* / отв. ред. Т.И. Петрова, О.П. Кормазина. Владивосток: ДВФУ, 2016; *Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях* / отв. ред. Т.И. Петрова. Владивосток: ДВФУ, 2023.

⁸ *Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях...* С. 17.

Самой большой проблемой было определить, какие информанты способны произносить связанную речь на изучаемых нами диалектах, а какие помнят лишь отдельные фразы, учитывая тот факт, что мы имеем дело с третьим — четвертым поколением потомков тех, кто переселился в Приморский край (ср. похожие затруднения при изучении языка пихтинских голендров⁹). Причем зачастую те информанты, кто может активно производить диалектные высказывания, и те, кто помнит лишь отдельные лексемы, могут иметь одинаковые социальные и возрастные характеристики. Прежде всего мы ориентировались на тех, кто большую часть жизнь прожил в сельской местности, в окружении соседей — потомков переселенцев, и занимался сельским трудом либо ведением домашнего хозяйства. Отметим важную характеристику: все наши собеседники — женщины. Молодые информанты, которые нам встретились, обладают рецептивной способностью, могут понимать диалект, но сами не говорят на нем. Среди наших информантов оказались также представители первого поколения переселенцев, однако переселились они уже после Великой отечественной войны с Украины в конце 1940-х гг., что для нашего исследования является весьма интересным, поскольку на их примере можно сконструировать условия, как происходила языковая адаптация первого поколения переселенцев раннего периода миграции, которых уже давно нет в живых.

В селе Ретиховка нам удалось пообщаться с местной жительницей А. А. 1931 г. р. Она происходит из семьи переселенцев бывшей Волынской губернии, современное село Троянов в Житомирской области Украины. Данная территория входит в зону распространения волынского диалекта юго-западного наречия украинского языка, однако расположена также вблизи от границ со среднепопелескими говорами северного наречия и с днепровскими говорами. Ниже мы публикуем избранные места из интервью с собеседницей. В квадратных скобках помещены диалектные фонетические и лексические особенности в фонетической записи¹⁰. Отдельные русские разговорные особенности передаются в упрощенной записи: *када* (когда), *токо* (только), *шесть* (шесть), *есь* (есть), *ё* (её), *тада* (тогда), *щас* (сейчас), *чё* (что) и некоторые другие. В некоторых случаях отмечается место ударения.

Записанные нарративы показательны с точки зрения характеристики языковой ситуации. В частности, собеседница говорит, что в школе все обучение происходило на русском языке, а украинский был языком общения внутри семьи. Кроме того, А. А. сама комментирует собственную языковую компетенцию и рассказывает историю о том, как другие собеседники по ее речи определяли ее как носителя украинского языка. В семье А. А. отец и все родственники по отцовской линии — потомки переселенцев с Украины,

⁹ *Скорвид С.С.* Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. Словене, 2021. № 1. С. 427. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19>

¹⁰ Транскрибированные фрагменты, заключенные в квадратные скобки, даны в фонетической записи на основе русской графики с добавлением знака *у*.

тогда как мать — из русских переселенцев. А. А. также комментирует смешанную языковую ситуацию в собственной семье и говорит, что мать понимала по-украински и как-то могла говорить. Дочь А. А. Л. П. отмечает, что в речи матери происходят переключения с русского на украинский язык.

[1] Чисто по-русски, мама, так, а папа на чисто украинском языке, а бабушка, папина мама, а[γ]а, то той Я[ры]ны сын, э, И[γ]нат, вот это женился был, э, и вот этого его был сын, И[γ]нат. Женился на бабушке, она тоже Анна, как я, тоже с Украи́ны, а я адрес знаю, Житомирская область, Трояновский район, [мэ^мстэ́чко Тройа́ново]. Там, вот у нас село Реттьхо[ў]ка, село там еще какое-то, а там [мыстэ́чко]. От я писала када письма... потом же уже эти [ў]се поумирали, а бабушка дол[γо]. [Мэн'и] уже [тры]дцать шесть лет было, када бабушка умерла. Она [γ]орила на чисто [вукра́йинскѣм], чисто. Ну любое вот слово скажи, я [ты]бе переведу. Ну от, например, разве, разве, бабушка [γ]рила, [х'ибá]. [Х'ибá цэ так], разве так можно делать? А бабушка [γ]рила: «[Х'ибá так мо́жна робы́ты]?» Вот. И папа, па[пын] брат был, один умер, один у Михайло[ў]ке, а эти в Реттихо[ўк'и], так и дожили, чисто, эти [вукра́йинцы]. Ну я, конечно, [в]училась на русском языке, но всё равно вот про-проска́льзуют... Ну [в'и́кнѣ, цэ в'и́кнѣ], это окно, [цэ в'и́кнѣ], оно похоже, токо оно как-то, знаешь от, язык ломаешь, а[γ]а. Ну [шо ты нарабы́ў], [ш]о ты наделал, [ш]о сделал или [ш]о ты наделал, [шо ты нарабы́ў]. (А. А.)

[2] И шас по-украински, чѣ-небудь [γ]оворит-[γ]оворит русская речь, а потом начнѣт, по-украински [γ]оворит. Я [γ]рю: «Чѣ ты переходишь на украинский?» (Л. П.)

[3] Мама понимала наш украинский ... и я зашла и подаю документы ... и я так раз[γ]оварюю всё по-русски с ней так, она напротив сидит, а[γ]а, по[γ]оворила, документы отдала, а мы с ей ровесницы, а она потом это, [γ]орит, ну: «Неудобно спросить тебя, э, ты хохлушка?» А[γ]а, я [γ]лаза выпучила: «А ты, [γ]рю, откуда знаешь». «Ну у вас акцент украинский», понимаешь. Как я ни [γ]оворю, вот, а всё равно вот акцент этот есь. Вот украинский и всё... И всё равно как ты ни [γ]овори, а вот, надо что [γ]оворить, а все [γ]рю [ш]о. Што-о, это [ш]о-[то] уже мне язык ломать, а[γ]а, [ш]о это зна[чи] хорошо (А. А.)

[4] Бабушка все[γ]да [γ]оворы́ла: «Буду сады́т барабо́л'у»... ну папа [ў]се[γ]да [сады́ў: «П'иду сады́ты барабо́л'у»]. Папа по-украински чисто [γ]оворил. Мама по-украински редко када, [ў]от папы научилась, сама чисто русская, а папа — [барабо́л'а] (А. А.)

[5] И вот Боря, с Петькой мы почти [ш]о ровесни[кы], дак дрались, [хто коу́о], мно[γ]о ж нас, восемь было, а[γ]а. А Боря самый старший — это моя няня, ему было одиннадцать, када я роды́лася, ему на руки отдали меня... И он рассказывал про бабу Я[ры]ну, я спрашивала, я [γ]рю: «Боря, ты бабу Я[ры]ну [знав]?» «[Нэ, знав]!» Во так. У И[γ]ната, моего деда месяц побудет, а[γ]а: «[Васы́л' — забыра́й]». Рядом живет, у [коу́о] одиннадцать детей. [Вэ-зут' до Васы́л'а]. Тот месяц подержит, а[γ]а, в Михайловку не возили ё. [До Мыко́лы! До д'и́да тудá]. А[γ]а. И там месяц. Потом снова, уже зна[чыт']: «[Пры́езжай, Боря]». Даки Боря рассказывал: «Мы с Петей [возы́лы бабу ужэ

туда на м'исто]». Вот, [γ]рит, [побудэ] она [в нас]», и это Боря тоже по-русски как, [по-вукраийнск'и] как папа, мы всё это. «[Побудэ ў нас], и мы с Петей [садым йоо́] на-а, на теле[γ]у, зимой на сани или там на тележку, и [вызэм до], так, еще до кого-то». И внуков и всем. И так эту бабу Я[ры]ну [возылы-возылы], а потом у [Васыл'а] была Марья, она одиннадцать человек народила, вот, [в нэйи], она, туво, бабу Я[ры]ну в кладо[ў]ке [дыржа́ла], она даже в хате её не держала, вот. Сильно обижала. Потому [ш]о бабушка [γры]ла: «Я [прыхо́жу тудá, захо́жу, до] свекрови св[о]ей, [до] Я[ры]ны, она [пла́чэ, ийй Мары́йа] обижа[е], она [пла́чэ]», и [забыра́т'] тоже ж, у бабушки семь человек детей было. А[γ]а. А п[о]том [х]то-то еще пошел, п[о]-моему, кабы не мама. А мама была чисто плотная, такая знаешь, русская, ну мы все её считали барышней, мама барышня была. Не [такá йак] папа в лаптях, [γ]ол. Не-е... Мама, када зашла, баба Я[ры]на [лэжы́т'] в кладо[ў]ке и [пла́чэ]. И [γ]рит, мама скала ру[γ]аться, Марья, а[γ]а, э: «[Ч]ётка (sic!) Марья, Вы [ш]о ж делае[тэ з] Я[ры]ной, разве так можно?» Ну и мама вроде того что бабушку [хот'йлы] б, [ш]об или куда-то её определить или забрать, но она умерла там (А. А.)

Следующий тематический блок нарративов связан с топонимикой — версиями о происхождении названия села Реттиховка. А. А. и Л. П. представляют разные варианты того, как возникло название деревни.

[6] Реттихо[ў]ка названа, вот рядом Бу[йи]нкí, Бу[йа]нкí так, и там тоже была тай[γ]а, тай[γ]а так, как и здесь, все было зарóще все, и там поселился какой-то [от]куда-то тоже, тада вот это, приезжали с Украины, [ў]от, и искали вот эти места разные, его фамилия была Реттихо[ў], ой Артюхов! Ну а потом приехали сюда, там не знаю или фамилия была Буянко[ў] или чё, я не знаю, а када сюда приехали, вот, то тут тоже один был бо[γ]атый, мама рассказывала де [онó], де кончается линия там, у его было ну целое состояние, а[γ]а. И вот самый с Буянков, с этим общались, вот. И тот всё [γ]рил, шо я [Рэт'ихоў] был, Артюхов. Ну а тот зна[чыт'], [Рэт'ихоўка]. Не стал уже Артюховка или чё, ста[лы] [γ]оворить Ретьхо[ў]ка, поэтому [вона] у нас названа Реттиховка. Я-то в [тры]дцать первом родíлась, а они сюда уже те [пры]езжали, папа и вот эта баба Я[ры]на, моя бабушка, приехала в десятом [γ]оде с четырьмя сынами, а те-то мо[жэ] [пры]ехали даже и в первом [γо]дú, а я через [тры]дцать лет родíлась. Конечно, мне уже [х]то-то рассказывал, [рос]сказывали вот так вот (А. А.)

[7] Ведь говорили, что чиновник по переселению, его фамилия была Реттих, в истории, от в истории Реттиховки. Там немец или [х]то он, по фамилии Реттих. И отсюда пошла Реттиховка (Л. П.)

Удалось записать также близлежащие топонимы и получить сведения о том, кто там проживает. Зафиксирован этноним *литвин* для жителей села Вассиановка, под которым следует понимать белорусов, несмотря на то что А. А. приводит название страны *Литва*¹¹. Информант отмечает, что их

¹¹ Однако в русских говорах *Литва* может иметь еще собирательное значение 'народ, народность', см.: Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1981. Т. 17. С. 71.

речь другая, непохожа на то, как говорят русские. В «Словаре полесских говоров» находим следующее определение с пометой *стар.* (то есть характерно для старшего поколения): ‘літвін, літвіні́, місцева застаріла назва білорусів’ (записано в Моложаве Городнянского района Черниговской области УССР, которое находится вблизи границы с Гомельской областью)¹².

[8] Знаете, Вассиановка, там в основном *литвини́*, *Литва*, понимаешь, потому [ш]о все [о]ткуда-то вот Вассиано[ў]ку населили *литвини́*, и все они какие-то, ну не русские какие-то. А сюда вот [γрэ^м]бное, тут тоже разные... В [γ]рибн[ым] там тоже разные. (А. А.)

В селе Хороль было записано интервью с тремя собеседницами, потомками первых переселенцев из Полтавской губернии (А. В. жен., 72 г., В. А. жен., 63 г., Г. Л., жен., 65 л.). Здесь представлены их наблюдения за языковой ситуацией как современной, так и их детства, метаязыковые высказывания. Сами участники беседы характеризуют свою речь как смешанную, состоящую из половины русских и украинских слов. Находим здесь и этноним *хохол*, функционирующий наряду с этнонимом *украинец*. В качестве иллюстрации украинской речи информанты приводят цитаты из диалогов со старшими родственниками. Показательно, что для этого исследователю пришлось самому стать инициатором такого перехода и произнести несколько фраз на привычном для них L1. Однако полноценных нарративов на украинском языке, которые выходили бы за рамки цитаций, записать не получилось. По всей видимости, для информантов употребление диалекта четко маркировано как код, который используется только внутри семьи и общины. Для подтверждения предположения о том, происходит ли общение в какой-то степени на украинском диалекте между членами общины, следует исключить участие исследователя интервью, либо сделать его присутствие малозаметным. В этом заключается сложность работы среди информантов данного региона. На прямую просьбу говорить на «своем» языке информанты чаще всего смущались, очень долго подбирали отдельные лексемы и сбивались с повествования.

[9] А. В.: Мы можем с В. А. по[γ]говорить по-украински (смех) между собой. Можем [ш]о-то по-украински сказать.

В. А.: И то, половина так, половина так. Половина того, половина этого.

Г. Л.: Мы в школе када учились, мы только на уроке по-русски разговаривали, на перемене мы все хохлы были.

А. В.: На перемене мы по-русски раз[γ]оваривали, а дома мы исключительно по-украински, нас обе семьи, как бы и па[пы]на и ма[мы]на [ўс’и] были украинцы. Мы были, собирались тётки, мы раз[γ]оваривали по-украински. У нас русского языка как такового не было... [казалы: «ўал’ко, ты куды п’ишла? ўал’ка, шо ты робыш? (смех) отак. Зробы ото шо. Д’ивчага, оцэ оц’о ваша работа. Оцэ мы] должны.

В. А.: [Нэ п’йдэтэ н’икуды ўул’ат’, йак цэ нэ зробытэ^м!].

¹² Ливенко П.С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974. С. 116.

Что касается лингвистической характеристики зафиксированных диалектных фрагментов, то более продолжительные высказывания, не однословные, практически всегда — цитаты, воспроизводящие речь родственников, либо диалоги с ними.

Рассмотрим некоторые фонетические и морфологические особенности украинских диалектных высказываний. В русских высказываниях в вокализме периодически проскальзывает оканье, в цитатах и в тех коротких фрагментах, которые произносятся по-украински, практически всегда оканье, за исключением некоторых лексем, куда проникает редукция гласных: *цэ в'ікнь* (ср. укр. вікно); *шо ты нараб'ыў* (укр. наробив) [1]; *оц'о ваша раб'ота* (укр. робота) [9]. Если в примере из беседы [9] можно предположить влияние русской лексемы (при наличии однокорневой украинской), то в примерах из [1] очевидно, что происходит перенос правил русской структуры безударного вокализма в украинские по происхождению лексемы (см. также в говорах потомков переселенцев в Приамурье¹³; несистемное спорадическое аканье отмечено в речи потомков переселенцев в Башкирии¹⁴). В позиции *i* по происхождению из *ǣ находим [ы] и [ы³]: *мыстэчко* (ср. укр. містечко) [1], что является вариативным произношением (находим также *м'исто*). В некоторых случаях встречаются твердые согласные в соответствии с русскими мягкими: *делае[тэ]* [5]; *Рэт'ихоў* [6]. Практически повсеместно происходит употребление фрикативного [γ], даже у представителей более молодого поколения (ср. [2] и [1, 3–8]) в одной семье. Для высказываний на украинском языке характерно также произношение [ы] на месте [э] в безударной позиции: *вызэм* (ср. укр. веземо); *дыржала* (укр. держала) [5]. Отмечено употребление [ў]. Фиксируется протетический *в-* в следующих примерах: *вукраїццы*; *вучилась* [1]. Для глаголов *и-*спряжения свойственно окончание [-т'] в 3 л. ед. ч., тогда как у глаголов *е-*спряжения находим окончание [э]: *лэжыт'*; *плачэ* [5]. Отмечена и вариативность форм инфинитива: *үүл'ат'*; *зробыт'э'* [9]; *садыт'*; *садыты* [4]. Форма глаголов в 1 л. ед. ч. *зах'ожу*, *прых'ожу* [5] без чередования *д/дж*. В прошедшем времени форма глагола в 1 л. ед. ч. м. р. имеет окончание *-в* (*знав*), в 3 л. мн. ч. — *-лы* (*хот'илы*). Выявлено использование специфических форм местоимений: *вона́* (ж.р., им.п.); *ийі́* (ж.р. вин.п.); *в н'зіи* (ж. р. род.п.); *й'оу'о* (м. р., род. п.) [5], а также форм вопросительных местоимений: *хто*, *шо*; указательных местоимений: *цэ*, *оц'э*, *оц'о* [9]. У существительных ж. р. отмечена звательная форма: *уал'ко!* [9]. Зафиксировано также использование предлога *до* для выражения направления к лицу, месту, предмету: *до М'ыколы* [5], и предлога *з* для выражения совместного действия: *з Я[ры]ной* [5]. В собственно рус-

¹³ Блохинская А.В. Русско-украинское взаимодействие... С. 130.

¹⁴ Ткачук М. Переселенська говірка с. Золотоношка в полідіалектному та полікультурному середовищі (фонетичні особливості). Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. 2018. Випуск 38. С. 34–35. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5)

ских высказываниях информанты употребляют и специфическую лексику, например, *барабол'а* [4]¹⁵; *хата* [5]. Некоторые антропонимы используются в украинской огласовке: *Васыл'*, *Ярына*, *Мыкола*, *Марыйа*.

К сожалению, получить записи от потомков белорусских переселенцев, которые бы содержали хотя бы элементы диалектной белорусской речи, нам не удалось. Даже в цитатах речи первых переселенцев не отмечено никакой стилизации, что может быть связано с более быстрой языковой адаптацией носителей белорусских говоров в доминантном русскоязычном окружении. Однако было записано свидетельство от дочери переселенца, в котором находим глагол, относящийся к метаязыковой характеристике, к тому, как воспринималась речь отца-белоруса. Информант А. Н. (жен., 73 г.) приводит глагол *рэпaть*, который, судя по контексту, имеет несколько пренебрежительное значение. По данным русских говоров южной группы глагол *рэпaть* имеет значение 'трескаться, лопаться, давать трещины', в Пермском крае отмечено значение 'петь с надрывом'¹⁶, в западно-полесских говорах у глагола *ripати* фиксируется значение 'відчиняти або зачиняти двері зі скрипучими звуками'¹⁷, в белорусских говорах *рыпець* означает 'скрыпець'¹⁸; во всех приводимых значениях выделяется семантика треска, скрипа. В записанном нами варианте глагол имеет огласовку *рэпaть*, что дополнительно может характеризовать особенности произношения говорящего: отверждение *p* в белорусских говорах, ср. бел. *пераход*, *рэка*, рус. *переход*, *река*.

[10] Вот папа сюда приехал в двадцать девятом году, и у него на всю жизнь осталось, как я смеялась и говорила, *рэпaет*, ну вот так вот говорил, я не знаю, это мама говорила такое слово: «Да он не говорит, а *рэпaет*». Не наю почему, я так привыкла. Она про папу говорила. Посмеивалась над ним, над его колоритом, а мама нет, она говорила, как говорят на Дальнем Востоке. (А. Н.)

Помимо работы с информантами нас интересовали письменные источники, записи, дневники, письма, альбомы. За доступ к этим источникам выражаем огромную благодарность сотрудникам историко-краеведческого музея им. И.Д. Бронниковой в с. Хороль. В нашем распоряжении оказалась рукопись, состоящая из двадцати страниц, написанная от руки, под названием «Образование Хороля» (с пометой «в музей»), автор Екатерина Дмитриевна Козуб-Арнаут. В ней содержится история переселения, образования села, жизни в селе Хороль, сведения автор почерпнул из расска-

¹⁵ О распространении лексемы *бараболя* см.: Атлас української мови / ред. Я.В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. Карта 325.

¹⁶ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2001. Т. 35. С. 66.

¹⁷ *Аркушин Г.Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 2. С. 120.

¹⁸ Слоўнік беларускіх гаворах паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэд. Ю.Ф. Мачкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1984. Т. 4. С. 326.

зов старших родственников. Кроме того, в рукописи содержатся сведения о праздновании некоторых праздников, а также рецепты. Данная рукопись представляет большую ценность не только как исторический и фактографический документ, но и как лингвистический источник, поскольку содержит диалектные особенности, свойственные потомкам переселенцев в селе Хороль, а также является прекрасным образцом стиля «наивного диалектоносителя»¹⁹. К сожалению, точную дату создания рукописи нам не удалось узнать, можно предположить, что это 1980-е либо 1990-е гг. Приведем здесь лишь некоторые цитаты: «В 1891 году в марте м-ц с Полтавской обл. с Хорол выехали переселенцы и еще с разных сел с Катырыновки с Михайловки с лучек и т д, первые переселенцы поехали в Одессу а с Одессы погрузились со своим скорбом на параход и поплыли на Дальний восток. Плыли 40 суток преплыли во Владивосток семей 50 говорил мой дедушка (1 стр.) ... Потом собрали сход и стали решать, как назвать сыло, но дедушка сказал, я к (sic!) нас бильше приехало с Хорола так ныхай буде Хороль так и работали работали очень много (стр. 6) ... В 1905 году стали решать как и где построить церковь все делали гуртом где сейчас музей там была церковь (стр. 8) ... Вот я напишу вам еще про пост. Сейчас много говорить, что надо поститься раньше там постились ... а потом начинается праздник Рождество режут кабана или чушку и колбасы и окорки запекают в русской печке (19 стр.) ... А еще напишу какой хлеб пекли хороший вкусный высокий мягкий кушали и хочется а борщ какой варили хахлы вы такого никогда не ели (20 стр.)».

Приводимые отрывки из рукописи позволяют сделать выводы, что на письменную речь автора оказывал влияние украинский диалект тех мест, откуда родом старшие родственники — бывшая Полтавская губерния. Здесь мы сталкиваемся с передачей на письме отсутствия палатализации перед гласными [и], [э] (*Катырыновки, сыло*). В тех же примерах, а также в слове *ныхай* очевидно, что в безударной позиции не происходит различение звуков [ы] и [э], во всех случаях пишется *ы*. В некоторых примерах отражается на письме аканье: *параход, хахлы*. Обращает на себя внимание окончание глаголов в 3 л. мн. ч. на *-ть (говорять)*, которое употребляется параллельно с преобладающим вариантом *-т (запекают)*. Предлог *с* функционирует в соответствии с русским литературным предлогом *из* (например, *с Одессы, с Хорола, с Михайловки*). Приведенные выше примеры воспроизводят все же отдельные диалектные лексемы и конструкции. Однако в тексте находим более протяженный фрагмент, воспроизводящий украинский говор дедушки информанта. При цитировании речи своего дедушки автор рукописи включает высказывание, которое одновременно поясняет происхождение название села: *я к нас бильше приехало с Хорола так ныхай буде Хороль*.

¹⁹ Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы. Традиционная культура. 2003. № 2 (10). С. 68–74.

Здесь мы находим предложение со сложным союзом (*як ... так*), а также форму повелительного наклонения от глагола «быть» в 3 л. ед. ч. (*ныхай буде*). При этом мы видим, что на письме твердость *p* и *d* в примерах *приехало* и *буде* соответственно не передается. Кроме того, в примере *приехало* мы находим написание *e* под ударением при ожидаемом *и* (ср. укр. *приїхало*). Фиксируется и специфическая лексика: *гуртом* (сообща, вместе).

С содержательной стороны приводимые фрагменты также представляют интерес. Здесь мы находим этнические прозвища, которые зачастую в обследуемом регионе функционируют как самоназвания (*хахлы*) и не имеют пренебрежительного отношения (ср. также в [9]). Также упоминается история миграции, перечислены населенные пункты исхода переселения, указан маршрут следования и его продолжительность, говорится об истории возникновения названия села Хороль, находим и особенности празднования некоторых календарных праздников (*Рождества*, наименование которого встретилось в такой форме, ср. укр. *Різдво*), а также записи кулинарных рецептов. Несколько избранных цитат из рукописи демонстрируют, что она содержит богатый лингвистический материал. В перспективе предполагается детально проанализировать текст источника, с этой целью планируется опубликовать рукопись целиком и снабдить ее необходимыми комментариями.

Записанный аудиоматериал будет полностью расшифрован, что позволит лучше понять вариативность выявленных и описанных в настоящей статье лингвистических явлений, принадлежащих разным языковым системам. Уникальным является то, что высказывания на диалекте актуализируются в ситуации цитирования речи старших родственников, в пересказах диалогов, а также в воспоминаниях о детстве (в частности, о детских играх). Планируется подробнее изучить механизмы подобных переходов. Зачастую сложно бывает атрибутировать переход, определить, какой языковой системе принадлежит тот или иной фрагмент и где проходит граница переключения. Как показывают приведенные фрагменты высказываний, при контактах близкородственных языков возникают гибридные формы. Кроме того, фольклорные тексты также воспроизводятся информантами на языке той области, откуда происходят их предки (например, песни, которые поют на свадьбе, детские колыбельные песни и т. д.). Предстоит также понять, имеет ли свои особенности записанная речь информантов по сравнению со смешанной речью тех, кто остался в материнском ареале, а также тех, кто проживает в переселенческих сообществах в других регионах России.

Сохранившиеся, пусть и в редуцированной форме, говоры переселенцев являются культурным достоянием. Они спустя более ста лет после миграций сохраняются в новом окружении на Дальнем Востоке и представляют интерес для лингвистических исследований из-за гибридных форм на всех языковых уровнях. Как результат исследования планируется публикация диалектных текстов.

Источники

- Аркушин Г.Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 2.
 Атлас української мови / ред. Я.В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988.
Ливенко П.С. Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974.
 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. Л.: Наука, 1981. Т. 17.
 Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2001. Т. 35.
 Слоўнік беларускіх гаворах паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / рэд. Ю.Ф. Мачкевіч. Мінск: Навука і техника, 1984. Т. 4.

Литература

- Блохинская А.В.* Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области): дис. ... к. ф. н. Благовещенск, 2014.
Добрянская Л.Н. Украинские говоры в центральной части Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. IV Республіканська нарада. Тези доповідей та повідомлень / ред. кол. М.В. Никончук та ін. Житомир: В.б., 1983. С. 20–30.
Добрянская Л.Н. Лексико-семантические процессы в говорах Приморского края (к проблеме русско-украинского лексического взаимодействия). Народные говоры Дальнего Востока: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ф. Путятин. Хабаровск: ГПИ, 1989. С. 49–60.
 Живая речь дальневосточников / отв. ред. Н.С. Милянчук. Владивосток: ДВФУ, 2013.
 Живая речь приморцев. Материалы полевой экспедиции 2016 / отв. ред. Т.И. Петрова, О.П. Кормазина. Владивосток: ДВФУ, 2016.
 Живая речь приморцев в рассказах-воспоминаниях / отв. ред. Т.И. Петрова. Владивосток: ДВФУ, 2023.
Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы. Традиционная культура. 2003. № 2 (10). С. 68–74.
Назарова Т.В. Українські говірки на Далекому Сході. Мовознавство. 1967. № 2. С. 43–52.
Пилипенко Г.П. Экспедиция к славянам в Южную Америку. Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.
Пилипенко Г.П. Украинские тексты из Боснии и Герцеговины. Исследования по славянской диалектологии. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2021. Выпуск 23. Памяти Людмилы Эдуардовны Калынь / отв. ред. А.Ф. Журавлев. С. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17>
Прилишко Н.П. Українська мова в Сибіру та на Далекому Сході. Українська мова. Енциклопедія / співголова В.М. Русанівський та ін. Київ: Українська енциклопедія, 2004. С. 732.
Скорвид С.С. Говор сибирских голендров по материалам экспедиции 2015 г. // Словене. 2021. № 1. С. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19>

- Стрельцова И.В. Костюм украинцев и белорусов в Приморье: адаптация и трансформация этнокультурных традиций (конец XIX — начало XXI в.): дис. ... к. и. н. Владивосток, 2022.
- Стрельцова И.В. Этнокультурные традиции потомков украинских переселенцев на юге Дальнего Востока России: обзор этнолингвистической экспедиции. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 155–169.
- Ткачук М. Переселенська говірка с. Золотоношка в полідіалектному та полікультурному середовищі (фонетичні особливості). Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. 2018. Випуск 38. С. 32–38. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5)
- Pilipenko G. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*. 2018. № 1. P. 281–307.

References

- Blokhinskaia, A.V., 2014. *The Russian-Ukrainian interaction in the Russian dialects of the Amur region (based on the speech of the residents of Oktyabrsky district in Amur region)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Blagoveshchensk. (In Russian)
- Dobrianskaia, L.N., 1983. Ukrainian dialect in the central part of Primorye (on the problem of the Russian-Ukrainian lexical interaction). In: M.V. Nikonchuk, ed, 1983. *Structure and development of the Ukrainian dialects on the contemporary stage. Theses of lectures and reports*. Zhytomyr: V.b., pp. 20–30. (In Russian)
- Dobrianskaia, L.N., 1989. Lexico-semantic procedure in the dialects of Primorye (on the problem of Russian-Ukrainian lexical interaction). In: L.F. Putiatina, ed, 1989. *Popular dialects of the Far East: interuniversity collection of scientific works*. Khabarovsk: GPI, pp. 49–60. (In Russian)
- Milianchuk, N.S., ed, 2013. *The live speech of the residents of the Far East*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Minaeva, A.P., 2003. “Naive literature”: creativity and stereotypes]. *Traditsionnaia kul'tura*, 2, pp. 68–74. (In Russian)
- Nazarova, T.V., 1967. The Ukrainian dialects of the Far East. *Movoznavstvo*, 2, pp. 43–52. (In Ukrainian)
- Petrova, T.I., Kormazina, O.P., eds, 2016. *The speech of the residents of Primorye. The data of 2016 field research*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Petrova, T.I., 2023. *The live speech of the residents of Primorye in stories and memories*. Vladivostok: DVFU. (In Russian)
- Pilipenko, G., 2018. The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*, 1, pp. 281–307.
- Pilipenko, G.P., 2018. Field research among Slavs in South America. *Slavic Almanac*, 1–2, pp. 289–300. (In Russian)
- Pilipenko, G.P., 2021. Ukrainian texts from Bosnia and Herzegovina. In: A.F. Zhuravlev, ed, 2021. *Studies on Slavic dialectology*. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN. Issue 23: In memory of Lyudmila Eduardovna Kalnyn', pp. 216–228. <https://doi.org/10.31168/2618-8589.2021.23.17> (In Russian)

- Prylypko, N.P., 2004. The Ukrainian language in Siberia and the Far East. In: V.M. Rusanivs'kyi, et al., eds, 2004. *Ukrainian language. Encyclopedia*. Kiev: Ukraïns'ka entsyklopediia, p. 732. (In Ukrainian)
- Skorvid, S.S., 2021. The dialect of the Siberian Golenders based on the materials of the 2015 expedition. *Slověne*, 1, pp. 425-449. <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2021.10.1.19> (In Russian)
- Strel'tsova, I.V., 2022. *Costume of Ukrainians and Belarusians in Primorye: adaptation and transformation of ethno-cultural traditions (late XIX – early XXI century)*. Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok. (In Russian)
- Strel'tsova, I.V., 2023. Ethnocultural traditions of descendants of Ukrainian immigrants in the South of the Russian Far East: ethnolinguistic expedition overview. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 155–169. (In Russian)
- Tkachuk, M., 2018. The migrant dialect of Zolotonoshka in a polydialect ta multicultural environment (phonetic features). *Scientific bulletin of the Izmil State University of Humanities*, 38, pp. 32–38. [https://doi.org/10.31909/26168820.2018-\(38\)-5](https://doi.org/10.31909/26168820.2018-(38)-5) (In Ukrainian)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К ГРЕКАМ АНАПЫ, ГЕЛЕНДЖИКА И НОВОРОССИЙСКА

Ксения Анатольевна Климова

Кандидат филологических наук, доцент,
кафедра византийской и новогреческой
филологии Филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;
научный сотрудник,
Центр славистических исследований,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинские горы, ГСП-1,
1-й корпус гуманитарных факультетов,
Филологический факультет,
Москва, 119991, Россия;
Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Инна Олеговна Никитина

Аспирантка,
факультет антропологии
Европейского университета
в Санкт-Петербурге.
Почтовый адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1, лит. А,
Санкт-Петербург, 191187, Россия
Электронный адрес: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Аннотация

В статье дается краткий обзор этнолингвистической экспедиции (7–15 июля 2023 г.) к грекам Восточного Причерноморья: Анапы (Витязево), Геленджика и Новороссийска. Современное греческое население региона — потомки мигрантов из Османской империи, переселившихся на Черноморское побережье Кавказа в XIX–XX вв. Главными мотивами переселения были гонения со стороны турецкого правительства и, впоследствии, геноцид греческого населения. Важным элементом идентичности сообщества на новой территории стало древнегреческое прошлое региона, что подчеркивается как в названиях греческих обществ и газет, так и в их визуальной символике. Греческое население Краснодарского края на протяжении 1920–1930-х гг. получало поддержку в сфере культуры и образования от новообразованного советского государства, но поддержка вскоре сменилась массовыми репрессиями и депортациями. История и народная культура понтийских греков Причерноморья находят отражение в записанных во время экспедиции нарративах. Главной целью полевого исследования была фиксация исконной греческой и заимствованной лексики похоронно-поминальной обрядности. Понтийская лексика в исследованном регионе совпадает с записанной в предыдущих экспедициях 2022–2023 гг. Среди до сих пор не отмеченных лексем понтийского диалекта выделяется термин канона в значении ‘кутья’ вместо общепонтийской лексики кокия, а также лексема Харон в значении ‘смерть’. В целом, греческое присутствие в регионе заметно, в первую очередь, по визуальному ландшафту: характерные шрифты вывесок и названия кафе, отелей и других бизнесов призваны указывать на происхождение их владельцев. Главными акторами, продвигающими греческую культуру в регионе, являются культурные общества, где преподают новогреческий язык и народный танец.

Ключевые слова

Греки России, понтийские греки, греческая традиционная культура, этнолингвистика, обрядовая лексика, понтийский диалект греческого языка, полевые исследования, похоронно-поминальный обряд

Финансирование

Авторская работа И.О. Никитиной выполнена за счет гранта Российского научно-го фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2023 г.

Статья доработана автором 20 октября 2023 г.

Статья принята в печать 10 ноября 2023 г.

Цитирование: *Климова К.А., Никитина И.О.* Этнолингвистическая экспедиция к грекам Анапы, Геленджика и Новороссийска. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 185–194. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.12>

ETHNOLINGUISTIC EXPEDITION TO THE GREEKS OF ANAPA, GELENDZHİK AND NOVOROSSIYSK

Ksenia A. Klimova

Ph.D., Associate Professor,
Department of Byzantine
and Modern Greek Studies,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University;
Researcher,
Center for Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
Postal address: Leninskie Gory, GSP-1,
1 Humanities Building, Faculty of Philology,
Moscow, 119991 Russia;
Leninsky prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

Ph.D. student,
Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Postal address: Gagarinskaya str., 6/1A,
St. Petersburg, 191187, Russia
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Abstract

This paper presents an overview of the ethnolinguistic expedition (July 2023) to the Greeks of the North-Eastern Black Sea region (Anapa, Vityazevo, Gelendzhik, Novorossiysk). The modern Greek population of this area was mainly formed by the migrants from the Ottoman Empire, who moved to the Black Sea coast in the 19th–20th centuries. The main motives for the resettlement were persecution by the Ottoman authorities and, subsequently, the genocide of the Greek population. The coastal towns of Russia repopulated by the Greeks (such as Anapa and Gelendzhik) once were the Ancient poleis. The Ancient Greek past of the region therefore became an important element of the group identity, which is emphasized both in the names of the Greek societies and newspapers, and in their visual content. The Greek population of the Krasnodar krai received governmental support from the newly formed Soviet state during the 1920–1930s, but this brief period of recognition was soon interrupted by mass repressions and deportations. The main goal of the field research was to record the vocabulary of funeral and memorial rituals. The Pontic dialect vocabulary in this region coincides with one recorded in previous expeditions during 2022–2023. Among the lexemes which were not previously recorded is the term *kanona* instead of the common Pontic lexeme *kokia*, both stand for ‘ritual dish from grain’. We also recorded the lexeme *Charon* for ‘death’. In general, the Greek presence in the region is noticeable primarily in the visual landscape: recognizable Greek fonts of signs as well as the names of cafes, hotels and other businesses hint at the origins of their owners. The main actors promoting Greek culture in the region are cultural societies where the population can learn modern Greek language and traditional dances.

Keywords

Greeks of Russia, Pontic Greeks, Greek traditional culture, ethnolinguistics, ritual language, Pontic Greek dialect, field studies, funeral rites

Funding

Inna Nikitina's work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Received 5 October 2023

Revised 20 October 2023

Accepted 10 November 2023

For citation: Klimova, K.A., Nikitina, I.O., 2023. Ethnolingvističeskaja ekspeditsija k grekam Anapy, Gelendzhika i Novorossiiska [Ethnolinguistic Expedition to the Greeks of Anapa, Gelendzhik and Novorossiysk]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 185–194. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.12>

С 7 по 15 июля 2023 г. научно-исследовательская группа из Института славяноведения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова и ЕУСПб провела этнолингвистическое исследование греческих общин Анапы, Геленджика и Новороссийска¹. В экспедиции приняли участие Климова Ксения Анатольевна (доцент МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Института славяноведения РАН), Никитина Инна Олеговна (аспирантка ЕУСПб) и Пелевинова Мария Владимировна (студентка МГУ имени М.В. Ломоносова).

Экспедиция продолжает ряд исследований, которые проводятся в местах компактного проживания греков на территории Российской Федерации (в 2022 и 2023 гг. были обследованы греческие села в Краснодарском и Ставропольском крае, а также в Карачаево-Черкесии²). В июле 2022 г. было предпринято первое этнолингвистическое исследование греческих поселений Черноморского побережья Кавказа в районе г. Сочи, а в 2023 г. обследованы следующие населенные пункты: пос. Сенной, пос. Витязево, Анапа, Геленджик, с. Кабардинка, с. Прасковеевка, Новороссийск. Всего в экспедиции 2023 г. было опрошено 43 информанта в возрасте от 25 до 84 лет, собран архив интервью с носителями традиционной культуры объемом более 42 часов аудиозаписей и более 10 Гб фото- и видеоматериалов³.

¹ Авторская работа И.О. Никитиной выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

² Обзор уже состоявшихся экспедиций см. Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. Вып. 3–4. С. 249–260, Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. Вып. 3–4. (в печати).

³ Архив материалов всех экспедиций хранится на кафедре византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Материалы по традиционной культуре и языку собирались по этнолингвистической программе А.А. Плотниковой⁴, а также по специальным тематическим вопросникам, разработанным для исследований греческой культуры на территории России. Особое внимание уделяется сбору данных по греческим погребально-поминальным практикам, а также лексике понтийского диалекта греческого языка и малоазийского тюркского диалекта, обслуживающей похоронный обряд.

Греческое присутствие на юге Черноморского побережья современной России наблюдается еще с античных времен, однако предки наших информантов переехали на эти земли в XIX в. из греческих сел в Малой Азии (в областях Трапезунда, Самсунда и Карса), преимущественно морским путем, но также и сухопутным через Грузию. Исследователь А. Попов в своей монографии⁵ приводит архивные данные, согласно которым пос. Витязево был заселен греками из Анатолии в 1862 г.⁶ Часть греческого населения попала сюда в начале XX в., спасаясь от турецкого геноцида, о чем сохраняется память в семейных нарративах, записанных на русском и греческом языках:

Они {греки} пришли сюда с Малой Азии. С Турции пришли. Если сказать точно, как мой род образовался, он пришел сюда в {19}15 году сюда, мой дедушка. Но это была очень такая веская причина, надо было сберечь себя и остальных братьев. Начиналось то страшное время в Османской империи, когда начиналась резня. <...> И он, их отец, посадил их на корабль, этот корабль болтался-болтался, шторм был. И они оказались в Новороссийске. И потом с Новороссийска они пришли сюда. [АХЭ, м., 1956 г. р., род. Витязево, зап. Витязево]⁷.

Греки, переселявшиеся в исследуемый нами регион в XIX — начале XX в., по большей части являлись носителями понтийского диалекта греческого языка. На малоазийских территориях также проживали греки, говорящие на местном тюркском диалекте (северо-восточном диалекте турецкого языка). Представители этой языковой группы впоследствии мигрировали из Османской империи преимущественно в район Цалки в Грузии и в Ставропольский край. Большой миграционный поток тюркоязычных греков в Россию (в том числе в места нашей последней экспедиции) пришелся на время распада Советского Союза, когда они стали массово покидать обрет-

⁴ Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.

⁵ Греческое население пос. Витязево уже привлекало интерес исследователей — результатом стала монография антрополога Антона Попова, посвященная, по большей части, постсоветской реальности и (ре)конструированию понтийской идентичности в новых политико-экономических условиях. См. Попов А. Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks. London: Routledge, 2016.

⁶ Ibid. P. 58.

⁷ Все цитируемые далее выдержки из интервью приводятся на русском языке, на котором они и были записаны.

шую независимость Грузию и переселяться в Грецию или Ставропольский и Краснодарский край РФ.

Вопрос о численности греческого населения в регионе остается спорным. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Краснодарском крае всего проживало 22 595 греков, в Анапе — 3197, в Геленджике — 6520, в Новороссийске — 3814⁸. По разным причинам данные переписей не могут считаться релевантными: так, цифры, которыми располагают руководители греческих обществ, в несколько раз превышают официальные. Хотя и эти неофициальные данные могут сильно различаться: по устным сообщениям информантов, на настоящий момент в Анапе и окрестностях проживает от 8000 до 25 000 греков, в Геленджике — от 10 000 до 15 000, в Новороссийске около 6000.

В отличие от наших грекоязычных информантов в Кавказских Минеральных Водах, которые называли свой язык характерным эндолингвонимом *ρωμαϊκά* ‘ромейский язык’, местные греки часто использовали также экзولينгвоним *ποντιακόν*, *понти* ‘понтийский’. При этом их самоназвание звучит как *ρωμαίοι* ‘ромей’, а наименование *понтийцы* остается экзотонимом:

Мы раньше не называли себя понтийцами, мы называли себя *ρωμαίοι* (‘ромей’, *прим. авт.*). А после этого, когда пошли уже эти 70-е, 80-е, впервые я помню, с корабля парень пришел, и он сказал, что мы понтийцы. Я не знал, что такое понтиец. И по сегодняшний день мы между собой друг друга называем *ромей*. [АВС, м., 1953 г. р., род. Витязево, зап. Витязево].

Мы все были *ромей*. Называли себя... А потом, когда уже открылись границы, поехали в Грецию, а с Греции приехали, уже все мы понтийцами стали. [СГА, м., 1951 г. р., род. Спарта (КЧР), зап. Витязево].

В качестве шуточной легенды некоторые собеседники рассказывали нам о том, что их предки пришли в Витязево, потому что в местном лимане была хамса — излюбленная рыба греков. Однако историческое воображение сообщества выходит за рамки легенды о хамсе и простирается далеко за пределы XIX в., так что в исторический нарратив причерноморского эллинизма в качестве отправной точки вписывается античный полис Горгиппия, руины которого находятся в современной Анапе. Название «Горгиппия», вслед за античным городом, перешло современному греческому обществу Анапы, помещение которого украшают фотографии раскопок полиса. Древнегреческое прошлое города-курорта Геленджик, в свою очередь, подчеркивается названием газеты «Торик», выпускаемой местным обществом греков, поскольку именно так назывался античный полис, располагавшийся на месте современного города.

⁸ Данные электронного архива «Национальный состав и владение языками», сайт Федеральной службы государственной статистики (URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html, дата обращения 10.10.2023).

Рассказывая о Кабардинке и Прасковеевке, расположенных недалеко от Геленджика, наши информанты отмечали, что эти села были основаны греками. До греков эти места населяли черкесы, но покинули их по окончании Кавказской войны. Тем не менее, в современных греческих нарративах отсчет «истории села» начинается с заселения места греками, которые, действительно, обосновались там в конце XIX в. По Указу «О заселении Черноморского округа и управлении оным» от 10 марта 1866 г. грекам предоставлялась возможность селиться в данном регионе и получать земельные наделы в бессрочное потомственное пользование⁹. Так понтийские семьи переселяются в район Геленджика и строят греческие храмы: в Кабардинке в 1892 г., в Прасковеевке в 1896 г. и в Адербиевке в 1906 г.¹⁰ Затем, уже с начала XX в., Кабардинка стала заселяться в том числе русскими, в то время как в Прасковеевке большинство населения оставалось греческим до 1950-х гг. — местный колхоз даже носил диалектное греческое название *Неон Зои* ‘Новая жизнь’.

Наши информанты вспоминают о школах, в которых велось преподавание на литературном греческом языке, и о театре, где ставили пьесы на понтийском¹¹. Этот этап относится к первым десятилетиям существования советского государства. Архивные документы подтверждают, что в 1920-е и 1930-е гг. работали школы и техникумы с преподаванием на греческом языке, на нем издавалась литература и периодика, греки активно участвовали в политической жизни региона¹². Однако период поддержки греков советским государством был недолог и оборвался очень резко¹³: после 1937 года были закрыты греческие школы и прекращена культурная деятельность. В 1930–1940-е гг. греческое население Краснодарского края подверглось массовым репрессиям. В Обществе греков Анапы стоит стенд, на котором вывешены списки и фотографии репрессированных, а также краткая хронология репрессивных актов. Многие из информантов вспоминают об истории репрессий в своей семье, а кто-то из наших собеседников и сам родился в депортации, в Средней Азии. Эти рассказы с трудом поддаются переводу на академический язык, поскольку при их переложении в формат фактов, статистик и протокольных фраз утрачивается тот эмоциональный

⁹ Маслов В. П. Геленджик — город у моря. История, факты, впечатления. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2020. С. 54–55.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ В греческом обществе Анапы хранится текст одной из таких пьес, «Лазар-ага».

¹² Барбанов К. В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. №3. С. 24–26.

¹³ В. В. Баранова, рассуждая о политике коренизации среди греков Приазовья, отмечает, что «специфика периода состоит во внезапном расцвете преподавания на родном языке и таком же внезапном его окончании». См.: Баранова В. В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румыны Приазовья. М.: Изд. дом гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2010. С. 70. В УССР, так же, как и в регионе нашего исследования, государственная поддержка греков резко оборвалась репрессиями 1937-го.

вес, который делает уникальной трагедию каждой отдельной семьи. Этот период повлиял и на самоидентификацию греческого сообщества в целом. Существует мнение о том, что репрессии «прервали традицию» греков Краснодарского края, о чем рассуждают и информанты:

<...> мы лишились самого главного, истории своей лишились, лишились мы своих дедов. Это был тот потенциал, который нужен был нам. <...> Там было все. Там были те ценности... Мы сейчас те ценности возрождаем, которые отличают от других всех этносов, которые живут рядом с нами. [АХЭ, м., 1956 г. р., род. Витязево, зап. Витязево].

Многие вспоминают о том, что после 1937 года в семьях резко прекращали говорить на понтийском. При этом про депортированных в Казахстан говорят, что в ссылке они сохранили язык гораздо лучше, чем оставшиеся: «Это здесь боялись разговаривать — а в Казахстане сохраняли язык».

В ходе экспедиции были собраны материалы по похоронно-поминальной обрядности и соответствующая лексика понтийского диалекта греческого языка. Отличительной чертой греческих похорон, отмечаемой нашими информантами, является обязательное пребывание тела покойного перед похоронами дома, в окружении друзей и родственников:

Но мы стараемся все равно домой, чтоб из дома. Это когда квартира... Даже в Греции наши *Πόντιοι*, у кого дома, на ночь {оставляют}, если не жарко, ну, сейчас кондиционер... [АМГ, ж., 1957 г. р., род. Казахстан, зап. Новороссийск].

Тот факт, что тело до сих пор забирают из морга (больницы) и отвозят домой, чтобы устроить ночные «посиделки» с покойным (*να μονάζετε* (на мона́зне) ‘посидеть с покойным’), является смыслообразующим и, вероятно, даже центральным элементом ритуала для наших собеседников: он может восприниматься как обязательная традиция — «отдача долга» умершему и проявление уважения к нему:

Я считаю, что надо обязательно {оставлять покойного дома}. Мы бабулю оставляли, хотя бабуля умерла в жару. Но некоторые {не оставляют} — я считаю, это неуважение. Есть, как говорится, традиции. [КВП, м., 1970 г. р. род. Геленджик, зап. Прасковеевка].

Для описания основных элементов похоронно-поминальной обрядности используется общепонтийская лексика, подобная зафиксированной нами в предыдущих экспедициях в Краснодарский и Ставропольский край¹⁴. Это лексемы *σχωρεμένος* (схоремéнос) ‘покойный’, *θάνατον* (θáна-тон) ‘похороны’, *λείψανον* (лiмпсанон) в значении ‘тело’ или ‘похороны’,

¹⁴ Климова К. А., Никитина И. О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178.

κασέλα (касэла) ‘гроб’, *ταφίν* (тафίν) ‘могила’, *ταφία* (тафия) ‘кладбище’. Также для описания смерти использовались описательные фразы: *επῆεν ἐκεῖ σὸν κόσμον* (эпйен эки сон кóзмон) ‘он ушел туда, в тот мир’, или *επῆεν σὸν ἄλλον τὸν κόσμον* (эпйен сон áллон тон кóзмон) ‘он ушел в иной мир’, *εδέκεν τὴν ψῆναν* (эдэкен тин пшйнан) ‘он отдал душу’.

Среди до сих пор не отмеченных лексем понтийского диалекта можно выделить термин *κανόνα* (канóна), записанный нами в с. Кабардинка в отношении поминальной кутьи, которая в обследованном регионе также называется общепонтийской лексемой *κοκία* (кокйя) ‘кутья, пшеница’¹⁵. В предыдущей поездке на Черноморское побережье (район Сочи) мы не зафиксировали лексему *ο Χάρων* (о Хáрон) в значении ‘смерть’, в этот же раз нам удалось записать фразу *επαίρε τον ο Χάρων* (эпéре тон о Хáрон) ‘его забрал Харон (смерть)’ в значении ‘он умер’. В новогреческом фольклоре Харон (Харос) — мифологический персонаж, персонификация смерти — описывается обычно как черный всадника на черном коне.

Обследованные села Северо-восточного Причерноморья являются частью общего греческого культурно-языкового ареала, в который входят также обследованные нами ранее понтийские поселения в Краснодарском и Ставропольском крае. При этом в пос. Витязево (муниципальное образование Анапа), где греческое население преобладает и по сей день, нами была отмечена лучшая сохранность традиционной народной культуры и греческого языка (понтийского диалекта), а также яркое присутствие греческих элементов в общем языковом, визуальном и акустическом ландшафте: вывески со стилизованными греческими надписями и названия местных кафе и ресторанов (“Константинополь”, “Понтоc”, “Парфенон”, “Арго”, “Акрополь”, “Афина”, “Олимп”), магазинов и торговых центров (“Эллада”, “Византия”), гостиниц (“Золотое руно”, “Янакис”, “Pontos Hotel”) и пр., использование бело-голубой цветовой гаммы, соответствующей общегреческой традиции, греческая музыка, блюда общегреческой кухни в меню большинства заведений общественного питания (*мусака*, *дзадзики*, *греческий салат*, *гиро(с)*, *сувлаки*, *холодный кофе фратте* и пр.). Иная картина наблюдается в крупных городах: если в Геленджике греческое присутствие отмечается в общем городском пространстве (хотя и в гораздо меньшей степени по сравнению с Витязево), а в семьях опрошенных нами информантов говорят на понтийском греческом, то в большом портовом городе Новороссийске греческая традиционная культура и язык сохраняются хуже. Во всех обследованных городах большая работа по сохранению, передаче и популяризации греческой культуры проводится местными культурными обществами и домами культуры, в которых организованы занятия по новогре-

¹⁵ Также в понтийском диалекте, наравне с термином *κοκία*, *κοκία* (кукйя, кокйя), используется лексема *το σινίν* (то синин), обозначающая ‘поднос’, так как ритуальное блюдо раньше подавали на подносе.

ческому литературному языку, греческим народным танцам, а иногда даже ведется обучение игре на традиционных музыкальных инструментах, прежде всего на понтийской лире. Тем не менее, мы с сожалением вынуждены отметить, что понтийским греческим языком владеют преимущественно люди старшего поколения, в то время как представители среднего и младшего поколения могут понимать общий смысл высказываний и бытовые фразы, но сами уже не могут активно использовать язык в повседневном общении.

Литература

- Барабанов К.В. Греческие общины в СССР 1920–1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2006. № 3. С. 24–28.
- Баранова В.В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. М.: Изд. дом гос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
- Климова К.А., Никитина И.О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178.
- Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура и язык «русских греков» г. Сочи: обзор этнолингвистической экспедиции // Славянский альманах. 2022. Вып. 3–4. С. 249–260.
- Климова К.А., Никитина И.О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. Вып. 3–4. (в печати).
- Маслов В.П. Геленджик — город у моря. История, факты, впечатления. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2020.
- Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Popov A. Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks. London: Routledge, 2016.

References

- Barabanov, K.V., 2006. Greek communities in the USSR in 1920–1940s. *RUDN Journal of Russian History*, 3, pp. 24–28. (In Russian)
- Baranova, V.V., 2010. *Language and ethnic identity. Urums and Rumeans of the Azov area*. Moscow: Izd. dom gos. Un-ta — Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russian)
- Klimova, K.A., Nikitina, I. O., 2022. Funeral and memorial rites of Pontic Greeks of Sochi (based on 2022 field materials). *Slavic world in the third millennium*, 17 (3–4), pp. 160–178. (In Russian)
- Klimova, K.A., Nikitina, I.O., 2022. Traditional culture and language of the “Russian Greeks” of Sochi: an overview of the ethnolinguistic expedition. *Slavic Almanac*, 3–4, pp. 249–260. (In Russian)

-
- Klimova, K.A., Nikitina, I.O., 2023. Traditional culture of the *Romaioi* Greeks and *Urumlar* Greeks (on the materials of the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Caucasus Mineral Waters region). *Slavic Almanac*, 3–4 (in print). (In Russian)
- Maslov, V.P., 2020. *Gelendzhik — a city by the sea. History, facts, impressions*. Maykop: OAO “Poligraf-YUG”. (In Russian)
- Plotnikova, A.A., 2009. *Materials for Ethnolinguistic Investigation of the Balkan-Slavic Area*. Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Sciences. (In Russian)
- Popov, A., 2016. *Culture, Ethnicity and Migration After Communism: The Pontic Greeks*. London: Routledge.

**СЪВРЕМЕННАТА СЛОВАКИСТИКА —
КООРДИНАТИ И ВЕКТОРИ.
СБОРНИК С ДОКЛАДИ ОТ МЕЖДУНАРОДНАТА НАУЧНА
КОНФЕРЕНЦИЯ ПО СЛУЧАЙ 30-ГОДИШНИНАТА
НА СПЕЦИАЛНОСТ «СЛОВАШКА ФИЛОЛОГИЯ»
В СУ «СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ» — СОФИЯ, 28.04.2021 г. /
СЪСТАВ. И РЕД. В. ПАНАЙОТОВ И ДР. СОФИЯ: УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО
«СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ», 2022. 480 с.
ISBN 978-954-07-5431-4**

Людмила Фёдоровна Широкова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Аннотация

В 2022 г. вышел в свет сборник статей «Современная словакистика — координаты и векторы», подготовленный по материалам международной научной конференции, которая прошла 28.04.2021 в Софии и была посвящена 30-летию с начала преподавания словацкого языка в Университете св. Климента Охридского. Авторы статей — ученые и преподаватели из Болгарии, Словакии, Чехии, России, Словении, Сербии, Хорватии, ФРГ — рассматривают целый спектр проблем, связанных с обучением студентов по специальностям, ориентированным на словацкий язык, культуру, литературу, навыки перевода. В книге используются два языка — болгарский и словацкий. Статьи сгруппированы по четырем разделам, соответствующим четырем основным направлениям в словакистике. В разделе «Словацкий язык в европейском контексте» рассматриваются проблемы истории и современного состояния языка, его изучение в сопоставительных и культурологических аспектах. Тематический спектр раздела «Словацкая литература в европейском контексте» — от компаративистики и связей литературы с изобразительным искусством до тенденций в современной прозе. Статьи раздела «Словацкий язык и перевод как языковой и культурный феномен» посвящены традициям словацко-болгарских литературных переводов, вопросам адекватности и трудностей в переводческой работе. Раздел «Преподавание словацкого языка как иностранного» содержит статьи об особенностях методики преподавания словацкого языка на славистических кафедрах, о проблемах грамматики словацкого языка в теоретическом и практическом плане. Значительное число статей, их высокий научный уровень, широта профессиональных интересов авторов свидетельствуют о важности взаимообмена культурными и духовными ценностями в славянском мире.

Ключевые слова

България, словашкият език, културни връзки, взаиморазмяна, превод, преподаване, методика, тематика

Статья поступила в редакцию 5 октября 2023 г.

Статья доработана автором 23 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 25 ноября 2023 г.

Цитирование: *Широкова Л. Ф.* [Рец.] Съвременната словакистика — координати и вектори. Сборник с доклади от Международната научна конференция по случай 30-годишнината на специалност «Словашка филология» в СУ «Св. Климент Охридски» — София, 28.04.2021 г. / състав. и ред. В. Панайотов и др. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2022. 480 с. ISBN 978-954-07-5431-4. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 195–200. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.13>

**SUVREMENNATA SLOVAKISTIKA —
KOORDINATI I VEKTORI.**

**SBORNIK S DOKLADI OT MEZHDUNARODNATA NAUCHNA
KONFERENTSIJA PO SLUCHAI 30-GODISHNINATA
NA SPETSIALNOST “SLOVASHKA FILOLOGIJA”**

V SU “SV. KLIMENT OKHRIDSKI” — SOFIIA, 28.04.2021 G. /

SUSTAV. I RED. V. PANAIOTOV I DR. SOFIIA: UNIVERSITETSKO IZDATELSTVO

“SV. KLIMENT OKHRIDSKI”, 2022. 480 S.

ISBN 978-954-07-5431-4

**MODERN SLOVAKISTICS —
COORDINATES AND VECTORS**

**COLLECTION OF REPORTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE DEDICATED TO THE 30TH ANNIVERSARY**

**OF THE TEACHING OF THE SLOVAK LANGUAGE AT THE UNIVERSITY
OF ST. KLIMENT OHRIDSKI IN SOFIA, 28.04.2021 /**

ED. BY V. PANAIOTOV ET AL. SOFIA: UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE

OF ST. KLIMENT OHRIDSKY, 2022. 480 P.

Liudmila F. Shirokova

Ph.D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: shirocco@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9368-9086

Abstract

In 2022, a collection of articles “Modern Slavistics — Coordinates and Vectors” was published, based on the materials of an international scientific conference that took place on 04/28/2021 in Sofia and was dedicated to the 30th anniversary of the beginning of teaching of Slovak language at the University of St. Kliment Ohridsky. The authors of the articles — scholars and teachers from Bulgaria, Slovakia, the Czech Republic,

Russia, Slovenia, Serbia, Croatia, Germany — consider a whole range of problems related to teaching students in specialties related to the Slovak language, culture, literature, translation skills. The book uses two languages — Bulgarian and Slovak. The articles are grouped into four sections corresponding to the four main areas in Slovakian studies. The section “The Slovak language in the European context” examines the problems of history and current state of the language, its comparative and culturological aspects. The thematic spectrum of the section “Slovak literature in the European context” ranges from comparative studies and the links of literature with fine arts to trends in modern prose. The articles in the section “Slovak language and translation as a linguistic and cultural phenomenon” are devoted to the traditions of Slovak-Bulgarian literary translations, issues of adequacy and difficulties in translation work. The section “Teaching the Slovak language as a foreign language” contains articles on the peculiarities of the methodology of teaching the Slovak language at Slavic departments, on the problems of grammar of the Slovak language in theoretical and practical terms. A significant number of articles, the quality of research, and the breadth of the authors’ professional interests testify to the importance of the interchange of cultural and spiritual values in the Slavic world.

Keywords

Bulgaria, Slovak language, cultural relations, interchange, translation, teaching, methodology, subject

Received 5 October 2023

Revised 23 November 2023

Accepted 25 November 2023

For citation: Shirokova, L.F., 2023. [Rets.] Suvremennata slovakistika — koordinati i vektori. Sbornik s dokladi ot Mezhdunarodnata nauchna konferentsiia po sluchai 30-godishnina na spetsialnost “Slovashka filologiiia” v SU “Sv. Kliment Okhridski” — Sofia, 28.04.2021 g. / sustav. i red. V. Panaiotov i dr. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2022. 480 s. ISBN 978-954-07-5431-4 [Modern Slovakistics — Coordinates and Vectors. Collection of Reports of the International Scientific Conference Dedicated to the 30th Anniversary of the Teaching of the Slovak Language at the University of St. Kliment Ohridski in Sofia, 28.04.2021 / ed. by V. Panaiotov et al. Sofia: University Publishing House of St. Kliment Ohridsky, 2022. 480 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 195–200. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.13>

Объемная и добротнo изданная книга «Современная словакистика — координаты и векторы» представляет собой сборник статей по материалам Международной научной конференции, которая была организована и проведена 28.04.2021 в Университете св. Климента Охридского (София) в честь 30-летия начала преподавания словацкого языка на факультете славянской филологии. В этом форуме принимало участие более 60 ученых, чья научная деятельность связана со Словакией, ее языком, литературой и культурой, с преподаванием словакистики в высших учебных заведениях. Весьма широка география стран, обозначенных в программе конференции, а затем и на страницах опубликованного труда: наряду с большим числом ученых из Болгарии и Словакии свои работы представили исследователи из Чехии, Словении, Хорватии, Сербии и ФРГ, трое участников из России — это К.В. Лифанов (Московский государственный университет им. М.В. Ло-

моносова), А.Ю. Пескова и Л.Ф. Широкова (Институт славяноведения РАН). При этом в сборнике используются два языка — болгарский и словацкий, что соответствует научному контексту и заявленной теме.

Подготовленное на основе прочитанных докладов издание включает в себя научные статьи по четырем направлениям, которые расположены в книге по четырем соответствующим разделам.

Раздел «Словацкий язык в европейском контексте» включает в себя 17 статей, в их числе — работа М. Младеновой по материалам ее пленарного доклада «Посессивные глаголы в болгарском и словацком языках», а также сопоставительные исследования других авторов: Е. Митевой, М. Младеновой, М. Грчевич. Присутствуют здесь статьи, посвященные как истории словацкого языка (К. Лифанов «Место будапештского альманаха “Зора” в истории словацкого литературного языка»; П. Карпинский «Проблема вариантности записей имен собственных в Восточной Словакии в конце XIX — начале XX в.»), так и отдельным особенностям его современного состояния (Л. Кралчак, В. Гондекова, Ц. Аврамова, П. Одалош, В. Врайова). Интерес представляют и статьи по смежным культурологическим темам («Фраземы в контексте культуры» М. Рендаровой, «Некоторые словацкие национальные символы и их место в культуре и языке» М. Михайловой-Паланской) и по проблематике развития словацкого в иноязычной среде (С. Коруньяк, К. Конярикова). Примечательно, что авторы сразу нескольких работ обратились к столь актуальной на тот момент теме пандемии COVID-19 и ее лингвистическим аспектам (М. Горват, Д. Кубишова, М. Младенова).

В разделе «Словацкая литература в европейском контексте» всего 7 статей, что еще раз свидетельствует о некотором крене современной филологии в сторону лингвистики. При этом аспекты подхода авторов к литературной проблематике весьма разнообразны. Так, М. Костова-Панайотова показала значение теории сравнительного исследования литературы, разработанной в 1970–1990-е гг. известным словацким ученым Д. Дюришиным, для современной компаративистики, которая использует как его методологические принципы рассмотрения национальных литератур в системе более широких наднациональных общностей, так и предложенную им терминологическую базу. Сопоставительный взгляд на связь идеи славизма и литературы периода национального Возрождения с динамикой отношений чехов и словаков представлен в статье С. Димитровой. С яркими страницами истории культурных отношений России и Словакии знакомит читателя А. Пескова («Словацко-русские связи в сфере драматургии и театра первой половины XX в.»). О причинах возникновения и возможностях успешного преодоления культурных барьеров при изучении словацкой литературы иностранными студентами пишет Л. Блаженцова. Отдельные проблемы словацкой литературы на разных этапах ее развития рассматривают в своих статьях М. Кендра («Молодой прозаик Л. Надаши (Ян Гроб) и социологическая эстетика»), М. Петрикова («Европейское изобразительное искусство

как импульс литературного творчества Яны Боднаровой»), Л. Широкова («Неблагоприятные сценарии судьбы: социально-психологические аспекты современной словацкой прозы»).

Нужно отметить, что изучение многообразных связей между славянскими народами и их культурами — одна из центральных тем книги. Взаимообмену духовными ценностями посвящен раздел «Словацкий язык и перевод как языковой и культурный феномен». Так, М. Добрикова в статье «Диалог культур. Болгарская литература в истории художественного перевода в Словакии» пишет о традициях перевода с болгарского и о работах самых известных словацких переводчиков произведений болгарской литературы. Различные, общие и частные, проблемы перевода рассматриваются в работах М. Грашковой («Векторы коммуникации переводов литературы для детей и юношества. Современные словацкие книги в переводах с начала 1990-х гг.»), Я. Опалковой («Современный словацкий язык и контактная лингвистика. Динамика словарного запаса с перспективы перевода»), Д. Ивановой («Трудности при переводе технической документации на материале словацкого и болгарского языков»), В. Пенчева, Р. Рождественской («Найдено в переводе. Язык благотворительности в болгарском и словацком варианте»). Проблему адекватности поэтического перевода исследует И. Димова на примере стихов словацкого поэта Яна Ондруша, а проблему столь же труднодостижимой смысловой адекватности «машинной» продукции — Р. Павлова, сравнивая два перевода одного произведения: один, сделанный человеком — словацким писателем М. Гворецким, и второй — компьютером, с помощью утилиты *Google Translate*.

Вполне логично, что четвертый раздел — «Преподавание словацкого языка как иностранного» — стал в сборнике, подготовленном ведущим вузом Болгарии в связи с 30-летием преподавания словакистики в его стенах, одним из самых обширных и содержательных. Подготовленная по материалам пленарного доклада статья Я. Пекаровичовой «“*Studia Academica Slovacsa*” как зарубежный вектор словакистики» знакомит с основными направлениями деятельности этого научно-педагогического центра при Университете Коменского, слушателями которого в разные годы были студенты и специалисты по словацкой филологии из многих стран мира. Об особенностях методики и стратегии преподавания словацкого языка на славистических кафедрах пишут В. Панайотов («Место словацкого языка и дисциплин по словацкому языкознанию в процессе обучения в Университете св. Климента Охридского в Софии»), Я. Угларикова и Д. Марчокова («Преподавание словацкого языка как иностранного в Университете в Новом Саде») и М. Глухманова («Преподавание словацкого языка как иностранного на факультете производственных технологий»); об особенностях обучения словацких студентов в Университете Масарика в Брно пишет Э. Крейчова. Ряд авторов рассматривает в своих статьях конкретные методические аспекты работы со студентами, в том числе использование в процессе обучения аудиови-

зуального материала (Л. Ежо-Гаранчовска), специализированных словарей (Э. Крейчова), методов естественной морфологии (Я. Кесселова), сравнительного синтаксического анализа (Э. Тибенска), правил речевого этикета (Д. Константинова), дистанционного обучения (М. Мошатёва, Я. Вышкрабкова). Вопросы преподавания грамматики словацкого языка в теоретическом и практическом плане представлены в статьях М. Имриховой о правописании имен собственных, Г. Лёс-Ивориковой о преодолении стереотипов в дидактике, В. Башир-Гечовой о проблеме морфосинтаксических ошибок в письменной речи, К. Неврловой о принципах корректности тестирования учащихся по словацкому языку.

В заключение нужно еще раз отметить высокий научный уровень представленной книги, демонстрирующий не только многообразие профессиональных интересов авторов, но и их общую нацеленность на сотрудничество ради взаимообмена культурными и духовными ценностями в славянском мире.

Литература

Съвременната словакистика — координати и вектори. Сборник с доклади от Международната научна конференция по случай 30-годишнината на специалност «Словашка филология» в СУ «Св. Климент Охридски» — София, 28.04.2021 г. / състав. и ред. В. Панайотов и др. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2022.

References

Panaiotov, V., et al., eds, 2022. *Modern Slovakistics — coordinates and vectors. Collection of reports of the international scientific conference dedicated to the 30th anniversary of the teaching of the Slovak language at the University of St. Kliment Ohridski in Sofia, 28.04.2021*. Sofia: University Publishing House of St. Kliment Ohridsky. (In Bulgarian)

НОВЫЙ СЛОВАРЬ ОДНОГО АРХАИЧЕСКОГО БОЛГАРСКОГО ГОВОРА

[РЕЦ.] СЛАВКА КЕРЕМЕДЧИЕВА, ЛИЛЯНА ВАСИЛЕВА.

**РЕЧНИК НА ЕДИН АРХАИЧЕН РОДОПСКИ ГОВОР – ГОВОРА НА РОПКАТА.
СОФИЯ: ИЗДАТЕЛСТВО НА БАН «ПРОФ. МАРИН ДРИНОВ», 2022. 284 с.
ISBN 978-619-245-250-6**

Елена Семёновна Узенёва

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
зам. директора,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: lenuzen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6919-4750

Аннотация

Рецензия посвящена анализу нового лексикографического труда болгарских диалектологов Института болгарского языка им. Проф. Л. Андрейчина БАН, — словарю одного архаичного говора области Ропка в Западных Родопях. Книга является логическим продолжением монографии С. Керемедчиевой 1993 г., описывающей грамматику данного диалекта. Словарь существенно дополняет представления о нем, что делает его первым всесторонне обследованным родопским говором на нескольких языковых уровнях: фонологическом, морфологическом и лексическом. Данный говор, благодаря своим основным языковым чертам, стал связующим звеном между фракийскими и центральными родопскими диалектами, носители которых в силу ряда геополитических причин и событий оказались вне границ современной Болгарии: частично в Греции и Турции.

Местное болгарское население было в основной массе исламизировано в XVII в., а после Освобождения Болгарии в 1879–1882 гг. и 1912 г. было осуществлено переселение части семей болгар-мусульман из сел Павелско, Орехово и Студенец в Турцию, Малую Азию. По одной из этимологических версий происхождения наименования с. Павелско вероятен факт существования здесь в прошлом приверженцев павликианской ереси, центром которых было село Павелско. В пользу данной гипотезы свидетельствуют многочисленные языковые связи между говором Ропки и павликианским диалектом в Болгарии.

Говор Ропки аккумулировал в себе черты определенного этапа развития болгарского языка, законсервировав ряд его архаических особенностей, в том числе в области лексики и морфологии. Несмотря на современные интенсивные изменения, происходящие в быту, культуре и языке, жители области Ропка сохранили свою родовую память и обычаи, песни и легенды, мелодичный родопский говор с его старинными особенностями и неподражаемой архитектурной.

Богатый аутентичный диалектный материал является серьезной лексической базой данных и источником для научных исследований разного профиля, в том числе этнолингвистики.

Ключевые слова

Болгарский язык, Родопы, диалекты, словари, лексикография, этнолингвистика, синонимы, гетеронимы

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2023 г.
 Статья доработана автором 5 декабря 2023 г.
 Статья принята в печать 8 декабря 2023 г.

Цитирование: *Узенёва Е. С.* Новый словарь одного архаического болгарского говора. [Рец.] *Славка Керемедчиева, Лиляна Василева.* Речник на един архаичен родопски говор — говора на Ропката. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022. 284 с. ISBN 978-619-245-250-6. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 201–211. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.14>

NEW DICTIONARY OF ONE ARCHAIC BULGARIAN DIALECT

[REV.] SLAVKA KEREMEDCHIEVA, LILYANA VASILEVA.

**THE DICTIONARY OF ONE ARCHAIC RHODOPE DIALECT – THE ROPKA DIALECT.
SOFIA: PUBLISHING HOUSE ON BAN “PROF. MARIN DRINOV”, 2022. 284 P.
ISBN 978-619-245-250-6**

Elena S. Uzeneva

Ph.D., Leading Researcher,
 Deputy Director,
 Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Postal address: Leninsky Prospect 32A,
 Moscow, 119334, Russia
 E-mail: lenuzen@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6919-4750

Abstract

The review is devoted to the analysis of the new lexicographic work of the Bulgarian dialectologists of the Prof. L. Andreichin Institute of the Bulgarian Language. BAN, — a dictionary of one archaic dialect of the Ropka region in the Western Rhodope Mountains. The book is a logical continuation of S. Keremedchieva's 1993 monograph, which describes the grammar of this dialect. The dictionary significantly complements the understanding of it, which makes it the first comprehensive study of the Rhodope dialect at several linguistic levels: phonological, morphological and lexical. Due to its basic linguistic features, this dialect became a link between the Thracian and central Rhodope dialects, whose speakers, due to a number of geopolitical reasons and events, found themselves outside the borders of modern Bulgaria, in Greece and Turkey.

The local Bulgarian population was mostly Islamized in the XVII century, and after the Liberation of Bulgaria in 1879–1882 and 1912, part of the families of Bulgarian Muslims from the villages of Pavelsko, Orekhovo and Studenets were resettled to Asia Minor, Turkey. According to one of the etymological versions of the origin of the name of the village Pavelsko, the fact of the existence here in the past of adherents of the Pavlikian heresy, whose center was the village of Pavelsko, is likely. This hypothesis is supported by numerous linguistic links between the Ropka dialect and the Pavlikian dialect in Bulgaria.

The Ropka dialect has accumulated features of a certain stage in the development of the Bulgarian language, preserving a number of its archaic features, including vocabulary and morphology. Despite the modern intensive changes taking place in everyday life, culture and language, the inhabitants of the Ropka region have preserved their ancestral memory and customs, songs and legends, melodious Rhodope dialect with its ancient features and inimitable architectonics. Rich authentic dialect material is a serious lexical database and a source for scientific research in various fields, including ethnolinguistics.

Keywords

Bulgarian language, Rhodopes, dialects, dictionaries, lexicography, ethnolinguistics, synonyms, heteronyms

Received 30 November 2023.

Revised 5 December 2023

Accepted 8 December 2023

How to cite: Uzeneva, E. S., 2023. Novyi slovar' odnogo arkhaischeskogo bolgarskogo govora. [Rets.] Slavka Keremedchieva, Liliana Vasil'eva. Rechnik na edin arkhaischen rodopski govor — govora na Ropkata. Sofiia, Izdatelstvo na BAN "Prof. Marin Drinov", 2022. 284 s. ISBN 978-619-245-250-6 [New Dictionary of One Archaic Bulgarian Dialect. [Rev.] Slavka Keremedchieva, Lilyana Vasileva. The Dictionary of one archaic Rhodope dialect — the Ropka dialect. Sofia: Publishing house on BAN "Prof. Marin Drinov", 2022. 284 p. ISBN 978-619-245-250-6]. *Slavic World in the Third Millenium*, vol. 18, no. 3–4, pp. 201–211. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.14>

В 1993 г. вышла в свет фундаментальная монография «Говорът на Ропката. Родопска граматика» Славки Керемедчиевой¹, известного болгарского диалектолога, ныне профессора Секции болгарской диалектологии и лингвистической географии Института болгарского языка имени Проф. Любомира Андрейчина БАН, руководителя болгарской национальной комиссии Общеславянского лингвистического атласа, автора десятков статей и соавтора ряда коллективных монографий, посвященных различным проблемам болгарской и славянской диалектной фонологии, лексикологии, лексикографии и лингвистической географии, опубликованных в Болгарии и за рубежом. Этот труд на десятилетия стал ценным источником, методологической основой и настольной книгой для многих ученых, исследующих языки и диалекты Балканского полуострова.

Рецензируемое издание 2022 г. является логическим продолжением указанной монографии, описывающей грамматику данного диалекта. Словарь существенно дополняет представления о говоре области Ропка в Западных Родопях, на юге Болгарии, что делает его первым всесторонне обследованным родопским говором на нескольких языковых уровнях: фонологическом, морфологическом и лексическом.

Область Ропка, известная также как Хвойненская котловина, в прошлом как Долен Рупчос, представляет собой исключительно интересный и важный в культурно-языковом отношении район Болгарии. Она расположена на северно-восточном склоне Западно-родопского горного массива и занимает срединную часть долины Чепеларской реки. Здесь находятся сёла Павелско, Хвойна, Малево, Орехово, Студенец, наиболее старым из которых является Павелско, основанное, согласно историческим источникам, еще во времена железной эпохи. Многочисленные артефакты свидетельствуют

¹ Керемедчиева Сл. Говорът на Ропката. Родопска граматика. София: Академично издателство Марин Дринов, 1993.

о том, что местное фракийское население занималось добыванием руды, создавало медные и серебряные предметы быта и украшения. Здесь были открыты следы строительства городов в первые века римского владычества².

Жители области Ропка издревле были известны как *рупци*, весь горный хребет Родопы называли *Рупска планина*. Известный исследователь болгарской истории и путешественник К. Иречек отмечал, «что всех болгар из Родоп от г. Перушицы до Эноса соседи называли *рупченци*, *рупци*, *рупалани*, *рупалии*»³. С. Керемедчиева и Л. Василева считают спорный вопрос об этимологии данного прозвища решенным и придерживаются версии акад. Ст. Младенова, полагавшего, что имя *рупци* и название всей области *Рупчос* связано в добыванием руды в Родопской области в далеком прошлом, а слово *рупа* «является более старой формой ... *рона* (*ронка*) и обозначает... рудник»⁴.

Население данного региона до XVII в. исповедовало православие, а во второй половине века произошла исламизация этих земель: осталось одно христианское село Малеве, тогда как Павелско, Хвойна и Орехово были частично обращены в магометанскую веру, а с. Студенец полностью ассимилировано⁵. Часть жителей покинула свои дома после начала исламизации, позднее из-за эпидемии чумы и нападений турецких отрядов, в результате которых село Павелско было разорено и сожжено. После Освобождения Болгарии в 1879–1882 гг. и 1912 г. было осуществлено переселение части семей болгар-мусульман из Павелско в Турцию, Малую Азию⁶, как и из Орехово и Студенец. Основными видами хозяйственной деятельности здесь всегда были земледелие и скотоводство, в настоящее время развивается сельский туризм.

Важным для исследования представляется выяснение этимологии названия села Павелско, которое связывается в народном сознании с первым поселенцем Павлом, с диалектным названием улитки — *пахле* и др. Однако, по мнению авторов словаря, особое внимание стоит уделить версии, которая апеллирует к существованию здесь в прошлом приверженцев павликианской ереси, центром которых было село Павелско (с соседними селами Иверце, Косово, Белянце, Алесе, Погоре и др.). В пользу данной гипотезы свидетельствуют многочисленные языковые связи между говором Ропки и павликианским диалектом в Болгарии⁷.

² Тачева-Хитова М. Родопският край от най-стари времена до края на античността. Родопите в българската история. София: Народна просвета, 1974. С. 24.

³ Иречек К. Пътувания по България. София: Наука и изкуство, 1974. С. 452.

⁴ Младенов Ст. Из говорното богатство на Северните Родопи и Малкотърновско. Родна реч. № 5. 1941. С. 194–195.

⁵ Василев К. Родопските българи мохамедани. София: ДИ «Христо Г. Данов», 1961.

⁶ Примовски Ан. Бит и култура на родопските българи. София: БАН, 1973. (Сборник за народни умотворения и книжнина. Т. 54). С. 132.

⁷ Керемедчиева С., Василева Л. Речник на един архаичен родопски говор — говора на Ропката. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022. С. 11.

Местное население региона Ропка является носителем богатой материальной и духовной культуры и сохранило до нашего времени один из наиболее архаичных родопских диалектов. Данный говор, благодаря своим основным языковым чертам, стал связующим звеном между фракийскими и центральными родопскими диалектами, носители которых в силу ряда геополитических причин и событий оказались вне границ современной Болгарии: частично в Греции и Турции.

Выбор авторами для исследования лексики данного диалекта вовсе не случаен. Именно этот говор аккумулировал в себе черты определенного этапа развития болгарского языка, законсервировав ряд его архаических особенностей. Этот факт отмечал еще в начале XX века выдающийся лингвист, профессор Л. Милетич, посвятив говору Ропки пространное описание в начале своей книги о родопских диалектах⁸. Продолжением научного анализа родопского диалектного континуума, переведенного на болгарский язык в 2013 г. Енчо Тилевым⁹, стала уже упоминавшаяся выше монография Сл. Керемедчиевой 1993 г., где на основе собранного самим автором полевого диалектного материала было представлено целостное описание грамматики говора Ропки, включая его характерные фонетические, морфологические, акцентологические и синтаксические особенности, определяющие место данного самобытного родопского говора в системе диалектов болгарского языка.

Материал для словаря собирался Сл. Керемедчиевой в 80-е годы XX века от большого числа информантов с помощью системных ежегодных исследований в течение многих лет. Ею проведена обработка и систематизация диалектной лексики в жанр словаря, также ее перу принадлежит одна из частей введения — «Ропка — старинный болгарский край» (*Ропката — едно старинно българско землище*). Лексико-семантическая интерпретация диалектного лексического материала — глава «Синонимы и гетеронимы в говоре Ропки» — научный вклад соавтора Л. Василевой.

Собственно словарь, составляющий 250 страниц текста, предваряет обширное введение, состоящее из двух глав. Первая, «Ропка — старинный болгарский край», содержит 4 подраздела и посвящена истории возникновения и развития региона (*Географски и историко-демографски материали за Ропката*), а также истории его изучения (*Езикови, фолклорни и етнографски материали за Ропката*). Авторы указывают, что именно статья известного общественного и литературного деятеля эпохи болгарского Возрождения П. Р. Славейкова «Рупское и рупаланское болгарское население и наречие»¹⁰, вышедшая в 1882 г. в журнале «Наука» в Пловдиве, положила

⁸ Miletič L. Die Mundart der Ropkata. Die Rhodopemundarten der Bulgarischen Sprache. Wien: Alfred Hölder, 1912. S. 27-72.

⁹ Милетич Л. Родопските говори на българския език. С карта. София: Изток-Запад, 2013.

¹⁰ Славейков П. Р. Рупското и рупаланското българско население и наречие // Наука. Т. II. № 5. 1882. С. 463-473.

начало употреблению терминов «рупские говоры» и «родопское наречие». Самая богатая коллекция фольклорных материалов из данного региона (обычаи, песни, сказки, заговоры, поверья, пословицы, названия местностей и пр.) была опубликована в серии работ Ст. Н. Шишкова, выпускавшего периодические издания «Славиеви гори», «Родопски напредък» и серию «Езикови бележки по Рупския говор в Родопите»¹¹. В 2002 г. увидел свет сборник «Народные песни из Нижнего Рупчоса», составленный местным краеведом, любителем и собирателем фольклора Георгием Вулджевым¹². Сборник содержит несколько сотен песен разного жанра, многие из которых уникальны и представляют собой единственную фиксацию неизвестных ранее образцов устного народного творчества Родоп. Этот материал имеет исключительную ценность и может послужить источником не только для фольклорных, этнографических, но и для диалектологических исследований.

В третьем подразделе первой главы дается описание говора Ропки и выявляется его место в общей системе родопских говоров (*Граници и обща характеристика на говора на Ропката и мястото му сред останалите родопски говори*). Традиционно говор Ропки, именуемый также хвойненским говором (по не совсем точному административному признаку), относят к собственно родопским и наиболее старинным диалектам данной области, сохранившим неясный характер старославянской еровой гласной. Именно этот рефлекс «ера» является отличительной чертой и базой для определения характера говора и его границ. Авторы отмечают, что на севере диалект Ропки связан с павликянским говором, который по сути является его старинным ответвлением. Отнесение данного севернородопского диалекта к группе среднерупских говоров при определении его границ основывается на принятом в науке более широком понимании «рупских говоров»¹³.

Фонологическая система диалекта относится к числу восточноболгарских, рупского типа. Характерной особенностью является более широкий характер гласного звука, посредством которого реализуется фонема *ъ*, в отличие от литературной нормы. Консонантная система содержит большое число палатализованных консонантных фонем, а в позиции перед передними гласными выявлены сильно смягченные согласные: *n'etъ 'l, n'úca*. Еще одной особенностью является отсутствие в системе фонем *и (дж), s (дз)* и *х*.

Современные рефлексы старославянских гласных *ж, л, ъ* и *ь* наиболее ярко выделяют говор Ропки среди других родопских диалектов: если там все четыре гласных, как правило, совпадают в одном «о», то в области Ропки появляется затемненный вокал «ер» *ъ*, характеризующийся более ши-

¹¹ Полная библиография этих материалов дана в книге: *Керемедчиева С. Говорът на Ропката... С. 14–16.*

¹² *Вулджев Г. Родопски песни от Долни Рупчос. Пловдив: Издателска къща «Тримонциум», 2002.*

¹³ *Младенов Ст. История на българския език. София: Издателство на БАН, 1979. С. 349–350.*

роким произношением. Развитие старославянского вокала Ъ претерпело сильные изменения: если в начале XX в. единственным его рефлексом был широкий гласный «е» (*ǣ*), то в наши дни в результате внутридиалектного развития и влияния соседних нерупских говоров обнаруживается только новое *'a*, а перед мягким согласным даже *e*: *б'а'да* ‘вина’, *л'ап* ‘хлеб’, *с'е'м'е* ‘семья’. Для диалекта характерна болгарская особенность — *шт* и *жд* рефлексы праславянских сочетаний *tj, *dj, *kt, *st, *skj: *н'шт'а'* ‘ночью’, *са'жд'е* ‘сажа’. Однако нередко встречаются и иные рефлексy: *о'шк'у* ‘еще’ (лит. *още*), *в'е'жга* ‘бровь’ (лит. *вежда*), *ч'у'зда* ‘чужая’ (лит. *чужда*).

В области морфологии диалект Ропки отличает наличие тройной членной формы у имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений: *главь'са*, *главь'на*, *главь'та*; *тр'у'йсе*, *тр'у'н'е*, *тр'у'т'е*. В говоре отмечено экзотическое морфологическое явление — полное смешение показателей рода у существительных, прилагательных, местоимений и причастий в позиции предиката: *Л'е'л т'у Йа'ну* — *бог да гу про'ст'у!* [Твоя тетя Яна, светлая ему память!]. Будучи архаичным родопским говором, диалект Ропки сохранил остатки старых падежных форм, инфинитив и супин. В редких случаях отмечено и склонение членной морфемы: *П'е'труму*, *ч'ел'е'куму*. Чаще всего употребляются сокращенные инфинитивные формы в отрицательно-императивных конструкциях с формами *намо'н'емо'*: *намо'ви'ка*, *намо'спи* [не кричи, не спи]. Старые формы супина употребляются и в наши дни, не только в отрицательных, но и в утвердительных формах: *в'ид'е'т'йе*, *по'знат'йе*. В области синтаксиса отмечено отсутствие двойного дополнения в некоторых случаях. В сфере лексики зафиксировано множество архаичных слов, употребляемых всеми поколениями и в наши дни, например, *пр'игь'ришта* ‘пригоршня’, *л'еду'нка* ‘сосулька’ и др.

Четвертый подраздел касается внутридиалектных различий, которые не столь значительны, что позволяет объединять диалекты всех четырех сел в один говор. В области фонетики отличия касаются степени сохранения мягкости согласных в конце слов, наиболее устойчиво это явление присутствует в с. Павелско. Существуют различия в формальном облике вспомогательной частицы при образовании будущего времени (*ш'е* в Павелско и *ж'е/ж'ѣ* в остальных селах) и наличии удвоения форм причастий совершенного вида прошедшего времени: *душла'*, *ут'ишла'*, — что не характерно для с. Павелско. Несовпадения в словарном фонде единичны, например, молоко только что отелившейся коровы называют *с'а'ра* в Павелско и Орехово, а в Хвойне и Малеве — *кула'стра*. Авторы отмечают, что, несмотря на современные интенсивные изменения, происходящие в быту, культуре и языке, жители области Ропка сохранили свою родовую память и обычаи, песни и легенды, мелодичный родопский говор с его старинными особенностями и неподражаемой архитектурной.

Объектом исследования второй главы Введения стали синонимы и гетеронимы, зарегистрированные в диалектной системе четырех сел Ропки. Терминологический вопрос о междиалектном разнообразии в назывании одинаковых предметов интересовал многих ученых: М. Младенов предложил термин *диалектно лексикално множество*, причем, согласно его мнению, различия могут быть структурными, территориальными и этимологическими¹⁴. Для представления слов с одинаковым значением в различных системах (два и более говора или на макро уровне всего болгарского языка) авторы рецензируемого труда используют термин *гетеронимы*, введенный голландскими диалектологами А. Вейненом и Я. Гоосенсом¹⁵ и принятый в болгарской науке.

Наибольшее число синонимов отмечается среди имен существительных, они могут быть полными (*главе'ш/глави'лка* 'помолвка') или неполными, когда значения совпадают лишь отчасти или с известными нюансами. Единичны синонимы, имеющие иностранное происхождение, причем часто это гибридные образования, адаптированные к нормам говора с помощью аффиксов. Встречаются и синонимические ряды глаголов, где лексемы отличаются дифференциальными признаками, объединяясь вокруг нейтрального в стилистическом и эмоциональном отношении глагола. Например, глаголы со значением 'бить' отличаются степенью интенсивности действия или средством, с помощью которого оно осуществляется. Авторы выделяют синонимно-гетеронимные группы существительных, состоящие из лексем, встречающихся: 1) во всех четырех селах и одном селе (*барда'нка / урас-ти'йе* 'развратница'); 2) в четырех и двух селах соответственно (*мо'ч'ур / муч'урла'к, муч'урло'к* 'болото'); 3) в четырех и трех селах (*първуски'нч'е / първа'к / първа'че* 'первый ребенок'); 4) четырех и четырех (*ко'ж'е / тии'ло'к / тии'л'ук* 'сливки') и др. Подобные синонимно-гетеронимные группы выделяются и у глаголов. Если синонимические и синонимно-гетеронимные ряды у имен существительных в говоре Ропки могут быть как простыми (двучленными), так и многочленными, то у глаголов они только многочленные. Синонимические отношения, характерные для болгарского литературного языка, присутствуют и в анализируемом говоре (полные и неполные синонимы и гетеронимы, семантические синонимы и гетеронимы).

Третью главу составляет сам диалектный словарь, который построен по алфавитному принципу и включает около 5000 словарных статей разной наполненности. В ряде случаев к лексемам даются обширные диалектные тексты в качестве иллюстрации, включающие связанные выражения и поговорки (см., например, ст. *ади'н: на ади'н канта'р* 'одного уровня, одним умом', с. 38).

¹⁴ Младенов М. Типове лексикални различия в източните говори // Славистичен сборник / ред. Л. Д. Андрейчин, С. И. Стойков. София: БАН, 1968. С. 261-272.

¹⁵ Goosens J. Sprachgeographie. Heidelberg: Carl Winter, 1969. С. 99.

В отдельных случаях в статье приводится весь синонимический ряд лексем (*гебе* прил. — беременная (о женщине и животном). Срв. *зети н'ева*, *ко рместа*, *т'е'шка*, с. 74).

Особую ценность для исследователя представляют богатые данные о поверьях, народной астрономии (*Уфча'рската* 'звезда Зорница/утренняя Венера', с. 262), болезнях (*уфи'т* м. 'болезнь младенцев в виде мелких раздражений по коже', с. 262), мифологических персонажах (*на'речник*, *на'речница* 'мифологическое существо, которое определяет судьбу при рождении ребенка', с. 173; *ме'данку* 'дух, который причиняет болезнь', с. 157; *ж'ин* 'злой дух', с. 95), играх (*дрь'нгъзица* 'игра «слепая бабка»'), праздниках (*Вартулуме'й* 'религиозный праздник, который отмечают 24.06, чтобы не дули ветра, не было вихрей, и они не уносили и не одурманивали людей; праздник против дождя и водной стихии', с. 62), обычаях местного населения Родоп, которые даются как в самих толкованиях к лексемам, так и в иллюстрациях, ср., например, *б'а'лку* ср. 1. Вещь, преимущественного белого цвета, которую дарят молодой на 40-й день после родов близкие родственники или соседи во время посещения. 2. Вещь, преимущественного белого цвета, которую хозяйка дома дарит церкви 31 января, чтобы выкупить здоровье и благополучие своего дома (поверье), с. 48.

Многие словарные статьи содержат перечень всех значений диалектной лексемы, в том числе переносные: *упа'свам се*, *упа'сувам се* — 2. перен. Побратимьям се 'становится братом по обычаю', с. 258.

Ряд словарных статей включают информацию о народном восприятии времени, отдельных его периодов, границ, цикличности: *Же'нику вре'ме* 'время перед заходом солнца', с. 94; *ади'н небе'т* 'короткий отрезок времени', с. 38; *на'греф слъ'нце* 'время, когда самые низкие части горы освещены солнцем', с. 168; *бу'дното вре'ме* 1. когда-то, одно время, 2. какое-то время, 3. полночь, с. 55; *мегда'н* 'время (как астрономическое понятие)', отрезок времени, с. 157.

Наибольшее число лексем, относящихся к народной культуре и зафиксированных в словаре, связаны со свадебным обрядом, наиболее важным событием в жизни человека. Здесь отмечены и обряды (*гла'веш/глави'лка* 'помолвка', с. 75; *удбра'дане* 'послесвадебный обряд снятия свадебной вуали невесты', с. 254), ритуальные действия (*глав'а'вам са*, *гла'в'ем са*, *загла'в'ем са* 'обручаться', с. 75), обрядовые персонажи/лица (*глав'ени'к/глав'ени'ца*, *згудени'к/згудени'ца* 'жених/невеста', с. 75; *кал'ма'на/калта'то* 'кума, крестная мать / кум, крестный отец', с. 123, *мума'р*, *приду'мник* 'сват'), обрядовые предметы, артефакты (*мо'мина раки'йе* 'сладкая водка, которую пьют после первой брачной ночи, если невеста окажется девственной', с. 161; *бла'га раки'йе* 'сладкая водка, которую относят родителям невесты, если она окажется девственной', с. 52).

Несмотря на то, что исследование посвящено одному региональному родопскому говору, ценность его для изучения всего болгарского диалект-

ного континуума очевидна. Богатый аутентичный диалектный материал, представленный в словаре, является серьезной лексической базой данных и источником для научных исследований разного профиля, в том числе этнолингвистических. Данный диалектный словарь будет востребован всеми, кто интересуется славянской диалектологией, лексикологией и лексикографией, болгарским языком, традиционной народной культурой и фольклором болгар. Труд будет исключительно полезен как болгарским, так и зарубежным ученым широкого профиля.

Литература

- Василев К.* Родопските българи мохамедани. София: ДИ «Христо Г. Данов», 1961.
- Вулджев Г.* Родопски песни от Долни Рупчос. Пловдив: Издателска къща «Тримонциум», 2002.
- Иречек К.* Пътувания по България. София: Наука и изкуство, 1974.
- Керемедчиева Сл.* Говорът на Ропката. Родопска граматика. София: Академично издателство Марин Дринов, 1993.
- Керемедчиева С., Василева Л.* Речник на един архаичен родопски говор — говора на Ропката. София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2022.
- Младенов М.* Типове лексикални различия в източните говори. Славистичен сборник / ред. Л.Д. Андрейчин, С.И. Стойков. София: БАН, 1968. С. 261–272.
- Младенов Ст.* Из говорното богатство на Северните Родопи и Малкотърновско. Родна реч. 1941. № 5. С. 194–195.
- Младенов Ст.* История на българския език. София: Издателство на БАН, 1979.
- Милетич Л.* Родопските говори на българския език. С карта. София: Изток-Запад, 2013.
- Примовски Ан.* Бит и култура на родопските българи. София: БАН, 1973. (Сборник за народни умотворения и книжнина. Т. 54.)
- Славейков П.Р.* Рупското и рупаланското българско население и наречие. Наука. 1882. Т. II. № 5. С. 463–473.
- Тачева-Хитова М.* Родопският край от най-стари времена до края на античността. Родопите в българската история. София: Народна просвета, 1974. С. 9–31.
- Goosens J.* Sprachgeographie. Heidelberg: Carl Winter, 1969.
- Miletič L.* Die Mundart der Ropkata. Die Rhodopemundarten der Bulgarischen Sprache. Wien: Alfred Hölder, 1912.

References

- Goosens, J., 1969. *Sprachgeographie*. Heidelberg: Carl Winter.
- Irecek, K., 1974. *Travels in Bulgaria*. Sofia: Nauka i izkustvo. (In Bulgarian)
- Keremedchieva, Sl., 1993. *The speech of the Ropkata. Rhodope grammar*. Sofia: Akademichno izdatelstvo Marin Drinov. (In Bulgarian)

- Keremedchieva, S., Vasileva, L., 2022. *Dictionary of an archaic Rhodope language — the language of Ropkata*. Sofia: Izdatelstvo na BAN “Prof. Marin Drinov”. (In Bulgarian)
- Mladenov, M., 1968. Types of lexical distinctions in Eastern languages. In: L.D. Andreichin, S.I. Stoikov, eds, 1968. *Slavic collection of articles*. Sofia: BAN, pp. 261–272. (In Bulgarian)
- Mladenov, St., 1979. *History of the Bulgarian language*. Sofia: Izdatelstvo na BAN. (In Bulgarian)
- Mladenov, St., 1941. Through the linguistic wealth of the Northern Rhodopes and Malkotarnovo. *Rodna rech*, 5, pp. 194–195. (In Bulgarian)
- Miletič, L., 1912. *Die Mundart der Ropkata. Die Rhodopemundarten der Bulgarischen Sprache*. Vienna: Alfred Hölder.
- Miletič, L., 2013. *The Rhodopeans dialects of the Bulgarian language. With card*. Sofia: Iztok-Zapad. (In Bulgarian)
- Primovski, An., 1973. *Life and culture of the Rhodope Bulgarians*. Sofia: BAN. (*A collection of popular thoughts and literature*. Vol. 54.) (In Bulgarian)
- Slaveikov, P. R., 1882. The Rupa and Rupalan Bulgarian population and dialect. *Nauka*, II (5), pp. 463–473. (In Bulgarian)
- Tacheva-Khitova, M., 1974. The Rhodope region from the earliest times to the end of antiquity. Sofia: Narodna prosveta, pp. 9–31. (In Bulgarian)
- Vasilev, K., 1961. *The Rhodope Bulgarians-Mohammedans*. Sofia: DI “Khristo G. Danov”. (In Bulgarian)
- Vuldzhev, G., 2002. *Rhodope songs from Dolni Rupchos*. Plovdiv: Izdatelska kushta “Trimontsium”. (In Bulgarian)

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ABOUT TIME AND ABOUT YOURSELF

DOI: 10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.15

«Я СТАЛ ПОНИМАТЬ ПИЛСУДСКОГО, КОГДА ДОСТИГ ЕГО ВОЗРАСТА». ВОСПОМИНАНИЯ Г.Ф. МАТВЕЕВА В ФОРМЕ ИНТЕРВЬЮ

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни и пути в науке рассказывает Геннадий Филиппович Матвеев (род. в 1943 г.), доктор исторических наук, заслуженный профессор Московского университета, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ, один из крупнейших отечественных специалистов по новейшей истории Польши. Родившись на берегах Волги, Г.Ф. Матвеев провел детские и юношеские годы на Западной Украине. С 1966 г. вся его жизнь неразрывно связана с Московским университетом, где он получил диплом историка, закончил аспирантуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации и где в течение полувека ведет преподавательскую деятельность и более трех десятилетий возглавляет кафедру. Под руководством Г.Ф. Матвеева выполнено и защищено большое количество дипломных работ, магистерских и кандидатских диссертаций, ученики Геннадия Филипповича работают в разных городах страны и за рубежом. Как исследователь, Г.Ф. Матвеев неизменно опирается на глубокую проработку архивов, вводит в научный оборот немало нового материала, его новаторские исследования по истории советско-польской войны 1920 г. вызвали плодотворные дискуссии как в России, так и в Польше, побуждая других историков к дальнейшим изысканиям. Перу Геннадия Филипповича принадлежит первая фундаментальная биография на русском языке крупнейшего государственного деятеля Польши XX в. Юзефа Пилсудского. Не ограничиваясь проблемами польской истории, Г.Ф. Матвеев обращался к сравнительно-историческим исследованиям на материале разных славянских стран, в частности, по идеологии крестьянских движений в период между двумя мировыми войнами. В качестве автора и редактора он принимал участие в работе над учебными пособиями по истории южных и западных славян. Более полувека Г.Ф. Матвеев поддерживает тесные связи с Институтом славяноведения РАН, он является членом редколлегий и международных редакционных советов исторических журналов, как российских, так и польских.

Г.Ф. Матвеев рассказывает о своем послевоенном детстве, юности, впечатлениях студенческих лет, о работе в Московском университете, о своих многочисленных поездках в Польшу и более чем полувековом общении с польскими коллегами. Он также делится своим мнением о сегодняшнем развитии и перспективах российской полонистики, возможностях дальнейшего диалога двух культур.

Ключевые слова

Новейшая история Польши, советско-польские отношения, Московский университет, славистика как область исторических исследований

Статья поступила в редакцию 8 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 8 декабря 2023 г.

Статья принята в печать 12 декабря 2023 г.

Цитирование: *Матвеев Г.Ф.* «Я стал понимать Пилсудского, когда достиг его возраста». Воспоминания Г.Ф. Матвеева в форме интервью. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 212–253. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.15>

“I BEGAN TO UNDERSTAND PIŁSUDSKI WHEN I REACHED HIS AGE”. MEMOIRS OF G.F. MATVEEV IN THE FORM OF AN INTERVIEW

Abstract

Gennady Filippovich Matveev (born in 1943), Doctor of Historical Sciences, Honored Professor of Moscow University, Head of the Department of the History of the Southern and Western Slavs of Moscow State University, one of the leading domestic specialists in the modern history of Poland, tells about his life and professional activities at the request of the editors of the journal *Slavic World* in the Third Millennium. Born on the banks of the Volga, G.F. Matveev spent his childhood and youth in Western Ukraine. Since 1966, his whole life has been inextricably linked with the Moscow University, where he received a diploma in history, completed his postgraduate studies, defended his candidate's and doctoral theses, and where he has been teaching for half a century and was head of the department for more than three decades. The students of G.F. Matveev completed and defended a large number of diplomas, master's and candidate's theses, they work in different cities of the country and abroad. As a historian, G.F. Matveev invariably relies on deep researches in archives, introduces a lot of new material into circulation, his innovative research on the history of the Soviet-Polish war of 1920 caused fruitful discussions both in Russia and in Poland, prompting other historians to further research. Gennady Filippovich is the author of the first fundamental biography in Russian of the key statesman of Poland of the 20th century Józef Piłsudski. Not limited to the problems of Polish history, G.F. Matveev turned to comparative historical research on the material of various Slavic countries, in particular, on the ideology of peasant movements in the period between the two world wars. As an author and editor, he took part in the work on textbooks on the history of the southern and western Slavs. For more than half a century, G.F. Matveev maintains close ties with the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, he is a member of the editorial boards of historical journals, both Russian and Polish.

G.F. Matveev talks about his post-war childhood, youth, impressions of his student years, about his work at the Moscow University, about his numerous trips to Poland and more than half a century of communication with Polish colleagues. He also shares his opinion on the current development and prospects of Polish studies in Russia, the possibilities for further dialogue between the two cultures.

Keywords

Recent history of Poland, Soviet-Polish relations, Moscow University, Slavic studies as a field of historical research

Received 8 November 2023

Revised 8 December 2023

Accepted 12 December 2023

For citation: Matveev, G.F., 2023. “Ia stal ponimat' Pilsudskogo, kogda dostig ego vozrasta”. *Vospominaniia G.F. Matveeva v forme interv'iu* [“I Began to Understand Piłsudski, When I Reached His Age”. *Memoirs of G.F. Matveev in the Form of Interview*]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 212–253. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.15>

Итак, Геннадий Филиппович, если верить Википедии, вы родились 3 ноября 1943 года в Куйбышевской области, село Исаклы. Шла война. Ваши родители там оказались в эвакуации, на Волге?

Нет, это мои родные места. Иса克林ский район. Там, в Куйбышевской области, в нынешней Самарской, довольно мало городов, едешь по федеральной трассе, встречаешь в основном села, я там был несколько лет тому назад. А земля богатая, и вот мои родные жили в этой округе. Папа мой 1900 года рождения. В 1918 году как грамотный человек с шестью классами образования он стал секретарем комитета бедноты, может быть потому, что мой дед, как я смеюсь, «из карбонариев», был выжигальщиком угля. И вот в 1918 году папа был призван в Красную армию, служил до 1926 года. Домой вернулся уже будучи кандидатом в члены ВКП(б) и работал во всяких советских и партийных организациях до 1941 года. В 1930 году его направили на два года в город Куйбышев, впрочем, тогда это еще была Самара, в партийный институт, где готовили партийных работников. Мама была на девять лет моложе, из тех же краев, тоже из небогатой семьи. В 1930 году они начали жить вместе, а расписались только в 1961 году. Мама всегда говорила: «Некогда было, время такое, зачем». Прожили вместе всю жизнь, папа умер в 1975 году, мама — в 1983. Четверых детей подняли на ноги. Папу в 1941 году призвали в армию, он имел тогда уже звание капитана, и на фронте заболел. Получил отпуск. И вот благодаря этому отпуску я и появился на свет. Я был четвертым из тех, кто остался в живых, был еще один мальчик, он умер совсем маленьким вскоре после родов. У меня брат был на три года старше меня, одна сестра 1934 года рождения, еще жива, и старшая сестра, 1931 года рождения, она, как и мой брат, уже умерла.

Рассказывают, что ваш папа участвовал в Советско-польской войне 1920 г. И даже якобы в плену был?

Нет, что касается плена, это великий миф, который породили поляки. Есть такая «Газета Выборча», когда-то я давал им большое интервью и сказал, что папа в 19 лет служил в 1-м коммунистическом полку в составе 3-й армии. Они шли на правом фланге наступающей Красной армии, вдоль границы с Восточной Пруссией. С 3-й армией возникла большая проблема: дело в том, что они потеряли радиостанцию. А это была единственная связь с командующим Западным фронтом М. Тухачевским. Я Тухачевского, честно скажу, не очень уважаю как военачальника, потому что сидеть в Минске и командовать фронтом, который штурмует Варшаву, это, я бы так сказал, не совсем стратегически правильно, все-таки он командующий наступающим фронтом. А управление шло с помощью радиостанций, в каждой армии их было по одной. И вот 3-я армия потеряла свою радиостанцию, поляки захватили. И когда все получили приказ отступить, то эта армия не получила такого приказа. Никакой самолет не прилетел, никакой гонец не приехал. И они продолжали наступать, потому что надо было

форсировать Вислу. Но папа сумел уйти. Я нашел у поляков в документах 3-го оперативного отдела Верховного командования сводки о положении на фронте, там упоминается этот 1-й коммунистический полк. Это был конец августа или сентябрь 1920 года, осталось 200 человек в полку всего. Папа был среди этих двухсот человек, вышел без единой царапины и после этого еще много лет, до 1926 года, с басмачами воевал в Средней Азии.

А как оказалось, что его отправили потом на Украину?

Поскольку он был уже возрастной, 1900 года рождения, где-то в 1942–1943 годах он служил в офицерском полку. Там были люди довольно зрелого возраста, на фронте бегать им было физически трудно, что естественно. Поскольку войска в 1943 году наступали на запад, нужно было создавать военные комиссариаты на освобожденных территориях, и людей к этому готовили. Когда в феврале 1944 года освободили город Ровно и город Здолбунов — районный центр в 12 км от Ровно — отца направили туда в военкомат. Он заведовал 2-й частью, которая занималась, в частности, комплектованием, а еще репатриацией. Отец занимался не поляками, а чехами — это был район чешской колонизации на Волини. В самом Здолбунове чехов было немного, хотя у них при довоенной польской власти был свой банк, и здание школы, в котором я учился, в 1935 году построили чехи для своей гимназии. Рядом, в Квасилове, который находится между Ровно и Здолбуновом, как раз был мощный чешский центр, там у них был Народный дом, жизнь кипела. В общей сложности в польской части Волини чехов было около 30 тысяч. Когда сразу после войны начался обмен населением, все чешские села полностью опустели, жители уезжали. В случае смешанных браков в городах люди чешского происхождения оставались. У меня были одноклассники и друзья — получехи. Женя Петров, мой хороший друг, потом был историком в Брно, он там в школе преподавал, Борис Чеснов. Эти уехали уже в 1960-е годы. А чисто чешские семьи уезжали сразу после войны, и занималась этим армия, а не НКВД.

Первые ваши сознательные воспоминания — это послевоенные годы, как раз Украина.

Да, я там жил до 1962 года, когда меня призвали в армию, и потом в 1965–1966 годах. Одна из причин, по которым мы приехали туда, — семья большая, а в России голод. А поскольку папа там служил, у него, естественно, был паек, и вообще там жилось намного легче. Он выписал семью, получил на это разрешение. Нам дали вагон, приехал сопровождающий, какой-то военный, и мы ехали целый месяц из Куйбышевской области до Здолбунова. Мы приехали туда 4 августа 1944 года, тогда еще бомбили, рядом с нами долго еще стоял разбомбленный большой дом — в нем было отделение милиции. Где-то в 50-х годах его отстроили. У нас была большая щель в саду, и наша семья там пряталась от бомбежек, так что я и под бомбежками успел побывать, но, естественно, не могу помнить этого, мне не было и года. Мы жили недалеко от большой железнодорожной станции,

там расходится железная дорога, есть магистраль, построенная на Львов, а есть другая ветка, на Ковель.

1946 год был неурожайным, многие области СССР охватил большой голод. Есть исторические исследования о том голоде.

Когда мы приехали в 1944 году, там никакого голода не было. После войны был голод. Надо иметь в виду, что мы помогали Чехословакии и Польше, хлеб шел туда, а свои перебивались как могли. Я был самый маленький в семье, и когда я вечером ложился спать, то — по семейному преданию — обычно спрашивал: «Мам, а у нас есть хлеб на завтра?». Она говорит: «Есть». А я: «Положи мне мой кусочек, пожалуйста, под подушку, чтобы я знал, что я проснусь, а хлеб у меня есть».

Вы пошли в школу, и там преобладали украинские ребята? Учеба шла по-русски?

В 1950 году у нас в небольшом городе с 12,5 тысячами населения еще стояли внутренние войска, которые занимались зачисткой края от бандеровцев. Когда я пошел в первый класс, в городе были две русских школы — железнодорожная, которая была далеко от нас, и городская. Украинских школ тоже было две, им отдали лучшие здания в стиле конструктивизма — довоенной польской гимназии. В украинской школе все преподавание с первого класса шло на украинском языке, были только предметы «русский язык» и «русская литература». У нас со второго класса преподавались украинский язык и украинская литература. Сначала было два класса, учились в основном русские, дети офицеров, сверхсрочников. К 1951 году военные части из города увели, и остался один класс. Русских в нем было немного, в основном были дети украинцев, которые приехали из Восточной Украины, но были и местные. Класс у нас был небольшой, максимум 25–30 человек, в отличие от украинских школ, где ребят было больше. Говорили в основном на русском языке, с украинцами общались и на украинском, и на русском. У меня были пятерки по украинскому языку и украинской литературе, я прекрасно знал школьную программу. Польского было много в бытовой лексике. Во-первых, потому что до 1939 года это была Польша. Во-вторых, раньше было много поляков — у нас в городе было два польских кладбища. В 1940–1941 годах многих поляков депортировали во внутренние районы СССР, а в их дома поселили тех, кто приезжал с востока. Мы поселились в доме польского осадника¹, на две семьи, полдома было у военкома, во второй половине жили мы. Оставшиеся поляки выехали в Польшу в 1945–1947 годах, за исключением людей из смешанных браков.

¹ Так назывались польские колонисты-переселенцы, главным образом вышедшие в отставку военнослужащие Войска Польского, участвовавшие в Советско-польской войне, и члены их семей, получившие достаточно крупные земельные наделы на землях с преимущественно украинским и белорусским населением, отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. (происходила активная полонизация этих территорий).

Вы говорите о своем общении с украинскими ребятами. Какой была обстановка в крае? Было ли какое-то ощущение беспокойства? Насколько широко было сопротивление тому, что часто называют советизацией?

До конца 40-х годов мы, конечно, в лес не ходили. В 1947–1948 годах папа создавал колхозы, и мы жили в деревне, в чешском селе Миротин. Все чехи оттуда уехали, а приехали русины из Закарпатья. Они были бедные. Местных украинских семей было очень мало, с бандеровцами было спокойно, но у папы все равно хранился полный арсенал: кавалерийский карабин, гранаты, пистолет ТТ, патроны — до леса было не так далеко. Во-первых, я видел бандеровцев, когда они приходили сдаваться по амнистии. Мы жили рядом со зданием милиции, и они приходили туда. Во-вторых, недалеко от нас была городская тюрьма, помню, году в 1949 туда привезли банду — голые тела, прикрытые соломой, и местные люди приходили опознавать, чтобы установить личность, потому что документов никаких не было. Кто-то из местных шел по лесу, увидел дымок и тут же сообщил — многие люди были уже сыты всем этим по горло и хотели, чтобы наступила нормальная мирная жизнь. Никого живыми не взяли — рассказывали, что главарь всех перестрелял и покончил с собой. Эту историю я хорошо помню.

В 1953 году умер Сталин, вы были в третьем классе. Запомнилось что-то?

Конечно, помню. У нас была треугольная площадь в центре города — в одну сторону центральная улица, в другую сторону — улица на Ровно, третья — Фабричная улица — в сторону городской церкви (была еще так называемая железнодорожная), костела, райкома партии. Там стоял памятник Сталину. Я помню митинг, помню, как все рыдали. Все ждали, что будет трагедия: «Как мы без Сталина?». Я сужу прежде всего по своим родителям, отцу в это время было уже 53 года, мужчина с двумя войнами за спиной, не считая басмачей, и тем не менее... Потому что уже привыкли к тому, что было, мир как-то устоялся. Надо помнить, что каждый год в марте было понижение цен. Что касается местных, то мне трудно судить, люди все-таки боялись тогда.

XX съезд партии. Вы уже были в шестом классе.

У меня был друг Дима Куйбид, мой одноклассник. Я помню, в мае или июне 1956 года он говорит: «Ты слышал, что Сталин — враг?». Я говорю: «Да ладно, брось». Видно, его родители что-то слушали, разговаривали между собой, и он сделал свои выводы. Но ведь известно, что с содержанием выступления Хрущева в конце работы XX съезда, того, где он говорил о Сталине и культе личности, знакомили и рядовых коммунистов на партсобраниях по всей стране. Было соответствующее закрытое письмо, его зачитывали. Но, естественно, не школьникам. Папа был на собрании, где зачитывалось такое письмо, но нам ничего не говорил, поскольку оно было закрытое. Как член партии с 1930 года и кандидат с 1926 года, папа ничего никому не рассказывал. В этом отношении у меня отец был очень

сдержанный. Я у него пытался узнать что-нибудь про Советско-польскую войну, он мне говорил: «Ген, ну что я тебе могу сказать? Туда бежали и оттуда бежали». Вот весь его рассказ. Ему было неинтересно, это было то, что прошло, хотя у него была прекрасная память. Потом памятник Сталину сняли с площади и перенесли в скверик к нашей школе. И он там стоял до 1961 или 1962 года.

Понятно, до XXII съезда КПСС, ознаменовавшего так называемую вторую волну десталинизации, после чего его убрали и оттуда. Осенью 1956 года части Прикарпатского военного округа были приведены в боевую готовность в связи с бурными польскими и венгерскими событиями...

В польских событиях у нас никто не участвовал, а в венгерских событиях — мой сосед из дома наискосок. Они были получехи, мать была чешка, по фамилии Худоба. Ее сын в Венгрии был ранен, приехал и что-то рассказывал. Но мы знали обо всем и по другой причине. По железной дороге пошли составы с оружием, поврежденным в ходе венгерских событий. Везли куда-то на переплавку. Пацаны постоянно шмонали по этим вагонам, они не были запломбированы, просто некрытые платформы. Оружие стали таскать. Как сейчас помню — сидим мы на уроке, приходит милиция, хватает моего дружка: «Пошли сдавать оружие». Мальчишек, конечно, никто не наказывал, только родителям сделали внушение.

В школьные годы выезжали, наверное, за пределы города? С родителями или одноклассниками. Киев, Одесса, Львов...

Львов производил впечатление, потому что это был совершенно европейский, польско-австрийский город, украинцы для меня там были совершенно чужеродным телом — совершенно не их культура. В Киеве я тоже был, даже участвовал в республиканских соревнованиях по туризму. В пионерский лагерь я ездил начиная с 4 или 5 класса. Есть такой город — Клевань, там красивый замок, наверное, XVII или XVIII века, от него уже мало что осталось. Там был хороший пионерский лагерь. Бывал я в туристическом лагере под Сарнами, это украинское Полесье, на границе с Белоруссией. Лагерем была бывшая польская пограничная застава, до 1939 г. недалеко проходила польская граница по реке Случь. Очень красивые, хорошие места. Поляки построили там линию обороны, многоэтажные бетонные доты. Их взорвали, и там стояли вздыбленные глыбы бетона, а мы там собирали, как нам казалось, тол. Тогда этого никто не знал, а потом оказалось, что в этом районе есть месторождения янтаря, и мы жгли этот янтарь, думая, что это тол. По берегу реки идешь, смотришь, кусочки желтые, а это, оказывается, янтарь.

Когда у вас впервые проявился интерес к исторической науке? Кто влиял — учителя, какие-то прочитанные книжки?

Во-первых, само место. Рядом, в 30 километрах, Острог — резиденция князей Острожских, очень хорошо сохранившаяся, не все стены, но сохранились здание, башни, костел. Рядом Межиричи, это монастырь, построен-

ный в Средние века, центр просвещения. В Ровно — Замковая улица, которая описана в «Слепое музыканте» В.Г. Короленко, он жил в Ровно, его отец был там уездным судьей. Сама атмосфера повлияла. За лесом — старинное село Тайкуры, по дороге туда была так называемая Девичья гора с легендой, что здесь жила красавица, влюбилась в разбойника, и отец ее замуровал в замке, отсюда название. Замок был разобран еще в XVIII веке, а костел XVII века сохранился. Было кладбище, где похоронены Браницкие, магнатский род. В Здолбунове ничего не было, это была деревня, которая стала городом на рубеже XIX–XX веков, после того как здесь построили железнодорожную станцию. И потом, я очень много читал. К 14 годам я прочитал всю районную детско-юношескую библиотеку, пошел во взрослую библиотеку и там читал все подряд. Единственное, чего я до сих пор терпеть не могу, — это исторические романы. Меня они никогда не интересовали, это то, чем занимаются современные постмодернистские историки. Это было какое-то внутреннее чувство, я уже тогда не читал это, мне было не интересно. В школе у меня была одна учительница, интересная как преподаватель, — Ирина Михайловна, грузинка. Но мне не надо было учить историю, мне достаточно было послушать. Я много знал, и меня даже не каждую четверть спрашивали. Но когда проверка РОНО или ГорОНО, начиналась «моя работа». После этого меня опять оставляли в покое для следующего раза. С последним преподавателем истории у меня был конфликт, она до этого работала учительницей где-то в колонии, и у нее была соответствующая хватка. Когда она пришла, самым главным в отношениях с ней был характер, а не знания. Я ее пару раз «срезал», и после этого она решила, что лучше со мной не связываться и вообще меня не замечать.

Для того чтобы поступать на исторический факультет, надо было овладеть каким-то минимумом знаний...

За время обучения на историческом факультете у меня была одна проверка по историческим предметам — по истории философии. Я всегда приходил и сдавал, совершенно не задумываясь. Любая тема — и я «пел». Никогда не возникало сомнений, что мне ставить. Так мозги устроены. До сих пор мне история интересна не как собирание знания, а как осмысление и производство нового знания. Я сейчас сижу занимаюсь Регентским советом², которым у нас никто не занимался и в Польше тоже никто по-настоящему не занимался. Я смотрю, как создавался и функционирует миф, что Регентский совет был гадостью, потому что в нем сидели соглашатели. А теперь я пытаюсь разобраться, что же там было на самом деле. Во-первых, тогда все были «угодовцами»³: Пилсудский — «угодовец»,

² Регентский совет (Rada Regencyjna) — правительство подконтрольного Центральным державам Польского королевства в 1917–1918 гг.

³ От пол. *ugodowcy* — «соглашатели», сторонники компромиссной тактики во взаимодействии с имперскими властями.

Дмовский⁴ — «уголовец». Кто там не «угодовцы»? Открытые «угодовцы» в этом отношении были самые порядочные люди, они шли в сотрудничестве до определенного предела, а дальше не шли. Они были «угодовцами» в вопросах повседневности, а оказались самыми порицаемыми в польской истории, хотя они самые безобидные.

Итак, вы окончили школу и поехали поступать в Москву...

В 1960 году я окончил школу и поехал поступать в Московский государственный университет. У меня соседкой была учительница из украинской школы, Остапенко, ее сын Витя был года на три старше меня, он поступил в питерский Кораблестроительный институт, приезжал на каникулах, рассказывал про студенческую жизнь — как это здорово и интересно. И я загорелся — хочу стать корабелом! Решил, что буду поступать в Кораблестроительный институт. Математика у меня шла вполне прилично, я закончил школу с серебряной медалью, вроде все было ничего, но особого интереса не было. А потом в «Известиях», которые выписывал папа, я увидел рекламу, что объявляется прием в Московский государственный университет, там список факультетов, и есть среди других исторических. В 1960 году в маленьком городке репетиторов, конечно, не было, и что такое представляет из себя Московский государственный университет, тоже никто не знал. Когда я приехал, здесь жила моя старшая сестра, она спрашивает: «Ты понимаешь, куда ты хочешь поступить?». Я говорю: «Там, где мое место». Меня «резали» два предмета. Во-первых, английский. Беда человека с хорошей памятью заключается в том, что он не привык работать регулярно, потому что он все «хватает», но язык ухватить невозможно. Если есть достаточный словарный запас, ты можешь его использовать, но откуда он мог быть на Украине, в городе Здолбунов? Все, что идет с Запада, глушат, а ни один англичанин туда никогда не приезжал. Во-вторых, сочинение в Московском университете и сочинение в школе — это две разные вещи. В Московском университете это знание текста и сухой разбор без эмоций, а школьное сочинение — это фонтан эмоций. И я с этим фонтаном эмоций приехал. Как сейчас помню, что-то там было по поэзии Маяковского, так и я хорошо помню некоторые его строфы, но ведь Маяковский — это еще знаки препинания, он их ставил так, как ему было интересно, и это все надо было выучить. Наконец, отменили медаль. Если бы она при поступлении имела значение, тогда оставался бы только профильный экзамен. Но когда поняли, что таких, как я, много, профильным экзаменом сделали сочинение — это письменно и сложнее. Я попробовал, испытал себя. Ну, что? Пошел работать в локомотивное депо. Через год поехал второй раз, и опять не получилось. Все повторяется. А историю каждый раз сдаю на пять. Кому я только не сдавал — всей

⁴ Роман Дмовский (Roman Dmowski) (1864–1939) — лидер польских национал-демократов, депутат Государственной думы Российской империи, председатель Польского национального комитета (1917–1919). Считается одним из «отцов-основателей» межвоенного польского государства.

нашей профессуре. В 1962 году еду третий раз. Результат тот же. Мне потом уже говорили, что меня вычисляли, чуть ли не ставки делали — приедет или не приедет. Вдруг пропал — значит, в армию забрали. Три года в армии.

Где служили?

Я служил в очень хороших местах. Сначала Царское Село, казармы Конногвардейского полка. Екатерининский дворец, парк, он кончается Орловскими воротами, которые были поставлены в благодарность графу Г. Орлову за усмирение чумы в Москве в 1771 г. За этими воротами была школа младших авиаспециалистов. Потом было такое местечко Горелово, это между Питером и Красным Селом. Прекрасный был полк, совершенно «авиационная» дисциплина: каждый летчик знает, что его судьба зависит от того, как я «законтрогаю» гайку. Если он будет по отношению ко мне хамом, я могу все что угодно сделать. И последнее — Лодейное Поле на Свири, там, где Петр I строил корабли. Три места. Жалею ли я об этих трех потерянных годах? Честно скажу — нет. Я авиамеханик первого класса, это высший класс. Тогда не хватало солдат, потому что были ограничения — тех, кто сидел в тюрьме, не брали. А делали так: какой-нибудь киоск ограбил, унес бутылку воды, тебя посадили, а в армию потом не берут — судимость. Это был срез нашего общества моего возраста, в том числе в национальном отношении. Со мной служили узбеки, таджики, грузины, армяне, молдаване, украинцы, эстонцы, латыши, евреи. Прибалты были самые замкнутые, особенно эстонцы, но они плохо говорили по-русски, некоторые вообще не говорили. Белорусы были замечательные ребята. Ты должен был найти себя, тебя должны были воспринять как равного. Я хочу сказать, что в этой среде очень высоко ценятся твои умственные способности. Я никогда не был хулиганом: в самоволки ходил, водку пил, не без этого, но я никогда не был человеком, который нарушал устав явно, демонстративно. У меня всегда и со всеми были прекрасные отношения, никогда не было проблем. Умение найти себя в любой ситуации — вот что дает армия. Кроме того, если бы я поступил сразу в 1960 году, а в 1965 году закончил, то мне было бы тогда 22 года, и направили бы меня куда-нибудь преподавать историю партии. В том виде, в котором она тогда преподавалась, я бы ее не смог преподавать, поэтому меня бы выперли очень скоро. А я поступил, будучи взрослым человеком, и преподаватели относились ко мне, особенно когда я уже на кафедру пришел, как к взрослому человеку, к младшему коллеге, а не ученику. Когда я уже заканчивал кафедру, я знал, чего хотел. Я хотел заниматься наукой, а конкретно историей Польши.

В 1966 году восстановили поступление по медали, я пришел после армии и сдавал только историю КПСС. У меня принимают экзамен два человека, и это была судьба! Первый — Михаил Тимофеевич Белявский, профессор с кафедры отечественной истории⁵, муж моей будущей руково-

⁵ Профессор М.Т. Белявский (1913–1989) особенно известен исследованиями российской истории XVIII в., в том числе истории возникновения Московского университета.

дательницы Ирины Михайловны Белявской⁶. С Михаилом Тимофеевичем мы потом были в очень хороших отношениях, а Ирина Михайловна для меня была просто вторая мать. Второй — Иван Драгович Очак, доцент с кафедры истории южных и западных славян, хорват, коминформбюровец⁷, специалист по Югославии. Они принимают у меня экзамен. Как сейчас помню, я «пою» про историческое значение какого-то очередного съезда КПСС, они понимают, что я никогда не закончу. И что-то по феодализму. Я получаю пятерку. А иностранный язык — собеседование с Евгением Александровичем Бонди, завкафедрой иностранных языков⁸. Он понимает, что языка я не знаю, и направляет меня в начинающую испанскую группу. И все проблемы решаются. По разговорам с людьми, которые имели отношение к приемной комиссии и меня помнили, я понимаю, что, наверное, сказали: «Этого парня надо брать с его настойчивостью, и историю он всегда на пять сдает». А мы же не только сочинение писали, мы еще и русский устно сдавали — было четыре экзамена на исторический факультет.

Я попал на кафедру славян⁹. У нас был забавный преподаватель истории КПСС, Алексей Иванович Широков, он был партиец. И он спрашивает: «Ген, а ты на какую кафедру собираешься?». Я говорю: «Хотел бы на вашу кафедру, меня интересует проблема роспуска польской компартии»¹⁰. Он говорит: «Чего? Иди к славянам, у них можно заниматься чем угодно». И я пошел к славянам. Первую свою курсовую я писал по польской компартии. И когда я познакомился с литературой, я понял, что этой темой занимаются одни «догматики» и делать там совершенно нечего.

Проблем с изучением польского языка не было?

У нас была преподавательница с филфака, Зоря Моисеевна Холонина, потом она сошла с ума. Ее «несло»: она приходила на занятия, мы разбирали какой-то текст, и она начинала серию рассказов по-русски — про папу-НКВДешника и так далее, чего только не рассказывала, все, кроме польского языка. Тем не менее, все мы его выучили как-то. Конечно, когда знаешь украинский и русский, проблем нет.

⁶ Профессор И.М. Белявская (1913–1975) по сути заложила основы подготовки историков-полонистов по новой и новейшей истории на историческом факультете МГУ.

⁷ Так называли югославских коммунистов, которые встали на сторону СССР в ходе советско-югославского конфликта, развязанного в 1948 г. Образованное осенью 1947 г. и существовавшее до весны 1956 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро) было важнейшим инструментом в ходе массовой антиюгославской кампании, инициированной Сталиным.

⁸ Профессор Е.А. Бонди (1923–2006) возглавлял кафедру иностранных языков исторического факультета МГУ в 1965–1983 гг. Автор учебных пособий по английскому языку.

⁹ То есть истории южных и западных славян истфака МГУ.

¹⁰ Имеется в виду роспуск польской компартии по инициативе Сталина в годы «большого террора» в 1938 году. Межпартийная комиссия, рассматривавшая в 1956 году этот вопрос, признала решение необоснованным.

А какие темы были — курсовых работ, дипломной?

Первую курсовую я, как уже сказал, написал по истории КПП и понял, что это не мое. У меня была стажировка на пятом курсе. Первый раз мы поехали на практику после третьего курса, это был 1969 год, четырехнедельная практика, мы хорошо поехали по Польше. Нас сопровождали польские студенты, потом они приехали сюда в Москву. Тогда у меня установились первые контакты с поляками. Многих уже нет в живых, но со Сташеком Грегоровичем мы дружим более пятидесяти лет, он долго работал в Москве в посольстве. После четвертого курса были военные лагеря, а потом снова стажировка — уже десятимесячная. Тогда по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР давали приличные стипендии, я получал, по-моему, тысячи полторы злотых, а средняя зарплата была где-то 1200 злотых. Бесплатное общежитие, бесплатный проезд — все это мне компенсировали. Для дипломной работы я выбрал тему политической борьбы в Польше в 1925–1926 годах, то есть канун переворота и государственный переворот¹¹. У меня был приятель-философ Валера Легостаев. Помните, был скандал со статьей Нины Андреевой в годы Перестройки¹²? Вот эту статью пропустил в печать Легостаев, он работал у секретаря ЦК, который отвечал за эти дела¹³. А тогда Валера говорит мне: «Слушай, ну что ты будешь ручкой писать? Ты пиши карандашом, карандаш всегда можно ластиком стереть». Я написал часть своей дипломной работы карандашом. А дипломная работа была минимум страниц 140. Приезжаю из Польши в конце мая — и начинаем с Ириной Михайловной работать. Я отдаю ей свои карандашные заметки, она, ни слова не говоря, берет все это править, а я пишу дальше уже ручкой. Мы с ней эту работу написали, наверное, за две недели. А защиты все уже кончились, остаюсь один я. Ради меня назначают дату защиты. Я отдал текст Ирине Михайловне, она внесла коррективы, я учел все ее замечания, везу к машинистке, та печатает. После машинистки надо еще раз читать. Наконец, буквально накануне защиты я отвожу оппонентам — раньше не успеваю. Оппонентами у меня были как раз Очак и Иван Александрович Воронков¹⁴. Я прихожу домой и говорю жене: «Ты знаешь, я немножко отдохну, потому что я не спал». А надо же еще сноски вписать — да, были машинки, где можно головку менять, но тогда их было не достать. И я засыпаю — а я должен был Ирине Михайловне отвезти

¹¹ Речь идет о майском перевороте 1926 г., завершившемся приходом к власти Ю. Пилсудского и его сторонников и установлением авторитарного «режима санации».

¹² Статья преподавательницы Ленинградского технологического института Н.А. Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованная 13 марта 1988 г. в газете «Советская Россия», стала манифестом антиперестроечных сил.

¹³ В.М. Легостаев был помощником члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева. Выступал как публицист.

¹⁴ Доцент И.А. Воронков (1921–1983), полонист, возглавлял кафедру южных и западных славян МГУ в 1961–1973 гг.

уже готовый переплетенный вариант. Жена меня будит, а я проснуться не могу, я начинаю хохотать. Она звонит Ирине Михайловне: «Не знаю, что делать, Гена только хохочет». Она говорит: «Оставьте его в покое, Лена, пусть спит». Такое нервное напряжение было. После этого я ни одному студенту, как бы поздно он мне ни отдал работу, никогда не делал замечаний.

После защиты у меня встала проблема выбора: или в МИД, по линии которого у меня было предложение в новое консульство в Шечине, или в органы, или в аспирантуру, или в Институт славяноведения. Поскольку как раз в 1971 году у нас родилась дочь, а у жены была очень сильная аллергия, я решил, что МИД мне не подходит. Это было не мое, я посмотрел, что такое жизнь дипломата. Самое страшное — ты живешь в замкнутой среде, из которой тебя быстро выпрут, если ты начнешь с местными водить контакты. Я человек общительный. Кроме того, после возвращения из заграникомандировки мне никто не гарантировал трудоустройства в МИДе. Идти в аспирантуру? Значит, не смогу заниматься диссертацией, потому что семья будет отнимать много времени. Остался один Институт славяноведения, сектор Недорезова¹⁵. Собралась вполне хорошая компания: Бела Желицки, Андрей Иванович Пушкаш¹⁶, еще по Румынии специалист была... В общем, этой компанией мы должны были сесть и написать историю стран народной демократии. Но никто не занимался этим периодом: Бела занимался в то время XIX веком, Андрей Иванович и я — межвоенкой. Я говорю: «Александр Иванович, может, мы какие-нибудь сначала очерки продумаем?». А он: «Нет, мы пишем». Сочинили проспект этого обобщающего труда, списали где только могли. Я понял, что это не мое, что мне неинтересно. С Иваном Ивановичем Костюшко¹⁷ я тогда уже познакомился, но ему не нужен был специалист по межвоенной истории — у него была Михутина¹⁸. И я встретился с Воронковым, говорю: «Иван Александрович, дома более-менее все стабилизировалось, дочери уже второй год, жить можно, я хочу в аспирантуру». По идее, я должен был два года отработать в Институте, поскольку я пошел туда по распределению. Но с Дьяковым¹⁹,

¹⁵ Александр Иванович Недорезов (1919–2002) оставил ряд работ по новейшей истории Чехословакии.

¹⁶ Бела Йозефович Желицки (родился в 1936 г.), Андрей Иванович Пушкаш (1923–2008) известны прежде всего как специалисты по венгерской истории.

¹⁷ Иван Иванович Костюшко (1919–2018), историк-полонист, возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР отдел межвоенной истории. Более двух десятилетий был главным редактором журнала «Советское славяноведение» с момента его основания в 1965 г.

¹⁸ Ирина Васильевна Михутина (1938 г.р.), автор работ по проблемам польской истории в межвоенный период. Позже занималась также украинским национальным движением в Российской империи.

¹⁹ Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) оставил след в науке многочисленными исследованиями по истории польского общественного движения в XIX в., восстания 1863–1864 гг., а также общественной мысли дореволюционной России. Зарубежный член Польской академии наук.

замдиректора, у меня тогда были хорошие отношения, и он меня поддерживал. Недорезов грозил мне взысканиями по партийной части, но я сказал: «Все, ребята, я ушел из Института». И, собственно говоря, с 1972 года, вот уже 50 лет, я никуда с кафедры не уходил.

Вы ездили в Польшу, общались с молодыми поляками, со студентами. Насколько они были откровенны с вами? Поднимались ли острые темы — расстрел пленных польских офицеров в Катыни в 1940 году, Варшавское восстание 1943 года?

Когда я приехал, у меня был железный принцип — я не общался с русскими, только с поляками. Там было землячество, клуб, дом советской культуры — но я туда не ходил. Во-первых, там все были стукачами. Во-вторых: с русскими ты будешь говорить только на русском языке — а зачем ты тогда приехал? Я ходил на семинар, у меня руководителем был очень известный профессор Анджей Гарлицкий²⁰, у нас сложились хорошие отношения, и мы контактировали до его смерти, с его учениками я тоже познакомился. Я очень много узнал от поляков, с которыми общался. Как я уже сказал, я очень близко сошелся со Сташеком Грегоровичем — у него бабушка была русская, он занимался польско-советскими отношениями, русский язык знал не очень, но я с ним по-польски говорил. Мы с ним спорили — у меня своя позиция была по многим вопросам, у него своя. Это был 1970 год, как раз события на Побережье²¹. У Сташека в Гдыне жила сестра, она была замужем за офицером-морьяком, и, хотя связь была перекрыта и по радио не было никаких известий, о декабрьских и январских забастовках все знали: «голоса» доносили, это же портовые города. На майские праздники 1971 года мы со Сташеком поехали к его сестре в Гдыню и много разговаривали там с местными. Я застал в Польше все кризисы 70-х годов: в 1976 году я приехал туда со студентами в середине июня²², в конце сентября 1980 года я приехал на стажировку²³, а уехал в начале мая 1981 года. Все проходило у меня на глазах. Я видел Валенсу, выходящего после регистрации «Солидарности» в воеводском суде Варшавы, я стоял в этой толпе — там неподалеку было наше общежитие. Всю эту историю я, можно сказать, пощупал руками²⁴.

²⁰ Гарлицкий (Garlicki) Анджей (1935–2013) — польский историк и публицист, автор монографий по истории Польши первой половины XX в., автор биографий Ю. Пилсудского и Б. Берута.

²¹ Расстрел в Гданьске в декабре 1970 г. демонстрации рабочих, протестовавших против повышения цен, привел в конце концов к отставке первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки.

²² В конце июня 1976 г. по Польше прокатилась волна забастовок и протестных действий, спровоцированная объявлением правительством П. Ярошевича резкого повышения цен на продукты питания и некоторые товары широкого потребления.

²³ Глубокий общественно-политический кризис в Польше 1980–1981 гг. начался в августе 1980 г. с мощных забастовок на гданьском побережье.

²⁴ Объединение польских независимых профсоюзов «Солидарность», созданное в результате массового забастовочного движения августа — сентября 1980 г., было офи-

Вы были студентом, а это непростое время — вспомним хотя бы 1968 год. Что происходило в студенческой среде в связи с событиями в Чехословакии?

В Польше я бывал на многих вечеринках. «Проверка» всегда начиналась со Львова и Вильнюса. Я быстро сориентировался, что их интересует не мое мнение, а моя реакция. Я стал говорить, что мне ни Львов, ни Вильнюс не нужны: «Приходите и забирайте». После этого стало ясно, что не о чем спорить. А что касается событий 1968 года, то мне хорошо помнится вся предшествовавшая им череда пленумов, встреч и так далее. В июле мы уехали в стройотряд, первый и единственный реставрационный отряд в истории исторического факультета МГУ. Мы реставрировали усадьбу Грибоедова в Хмелите, под Вязьмой. Когда мы приехали, это была полная руина без крыши и с окаменевшими удобрениями, которые там хранили. В нашем первом стройотряде из истфаковцев были Ефим Пивовар²⁵, Сергей Соловьев, Репина Лорина Петровна²⁶ из Института всеобщей истории. У нас был очень большой курс, потому что в 1966 году в школах был двойной выпуск — 10 и 11 классы. На истфаке на дневном отделении училось 240 человек плюс двойная вечерка плюс двойные искусствоведы. Огромный курс. Галя Наумова, Юра Терещенко, Зоя Ненашева²⁷, Таня Волокитина²⁸, Света Бочкарева²⁹ — все с нашего курса. Так вот, возвращаясь к 1968 году. Мы восстанавливали эту усадьбу, поставили там леса, я съездил в Смоленск, получил расчет. И как раз в конце августа, когда войска уже ввели, я ехал домой. Поезд шел через Киев до Казатина, из Казатина на Шепетовку и дальше на запад. И я поразился: на всех платформах, полустанках, грузится военная техника — это замещали войска, которые ушли в Чехословакию. И на меня это произвело впечатление — какая же мощь! Я десятки раз ездил по этому маршруту, знал, что где-то там есть аэродром, но тут было что-то невероятное.

Вы ездили в Польшу в 70-х годах. Было ли для вас неожиданным то, что произошло в 1980–1981 годах? Вы видели, что настроения меняются, становятся более протестными?

В первой половине 70-х годов, особенно с 1972 года, когда начался «польский путь к социализму в чужих ботинках», когда они за счет западных кредитов стали подниматься, поляки процветали. Они были счастливы,

---

циально зарегистрировано 10 ноября 1980 г. Его численность достигла в 1981 г. 10 млн человек. Лидер «Солидарности» Лех Валенса (1943 г. р.) позже, в 1990–1995 гг., был президентом Польши.

²⁵ Ныне академик РАН.

²⁶ Ныне член-корреспондент РАН.

²⁷ Зоя Сергеевна Ненашева — доцент кафедры истории южных и западных славян МГУ.

²⁸ Татьяна Викторовна Волокитина — зав. Отделом истории Восточной Европы после Второй мировой войны Института славяноведения РАН.

²⁹ Светлана Ивановна Данченко — зав. Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

любили Герека³⁰ и социализм, потому что в стране появилось много денег. Но во второй половине 70-х годов настроения стали меняться, это было очевидно. У нас, славян, есть врожденная черта — мы очень не любим правительство, которое в данный момент существует, даже если мы сами его поставили. Другого развития событий не бывает. У нас слишком эмоциональное отношение к нашим правительствам. Конечно, это чувствовалось. Поляки начали жаловаться — нет колбасы и мяса. Это два самых важных продукта. Поляки говорили о качестве. Мы к тому времени уже ели бумажную колбасу, а они еще к этому не пришли. Ведь первые протесты, которые начались в 1980 году, протесты текстильщиц в

Люблине, в Белостоке — колбаса перестала пахнуть колбасой. У меня был ученик из Люблина, хороший парень, он работал на мясокомбинате одним из директоров, то ли по сбыту, то ли по рекламе. Рассказывает: «Из килограмма мяса получается кило четыреста продукта. Остальное — всякие загустители, разрыхлители и прочее. А должно получаться максимум 700 грамм». И поляки это чувствовали, потому что они помнили, как пахнет настоящая колбаса. Еще один ученик был из Варшавы. Приглашает меня в гости, прихожу, он говорит: «Мы стояли в очереди, купили ветчину». Я говорю: «Адам, а зачем в очереди стоять?». А он: «Так это частная, там надо постоять». В 1976 году что получилось? Решение о повышении цен принимается правительством, происходит это в субботу, в июне, когда уже начался сезон отпусков, а люди не на работе. Якобы по согласованию с коллективами крупных предприятий. Народ, естественно, говорит: «Нас обманули». Это общество «зажигалось» очень легко: стоило сказать, что на корабли грузится мясо, колбасы, ветчина — и все это идет на Запад, а нам — коммерческая торговля. А зарплаты-то не повышают. На этот раз уже интеллигенция возглавила движение сопротивления — тот же Михник,

³⁰ Эдвард Герек (1913–2001) был первым секретарем ЦК ПОРП с декабря 1970 по сентябрь 1980 г.

тот же Модзелевский³¹. Они хорошо учили историю КПСС — соединение стихийного рабочего движения с научной идеологией. Они сделали ровно то же: внесли в стихийное рабочее движение любителей мяса и колбасы идеологию улучшения социализма, то, что в 1968 году было в Чехословакии. Это не отказ от социализма, потому что такое тогда бы не очень прошло, а придание ему «человеческого лица», тем более что это легко было обосновать — вот Югославия, пожалуйста.

Чрезвычайное положение, введенное в декабре 1981 г., было отменено летом 1983 г. Вам удавалось приезжать в Польшу в 1980-е годы?

В 1981 году я вернулся — и все. Всех студентов отослали. У меня был студент, Гриша Ермаков, который там учился на истфаке и даже был женат на польке, но и его выслали — заканчивал уже здесь, в Москве. Выслали и Юру Бондаренко, это бывший директор российско-польского Фонда диалога и согласия, тоже истфаковец, но там он учился на филфаке. В следующий раз я поехал в Польшу только в 1988 году на конференцию, посвященную 70-летию независимости, по-моему, она была в начале ноября. Время было совершенно не интересное: темная, абсолютно не освещенная, ужасно выглядевшая Варшава. Потом, с 1989 года, я ездил в Польшу каждый год, даже по нескольку раз, и последний раз был там в 2019 году. С Варшавой у нас отношения постепенно охладели, потому что ушли люди, которые были заточены на сотрудничество с нами, и я переключился на Лодзь. У меня там хорошие друзья, кое-кто до сих пор еще живет.

Кафедра истории южных и западных славян истфака МГУ. Там была вроде бы неплохая обстановка. Вы пришли, закончили аспирантуру...

Обо всех внутренних распрях на кафедре я узнал уже будучи сотрудником и аспирантом, присутствуя на заседаниях кафедры. Есть такой известный принцип — кто-то должен втыкать палку в муравейник. Коллектив всегда сам вырастет и выдвинет человека, который будет портить жизнь коллективу, это есть везде. Как только он уходит или умирает, на его место выдвигается другой. Это, как правило, люди с очень большими амбициями, даже не в науке, а чаще — в административных делах. При этом неспособны реализоваться. Чаще всего они ставят вопрос о том, что ими неправильно руководят: надо делать все по-другому, и тогда мы начнем фонтанировать.

Когда вы стали преподавать, вы понимали, что славянский мир не только разнороден, но и раздираем противоречиями? В то время у нас в газете «Правда» нельзя было, например, писать о том, что в Болгарии существует сильная, скажем так, тоска по Македонии, история которой начиная с раннего Средневековья тесно переплетена с болгарской историей, а говорят там на языке, очень близком болгарскому. Вы студентам рассказывали про это?

³¹ Адам Михник (1946 г.р.), Кароль Модзелевский (1937-2019) — видные деятели и идеологи польского оппозиционного движения в 1970-1980-е годы.

В университете есть два направления преподавания. Есть специализация: я читаю полонистам историю Польши и сопутствующие курсы. С ними я могу о многом говорить, у меня на это больше времени. А когда выходишь на общий курс, там сидят люди, для которых это просто один из предметов, не профильный, и им надо дать материал по всем южным и западным славянским странам, когда-то их было четыре, а сейчас их больше. Применительно к новой и новейшей истории все проще, потому что история уже развивается синхронно, так, например, все синхронно обретают независимость. Я предложил такую периодизацию: «первая волна» независимости — это Балканы, XIX век, она заканчивается к 1878 году (окончание русско-турецкой войны, завершение Восточного кризиса, Берлинский конгресс). Потом была Первая мировая война, с ней связана «вторая волна» обретения независимости. Вроде как освобождаемся от инонационального гнета, но получаем взамен славянский гнет: вспомним отношения между славянскими народами в межвоенных Югославии, Чехословакии. Потом 90-е годы — и это уже «третья волна» обретения независимости. Происходит дальнейшая атомизация наших стран, и теперь уже у всех народов есть свои государства. Кому от этого хорошо? Я долго думал над этим. Этот процесс начинается с подачи Соединенных Штатов Америки. Американцы ничего не понимали в европейской политике, они вообще ей не занимались, потому что действовала доктрина Монро с ее принципом «Америка для американцев». Их интересовал Американский континент. Но многие

эксперты американской делегации на Версальской конференции, на мирных переговорах в 1919 году — евреи из Восточной Европы, которые знали ее лучше нас с вами. Они знали и то, как ее можно развалить, а единственная возможность это сделать — по национальному принципу. США — это счастливая страна, которой национализм не грозит, там есть только расизм. Ни у кого нет права на национальную территорию, кроме индейцев, которые жили, а иногда и до сих пор живут в своих резервациях, это их «государство».

Ваш регион интересный. Были империи — Германская, Австро-Венгерская, Российская, Османская. Потом они стали разваливаться — после Первой мировой войны четыре империи развалились.

Я считаю, что развалились потому, что американцы предложили новый принцип устройства Европы на национальной основе. Англичане поскрипели зубами, потому что их европейских владений это тоже касалось, и они тут же получили независимую Ирландию. Французов это касалось в меньшей степени, их колонии были за морями. И Европа начала распадаться. Что сейчас? Осталась Германия, которой некуда распадаться. Испания и Бельгия как полиэтнические государства, вероятнее всего, распадутся, им деваться некуда. У нас будет континент мини-государств, и американцы с этими мини-государствами могут делать все что угодно. Так что это хорошо продуманный, далеко идущий план, на мой взгляд.

Вы изучаете славянские народы. Это старый спор — нужно ли изучать историю славян прежде всего в имперском, региональном контекстах? Мне как ученику Т.М. Исламова, последовательно выступавшего за региональный, а не национальный подход к истории, кажется, что этим должна заниматься ваша кафедра, и тут должны присутствовать румыны, венгры, греки...

Университетское образование — образование традиционное. Как только университет начинает заниматься изобретениями, все разваливается. Чему, с вашей точки зрения, учит университет? Чему учит истфак? Мы учим аналитике. И ничему другому на историческом факультете не учат. История Польши — это то, что тебе интересно, но на этом материале ты овладеешь главным — умением анализировать несколько текстов и создавать очередной текст, четвертый, пятый, десятый и так далее. Ничему другому тебя не учат. Это наше величайшее достоинство. И на чем учить? Брать целиком империю? Вот, например, Австро-Венгрия — сколько там наций и народов живет? Представьте себе специалиста, который мог бы заниматься всем этим конгломератом. Невозможно! Все равно будет какая-то кочка, с которой ты будешь на это смотреть.

В 1992 году вы защитили докторскую диссертацию, у вас вышла книга, посвященная идеологии аграризма в Польше и Чехословакии. Аграризм — это «третий путь» по отношению к капитализму и социализму. С тех пор вы приобрели свой личный опыт — уже тридцать лет живете в условиях то ли капитализма, то ли недокапитализма. Идеология, изучению которой вы посвятили часть своей жизни, — насколько она перспективна?

Во-первых, единоличное крестьянство даже там, где оно сейчас вроде бы возродилось, составляет меньшинство. Исчезает самое главное для этой идеологии. Почему считали, что крестьяне могут строить свое государство? Потому что они — большинство, ведь всякая демократия — для большинства населения. Раз большинство — крестьяне, значит, надо строить не социалистическое государство для рабочих и не либеральное для буржуазии, а государство для этого большинства. Но такого государства нет. Одновременно с восточноевропейским аграризмом — чехословацким, болгарским, сербским, польским, румынским, венгерским — во Франции рождался другой аграризм. Выходом для французского аграризма были колонии: французы должны были туда уезжать, селиться там и решить тем самым проблему малоземелья. В Германии в XIX веке рождается юнкерский аграризм. Юнкерам просто нужно государство, которое будет защищать их интересы от наплыва русского и особенно американского зерна, которое их разоряет. Тогда была социальная база, а сейчас нет социальной силы, на которую такая идеология бы ориентировалась. Национальная идеология ориентируется целиком на нацию, но за этим стоит определенная группа людей, которые говорят, что олицетворяют интересы нации. Это те люди, которые находятся у власти. Они активно играют национальными идеологиями. А что им сейчас можно противопоставить? Ничего. Рабочего класса и крестьянства как таковых нет, средний класс непонятно в какую сторону идет, и вообще непонятно, что это такое. Сейчас эта проблема потерялась. Последняя попытка — «народные демократии» 40-х годов, они пытались привлечь крестьян, и последователи аграризма пытались в «народной демократии» что-то найти.

Там слишком рано все стало предопределено. Магистральная тенденция шла понятно куда.

Если говорить о Польше, то ее судьба, начиная с разделов, то есть с конца XVIII в., всегда была полностью завязана не на внутренних, а на международных процессах. В плохом месте они находятся. Дмовский был прав: «Нам было бы хорошо быть на месте Бразилии». А у них с одной стороны Россия, с другой — Германия. С моей точки зрения, есть несколько вещей, которым учит история Польши. Первая — нельзя обижать великие нации. Всегда отольются кошке мышкены слезки. Нemoшь великой державы всегда будет недолгой, это временное состояние. Такова реальность, и с этим надо считаться. Второе — никогда не исчезает память великого прошлого. Поляки уже почти 250 лет как не империя — и что? У них великодержавный менталитет, и никуда от этого не денешься.

В этой связи вспоминается как раз советско-польская война 1920 года. Это тоже было не только идеологическое противостояние, за каждой стороной стояла определенная традиция государственности.

Я в последние годы немного занимался этой проблемой. Ленин реально расстался с идеей мировой революции где-то в марте 1919 года...

Лично я думаю, что после падения Венгерской советской республики к августу 1919 г. Апрель, май — в это время у него еще проявлялся оптимизм, а в июле он понимал, что это уже не пройдет...

В начале марта 1919 года готовится проект новой программы РКП(б). И Ленин делает наброски к программе, они опубликованы. Там есть мировая революция. А берете программу, принятую в 1919 году в конце марта, — и там уже нет ничего о мировой революции.

А его переписка с Белой Куном³², когда он его побуждает к действиям?

Это авантюризм Ленина. Он был из категории деятелей, которые говорят: «Главное — ввязаться, а там посмотрим». То, что пишут в частной переписке, не имеет прямой связи с перспективами развития. Важно донесение до общества того, что ему нужно в этот момент. Он понимал — говорить обществу, что будет мировая революция, нельзя, потому что ее не видно. Еще в феврале 1919 года в Париже появляется идея конференции русских правительств на Принцевых островах³³. Кто дает на это согласие? Один Ленин, больше никто на это не идет. Мало того, в Москву едут эмиссары. Один от англосаксов — У. Буллит³⁴ в марте 1919 года, его принимает Ленин, второй — поляк А. Венцковский в апреле, его обхаживает Чичерин. Советское руководство надеется, что кошмар гражданской войны, особенно тяжелый в 1919 году, кончится и можно будет заняться мирным строительством. Какая тут мировая революция? Надо сохранить то, что есть. Ленин берет этот курс, и ему его соратники так поверили, что 16 июля 1920 года, когда собирается пленум ЦК, чтобы ответить на ноту Керзона³⁵, Ленин ошарашивает всех, предлагая помочь пролетариату Польши советизировать страну. Все члены ЦК шокированы. Бухарин что-то подозревал, он уже ранее говорил Е.А. Преображенскому, что Ленин что-то замышляет. Вы что, думаете, Красная армия собралась советскую власть открыто устанавливать? Ленинский план выглядел так: разгромить польскую армию и заставить Польшу вступить в мирные переговоры. Заручиться поддержкой Великобритании, которой Верховный совет Антанты поручил посредничество с Москвой, поскольку уже были налажены двусторонние контакты. В августе 1920 года в Лондон приезжает наша делегация во главе с Л. Каменевым, лич-

³² Кун Бела (Kun Béla) (1886–1938) — деятель венгерского и международного коммунистического и рабочего движения, фактический глава Венгерской советской республики 1919 г. Репрессирован в СССР.

³³ Архипелаг в Мраморном море, пригород Стамбула. Речь идет о нереализованных планах проведения международного совещания с участием представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и держав Антанты, которое предполагалось созвать по инициативе последних на Принцевых островах для выработки договора о дальнейшей судьбе России.

³⁴ Буллит Уильям (1891–1967), американский государственный и политический деятель, первый посол США в СССР.

³⁵ Речь идет о предложенной в 1920 г. министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном демаркационной линии между Польшей и РСФСР.

ным другом Владимира Ильича, облеченным широчайшими полномочиями, и ведет с Ллойд-Джорджем переговоры³⁶, в том числе о мире с Польшей. Цель переговоров — заставить ее с помощью англичан заключить с нами мирный договор. Проект мирного договора подготовлен и представлен Ллойд Джорджу, по нему Польша имеет право сохранить армию в 50 тысяч штыков. Польша разоружается, отдает вооружение, демобилизует оборонную промышленность. Предлагаем Польше границу даже восточнее линии Керзона. Одновременно создается 100-тысячная рабочая милиция для поддержания порядка в стране. Эта часть плана предназначена для широкого оглашения. Но есть и вторая часть плана, не публичная. Польские коммунисты создают Польский революционный комитет в Белостоке, который формирует польскую Красную армию. Рабочая милиция будет создаваться только из коммунистов, левых социалистов и членов профсоюзов. Именно ей будет отдано оружие, которое мы забрали у армии. Арифметика говорит сама за себя. 100 тысяч человек, имея в том числе тяжелое вооружение, решают вопрос о власти однозначно. Создается советская Польша. А Красная армия уже ушла из Польши на 50 км от будущей границы и к тому, что происходит в Польше, не имеет отношения. Ленин все продумал. Но этот план провалился, и 22 сентября 1920 года Ленин от курса на мировую револю-

³⁶ Дэвид Ллойд-Джордж (1863–1945) был премьер-министром Великобритании от либеральной партии в 1916–1922 гг. Один из «архитекторов» Версальской системы международных отношений.

цию вновь отказывается. В этот день он сказал: мы ошиблись, советизации Польши не будет, мы снимаем этот лозунг. Все, больше нет советизации. И берется курс на безотлагательное заключение перемирия с Польшей.

Для того, чтобы понимать все то, что вы рассказываете, надо овладеть огромной массой документов. В 1991 году вы возглавили кафедру, и одновременно это был период, когда открылись архивы. Вы устремились туда в числе первых.

Историки наши в основной массе в архивах работать не любят, они любят переписывать друг у друга. В военном архиве (то есть РГВА) было много интересных материалов, это фонды Второго отдела польского генштаба, то есть разведка и контрразведка. Я нашел там интересные материалы по польской акции против Чехословакии в 1938 году³⁷. В Польше два тома опубликовали³⁸, я туда отвез документы, все это было согласовано с руководством архива. Как-то мне позвонил декан Карпов³⁹, сказал: «Тут звонят из Росархива, они работают над проблемой красноармейцев в польском плену, просят, чтобы ты помог, потому что нужен специалист». Я включился, сделали большой том — около тысячи документов, основную массу с польского я переводил⁴⁰. Это был правительственный грант. Поездили в Польшу, хорошо поработали там в военном архиве, мне помогали мои друзья-поляки. На основании этого я сделал монографию, которая также была переведена на польский⁴¹. Еще был проект по подготовке четырехтомника документов по польско-советским отношениям, своего рода дополнение к тем двенадцати томам, которые сделал Инслав⁴². Мне достался первый том, он должен был охватить период конца 1918 — середины 1926 года, и я этот том сознательно сделал так, что там очень мало документов по 1922–1925 годам. Во-первых, есть документы, которые уже были опубликованы, во-вторых, там ничего не происходит — два параллельных движения, очень мало связанных. Зато в этом томе огромный пласт документов по дипломатии периода войны и по мирным переговорам, о которых никто

³⁷ В условиях раздела чехословацкого государства.

³⁸ *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P. "Powstanie" na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1997; Samuś P., Badziak K., Matwiejew G. Akcja "Łom". Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1998.*

³⁹ Сергей Павлович Карпов (1948 г. р.) — известный историк-медиевист, специалист по истории Византии, Причерноморья, Италии в Средние века. Академик РАН (2011). Декан исторического факультета МГУ в 1995–2015 гг., президент с 2015 г. Однокурсни-к Г.Ф. Матвеева.

⁴⁰ Красноармейцы в польском плену в 1919–1922. Сборник документов и материалов. М.: Летний сад, 2004.

⁴¹ *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина МЕДИА, 2011.*

⁴² Речь идет о многотомном документальном издании «Документы и материалы по истории советско-польских отношений».

у нас давно не было⁴³. Трудность работы в Архиве внешней политики Российской Федерации в том, что он ведомственный, читателям описи не дают. Там ты начнешь получать документы только тогда, когда будешь долго мазолить им глаза. Руководство, когда поступало письмо с просьбой разрешить работу, писало резолюцию: «Дать то, что давали другим». Ты ходишь день за днем и получаешь документы, уже введенные в научный оборот другими. Но надо продолжать ходить. Так вот я доходил до того, что мне стали давать документы, которые с момента их передачи на хранение в архив никто не видел. Они открывают новое направление исследований, жаль только, что это будет делать кто-то другой, а не я. Но я включил несколько документов из этого фонда в сборник в надежде, что они заинтересуют кого-то из молодых исследователей.

⁴³ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. Том 1: 1918–1926.

Еще один случай — звонит Сорокин из РГАСПИ⁴⁴, говорит: «Мы тут выставку делаем, 2021 год, столетие Рижского мира⁴⁵, готовим проспект выставки, не напишете ли вводную статью?». Он мне для этого давал все электронные копии документов. Сейчас у меня есть студентка, которая пишет исключительно по Рижскому миру. Там есть сюжеты, о которых никто ничего не знает, и я надеюсь, что в аспирантуре мы с ней эту проблему «закроем».

Поляки внимательно читают то, что вы пишете — в том числе и биографию Пилсудского⁴⁶.

Это было самое простое — написать биографию Пилсудского. Мне когда-то в 1980-х годах позвонили из «Аргументов и фактов»: «Геннадий Филиппович, не могли бы вы написать о перевороте, о Пилсудском^{47?}». Я говорю: «Вы знаете, вот Александр Яковлевич Манусевич⁴⁸ напишет, а я не готов к этому». Потому что Пилсудский старше меня. Писать биографию человека, который старше тебя, с моей точки зрения, вообще ни в коем случае нельзя. Человек по мере своей жизни меняется, не зря же говорят, что молодой обязательно должен быть революционером, но если он остается им в старости, значит, он не поумнел, он должен был стать консерватормом. Я стал понимать Пилсудского, когда достиг его возраста. Гитлер, Сталин, Муссолини, Черчилль, Рузвельт — это была плеяда политиков, которые родились во второй половине XIX века и активно действовали в межвоенный период. Им были нужны не деньги, а власть, у них была идея, и власть была нужна ради ее осуществления. Это психология человека, который во что-то верит. Муссолини перестал верить в Бога, поверил в идею, и ему важно было ее реализовать. Когда Пилсудский умер, у него остался парадный маршальский мундир и еще несколько ношенных мундиров легионерского покроя, этого ему было достаточно, ему не нужно было богатство.

Геннадий Филиппович, в ваше студенческое время поляки учились на истфаке?⁴⁹

Конечно. На истфаке их было немного, в основном они учились на физическом, экономическом, географическом... Наш факультет даже был ответственным за сотрудничество с польским землячеством. В октябре мы

⁴⁴ Андрей Константинович Сорокин — в 2010–2020 гг. директор, в настоящее время научный руководитель Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Один из основателей, ныне главный редактор издательства РОССПЭН.

⁴⁵ Мирный договор между РСФСР и СССР с одной стороны, и Польшей с другой. Подписан 18 марта 1921 г. в Риге.

⁴⁶ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М.: Молодая гвардия, 2008.

⁴⁷ Речь идет о майском военном перевороте 1926 г., фактически означавшем установление власти маршала Юзефа Пилсудского (1867–1935).

⁴⁸ Манусевич Александр Яковлевич (1913–1997) — специалист по новейшей истории Польши. Заслуженный деятель науки РСФСР.

⁴⁹ Вопрос О.Г. Герасимовой.

отмечали День Войска Польского, это был «наш» праздник: приезжали из посольства военные с ящиками водки, в ДК МГУ было мероприятие, а потом в комнате президиума шла мощная пьянка. С нашей стороны этим Обществом советско-польской дружбы руководил Александр Сергеевич Орлов⁵⁰. У меня даже есть золотой значок этого общества. Это были 70-е годы, я уже работал на факультете. А вообще приезжало много американцев — не на учебу, а на стажировку, на кафедры отечественной истории, особенно на «капитализм»⁵¹.

А НСО было⁵²?

Скорее формально. Понимаете, заставлять историков ходить в НСО особого смысла не имеет, потому что в первом же семестре надо готовить доклад, курсовую, а это уже маленькая, но самостоятельная работа с обсуждением. В архив еще не ходят обычно, но идти в библиотеку уже надо.

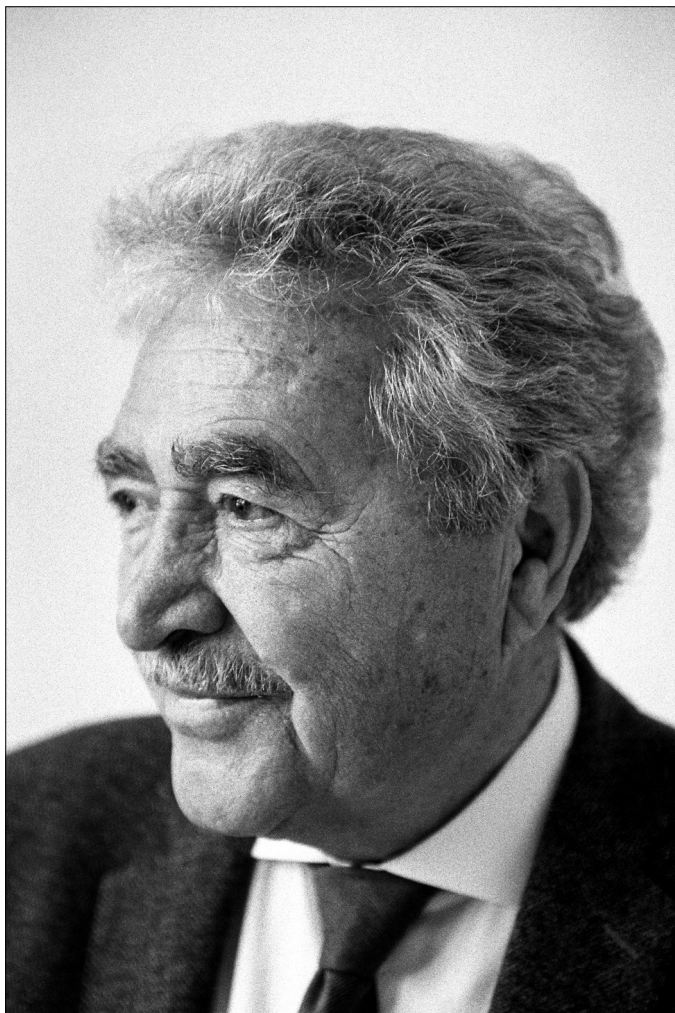

Презентация в посольстве России в Варшаве
Presentation at the Russian Embassy in Warsaw

⁵⁰ Доцент истфака МГУ, автор учебных пособий по отечественной истории, а также исследований по российской истории XVIII в.

⁵¹ Главным консультантом молодых американских историков-русистов, стажировавшихся на истфаке МГУ, выступал крупный специалист по российской истории нового времени профессор П.А. Зайончковский (1904–1983). См.: *Большакова О.В. П.А. Зайончковский и его американские ученики. Отечественная история. 2004. № 5. С. 158–177.*

⁵² Вопрос О.Г. Герасимовой. Речь идет о научном студенческом обществе.

У нас такой разброс тем всегда, кто-то занимается XII веком, а кто-то XXI веком — о чем особенно говорить?

*Полонистов привлекали в качестве переводчиков?*⁵³

Наши студенты и аспиранты работали на Олимпиаде, на выставках. Я и как аспирант, и после аспирантуры много работал переводчиком. Обычно кто-то из ЦК приезжал, из Союза композиторов...

Сейчас сложное время. Вы до сих пор контактируете с поляками? У вас в Польше много друзей, знакомых.

---

⁵³ Вопрос О.Г. Герасимовой.

Многие мои коллеги уже умерли. Один историк из Белостока меня даже испугал: я дважды ему писал, получил ответ, оказалось, он в очень плохом состоянии сейчас. Вы знаете, поляки боятся. Мы, русские люди, в этом отношении ко всему спокойно относимся. В 70-х годах сидим мы у приятеля на кухне, разговариваем. Как обычно бывает, когда встречаются два славянина, рано или поздно мы приходим к проблеме наших правительств и их свержения. Он тут же встает и закрывает окно: «Могут услышать». Мне бы в Москве не пришло в голову, что меня кто-то может услышать, что кому-то это может быть интересно.

Однажды на высоком уровне, в Агентстве по печати и массовым коммуникациям РФ, рождается хорошая идея — издать в Польше 25 произведений русских и советских авторов по выбору польской стороны, они переводят, им оплачивают, они публикуют, и в Польше все это расходуется. Это согласовывается на самом высоком уровне — замруководителя агентства договаривается с частным издательством в Польше, приезжает подписывать договор, а ему главный редактор говорит: «Знаешь, Володя, не буду подписывать. Ко мне пришли люди из соответствующих органов и сказали: “Ты на русские деньги хочешь жить? Смотри, смотри...”». И я понял, что бизнес у меня отберут». Это не сейчас, а лет десять тому назад. Мне это рассказал человек, которому я совершенно доверяю. Вот вам уровень демократии. Я организую конференцию, оплачиваю все, приглашаю поляков, людей вроде бы даже левых, немного пророссийских взглядов. И они мне застенчиво отвечают: «К сожалению, не получается». Потом один из них пишет моему коллеге: «Тут Матвеев приглашал, но понимаешь, мне сказали...». В итоге приехали два пенсионера и одна женщина в предпенсионном возрасте, ей уже наплевать.

Боятся сломать карьеру себе?

Если вы живете в демократии 30 лет и до сих пор боитесь, то какая это демократия? Я знаю не меньше, чем знают они. Если они имеют право говорить все, что они о нас думают, то почему мы должны стесняться? Я не могу понять нашей интеллигенции, которой кажется, что там все по-другому. Как будто там живут не homo sapiens.

*С Г.Ф. Матвеевым беседовал
А.С. Стыкалин при участии О.Г. Герасимовой*

Публикацию подготовили Д.С. Парфирьев и А.С. Стыкалин

Г.Ф. Матвеев

Научное наследие. Опубликованные работы 1973–2023 годов

1973

Рец. на кн.: *Landau Z., Tomaszewski J. Zarys historii gospodarczej Polski 1918–1939*. Советское славяноведение. 1973. № 1. С. 81–83.

1974

Буржуазные политики Польши о стабилизации государства (на материалах публицистики Ст. Грабского). Проблемы всеобщей истории. М.: Изд-во Московского университета, 1974. С. 152–169.

1976

Идейно-политическое и организационное развитие польского буржуазного лагеря национальной демократии в 1921 — первой половине 1927 года. Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1976. 24 с.

Walka polityczna w Polsce w pierwszej połowie 1926 r. w naświetleniu prasy radzieckiej. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały. 1976. T. 13. S. 127–136.

Uroczyste posiedzenie Rady Naukowej ISiB ANZSRR, poświęcone 100-leciu powstania kwietniowego 1876 w Bulgarii. Biuletyn Informacyjny IKS PAN. № 42. 1976. S. 44–46.

[Соавт. *Rudnicki Sz.*] Protokół konferencji w Pełkiniach. Przegląd historyczny. 1976. № 2. S. 463–477.

1977

Posiedzenie Rady Naukowej ISiB AN ZSRR z okazji XXX-lecia placówki. Biuletyn Informacyjny IKS PAN. № 45. 1977. S. 28–31.

1978

Проблемы истории СССР на страницах ежегодника «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały». История СССР. 1978. № 1. С. 202–213.

1979

Рец. на кн.: *Михутина И.В.* Советско-польские отношения. 1931–1935. М., 1977. Советское славяноведение. 1979. № 4. С. 101–102.

1984

Зарождение фашистских тенденций в лагере польской национальной демократии (1919–1926 гг.). Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период / отв. ред. А.Х. Клеванский. М.: Наука, 1984. С. 78–92.

1986

Организационная структура лагеря польской национальной демократии (1919–1926 гг.). Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период / отв. ред. А.Х. Клеванский. М.: Наука, 1986. С. 184–196.

1987

О некоторых источниках идеологической концепции А. Стамболийского. Известия на българското историческо дружество. 1987. Т. 39. С. 229–256.

1988

[Соавт. *Билунов Б.Н.*] Общий курс новейшей истории южных и западных славян в Московском университете и место в нем болгарской проблематики. Университетски изследвания и преподавания на българската история у нас и в чужбина. София: Софийски университет “Св. Климент Охридски”, 1988. Т. 2. С. 71–74.

1989

Формирование идеологии чешских аграриев в конце XIX в. — 1914 г. Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1989. № 5. С. 42–55.

1990

Идеология аграрной партии в первые годы существования Чехословацкой республики (1918–1920 гг.). Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1990. № 1. С. 42–51.

1991

Из творческой мастерской А. Стамболийского. Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. З.С. Ненашева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 137–148.

1992

«Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М.: Изд-во Московского университета, 1992. 240 с.

1993

... Express-Magazyn. Bydgoszcz. 1993. № 2–4. S. 4.

1994

Полската дипломатја и Иван Михајлов во 1938 година. Исторја. 1994. № 1–2. С. 73–90.

Wyższa Rosja. Życie Warszawy. 1994. 04.05. S. 17.

Польша при коммунистическом режиме. История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществознания. 1994. № 14. С. 4–6.

«Жертва польского русофобства». Родина. 1994. № 12. С. 114–118.

1995

- [Соавт. *Бордюгов Г.А., Косеский А.* и др.] СССР — Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1994. 382 с.
- Изход от югокризата може да бъде намерен в Хелзинки-2. Зора. София. 1995. 31. 01. С. 11.
- Социально-психологические аспекты государственного переворота 1926 г. в Польше. Тоталитаризм и антитоталитарные движения. Материалы научной конференции / отв. ред. Г.И. Чернявский. Харьков: МНАБ, 1995. С. 42–51.
- Македонското прашање во југословенско-бугарските односи во 1922–1924 година (според матерјалите на военото аташе на Полска во Белград). Европа и македонското прашање. Делчево, 1995. С. 351–356.
- Идеологическое развитие сербского крестьянского движения. Tokovi istorije. 1995. № 4. S. 61–92.

1996

- Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г. Версаль и новая Европа / отв. ред. Р.П. Гришина, В.Л. Мальков. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 64–80.
- Cechy wspólne i specyficzne w ideologicznym rozwoju partii chłopskich w krajach słowiańskich w okresie międzywojennym. Chłopi a państwo / pod red. J. Janczaka. Łódź: Wojewódzki komitet obchodów 100-lecia ruchu ludowego w Łodzi; Instytut historii UL — Interdyscyplinarny zespół naukowo-badawczy struktur i przemian społecznych wsi, 1996. S. 155–162.
- Социально-психологические аспекты государственного переворота 1926 г. в Польше. Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. 1996. T. 55. S. 81–90.

1997

- История стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. Учебное пособие для вузов / под ред. А.В. Фадеева. М.: ИПО «Профиздат»; Ин-т упр. и права, 1997. 348 с.
- [Соавт. *Badziak K., Samuś P.*] “Powstanie” na Zaolziu w 1938 r.: Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa: ADIUTOR, 1997. 192 s.
- Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период. Россия – Украина: история взаимоотношений / отв. ред. А.И. Миллер, Б.Ф. Репринцев, Б.Н. Флоря. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 116–129.
- “Problem macedoński długo jeszcze będzie niepokoić światową dyplomację”. Acta Universitatis Lodzensis. Folia Historica. 1997. T. 59. S. 61–68.

1998

- История южных и западных славян. Учебник. М.: Изд-во Московского университета, 1998. Т. 1–2. (Автор глав, редактор томов)
- [Соавт. *Badziak K., Samuś P.*] Акция “Łom”. Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego WP. Warszawa: ADIUTOR, 1998. 327 s.

[Соавт. *Федевич К. К.*] Акція навернення українського населення Волині до католицтва в 1937–39 рр. Вісник Львівського Університету. Серія історична. 1998. Т. 33. С. 169–177.

1999

Акція “rewindykacji” na Wołyniu w końcu lat 30-ch XX wieku. Przegląd Wschodni. 1999. № 4 (20). S. 679–700.

Четыре выстрела «Дракона». Покушение на Пилсудского в 1921 г. Родина. 1999. № 8. С. 116–118.

2000

Z historii jednej publikacji w gazetach. Mówią wieki. 2000. № 11. S. 19–25.

Билунов Борис Николаевич. Историческая славистика в МГУ. 1989–1999 / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева. М.: Изд-во Моск. гос. об-ния арх., 2000.

2001

История южных и западных славян. Учебник. Т. 1–2. М.: Изд-во Московского университета, 2001. Автор глав, редактор томов.

Настало время товарищей считать // Парламентская газета. 2001. 21.03.

Kto krył się za kulisami spisku styczniowego 1919 r. oraz manifestacji grudniowych 1922 r. Teki Archiwalne. Seria nowa. 2001. T. 5. S. 3–12.

О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов. Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.

2002

Rola nauki w kształtowaniu ideologii ruchu chłopskiego w krajach słowiańskich w latach dwudziestych i trzydziestych XX wieku. Zeszyty Wiejskie. 2002. № 6. S. 221–235.

[Соавт. *Кузьмичева Л.В.*] В.Г. Карасев и университетское славяноведение. Югославянская история в Новое и Новейшее время / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, Л.В. Кузьмичева. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 2002. С. 320–329.

Wojna polsko-radziecka. Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć / red. A. Magdziak-Miszewska, M. Zuchniak, P. Kowal. Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2002. S. 153–159.

“Polscy imperialiści”, “polscy panowie”, “białopolacy”. Wybrane aspekty propagandy radzieckiej na temat Polski na przełomie pierwszej i drugiej dekady XX wieku. Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć / red. A. Magdziak-Miszewska, M. Zuchniak, P. Kowal. Warszawa: Biblioteka “Więzi”, 2002. S. 84–91.

2003

“Польские империалисты”, “польские паны”, “белополяки” (некоторые аспекты польского направления советской пропаганды в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в.). Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева / отв. ред. З.С. Ненашева. М.: Изд-во Моск. гор. об-ния арх., 2003. С. 10–19.

«Петлюра должен быть повешен...». Родина. 2003. № 3. С. 94–95.

Propaganda radziecka wobec Polski w początkach niepodległości. Rocznik nauk politycznych. 2003. № 5. S. 281–287.

Druga strona cudu. Gazeta Wyborcza. 2003. 14–15.08. S. 13–14.

2004

Отечественная история. Авторский курс. Юниты 1–3. М.: Современный гуманитарный университет, 2004. 238 с.

[Соавт. *Елисеева Н.Е., Миронова К.К., Тархова М., Карнус З., Резмер В., Росовска Э.*] Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.

«Оставлены на поле боя...». Родина. 2004. № 7. С. 61–63.

Научные аргументы в творчестве идеологов аграризма в славянских странах. Индустриализация и общество. Социальные последствия индустриализации в Европе в XIX–XX веках. Сборник статей / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М.: Изд-во Главного архивного управления г. Москвы, 2004. С. 215–232.

Wizyta Stjepana Radicia w ZSRR w 1924 roku. Historia i polityka / Studia i rozprawy dedykowane Profesorowi Adamowi Koseskiemu w 65. rocznicę urodzin / kom. red. A. Bartnicki et al. Pułtusk: Wyższa Szkoła Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztora, 2004. S. 617–630.

Право наций или право национальностей? К вопросу о теоретических основах территориального переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе после Первой мировой войны. Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР). Материалы международной научной конференции. Минск, 24–25 апреля 2003 г. / отв. ред. О.А. Яновский. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. С. 3–11.

[Соавт. *Жила Л.И.*] «Формула самоопределения» народов в политике Г.В. Чичерина. Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР). Материалы международной научной конференции. Минск, 24–25 апреля 2003 г. / отв. ред. О.А. Яновский. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2004. С. 76–80.

2005

Кто стоял за кулисами январского заговора 1919 г. и декабрьских событий 1922 г. в Варшаве? Профессор МГУ И.М. Белявская / отв. ред. Г.Ф. Матвеев и Х.Х. Хайретдинов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 133–143.

2006

Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1920 годах. Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 47–56.

III Международный конгресс историков села и крестьянского движения (г. Пултук, Польша, 4–6 сентября 2006 г.). Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2006. № 4 (45). С. 192–194.

2007

Вопросы развития польского сельского хозяйства и крестьянского движения на страницах журнала «Аграрные проблемы». 1927–1935 гг. Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2007. Вып. 2 / отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. С. 33–50.

Stajecie się problemem dla Europy. Kurier poranny. Białystok. 09.11. S. 13.

Российско-польские конфликты XX в. в российской историографии конца XX — начала XXI века. *Obraz konfliktów między narodami słowiańskimi w XIX i XX wieku w historiografii* / red. I. Stawowy-Kawka. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagellońskiego, 2007. S. 21–28.

Spółeczno-polityczne położenie wsi w Federacji Rosyjskiej. *Dzieje partii i stronnictw chłopskich w podzielonej Europie* / red. J. Ryszard Szaflik. Pułtusk; Warszawa: Akademia Humanistyczna im. Aleksandra Gieysztor, 2007. T. 2. S. 565–576.

2008

Пилсудский. М: Молодая гвардия, 2008. 474 с. (Сер. ЖЗЛ.)

История южных и западных славян. Учебник. М.: Изд-во Московского университета, 2008. Т. 1–2. Автор глав, редактор томов.

Stosunki polsko-radzieckie w XX wieku. *Biuletyn historii pogranicza*. 2008. № 9. S. 17–22.

Восприятие Второй мировой войны российской и польской общественностью. *Историки-слависты МГУ*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. Кн. 7: Х.Х. Хайретдинов / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. С. 382–390.

2009

Юзеф Пилсудский и образование независимого Польского государства. До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе / отв. ред. А.Л. Шемякин. М.: Российская академия наук, Институт славяноведения, 2009. С. 271–300.

Февральская революция в России и польский вопрос. *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды* / отв. ред. М. Волос, А. Орехов. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 85–92.

Русинский вопрос в Чехословакии и Польше в межвоенные годы. *Карпатские русины в славянском мире. Актуальные проблемы* / отв. ред. М. Даниш, Ю.А. Борисенок. М.; Братислава: Изд. Степаненко, 2009. С. 54–70.

Можно ли было избежать войны России и Польши в 1919–1920 годах? *Studia slavica-polonica (К 90-летию И.И. Костюшко)* / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 105–114.

2010

Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова, проф. А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с. Автор глав.

Białe plamy — czarne plamy. *Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918–2008* / pod red. A.D. Rotfelda i A. W. Torkunowa. Warszawa: PISM Poland, 2010. 907 s.

[Соавт. *Kozłowski J.*] Oficerowie straży ziemskiej w Królestwie Polskim w latach 1867–1905. Dzieje biurokracji / pod red. A. Górnika, K. Latawca i D. Magiera. Lublin; Siedlce: Towarzystwo Nauki i Kultury „Libra”, 2010. T. 3. S. 257–274.

«Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г. Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005) / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010, С. 198–216.

Ленин и Пилсудский. Сотворение революции. Родина. 2010. № 7. С. 56–59.

Ленин и Пилсудский. Сотворение революции. Родина. 2010. № 8. С. 69–72.

2011

[Соавт. *Матвеева В.С.*] Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина МЕДИА, 2011. 173 с.

«Элиты и “историческая политика”». Звенья. 2011. № 1. С. 3–10.

«Комиссаров живыми наши не брали вообще». Родина. 2011. № 2. С. 113–119.

Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире 22 сентября — 12 октября 1920 года. Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42–47.

Подготовка советской стороны к мирным переговорам с Польшей в 1920 году // Историки-слависты МГУ. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. Т. 8. Славянский мир: в поисках идентичности / редкол. Ю.А. Борисенко и др. С. 526–539.

Bezduzny trybik w maszynie, czy świadomy sługa tronu? Obraz urzędnika III wydziału JCM Kancelarii z czasów Mikołaja I we wspomnieniach Erazma I. Stogowa. Dzieje biurokracji / pod red. A. Górnika, K. Latawca i D. Magiera. Lublin; Siedlce: Towarzystwo Nauki i Kultury „Libra”, 2011. T. 4. Cz. 1. S. 331–340.

2012

Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012. Автор глав.

Плоды взаимных вдохновений. Родина. 2012. № 5. С. 24–25.

Ku wolności... Czynniki wewnętrzne i międzynarodowe powstania niepodległych państw w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX–XX w. Monografia / pod red. E. Wiśniewskiego. Łódź, 2012. Автор глав.

Польское направление советского мирного наступления. Январь — апрель 1920 года. Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага мірнага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі. Мінск, 9–10 чэрвеня 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. Мінск: Пасольства Польшчы ў Рэспубліцы Беларусь; Польскі Інстытут у Мінску; Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; Універсітэт Мікалая Каперніка ў Торуні, 2012. С. 63–89.

Польско-советские отношения в межвоенное двадцатилетие в современной российской историографии. Dawna Rosja i Rosjanie we współczesnych badaniach polskich / nauk. red. J. Tyszkiewicz, K. Łukawski. Pułtusk: Akademia Humanistyczna im. A. Gieysztora, 2012. S. 135–154.

Перелом в политике Москвы на польском направлении в июле 1920 года. *Międzycywilizacyjny dialog w świecie słowiańskim w XX i XXI wieku. Historia — religia — kultura — polityka* / ed. I. Stawowy-Kawka. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. S. 235–248.

К предыстории войны Советской России с Польшей в 1918–1920 гг. От античности до современности. Сб. статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Юрию Степановичу Кукушкину / сост. О.Н. Баркова, Л.С. Леонова. М.: Собрание, 2012. С. 255–270.

Жандарм в провинциальном русском обществе 1850-х годов (по воспоминаниям Э.И. Стогова). Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин. М.: Регнум, 2012. С. 100–110.

2013

[Соавт. *Матвеева В.С.*] Polska niewola. Żołnierze Armii Czerwonej w niewoli u Polaków w latach 1919–1921. Moskwa: Родина МЕДИА, 2013. 183 s.

От закулисного делегата. Неизвестное свидетельство о советско-польских мирных переговорах в Риге. Родина. 2013. № 6. С. 91–94.

Армия Крайова: пути и перепутья. Родина. 2013. № 8. С. 17–20.

Что московский ученик может узнать из курса отечественной истории о проблемах новейшей истории Польши. *Łódź, Polska i Europa Środkowo-Wschodnia w podręcznikach do nauczania historii* / pod. red. Z. Anusika, M. Karkochy, J. Kity i E. Wiśniewskiego. Łódź: Księży Młyn Dom Wydawniczy, 2013. S. 177–190.

Москва и Степан Радич: несостоявшийся союз. Историки-слависты МГУ. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. Т. 8. В.А. Тесемников / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, В.С. Путятин. С. 208–226.

Taktyka Adolfa Joffego podczas pertraktacji z Polską w sprawie zawarcia preliminariów pokojowych w 1920 roku. Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje. 90 lat później / red. S. Dębski. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013. S. 201–230.

2014

[Соавт. *Айрапетов О.Р., Марчиняк П., Ставишиньская А., Ягелло М.*]. Незабываемое сражение 1914 года. Лодзь — прифронтовой город. М.: Родина МЕДИА, 2014.

Некатомба на froncie wschodnim. *Mówią wieki*. 2014. № 3. S. 13–15.

Рец. на кн.: *Л.С. Лыкошина*. Дональд Туск. Политический портрет. М., 2013. Славяноведение. 2014. № 5. С. 98–99.

Из истории вопроса о праве наций на самоопределение в годы Великой войны. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. С. 171–192.

Тактика А.А. Иоффе на переговорах о предварительном мире с Польшей в 1920 г. Забытый мир. Рижский договор 1921 года / под ред. С. Дембского, ред. рус. изд. А. Мальгин. М.: Аспект-Пресс, 2014. С. 170–192.

Польша последнего квартала 1985 года глазами аналитика советской внешней разведки. *Między historią polityczną a historią społeczną* / red. J. Gołota. Pułtusk; Olsztyn; Ostrołęka; Warszawa: Ostrołęckie Towarzystwo Naukowe im. Adama Chętnika, 2014. S. 378–393.

Опыт польского Январского восстания в трактовке Ю. Пилсудского. Польское Январское восстание 1863 года. Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 105–114.

«Малые» войны в Центрально-Восточной Европе в 1918–1921 годах. Первая мировая война — пролог XX века. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. Ч. I. С. 335–338.

2015

White spots — black spots. Difficult matters in polish-russian relations, 1918–2008 / eds. A.D. Rotfeld, A.V. Torkunov. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015. 704 p. Автор глав.

Он был из поколения моих учителей / Памяти профессора Станислава Михайловича Стецкевича. Статьи и воспоминания / Отв. редакторы Я.Я. Гришин, В.В. Кутявин. Казань: Яз, 2015. С. 133–136.

Чем живут историки-слависты Московского университета в начале XXI в. Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 405–409.

К вопросу о типологии режима «санации» в Польше. «Берегиня * 777 * Сова». 2015. № 3. С. 42–51.

Serbski ruch ludowy w poszukiwaniu tożsamości ideologicznej w okresie międzywojennym. *Przegląd Wschodni*. 2015. T. 13. № 51. S. 777–805.

Wojna i zwycięstwo nad nazistowskimi Niemcami i ich sojusznikami w pamięci historycznej Rosjan i Polaków. *Biuletyn historii pogranicza*. 2015. № 15. S. 55–64.

2016

Трагедия красноармейцев в польском плену. Живая история. 2016. № 5. С. 36–43.

Рец. на кн.: *J. Szumski. Polityka a historia. ZSRR wobec nauki historycznej w Polsce w latach 1945–1964*. Warszawa, 2016. 429 s. *Я. Шумский*. Политика и история. СССР и историческая наука в Польше в 1945–1964 годах. Славяноведение. 2016. № 5. С. 110–115.

«Использовать зажженный факел». Историк. 2016. № 9. С. 66–71.

Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 5 (49).

Из истории разработки А. Стамболийским идеологии Болгарского земледельческого народного союза. История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию Константина Владимировича Никифорова / отв. ред. О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения, 2016. С. 194–209.

Заметки к биографии Юрия Аркадьевича Борисенка. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Т. 11. Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка / отв. ред. А.Н. Литвинова. С. 7–11.

Место мировой революции во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2016. Т. 11. Многоликий и беспокойный славянский мир: Научный сборник в честь 50-летия Юрия Аркадьевича Борисенка / отв. ред. А.Н. Литвинова. С. 425–443.

2017

Белые пятна — черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М.: Аспект Пресс, 2017. 823 с. Автор глав.

Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах / под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2017. Т. I. 1918–1926. 823 с. Редактор-составитель.

Российская революция. Наследие. Опыт осмысления. Kraków: Księgarnia akademicka, 2017. 170 с. Автор глав.

Памяти Эдварда Вишневого, друга и коллеги. *Zeszyty Wiejskie*. 2017. Т. 43. S. 272–275.

Obraz Józefa Piłsudskiego w propagandzie i literaturze rosyjskiej. *Akcent*. 2017. № 4. S. 144–153.

Польский вопрос и революционная Россия в 1917–1918 гг. Русский сборник. Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров и др. М.: Модест Колеров, 2017. Т. XXII. С. 286–295.

Юзеф Пилсудский в освещении советской и русской эмигрантской прессы и публицистики (до конца 1960-х годов) // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии. К 50-летию Комиссии историков России и Польши / сост. К.А. Кочегаров и др. М.: Индрик, 2017. С. 369–380.

2018

«Советизация Польши» во внешней политике РСФСР в 1919–1920 годах. Столетие Революции 1917 года в России / отв. ред. И.И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. Т. 1. С. 414–428. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (108). Сер. II. Исторические исследования (60)).

Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году. Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 134–156.

Вторая мировая война в восприятии русских и поляков. Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 83–91.

«Странная получается логика...». Историческая экспертиза. 2018. № 3. С. 198–200.

Как Польша участвовала в расчленении Чехословакии в 1938 г. Мюнхен-1938. Падение в бездну Второй мировой / отв. ред. О. Назаров. М.: Кучково поле, 2018. С. 229–250.

Предисловие научного редактора. *Лаговский Б.* Польша больна Россией. М.: Издатель Степаненко, 2018. С. 5–9.

Выступление на круглом столе. Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории. Материалы заседания международного круглого стола / отв. ред. И.И. Тучков, О.В. Солопова, О.В. Иванников. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 71–74. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (126)).

Jakiego Józefa Piłsudskiego znano w radzieckiej i znają we współczesnej Rosji. Biuletyn historii pogranicza. 2018. № 18. S. 5–18.

2019

Россия в системе международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Международные отношения, 2019. Т. 1. Россия и Центральные державы. 369 с. Автор глав.

1968 год в странах Европы и Америки: события и их осмысление. События 1968 г. в Польше, Югославии и Чехословакии: был ли это кризис социализма. Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2019. № 14.

Принцип самоопределения наций в политике держав и зарождение системы международной защиты национальных меньшинств (до 1917 года). Москва и Восточная Европа. Национально-территориальные проблемы и положение меньшинств в странах региона. События. Факты. Оценки / отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 16–38.

Перипетии судьбы красноармейцев при пленении поляками. Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)» / ред. Е.В. Кодин. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. С. 172–184.

Польско-российские отношения в XX веке глазами непредвзятого историка. Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 70–74.

Предисловие. *Цат-Мацкевич С.* Польская катастрофа 1939 года и ее причины. М.: Издатель Степаненко, 2019. С. 7–9.

2020

Предисловие. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2020. Т. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисенок. С. 7–9. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (178)).

[Соавт. *Ненашева З.С.*] Кафедра истории южных и западных славян. Историки-слависты МГУ. М.: Издатель Степаненко, 2020. Т. 13: Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева, Ю.А. Борисенок. С. 10–85. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (178)).

Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы. Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 / под общ. ред. В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. Д.С. Буневич. М.: Кучково поле, 2020. С. 19–28.

Предисловие. *Дыбоский Р.* Семь лет в России и Сибири. М.: Издатель Степаненко, 2020. С. 5–10.

[Соавт. *Семакина Т.Р.*] Четыре письма галичан о I Международном съезде славянских филологов. Славяноведение. 2020. № 4. С. 100–109.

[Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Рец. на кн.: Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019. Славяноведение. 2020. № 3. С. 123–125.

- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков. Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2020. № 3. С. 100–122.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Советский Союз и подготовка Локарнских соглашений 1925 года (по материалам советских официозов «Известия» и «Правда»). *Polska i Niemcy, Od odzyskania niepodległości do Rapallo i Lokarno 1918/1922–1926/1934* / pod. red. D. Makitły. Warszawa: Akademia Ekonomiczno-Humanistyczna w Warszawie, 2020. S. 51–70.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Peace conference in Paris 1919: A view from Moscow. Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien. Wiesbaden: Harrassowitz, 2020. Т. 39. After the Peace Treaty of Versailles (1919): New Order of Central Europe / hrsg. D. Makitła, M. Rezník. S. 47–61.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] До и после Победы: польский вопрос в политике правительства в изгнании в 1944–1945 годах. Итоги второй мировой войны 1939–1945 гг. и народы Центральной и Восточной Европы: историческая память и современность / под ред. Ю.А. Борисенка и др. Минск: Колорград, 2020. С. 58–68.
- Польша (с 1945 года). Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2020. Т. 57. С. 328–331.

2021

- Польша в советской внешней политике с конца 1919 до 16 июля 1920 года. Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 130–143.
- Poland in Soviet Foreign Policy from late 1919 to 16 July 1920. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. № 12.
- Узловые проблемы польско-советской войны // Польско-советская война 1918–1921 гг. Рижский мирный договор. Каталог научно-документальной выставки / отв. ред. П.П. Скороспелов, А.К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 31–48.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Как В.И. Ленин планировал «помочь пролетариату и трудящимся Польши освободиться от помещиков и капиталистов». Рижский договор: взгляд через столетие. Сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Мезга. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 18–22.
- Człowiek Pogranicza. Jan Jerzy Milewski. Pamięć historyczna. Konflikty pamięci na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Białystok: Polskie Towarzystwo Historyczne — Oddział w Białymstoku, 2021. S. 129–134.
- Предисловие. *Цат-Мацкевич С.* Достоевский — человек XIX века. М.: Издатель Степаненко, 2021. С. 7–10.

2022

- История южных и западных славян. Учебник. М.: КДУ, Университетская книга, 2022. Т. 1–3. Автор глав, редактор томов.
- [Соавт. *Матвеева Е.Ю.*] Между кем собирался балансировать и балансировал ли вообще Ю. Пилсудский в 1926–1935 годах. Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 169–181.

[Соавт. *Колыхова К.И.*] Ноябрьский кризис польско-советского урегулирования 1920 г. *Российская история*. 2022. № 5. С. 160–176.

[Соавт. *Колыхова К.И.*] Введение советско-польского перемирия в действие (октябрь–ноябрь 1920 г.). 2022. *Res Gestae*. Kraków. Т. 14. S. 194–214.

2023

Как делалось Силезское восстание в 1921 г. *Casus belli* в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления / отв. ред. Л.С. Белоусов. СПб.: Алетейя, 2023. С. 108–130. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (229)).

Виктор Георгиевич Карасев (1922–1991) // *Историки-слависты МГУ*. М.: Издатель Степаненко, 2023. Т. 15: Ключевые проблемы южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева) / отв. ред. Г.Ф. Матвеев, О.А. Дубовик, Л.В. Кузьмичева. С. 13–23. (Сер. Труды Исторического факультета МГУ (252)).

2006–2023

220 энциклопедических статей в БРЭ и РИЭ. С. Миколайчик... «Молодая Польша». Полный список см.: URL: <https://istina.msu.ru/profile/MatveevGF/Статьи> в сборниках (дата обращения: 11 декабря 2023).

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 23–24 МАЯ 2023 Г.
СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

Сергей Александрович Борисов

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Аннотация

В работе секции «Языкознание» приняли участие молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Казани, Минска (Республика Беларусь), Будапешта (Венгрия). Широкий круг актуальных вопросов славянского языкознания обсуждался в рамках четырех тематических заседаний. Первое было посвящено контактной лингвистике и вопросам языковой политики. Были представлены результаты полевых и корпусных исследований. Особое внимание докладчики уделили вопросам эпиграфики в этнически смешанных регионах. Также обсуждалась языковая политика в Верхней Силезии после Второй мировой войны. На корпусном материале были построены анализ акцентной системы верхнедужицкого языка и изучение контактных явлений в чешском языке. Следующее заседание объединило доклады, в которых разрабатывались проблемы этнолингвистики и топонимики славянских ареалов. Были освещены особенности народной культуры македонцев, болгар, восточных славян. Народные представления китайцев о журавле были представлены на фоне ассоциаций, которые возникают в связи с этой птицей у современных белорусов. Во второй день конференции обсуждались вопросы грамматики, лексикологии и прагматики. Были рассмотрены заимствования в чешском и болгарском языке, проанализирована прагматика заголовков современной польской прессы, обсуждались архаические и инновационные явления в системе словенских клитик, были предложены стратегии, призванные помочь преподавателю русского языка в сербоязычной аудитории объяснить соответствие между русскими и сербскими глаголами речи. Заключительное заседание было посвящено языку памятников письменности и печати, а также диахроническому изучению семантики отдельных лексем. Подробно обсуждались особенности славянского перевода жития святого Григория Синаита, графико-орфографические особенности Христинопольского Апостола XII в., была предложена стратегия исследования библейских цитат в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв. Также были проанализированы версии происхождения прилагательного «хороший» и наречия «зря». Активное обсуждение докладов в рамках дискуссий в зале и во время неформального общения в перерывах между заседаниями свидетельствует об актуальности научного мероприятия.

Ключевые слова

Конференция, грамматика, семантика, языковые контакты, этнолингвистика, па-
леославистика

Статья поступила в редакцию 16 октября 2023 г.

Статья доработана автором 13 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 15 ноября 2023 г.

Цитирование: *Борисов С.А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г. Секция «Языкознание». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 254–261. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.16>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 23–24 MAY 2023.
SECTION “LINGUISTICS”**

Sergej A. Borisov

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Abstract

Young scholars from Moscow, St. Petersburg, Smolensk, Kazan, Minsk (Republic of Belarus), Budapest (Hungary) took part in the “Linguistics” section. A wide range of topical issues of Slavic linguistics were discussed in four thematic sessions. The first was devoted to contact linguistics and language policy issues. The results of field and corpus research were presented. The speakers paid special attention to issues of epigraphy in ethnically mixed regions. Language policy in Upper Silesia after World War II was also discussed. The analysis of the accent system of the Upper Sorbian language and the study of contact phenomena in the Czech language were based on corpus material. The next session brought together reports that developed the problems of ethnolinguistics and toponymy of Slavic areas. The features of the folk culture of the Macedonians, Bulgarians, and Eastern Slavs were highlighted. Chinese folk ideas about the crane were presented against the background of associations that arise in connection with this bird among modern Belarusians. On the second day of the conference, issues of grammar, lexicology and pragmatics were discussed. Borrowings in the Czech and Bulgarian languages were examined, the pragmatics of the headlines of the modern Polish press were analyzed, archaic and innovative phenomena in the system of Slovenian clitics were discussed, strategies were proposed to help the teacher of the Russian language in a Serbian-speaking audience explain the correspondences between Russian and Serbian verbs of speech. The final session was devoted to the language of written and printed documents, as well as the diachronic study of the semantics of some lexemes. The features of the Slavic translation of the life of St. Gregory of Sinai, the graphic and orthographic features of the Apostolus Christinopolitanus of the 12th century were discussed in detail, and a strategy for studying biblical quotations in Church Slavonic grammars of the 16th–17th centuries was proposed. Versions of the origin of the adjective “хороший” (“good”) and

the adverb “зря” (“in vain”) were also analyzed. Active discussion of reports within the framework of discussions in the hall and during informal communication between sessions indicates the relevance of the scientific event.

Keywords

Conference, grammar, semantics, language contacts, ethnolinguistics, paleoslavic studies

Received 16 October 2023

Revised 13 November 2023

Accepted 15 November 2023

For citation: Borisov, S.A., 2023. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie”. Moskva, 23–24 maia 2023 g. Sektsiia “Iazykoznanie” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 23–24 May 2023. Section “Linguistics”]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 254–261. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.16>

Секцию открыло заседание под руководством М.В. Ясинской, которое называлось «Современные славянские языки: глобализация — этнизация». Первые три выступления в рамках данного тематического блока были подготовлены на материале экспедиций к представителям национальных меньшинств в Северной Македонии, Хорватии, Сербии и Боснии и Герцеговине. И.И. Казаков (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) и А.И. Чиварзина (Институт славяноведения РАН, Москва), проводившие в 2022 г. полевое исследование в Македонии, представили доклад «Социолингвистические особенности надписей на кладбищах Крушево и влашских сел округа Битола». Авторы сосредоточились на анализе немногочисленных надписей на арумунском языке. Часть из них выполнена в графике румынского литературного языка, другая — с использованием арумунского алфавита, встречаются случаи смешения орфографических принципов, включая вкрапления сербской графики. Эти особенности, а также случаи калькирования самих эпитафий, соответствующих надписям на македонских надгробиях, свидетельствуют о сильном влиянии контактных традиций: славянских и румынской. Тему лингвистического анализа эпиграфики в этнически смешанных регионах продолжили С.А. Борисов (Институт славяноведения РАН, Москва) и В.А. Немчинов (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), выступившие с докладом «Особенности эпиграфики чешских надгробий на трех кладбищах в Центральной Хорватии (Меджурич, Горни-Дарувар, Каптол)». Они проанализировали, как на надгробиях отражаются особенности говора хорватских чехов и контактные явления, фиксирующиеся в их речи. Также были изучены черты самой графики, испытывающей влияние орфографии хорватского языка. Авторы пришли к выводу, что использование чешского языка в эпиграфике на кладбищах в Хорватии является важным маркером идентичности, витальности чешского языка в регионе. С другой стороны, вкрапления хорватской графики и исполь-

зование хорватского языка при оформлении надписей на чешских надгробиях свидетельствует о языковом сдвиге. В ходе обсуждения первых двух докладов А.А. Плотникова уточнила у авторов, задавали ли они информантам вопросы относительно того, как проходит процесс заказа надписи для памятника, не проводились ли интервью непосредственно с мастерами, вырезающими эти надписи. Докладчики ответили, что такие беседы планируется провести в будущем. В.И. Березнев (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) в докладе «Языковая ситуация у национальных меньшинств Сербии (АК Воеводина) и Боснии и Герцеговины (по материалам экспедиции 2023 года)» представил обзор экспедиции, в рамках которой проводилось изучение миноритарных сообществ буневцев, венгров, сербов-колонистов из Лики, сербов-воеводинцев в Сербии; украинцев, поляков, итальянцев в Боснии и Герцеговине. Во время полевого исследования были записаны интервью на языках меньшинств, задокументирован языковой ландшафт, эпиграфика, а также надписи, вышитые на полотенцах. Данный материал планируется в дальнейшем систематизировать и подвергнуть лингвистическому анализу. А.Д. Васюков (Европейский университет в Санкт-Петербурге) в докладе «Верхняя Силезия во второй половине XX в.: языковая гомогенизация как инструмент национальной интеграции» рассказал о травмирующем опыте «реполонизации» силезцев — практики языкового перевоспитания коренных жителей Силезии в первые послевоенные годы. «Правильному польскому» учили не только школьников, но и для взрослых были организованы специальные языковые курсы. Данная политика преследовала цель распространить польскую языковую практику в Верхней Силезии, чтобы легитимизировать присоединение региона к Польше. П.И. Долгополов (РГГУ, Москва) в докладе «Ударение в верхнелужицком языке в свете особенностей верхнелужицкого стихосложения» поделился результатами исследования акцентной системы верхнелужицкого языка, а именно изучения вопроса о наличии в данном языке побочного ударения в трехсложных словах. Анализ аудиозаписей стихотворений на верхнелужицком языке показал, что слова могут рифмоваться за счет удлинения конечных слогов, однако это никак не связано с ударением, так как длительность не является основным признаком ударности слога в этом языке. Е.А. Стецкова (Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва) выступила с докладом «Исследования гендерно-чувствительного языка в Сербии», в рамках которого рассказала о том, как разные редакции закона «О гендерном равенстве» в Сербии регулируют использование феминитивов и других средств «гендерно нейтрального» языка. Ю.П. Уварова (МГУ имени М.В. Ломоносова; МГЛУ, Москва), выступившая с докладом «Статус контактных вариантов слов в чешском языке», предложила классификацию тех лексем чешского языка, для которых можно предположить контактное влияние лексической системы словацкого языка. М.Н. Саенко положительно оценил интерес автора к перспективной теме, однако указал

на несоответствие некоторых примеров заявленному предмету исследования. В перерыве между двумя заседаниями секции участники и слушатели конференции смогли продолжить научное общение в неформальной обстановке, которому способствовал ароматный кофе, крепкий чай и вкусные пирожки.

Вторая подсекция, модератором которой была М.М. Валенцова, называлась «Этнолингвистические исследования славянских ареалов». А.И. Чиварзина и А.П. Якимова (Институт славяноведения РАН, Москва) представили доклад «Одежда и ее цвет в песенном фольклоре македонцев и болгар». Авторы показали, что традиционное символическое значение того или иного цвета актуализируется в том числе в эпитетах к элементам народного костюма, которые упоминаются в песнях македонцев и болгар. Цвет костюма также может обозначать национальную принадлежность персонажа. Чжэн Янтун (Институт славяноведения РАН, Москва) выступила с докладом «Представление об оппозиции “мужской — женский” на материале родинной и похоронной обрядности в Сербии». В ходе исследования автор отметила, что с рассматриваемой оппозицией связаны такие противопоставления, как «хороший — плохой», «правый — левый», «внутренний — внешний», что находит свое отражение в родинной и похоронной обрядности у сербов, а также в связанных с ней приметах. Так, рождение мальчика считается более важным и счастливым событием, чем рождение девочки, а уход из жизни мужчины осмысливается более трагически, чем смерть женщины. Поэтому в родинной обрядности все «хорошие», «добрые» признаки ассоциируются с предстоящим рождением мальчика, а в похоронной — все «плохие» приметы связаны именно с возможной скорой смертью женщины. Традициям восточных славян был посвящен доклад С.К. Мамоновой (РГГУ, Москва) «Символика волос в восточнославянских обрядах жизненного цикла». Исследовательница показала, что в обрядах жизненного цикла волосы играли роль индикатора изменений возраста и социального статуса. Женщинам распускали волосы при совершении обрядов, связанных с переходом (расплетание девичьей косы на свадьбу; распускание волос при родах). Считалось также, что волосы связаны с потусторонним миром, в связи с чем они наделялись негативной семантикой. Кан Жоши (Белорусский государственный университет, Минск) в докладе «Журавль в белорусском и китайском ассоциативном поле» рассказала об образе журавля в народных представлениях жителей Китая на фоне ассоциаций, которые возникают в связи с журавлем у жителей Белоруссии. Так, для китайцев журавль является символом грациозности, элегантности, чистоты, нравственности. Он также часто упоминается в связи с небожителями. Считается, что праведники после смерти улетают верхом на птице. Автор отметила некоторые случаи параллелизма представлений о журавле у китайцев и белорусов. В Белоруссии он также ассоциируется с красотой и элегантностью, на Руси существовало представление о журавле как о «божьей птице». Заседание

подсекции завершил доклад О.А. Королёвой (Смоленский государственный университет, Смоленск) «Топоним Смоленск как носитель многоплановой лингвокультурологической информации». Наиболее вероятно, по мнению автора, что топоним произошел от названия местных жителей — смолян, которые в древности занимались подсечно-огневым земледелием.

Первое заседание второго дня, которое называлось «Славянские языки в прошлом и настоящем», прошло под руководством Г.П. Пилипенко. Его открыл доклад М.М. Громовой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Кластеризуемые клитики в словенских диалектах: архаизмы и инновации». Исследование проводилось на обширном диалектном материале. В центре внимания автора были два явления словенского языка: архаичная отрицательная конструкция с глаголом в форме сослагательного наклонения и инновативное явление — подъем глагольных клитик будущего времени в начало кластера. Исследовательница наглядно показала ареалы их распространения в современном словенском языке. В докладе В.В. Каприеловой (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) «Семантические особенности сербских глаголов речи (“говорити”, “казати”, “причати”, “рећи”)» семантика указанных глаголов была представлена в сопоставлении с русскими глаголами *говорить*, *сказать*, *рассказывать*. Кажущееся сходство в конечном итоге провоцирует трудности при обучении сербских учащихся русскому языку и наоборот. В рамках доклада исследовательница предложила собственную таблицу соответствий данных глаголов для преподавателей и студентов. А.С. Тепсаев (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Заимствованные соматизмы в чешских диалектах» представил обзор заимствованных чешским языком лексем, обозначающих части речи. Каждое из рассмотренных слов было снабжено толкованием с учетом его значения в языке-доноре и в чешском языке. Исследователь предложил функционально-стилистическую классификацию заимствованных соматизмов. Б. Вереш (Будапештский университет имени Лоранда Этвёша, Будапешт) выступил с докладом «Технологический детерминизм как экстралингвистический компонент языка интернета с точки зрения онлайн-платформ», в котором он осветил актуальную проблему анализа письменной речи людей в интернет-пространстве. Проведенное автором анкетирование показало, что использование различных средств выражения эмоций (прежде всего невербальных) определяется устройством, при помощи которого пользователь выходит в интернет. Так, при использовании смартфона вероятно более активное использование графических средств: эмодзи, стикеров, анимации, тогда как во время набора сообщения при помощи клавиатуры компьютера пользователи склонны использовать для выражения эмоций несколько одинаковых знаков препинания или букв подряд. В.И. Бужинская (Институт славяноведения РАН, Москва) представила доклад «Вопросительные конструкции в заголовках современной польской прессы (на примере журналов “Wysockie Obcasy. Kraj” и “Men’s Health”)». Автор провела функциональный

анализ особенностей синтаксиса и пунктуации заголовков популярных польских периодических изданий. Исследовательница выявила тенденцию к перестройке иерархии функций заголовков: на первый план выходит прагматическая (эмоционально-экспрессивная) функция, вытесняя информативную. Использование в заголовках разговорного синтаксиса позволяет эффективнее устанавливать контакт с аудиторией. Далее выступил К.А. Лукашук (МГЛУ, Москва) с докладом «К вопросу о транскрипции и транслитерации французской лексики в болгарском языке». Автор представил типологию галлицизмов в болгарском с точки зрения способа их передачи (транскрипция или транслитерация) и адаптации в языке. Для наглядности он сопоставил приведенные примеры с аналогичными заимствованными лексемами в русском языке.

Заключительное заседание лингвистической секции называлось «Актуальные вопросы грамматики и семантики в славянских языках» и было посвящено особенностям славянских рукописей и старопечатных книг, а также диахроническим исследованиям семантики отдельных лексем. Модератором выступил М.Н. Саенко. Заседание открыл доклад П.Ю. Караваевой (ГАУГН при Российской академии наук, Москва) «Некоторые грамматические особенности славянского перевода Жития святого Григория Синаита». Автор пришла к выводу, что грамматические особенности зографского списка второй половины XIV в. переводного Жития святого Григория Синаита во многом превосходят отличительные черты Ефимьевской книжной справки. Далее выступила А.А. Токсубаева (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань) с докладом «О графико-орфографических и фонетических особенностях текстов маргиналий Христинопольского Апостола XII века». Указанный в заглавии доклада памятник отличает разветвленная система маргиналий в виде приписок, выполненных четырьмя писцами. Исследовательница рассмотрела некоторые особенности надписей, выполненных рукой основного писца данного документа. Анализ показал единство орфографии основного текста и текстов маргиналий, высокую степень нормализованности текста приписок в отражении орфографических и фонетических особенностей. М.А. Гаврилков (Институт славяноведения РАН, Москва), выступивший с докладом «Особенности исследования библейских цитат в церковнославянских грамматиках XVI–XVII вв.», предложил собственную модель функционального исследования библейских цитат в церковнославянских грамматиках указанного периода. К.П. Костомарова (МГУ имени М.В. Ломоносова; ИРЯ имени В.В. Виноградова РАН, Москва) в докладе «Об одном семантическом сдвиге в истории прилагательного “хороший”» представила результаты изучения основных версий происхождения прилагательного *хороший*. На материале славянских, балтийских и тюркских языков автору удалось выстроить цепочку развития значения слова *хороший* ‘соответствующий положительной оценке’ от первоначальной семантики ‘обработанный’.

Завершающим докладом секции стало выступление И.И. Колесниченко (НИУ ВШЭ, Москва) «О семантическом развитии русского наречия *зря* ‘напрасно’». Исследовательница провела анализ диахронического материала и пришла к выводу, что рассматриваемое наречие наиболее вероятно произошло от формы глагола «зрѣти» в значении ‘праздно смотря’. В случае, если данное предположение верно, можно предположить возникновение у лексемы *зря* значения ‘напрасно’ еще в живом древнерусском языке.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 23–24 МАЯ 2023 Г.
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»**

Анна Васильевна Грасько

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: anna-grasko@yandex.ru

Аннотация

В работе секции «Литературоведение» принимали участие молодые ученые из Москвы (МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, РГУ им. А.Н. Косыгина, Институт славяноведения РАН, Библиотека Российской академии наук), Калининграда (БФУ им. Канта), Санкт-Петербурга (СПбГУ, РНБ), Нижнего Новгорода (ННГУ им. Н.И. Лобачевского), а также из Польши (Белостокский государственный университет). В рамках первого заседания славянские литературы рассматривались с точки зрения поэтики и интертекстуальных связей на материале словенской литературы (малая проза И. Цанкара), чешской (драматургия В. Гавела), польской (поэзия А. Мицкевича), а также сербохорватской (гимн бывшей Югославии); второе заседание объединило доклады с литературно-философской проблематикой, материалом послужила польская литература (Я. Ивашкевич, Ч. Милош), чешская (Р. Малый), болгарская (В. Пасков) и македонская (М. Андреевский); в центре внимания третьего были типы русско-славянских литературных связей на примере русско-чешского (переписка А.Н. Пыпина и Э. Красногорской, сравнение деятельности Ф.Л. Челаковского и А.С. Пушкина, русские отголоски драмы R.U.R. К. Чапека), а также русско-балканского материала (переводы поэзии Й. Дучича, отголоски балканской вампирской темы в России XIX в.); четвертое было посвящено проблемам изучения современных славянских литератур, участники обратились к чешской (М. Урбан, С. Билер), словацкой (П. Виликовский) и болгарской (Т. Димова) литературам. Модераторами секций выступили сотрудники Института славяноведения РАН, специалисты по славянским литературам. Участники заседаний и модераторы вели активный научный диалог, выявляли проблемные вопросы, намечали дальнейшие перспективы для исследований. Кроме докладчиков, которые принимают участие в конференции ежегодно, в этом году к конференции присоединились новые участники, что свидетельствует об актуальности регулярно проводимого научного мероприятия.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, литературоведение, славянские литературы

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 15 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 17 ноября 2023 г.

Цитирование: *Грасько А.В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г. Секция «Литературоведение». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 262–266. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.17>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 23–24 MAY 2023.
SECTION “LITERARY STUDIES”**

Anna. V. Grasko

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: anna-grasko@yandex.ru

Abstract

Young scholars from Moscow (Lomonosov Moscow State University, Russian State University for the Humanities, A.N. Kosygin Russian State University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences), Kaliningrad (Immanuel Kant IKBFU), St. Petersburg (St. Petersburg State University, Russian National Library) and Nizhny Novgorod (N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University) and from Poland (Bialystok State University) attended the conference. During the first session, Slavic literature was examined from the point of view of poetics and intertextual connections based on the material of Slovenian (short prose of I. Cankar), Czech (drama by V. Havel), Polish (poetry of A. Mickiewicz), as well as Serbo-Croatian (the anthem of the former Yugoslavia) literature; the second meeting combined reports with literary and philosophical issues, examining Polish (J. Iwaszkiewicz, Ch. Milosz), Czech (R. Maly), Bulgarian (V. Paskov) and Macedonian (M. Andreevsky) literature; the focus of the third session was the types of Russian-Slavic literary connections using Russian-Czech examples (correspondence between A.N. Pypin and E. Krasnogorskaya, comparison of the activities of F.L. Chelakovsky and A.S. Pushkin, Russian echoes of the drama R.U.R. by K. Capek), as well as Russian-Balkan materials (translations of J. Dučić’s poetry, echoes of the Balkan vampire theme in Russia in the XIXth century); the fourth meeting was dedicated to the problems of studying modern Slavic literatures, the participants turned to Czech (M. Urban, S. Beeler), Slovak (P. Vilikovsky) and Bulgarian (T. Dimova) literatures. The subsections were moderated by employees of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, specialists in Slavic literatures. Meeting participants and moderators actively engaged in scientific dialogue, identified problematic issues, and outlined further prospects for research. In addition to the speakers who took part in the conference every year, new participants joined the conference this year, which indicates the relevance of this regularly held scientific event.

Keywords

Conference, young scientists, Slavic studies, literary studies, Slavic literatures

Received 4 November 2023

Revised 15 November 2023

Accepted 17 November 2023

For citation: Grasko, A.V., 2023. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie”. Moskva, 23–24 maia 2023 g. Sektsiia “Literaturovedenie” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 23–24 May 2023. Section “Literary studies”]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 262–266. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.17>

В этом году литературоведческая секция традиционной майской конференции молодых ученых была разделена на четыре тематических блока: «Поэтика литературы», «Литературно-философские парадигмы», «Русско-славянские литературные связи», «В кругу современных славянских литератур». Участники представили восемнадцать докладов, разнообразных по проблематике и литературной географии. В качестве модераторов выступили И.Е. Адельгейм, Е.Н. Ковтун, Н.Н. Старикова, Е.В. Шатко.

Первое заседание («Поэтика литературы») было посвящено рассмотрению славянских литератур с точки зрения их поэтики и интертекстуальных связей. Его открыл доклад В.В. Старковой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Доминанты мотивной структуры краткой прозы И. Цанкара (сборник “Книга для легкомысленных людей”, 1901)». Докладчик представил анализ четырех рассказов из предлагаемого сборника и сделал выводы о том, что краткая проза И. Цанкара скрепляется набором основных мотивных доминант, к которым относятся мотивы бедности и богатства, страха и стыда, цели, пути. А.А. Широкова (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад «Еще раз о первоцвете: некоторые элементы образа цветка в стихотворении Адама Мицкевича “Pierwiosnek”», в котором продемонстрировала, как различные романтические мысли и чувства поэта преломляются во флористической образности. Два доклада объединила тема интертекстуальных связей. П.С. Левина (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Импульс классических сюжетов в драматургии Вацлава Гавела (на примере пьес “Искушение” и “Уход”») рассмотрела особенности поздней драматургии Гавела, где писатель осмысляет свою политическую карьеру и творчество, обращаясь к сюжету «Фауста» Гёте и к «Вишневому саду» А.П. Чехова. Второй доклад в рамках данной проблематики представила А.А. Конева (РГГУ): «Интертекстуальность гимна бывшей Югославии: истоки, идеи, эволюция». Предметом интересного исследования автора послужила песня «Гей, Славяне!», которая с 1977 г. стала гимном Югославии и объединяла в себе несколько песен на южнославянских языках, возникших в различные исторические периоды.

Второе заседание («Литературно-философские парадигмы») также отличалось глубиной и разнообразием проблематики и выявило целый ряд интересных наблюдений. К. Граевский (Белостокский государственный университет) представил доклад «Ярослав Ивашкевич — европеец из пограничья — попытка реконструкции культурной идентичности писателя», в котором подробно проанализировал культурные коды польского писателя. И.А. Либина (БФУ им. Канта) продолжила польскую проблематику докладом «Роль метафизического пространства в религиозно-философской концепции книги “Земля Ульро” Ч. Милоша», где постаралась объяснить, как и зачем польский нобелевский лауреат в своей книге-эссе обращается к интеллектуальному наследию Эммануэля Сведенборга, Уильяма Блейка

и Оскара Милоша. В.М. Степанова (РГУ им. А.Н. Косыгина) на материале болгарской художественной прозы сумела показать, как философская проблема диалектики может стать основой для художественной структуры — доклад «Диалектика материального и духовного в повести В. Паскова “Баллада о Георге Хениге”». Два доклада — на материале чешской и македонской литературы — объединила трагическая тема гибели, катастрофы. Л.А. Винокурова (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Тема катастрофы в поэтическом сборнике Р. Малого “Вороньи песни”» рассмотрела эсхатологические мотивы в сборнике современного чешского поэта, которые появляются при размышлениях поэта о страшных войнах XX столетия. П.Д. Гаврилова (МГУ им. М.В. Ломоносова) представила доклад «Смерть как один из основных мотивов прозы Петре М. Андреевского (на примере романа “Пырей” (1980) и сборника рассказов “Все лики смерти” (1994))», где тема смерти была рассмотрена как значимый элемент композиции и способ обратиться к важной для писателя национальной проблематике.

Третье заседание («Русско-славянские литературные связи») показало, что традиционная тема межславянских литературных связей по-прежнему актуальна и открывает множество возможностей как в изучении истории литератур, так и в области компаративных исследований. Любопытный сюжет из истории русско-чешских литературных связей представила К.Б. Егорова (СПбГУ, РНБ) в докладе «Элишка Красногорская — корреспондент А.Н. Пыпина». Материалом исследования послужило рукописное собрание историка русской и славянских литератур А.Н. Пыпина, предметом же анализа стал конфликт, произошедший на почве литературного конкурса, проводившегося Славянским благотворительным комитетом в 1881 году. Тема русско-чешских связей в XIX в. была продолжена Т.М. Столбовой (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) в рамках стендового доклада «Ф.Л. Челакковский и А.С. Пушкин. Опыт сравнения», где была выстроена интересная параллель, охватывающая биографию, творческие интересы, направления творчества, а также значение для национальных литературных традиций двух современников, которые, как отмечает Т.М. Столбова, даже родились в один год. Н.С. Рубцова (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) в докладе «Universal Robots: рецепция драмы Карела Чапека R.U.R. в произведениях Алексея Толстого, Семена Кирсанова и Дмитрия Ратникова» обратилась к отголоскам чапековской фантастической традиции в наследии русских писателей и поэтов. Два доклада представляли литературные связи России с южными славянами. А.Р. Кашина (РГУ им. А.Н. Косыгина) затронула непростую тему перевода, проанализировав различные переводческие стратегии на материале русских версий стихотворения Й. Дучича «Сат» — доклад «Стихотворение Й. Дучича “Сат” в переводах на русский язык». А.Р. Кашина делает вывод, что переводчице Е. Полянской удалось передать влияние на поэта фольклорной и романтической традиции в определенный — романтический этап его творчества, тогда как другой переводчик, О. Комков, в большей

степени отразил образно-стилистический строй оригинала и акцентировал внимание на христианских мотивах и образах, которые имеют особое значение для поэзии Дучича в целом. Необычную и достаточно захватывающую тему подняла Ю.А. Долгих (Библиотека Российской академии наук) в рамках доклада «Балканские поверья о вампирах в русской литературе XVIII — первой трети XIX в.». Докладчицей были проанализированы первые русские газетные публикации и художественные произведения, где присутствовали упоминания о вампирах, среди которых статья «О вампирах» в «Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости» 1739 г., а также переводы А.С. Пушкина «иллирийских песен» П. Мериме, которые послужили основой для «Песен западных славян».

Четвертое заседание («В кругу современных славянских литератур») позволило поразмышлять над спецификой современной чешской, словацкой и болгарской литератур. Обращаясь к словацкой литературе, А.В. Бырина (Институт славяноведения РАН) в докладе «Эволюция мотива движения в прозе Павла Виликовского» показала, что неизменным важным сюжетобразующим и композиционным элементом в прозе Павла Виликовского является мотив движения и, в частности, мотив путешествия. Г.В. Климанов (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе «Особенности топоса Праги в чешском постмодернизме (на примере романа М. Урбана “Семь храмов”») обратился к традиционному для чешской литературы образу Праги и сделал важные выводы о специфике его воплощения и функционирования в постмодернистских текстах в сравнении с более ранними произведениями чешской литературы. А.В. Грасько (Институт славяноведения РАН) в докладе «Притчевое начало в романе Станислава Билера “Деструкция”» поделилась наблюдениями над современным чешским романом, лауреатом 2022 г. престижной литературной премии *Magnesia Litera* в секции «проза». В центре внимания докладчика было исследование жанрового своеобразия романа, тема которого — экологическая и гуманитарная катастрофа в контексте условной современности. Заседание завершилось докладом Л.В. Швыдюк (РГУ им. А.Н. Косыгина) «Образ Яны Илинды в романе Теодоры Димовой “Эмине”», где речь шла о болгарском постмодернистском романе, в основе которого — размышления о роли матери и ее способности или неспособности к гармоничным отношениям с детьми. Л.Ф. Швыдюк также отметила, что исследуемый роман стал для Т. Димовой первым романом с данной проблематикой, которую она продолжила в своем дальнейшем творчестве.

В целом количество, качество и тематическое разнообразие представленных докладов говорит о плодотворной работе литературоведческой секции, которая, хочется верить, вдохновит ее участников на новые научные поиски.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 23–24 МАЯ 2023 Г.
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»**

Никита Владимирович Евстафьев

Младший научный сотрудник, аспирант,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Аннотация

23–24 мая 2023 г. состоялась очередная конференция молодых ученых, приуроченная ко Дню славянской письменности и культуры. Как и в прошлый раз, конференция проходила в смешанном формате: очно, в Институте славяноведения, и на платформе ZOOM. В работе секции «История» принимали участие молодые ученые из самых разных городов России и зарубежья: Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Казани, Ростова-на-Дону, Прешова (Словакия) и Печа (Венгрия). В рамках конференции обсуждался широкий круг вопросов истории славянских (и не только) стран и народов: от раннего Средневековья до начала XXI в. Участники конференции в своих выступлениях затрагивали проблемы национальной идентичности, границ и пограничий, сохранения исторической памяти, международных отношений, а также вопросы истории культуры славянских народов. К своей работе авторы привлекали широкий круг источников, включающий в себя средневековую литературу, дипломатические и архивные документы, а также статьи из газет и журналов. Большинство докладов вызвали интерес аудитории, а также желание по diskutieren. В обсуждении принимали участие не только участники конференции, но и сотрудники Института славяноведения РАН, многие из которых выступали также в качестве модераторов отдельных подсекций. Таким образом, как и в предшествующие годы, конференция молодых ученых «Славянским мир: общность и многообразие» стала хорошей площадкой для обмена опытом и установления более тесных связей между различными научными учреждениями. Окончательные итоги конференции будут подведены публикацией отдельного сборника тезисов.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, исторические образы, международные отношения, историография, история Средних веков и раннего Нового времени, Новейшая история

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 10 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 12 ноября 2023 г.

Цитирование: *Евстафьев Н.В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 23–24 мая 2023 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 267–278. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.18>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 23–24 MAY 2023.
SECTION “HISTORY”**

Nikita V. Evstafyev

Junior Researcher, Ph. D. student,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: nikichan1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6965-4112

Abstract

On May 23–24, 2023, a regular conference for young scholars was held, dedicated to the Day of Slavic Writing and Culture. As with the previous events, the conference was held in a mixed format: at the Institute of Slavic Studies and on the ZOOM platform. The History section was attended by young scholars from various cities of Russia and abroad: Moscow, St. Petersburg, Voronezh, Kazan, Rostov-on-Don, Prešov (Slovakia) and Pécs (Hungary). The papers covered a wide range of issues of the history of Slavic countries and peoples, from the early Middle Ages to the beginning of the XXI century. The participants of the conference touched upon the problems of national identity, borders and frontiers, preservation of historical memory, international relations, as well as issues of cultural history of Slavic peoples. The authors involved a wide range of sources in their work, including medieval literature, diplomatic and archival documents, as well as newspaper and magazine articles. Most of the reports aroused the interest of the audience and led to lively discussions. The discussion was attended not only by the participants of the conference, but also by the scholars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, many of whom also acted as moderators of individual subsections. Thus, as in previous years, the conference of young scholars «Slavic World: Community and Diversity» served as a good platform for the exchange of experience and the establishment of closer ties between various scientific institutions. The proceedings of the conference will be summed up in a published collection of abstracts.

Keywords

Conference, young scientists, historical images, international relations, historiography, history of the Middle Ages and Early Modern Times, contemporary history

Received 6 November 2023

Revised 10 November 2023

Accepted 12 November 2023

How to cite: Evstafyev, N.V., 2023. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie”. Moskva, 23–24 maia 2023 g. Sektsiia “Istoriia” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 23–24 May 2023. Section “History”]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 267–278. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.18>

С 2014 года в стенах Института славяноведения РАН проходит ежегодная конференция молодых ученых, приуроченная ко Дню славянской письменности и культуры¹. Исключением не стал и нынешний 2023 год. 23–24 мая состоялась очередная подобная конференция, которая стала удобной площадкой для молодых исследователей из многих научных центров и высших учебных заведений России и некоторых других государств. Как и в 2022 году, историческая секция конференции проходила в смешанном формате: очно и на платформе ZOOM, однако большинство участников лично представили свои доклады в Институте славяноведения.

Заседание исторической секции 23 мая открыла модератор первой подсекции «Россия и славянские народы в XIX–XX вв.» К.В. Мельчакова. Первой из трех докладчиков подсекции выступила И.Б. Костенко (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва), которая рассказала о применении информационного подхода к изучению материалов Археологических съездов в России, позволяющих выявить особенности научного сотрудничества российских и сербских ученых, определить их институциональные и персональные связи, а также научные направления, которые разрабатывались совместно. Следующий участник конференции, Д.И. Никифоров (МГИМО (У) МИД России, Москва), посвятил доклад участию Петра Афанасьевича Шеншина, брата знаменитого русского поэта Афанасия Афанасьевича Фета, в событиях Восточного кризиса 1875–1878 гг. П.А. Шеншин участвовал почти во всех ключевых событиях этого кризиса и, по мнению докладчика, относился к той категории добровольцев, которую российский историк А.Л. Шемякин определил как честных людей, не сумевших найти свое призвание дома. Выступление Д.И. Никифорова вызвало положительный отклик у аудитории, и были несколько вопросов, связанных, в частности, с обстоятельствами зачисления П.А. Шеншина во владикавказский казачий полк во время

¹ *Евстафьев Н.В.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 283–289. <https://doi.org/10.31168/2412-6446>; *Дронов А.М.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 25–26 мая 2021 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 292–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.15>; *Борисов С.А., Лунькова Н.А., Перетятыко А.Ю.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 13–14 октября 2020 г. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 243–259; *Коноплянко К.С.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 21–22 мая 2019 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 14. № 1–2. С. 288–294; *Амелина А.В., Ващенко Д.Ю., Дронов А.М., Лунькова Н.А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 397–405; *Амелина А.В., Добычина А.С., Леонтьева А.А., Саенко М.Н.* Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 516–525; *Кокунина Л.К., Новосельцев Б.С., Усачева А.В., Ясинская М.В.* Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 468–478.

русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Завершал данную подсекцию доклад Т.Р. Семакиной (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) о путешествии польского интеллектуала Антония Слонимского в СССР в 1932 г., в период, когда происходил своеобразный «прорыв информационной и культурной блокады» Страны Советов. В своих заметках А. Слонимский отмечал высокий профессиональный уровень советского кинематографа и театра, однако не мог обойти стороной очевидную идеологизированность советской культуры и даже некоторый ее «примитивизм» в прославлении власти. Этот доклад также вызвал интерес у слушателей и положил начало дискуссии, в ходе которой выяснилось, например, что во время своей поездки А. Слонимский находился под постоянным надзором советских органов безопасности.

Модератором второй подсекции конференции под названием «Роль границ и пограничий в истории славянских народов и их соседей» была А.Р. Лагно. Эту подсекцию открыло выступление К.А. Юрьева (Воронежский государственный университет, Воронеж), в котором докладчик обратился к раннесредневековой истории Центральной Европы и, в частности, к проблеме взаимоотношений франков, аваров и моравян на рубеже VIII–IX вв. Отдельное внимание автор уделит культурным аспектам взаимодействия, отметив значительное влияние германцев, славян и Византии на предметы быта кочевников аваров. В ходе продолжительной дискуссии, последовавшей за докладом, было выявлено также обратное влияние аваров, в частности, на их южного соседа — так называемое Первое Болгарское царство. Второй доклад подсекции был прочитан сотрудником Института славяноведения А.М. Дроновым. Молодой ученый изучил вопрос принадлежности Срема, а также проект хорватско-сербской федерации июня 1848 г., возникший в ходе революции 1848–1849 гг. Основным выводом докладчика заключался в том, что пограничное положение Срема давало импульс сербско-хорватским интеграционным проектам и в то же время создавало почву для территориальных конфликтов. В своем докладе третий участник подсекции В.И. Короневский (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург) затронул вопрос о политике российских властей по отношению к существовавшим в западных губерниях культам местных католических святых в 1850–1870-е гг. Как удалось выяснить молодому ученому, политика эта постепенно менялась: если в 1850-е гг. российские власти были в целом безразличны к местным католическим культам, то уже в последующие десятилетия властями обсуждались и нередко исполнялись проекты по дискредитации, замещению или прямой ликвидации культов католических святых. При этом политика была все же достаточно гибкой, и к самым популярным католическим святым применялись менее радикальные меры. Последний доклад подсекции, посвященный легитимации новых западных границ Польши после Второй мировой войны, прочитал М.А. Мартыненко (Южный федеральный уни-

верситет, Ростов-на-Дону). В качестве источников по данной проблематике автор доклада привлек не только различную публицистику и речи польских политиков, но и школьные учебники и атласы, которые также были призваны закрепить государственный нарратив о польской принадлежности «Возвращенных земель». Отдельное внимание в последовавшей за выступлением дискуссии было уделено вопросу о том, как в 1945 г. в Польше отмечалась годовщина Грюнвальдской битвы 1410 г. и как эти празднования использовались в легитимации новых границ Польши.

Работа конференции продолжилась в подсекции «Женщина на Балканах». Ее модератором была М.В. Лескинен, а первым докладчиком в подсекции выступила К.В. Мельчакова (Институт славяноведения РАН, Москва), осветившая нелегкую судьбу Марии Иогансон/Перович, русской подданной, руководившей школой для девочек в боснийском Мостаре. Несмотря на то, что Мария хорошо справлялась со своими обязанностями и смогла восстановить работу школы, ее личные отношения совершенно не ладилась: брак с Йованом Перовичем, заключенный по расчету, в конце концов распался, когда Мария уехала в Россию в 1868 г. и уже не захотела возвращаться в Боснию и Герцеговину. Таким образом, как отметила докладчик, история Марии Иогансон/Перович и школы для девочек в Мостаре пополнила список неудачных проектов помощи местному населению Боснии и Герцеговины со стороны русского консульства. Вторым по счету и завершающим для подсекции был доклад Л.К. Новосельцевой (Институт славяноведения РАН, Москва), в котором был затронут вопрос о том, как проходило детство сербских жителей Австро-Венгрии и каким был образ «идеального детства» в представлении авторов журнала «Жена» («Женщина») в период с 1911 по 1914 г. Огромной проблемой была высокая детская смертность, особенно в первые недели жизни, связанная с отсутствием медицинского обслуживания и низким уровнем гигиены. С другой стороны, по мнению автора доклада, видение редакции журнала «Жена» того, каким должно быть «идеальное детство», мало отличалось от современных представлений: детям нужна свобода, здоровое общение с родными и сверстниками, много игр, хорошая детская литература и т.д.

После обеденного перерыва И.И. Баринов в качестве модератора открыл новую подсекцию конференции «Проблемы сохранения исторической памяти у славянских народов». Доклад Ю.А. Чупрыной (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург) затронул проблему исторической памяти Малой Руси в первой половине XVII в., когда православные церковные интеллектуалы Речи Посполитой обращались к древнерусским, польским и литовским историческим сюжетам и активно использовали их в религиозной полемике. По мнению докладчицы, обращение деятелей православной церкви к этим сюжетам носило почти исключительно утилитарный характер. О памятнике павшим русским воинам на курорте Бардеёвские Купели поведала докладчица из Словакии — Л. Гоптова (Пре-

шовский университет, Прешов). При активном содействии общества «Русский кружок» и словацких газет памятник был открыт 4 сентября 1932 г., и это событие достаточно широко освещалось в чехословацкой прессе тех лет. Памятник до сих пор стоит на своем месте и находится под защитой государства, однако девяностолетняя годовщина его открытия (2022 г.) никак не была отмечена ни местными органами власти, ни словацкими СМИ. Третьим докладчиком подсекции выступил О.В. Михин (Российский государственный гуманитарный университет, Москва). Темой его выступления стало отношение к кашубскому народу и кашубской культуре в пропаганде польской Морской и речной (колониальной) лиги, созданной в 1924 г. Кашубы в представлении польских публицистов (как и жители Куявии и белорусы) были частью единой польской нации, хотя и обладали при этом некоторыми региональными культурными особенностями. В частности, подчеркивался свободолюбивый дух кашубов и их активное сопротивление иноземцам. Многие песни, стихи и танцы подвергались со стороны Лиги культурной апроприации и исполнялись на собраниях и в школьных кружках. В целом, как отметил молодой ученый, кашубская культура использовалась в пропаганде Лиги с целью формирования образа единой польской нации и для закрепления Польши на Балтийском море.

Модератором заключительной в этот день подсекции «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы на современном этапе развития: конфликты и попытки их преодоления» был Я.Н. Смирнов. Подсекцию открыл доклад Д.П. Ерёмкина (Институт Европы РАН, Москва), посвященный деятельности ОБСЕ в рамках избирательной кампании Боснии и Герцеговины 1996 г. Деятельность ОБСЕ по организации избирательного процесса была изучена на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации. Основным выводом докладчика заключался в том, что ОБСЕ, будучи организатором избирательной кампании, в то же время была одним из фактических участников этой кампании и активно применяла административный ресурс в интересах внешних акторов, что способствовало большому числу нарушений в ходе избирательного процесса и почти полному их игнорированию со стороны самой ОБСЕ. Второй докладчик, Н.Ю. Шишов (Печский университет, Печ), обратился к сложному вопросу отношений между Венгрией и Европейским союзом в 2020–2021 гг. По мнению молодого исследователя, отношения между Будапештом и Брюсселем можно охарактеризовать как череду конфликтов: будь то конфликт вокруг принятия бюджета ЕС на 2021–2027 гг., принятие венгерским правительством резонансных поправок к основному закону страны или применение на территории Венгрии (без разрешения со стороны ЕС) российских и китайских вакцин от COVID-19. В целом правительство В. Орбана чувствует себя вполне естественно в постоянном конфликте с Брюсселем. Хотя это и создает некоторые трудности для Венгрии (угроза европейских санкций), в ближайшие годы ситуация вряд ли кардинально изменится. За-

вершил данную подсекцию, а вместе с ней и первый день конференции доклад А.К. Александровой (Институт славяноведения РАН, Москва) о так называемой «дипломатии катастроф», которая играла и продолжает играть заметную роль в отношениях между Грецией и Турцией. Так, случившееся в турецком Измите в 1999 г. землетрясение способствовало улучшению отношений между двумя странами, ведь Греция одной из первых предложила Турции помощь в преодолении последствий катаклизма. Ответную помощь Турция оказала своему соседу в том же году, когда землетрясение произошло уже в Афинах. Схожие процессы автор доклада отметила и в современных событиях, связанных с землетрясением февраля 2023 г., от которого сильно пострадали Турция и Сирия. Греция вновь поспешила раньше многих других предложить Турции свою помощь. Во время посвященной докладу дискуссии была также отмечена роль катастроф в потеплении отношений между Турцией и Арменией, как это случилось и в нынешнем году.

Работа исторической секции продолжилась на следующий день, 24 мая, когда модератором П.В. Мошечковым была открыта подсекция «Развитие историографии: от века XIX до наших дней». Первый доклад под названием «Этнографическая характеристика М.Н. Харузиным донского казачества» прочел А.Ю. Перетягко (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону). Как отметил докладчик, труд М.Н. Харузина о донском казачестве имеет высокую ценность ввиду того, что это фактически единственное фундаментальное исследование XIX в. по данной теме, выполненное лицом не казачьего происхождения. М.Н. Харузин достаточно идеализированно описывает историческое казачество, которое, по его мнению, затем было сильно изменено в худшую сторону деятельностью имперских властей в XVIII в. Как считает автор доклада, важнейший вывод М.Н. Харузина о донских казаках связан с тем, что народный быт их был крайне разнообразен и отличался не только на уровне округов, но иногда и на уровне отдельных станиц. Все это мешало историкам казачества написать цельный труд, в котором бы обобщалась история всего донского казачества. Вторым в этой подсекции выступил Т.В. Гимадеев (Казанский (Приволжский) университет, Казань), посвятивший свой доклад взглядам австрийского мыслителя правоконсервативного толка Э. фон Кюнелът-Леддина и тому месту, которое в его идеях занимает гуситское движение. По мнению Э. фон Кюнелът-Леддина, гусизм был предшественником модернизма, а также «реальной и конкретной предтечей „измов“ современности». Более того, как отметил докладчик, фон Кюнелът-Леддин видел прямую связь между гусизмом и идеями фашизма и нацизма: в частности, он находил «богемские корни» у нацистской партии, а также указывал на интерес Б. Муссолини к Яну Гусу и его наследию. В следующем докладе Е.А. Колосков (Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург) постарался выявить образ российского панславизма в советской и западноевропейской историографии. Возникновение реакции на панславизм Е.А. Колосков от-

носит к 1849 г., когда были опубликованы статьи Ф. Энгельса, оказавшие серьезное влияние на достаточно негативное отношение к этому явлению со стороны советских историков. Однако определенные перемены в отношении к панславизму наметились уже в результате Второй мировой войны, когда в советской сфере влияния оказалось большинство славянских государств. В годы холодной войны, как отметил докладчик, западные исследователи (в частности, Х. Арендт) рассматривали панславизм как предтечу большевизма и в качестве обоснования советского экспансионизма. В заключение докладчик заметил, что в настоящее время также происходит всплеск интереса к панславизму, который оценивается как в положительном, так и в негативном ключе. Завершающим для данной подсекции стал доклад Янь Лэя (Институт славяноведения РАН, Москва), который предпринял попытку определить отношение китайских ученых к распаду Югославии. Среди причин постигшего страну кризиса китайские исследователи называют самую сложную этническую и религиозную картину Югославии — властям страны так и не удалось создать единого «югославского национального сообщества». Большое внимание китайские наблюдатели уделяют и вопросу проводившихся в Югославии с конца 1940-х гг. реформ — по их мнению, эти реформы носили непродуманный и отчасти преждевременный характер, слишком большое место отдавалось децентрализации, что в конечном итоге способствовало распаду федерации. Некоторую противоречивость, как полагают китайские ученые, можно увидеть и в экономической политике югославского руководства. Свое выступление Янь Лэй завершил выводом о ценности югославского опыта для строительства и развития «социализма с китайской спецификой».

Подсекцию «Славянские страны в системе международных отношений в 1950–1980-е гг. модерировал А.С. Стыкалин, а открыл ее доклад С.С. Маклашкина (Российский государственный гуманитарный университет, Москва), посвященный проблеме влияния внешнеполитической конъюнктуры на оборонную доктрину Югославии в 1951–1956 гг. По наблюдениям докладчика, разрыв отношений с Советским Союзом в конце 1940-х гг. заметно повлиял как на внутреннюю, так и на внешнюю политику Югославии: экономика в значительной степени переориентировалась на военное производство, а в международных связях наметилось серьезное сближение Югославии с США и западным блоком в целом. Однако различия в интересах между двумя этими силами, а также потепление отношений с СССР после смерти Сталина препятствовали более глубокому сотрудничеству с Западом. Второй докладчик, Т.В. Рутковская (МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва), обратилась к теме отношений между чехословацкими диссидентами (Хартия-77) и еврокоммунистами. Подписанты Хартии-77 в целом не выступали за свержение коммунистических режимов и поэтому получали определенную поддержку со стороны французской, итальянской и испанской компартий, которые в свою очередь симпатизировали идеям Пражской весны.

Однако, по мнению докладчицы, поддержка хартистов еврокоммунистами носила избирательный и непостоянный характер, а внешняя критика ими Советского Союза была ситуативной и нередко объяснялась необходимостью сохранить популярность у избирателей. Заключительный доклад подсекции, прочитанный Е.П. Катковой (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), кафедра истории культуры, государства и права, Санкт-Петербург), также был посвящен вопросам внешней политики Югославии, а именно ее участию в Движении неприсоединения в 1980-е гг. Как отметила автор доклада, в этот период Движение испытывало серьезный кризис, связанный как с разным отношением его участников ко вводу советских войск в Афганистан в 1979 г., так и с утратой харизматичных лидеров, таких как сам Иосип Броз Тито, умерший в 1980 г. В целом, по мнению Е.П. Катковой, место Движения неприсоединения во внешней политике Югославии можно определить как неоднозначное: за Белградом сохранялось формальное лидерство в этой организации, в то время как практическая значимость участия этой страны падала. Кроме того, в этот период Югославия стала также тяготеть к европейскому сообществу, способному оказать стране помощь в преодолении внутренних неурядиц.

Модератором следующей подсекции, «Образ “другого” в религиозных и мирских сочинениях XVI–XVII вв.», вновь выступила М.В. Лескинен. Она же предоставила слово первому докладчику: Н.В. Евстафьеву (Институт славяноведения РАН, Москва), который обратился к вопросу о том, как в житиях балканских мучеников XVI в. отразилось мусульманское право Османской империи. По мнению Н.В. Евстафьева, жития достаточно верно передают особенности ханафитского мазхаба, господствовавшей в Османской империи правовой школы суннитского ислама. Соответствует этому мазхабу и описанное в житиях снисходительное отношение к неопфитам, лишь недавно принявшим ислам, и возможность избежать наказания за богохульство: обвиняемый на суде может признать, что хула была произнесена в помешательстве, и тем самым избежать наказания. Второй доклад К.М. Медведева (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург) был посвящен отражению отношений между православными и униатами Речи Посполитой XVII в. в трудах деятеля униатской церкви Киприана Жоховского. Как удалось выяснить докладчику, Жоховский приписывал украинским православным казакам «греческое» вероломство, неверность, дикость и невежество и даже сравнивал падение Константинополя с набегами татар на украинские земли. Оба этих явления Жоховский объяснял карой за схизму и отпадение от истинной церкви.

Завершающей для исторической части конференции стала подсекция «Культурные аспекты истории западных славян», модератором которой был Г.П. Мельников. В своем докладе Н.Р. Белова (МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва) коснулась вопроса настроения сочинений чешских католиков

эпохи Барокко, того, как причудливо в них переплетались страх и надежда. Как отметила докладчица, человек, по мнению католических авторов XVII — первой половины XVIII в., постоянно должен был страшиться конца света и собственной греховности, он должен был испытывать определенное презрение ко всему мирскому (доктрина *contemptus mundi*). Однако и в таком взгляде на мир оставалось место надежде: в первую очередь надежде на спасение, которое мог заслужить каждый человек. В докладе «Маскарады-“шибржинки” как элемент сокольской культуры» В.В. Котов (Институт славяноведения РАН, Москва) обратился к проблеме возникновения и развития во второй половине XIX в. особых чешских практик маскарадов, которые включали в себя элементы национализма, сатиры на современность — в том числе на немцев и священников католической церкви. Кроме того, как отметил молодой ученый, костюмы на сокольских маскарадах являлись также способом стереть социальные границы и тем самым способствовали распространению ценностей эгалитаризма. Третий доклад подсекции прочитала А.М. Ланцева (Институт славянской культуры РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва) — в поле ее интересов оказались особенности структуры чешского канционала (сборника духовных песен) Яна Йозефа Божана «Райский соловей», опубликованного в начале XVIII в. По словам докладчицы, особое место в репертуаре канционала занимают песнопения — *sacrum* на богослужебные праздники, но включены в него также и прозаические «размышления», призванные укрепить веру читателя. В заключение выступления А.М. Ланцева отметила, что канционал Я.Й. Божана отвечал миссии Католической церкви в чешских землях XVII — начала XVIII в. и способствовал контрреформаторской деятельности. Заключительным для всей исторической секции конференции стал доклад И.Д. Ерофеева (Институт славяноведения РАН, Москва), посвященный особенностям католического модернизма польского литературоведа, историка и публициста, профессора Краковского университета Мариана Здзеховского. Интерпретация Здзеховским католического модернизма заметно отличалась от его западноевропейских вариантов, получивших широкое распространение в XIX столетии, что, однако, не помешало Здзеховскому стать своего рода лицом этого религиозного течения в Польше. Молодой исследователь указал на основные отличия идей Здзеховского от западного католического модернизма: его малый интерес к пересмотру церковных доктрин, его отношение к славянскому миру как к особому пространству в историческом, политическом и религиозно-философском плане. Несомненно также, по мнению И.Д. Ерофеева, и национальная специфика идей Здзеховского: он был убежденным польским патриотом.

Как и в прежние годы, в 2023 г. конференция молодых ученых предоставила возможность для обсуждения самого серьезного круга вопросов истории, политики, экономики и культуры славянских народов и стран от раннего Средневековья до начала XXI в. Многие доклады вызывали

широкий отклик у аудитории, а также желание подискутировать, что подчеркивает актуальность поднятых на конференции тем и вопросов и демонстрирует важность молодежной конференции в процессе установления тесных научных связей между отдельными исследователями и укрепления сотрудничества разных научных организаций России и зарубежья. По итогам конференции будет выпущен сборник тезисов.

Литература

- Амелина А.В., Ващенко Д.Ю., Дронов А.М., Лунькова Н.А. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 397–405.
- Амелина А.В., Добычина А.С., Леонтьева А.А., Саенко М.Н. Молодежная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 516–525.
- Борисов С.А., Лунькова Н.А., Перетьяко А.Ю. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 13–14 октября 2020 г. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 243–259.
- Дронов А.М. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 25–26 мая 2021 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 292–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.15>
- Евстафьев Н.В. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 24–25 мая 2022 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 283–289. <https://doi.org/10.31168/2412-6446>
- Кокунина Л.К., Новосельцев Б.С., Усачева А.В., Ясинская М.В. Международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие». Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 468–478.
- Коноплянко К.С. Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 21–22 мая 2019 г. Секция «История». Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 14. № 1–2. С. 288–294.

References

- Amelina, A.V., Dobychina, A.S., Leontyeva, A.A., Saenko, M.N., 2016. Youth Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”. *Slavic almanac*, 3–4, pp. 516–525. (In Russian)
- Amelina, A.V., Vashchenko, D.Iu., Dronov, A.M., Lunkova, N.A., 2018. International Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”. *Slavic almanac*, 1–2, pp. 397–405. (In Russian)
- Borisov, S.A., Lunkova, N.A., Peretyatko, A.Yu., 2020. “Slavic World: Commonality and Diversity” Young Scholars Conference 13–14 October 2020. *Slavic World in the Third Millennium*, 15 (3–4), pp. 243–259. (In Russian)

-
- Dronov, A.M., 2021. Young Scholars Conference “Slavic World: Community And Diversity”. Moscow, 25–26 May 2021. Section “History”. *Slavic World in the Third Millennium*, 16 (1–2), pp. 292–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.15> (In Russian)
- Evstafyev, N.V., 2022. Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 24–25 May 2022. Section “History”. *Slavic World in the Third Millennium*, 17 (3–4), pp. 283–289. <https://doi.org/10.31168/2412-6446> (In Russian)
- Kokunina, L.K., Novosel'tsev, B.S., Usacheva, A.V., Yasinskaya, M.V., 2015. International Scientific Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”. *Slavic almanac*, 3–4, pp. 468–478. (In Russian)
- Konoplyanko, K.S., 2019. Young Scholars Conference “Slavic World: Commonality and Diversity”, 21–22 May 2019. Session “History”. *Slavic World in the Third Millennium*, 14 (1–2), pp. 288–294. (In Russian)

ХРОНИКА КОНФЕРЕНЦИИ «ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ СЛАВИСТИКЕ» В ХАРБИНЕ

Александра Игоревна Чиварзина

Младший научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Аннотация

В ноябре 2023 г. состоялся официальный визит руководства Института славяноведения РАН в Харбинский педагогический университет, сотрудничество с которым поддерживается уже на протяжении шести лет. Визит совпал с проведением крупного международного симпозиума «Традиция и инновации в современной славистике», организованного обеими сторонами. Выдающиеся ученые, академики, научные сотрудники, преподаватели языков, аспиранты и студенты различных славистических специальностей из разных регионов славянского мира и провинций Китая приняли участие в этом крупном научном событии. В настоящей статье представлен обзор основных тем выступлений и презентаций прошедшего симпозиума. Протяженная граница с Россией и регулярные контакты в течение многих веков обусловили акцент на изучении русского языка, русской литературы и истории России как основных тем славяноведения в Китае. Однако доклады на традиционные темы отечественного славяноведения, представленные вопросами полонистики, богемистики, восточнославянских и южнославянских народов, также можно было услышать в пленарных и секционных докладах. Опыт участия в конференции, организованной китайскими коллегами, позволит понять перспективы развития славистики в Китае, охват славистических наук в китайских реалиях, а также то, какие научные направления и дисциплины пользуются наибольшим спросом со стороны общества и со стороны государства, какие образовательные центры существуют для подготовки высококвалифицированных специалистов по разным славянским странам и языкам. Славистика в мире выступает важным культурным феноменом и достоянием мировой культуры в целом, о чем свидетельствует и прошедший симпозиум.

Ключевые слова

Китайское славяноведение, Харбинский педагогический университет, Институт славяноведения РАН, славистика

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.

Статья доработана автором 27 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 30 ноября 2023 г.

Цитирование: *Чиварзина А.И.* Хроника конференции «Традиция и инновации в современной славистике» в Харбине. Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 279–285. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.19>

CONFERENCE CHRONICLE “TRADITION AND INNOVATIONS IN MODERN SLAVIC STUDIES” IN HARBIN

Alexandra I. Chivarzina

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: mss-vah@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0365-3723

Abstract

In November 2023, the leading researchers of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences made an official visit to Harbin Normal University, cooperation with which has been maintained for 6 years. The visit coincided with a big international symposium “Tradition and Innovation in Modern Slavic Studies”, organized by both parties. Outstanding academicians, researchers, language instructors, postdocs, PhD students and students of various Slavic specialties from different regions of the Slavic world and provinces of China took part in this major scientific event. The long border with Russia and regular contacts through the centuries led to an emphasis on the study of the Russian language, Russian literature and Russian history as the main topics of the Slavic studies in China. However, presentations on research topics traditional for the Russian Slavic, including Polish studies, Bohemian studies, East Slavic and South Slavic studies, could also be heard in plenary and sectional reports. The experience of participating in a conference organized by the Chinese colleagues made it possible to understand the development prospects of the Slavic studies in China, the scope of the Slavic sciences in Chinese realities, which scientific areas and disciplines are in greatest demand from the society and from the government, which educational centers exist to train highly qualified personnel in different Slavic countries and languages. Slavic studies in the world is an important cultural phenomenon and a part of global cultural heritage, as evidenced by the past symposium.

Keywords

Slavic studies in China, Harbin Normal University, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Slavic studies

Received 10 November 2023

Revised 27 November 2023

Accepted 30 November 2023

For citation: Chivarzina, A.I., 2023. Khronika konferentsii “Traditsiia i innovatsii v sovremennoi slavistike” v Kharbine [Conference Chronicle “Tradition and Innovations in Modern Slavic Studies” in Harbin]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 279–285. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.19>

В КНР существует несколько центров славистических исследований. Соответствующие государственные институты не только занимаются преподаванием различных славянских языков, они также популяризуют славяноведение через осуществление переводов художественной литературы, научных трудов, организацию международных конференций. Так, на базе Института славянских языков и Исследовательского центра славянского мира Харбинского педагогического университета при поддержке Института славяноведения РАН 4–5 ноября 2023 г. в г. Харбин состоялся международный симпозиум «Традиция и инновации в современной славистике». Академики, ведущие научные сотрудники, аспиранты и студенты различных славистических специальностей из разных регионов Китая и мира приняли участие в этом крупном научном событии.

Опыт участия в конференции, организованной китайскими коллегами, показал, насколько широким может быть охват славистики и всевозможных славистических дисциплин. Так, на симпозиуме, помимо традиционных для нас исторических, литературоведческих и лингвистических секций, были представлены доклады по психологии, психолингвистике, социологии, политологии, философии и культурологии. Объектом исследования славистических наук в Китае становятся не только территории распространения всех славянских языков, но и сопредельные страны, где проживает славянское население, или территории, которые могли некогда входить в единое со славянами государство. Именно поэтому одними из основных участников симпозиума были члены Китайского общества по исследованиям России, Восточной Европы и Центральной Азии.

Основными темами симпозиума были заявлены международные отношения, социальные проблемы, регионоведение современных славянских стран; национальные языки славянских стран и методика их преподавания китайским студентам, типологическое и историческое сравнение славянских языков и культур, литература славянских стран. К симпозиуму был выпущен сборник тезисов на разных языках¹. В настоящем обзоре мы остановимся на собственно исторических и филологических докладах и вскользь затронем темы, поднимавшиеся в рамках других дисциплин.

Ожидаемо, что большинство работ было посвящено изучению особенностей русского языка и литературы, русской культуры, преподаванию русского языка китайским студентам с точки зрения российско-китайских отношений в перспективе. Общая протяженная граница и многовековые тесные контакты обусловили такой акцент на русистике как центральной теме китайского славяноведения. Нам показалось примечательным, что в филологических секциях преобладала литературоведческая проблематика с вкраплением кинематографических исследований.

¹ “当代斯拉夫学传承与创新”国际学术研讨会. 会议手册. 中国·哈尔滨. 2023年11月03-05. 哈尔滨, 2023. [Международный симпозиум «Традиция и инновации в современной славистике». Программа. Китай, Харбин. 3–5 ноября 2023. Харбин, 2023.]

Церемония открытия конференции сопровождалась приветствиями ректора Харбинского педагогического университета Цзян Куня и проректора Пекинского университета иностранных языков, вице-председателя отделения Центральной и Восточной Европы Китайского европейского общества Чжао Ганя, председателя Китайского общества по исследованиям России, Восточной Европы и Центральной Азии Ли Юнцюаня, начальника Секретариата университетов Министерства образования по исследованиям в области страноведения и регионоведения Луо Линя.

Конференцию приветствовал директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров, он также выступил с презентацией краткой истории и достижений Института славяноведения РАН. Китайские коллеги имели возможность узнать о выдающихся ученых-славистах, крупных исследовательских проектах, а также увидеть наиболее значимые издания, опубликованные в нашем институте.

Открытие конференции сопровождалось торжественной презентацией новых выпусков периодического издания «Славистические исследования» на китайском языке². Журнал был основан совместно ХПУ и Институтом славяноведения (далее ИСл) РАН. Первый день включал 18 пленарных докладов, а в дальнейшем работа распределялась по трем секциям: «Страноведение и регионоведение славянских стран», «Славянская литература и культурология», «Славянское языкознание». В каждой секции было представлено от 10 до 13 докладов. Во второй день был проведен молодежный форум для начинающих исследователей, аспирантов и студентов. Структура молодежного форума повторяла структуру первого дня симпозиума: 8 пленарных докладов и три секционных заседания.

Отечественный подход к исследованиям славян в сфере языкознания представляла Е.С. Узенева. Ее пленарный доклад был посвящен вкладу академика Н.И. Толстого в развитие современной славистики. В докладе не только прозвучали важные жизненные этапы биографии великого ученого, но и обозначены его научные интересы. Особый акцент был сделан на этнолингвистике как отдельной отрасли языкознания. В презентации можно было увидеть задокументированные моменты из полевой работы исследовательской группы под руководством академика Толстого, в частности из экспедиций в Полесье, места предполагаемой прародины славян. Богатый иллюстративный визуальный материал привлек большое внимание и нашел отклик среди слушателей. Отдельно было подчеркнуто, что благодаря тесному сотрудничеству ИСл и ХПУ несколько аспирантов закончили обучение в ИСл РАН и проложили путь этнолингвистике в китайскую науку.

Бывший аспирант ИСл РАН Лю Ху выступил с презентацией своей работы в России («Славянский народный календарь: синкретизм христианства и язычества»). На примере анализа терминологической лексики славянского

² 斯拉夫学研究. URL: https://www.sohu.com/a/639650635_121123839 (Дата обращения: 07.11.2023).

народного календаря докладчик проиллюстрировал особенности этнолингвистического подхода. Близкая тема была раскрыта в пленарном докладе Йоланты Ласковской из Польши «Славянские обряды и обычаи в польской культуре» (Jolanta Laskowska, “Obzędry I zwyczae słowiańskie w kulturze polskiej”). Докладчик остановился на наиболее ярких праздниках весенне-летнего цикла, некогда распространенных на территории расселения польского этноса. В докладе Н.В. Мартыновой «Роль мифотворчества древних славян в формировании творческого потенциала личности как субъекта культуры» прозвучала мысль, что изучение славянской культуры сквозь призму языка особенно ценно для иностранных, в частности китайских, студентов, изучающих славянские языки, поскольку это дает дополнительную лингвострановедческую информацию и способствует пониманию мировосприятия и часто особенностей национального характера. Так, образы кукушки (Ли Инг, «Сравнительное исследование украинских и китайских образов зозуль») и березы (Ванг Сиу, «О культурном значении слова “береза” у славянских народов») в славянских языках и народной культуре рассматривались в рамках культурологических секций. Российский исследователь В.А. Давыденко («Диалог культур как возможность преодоления духовного кризиса») показала на примере паремий русского языка возможность осуществления плодотворного освоения языка и понимания другой культуры, в том числе через семантический и этимологический анализ соответствующих идиом.

Польский язык преподается не только в ХПУ, но и в других 16 университетах³ страны, и, в частности, в Пекинском университете иностранных исследований (BFSU)⁴. Этим фактом обусловлено большое количество докладов, посвященных именно польской проблематике. Затрагивались как политические и исторические аспекты, например, в докладе Суо Лингфень «Внешняя политика Польши после российско-украинского конфликта» и Гао Лонгбинь “The Polish Expatriates of Harbin in View of the Relation between China and Poland”, Чжу Менг «Исторический анализ перемены в Польше», так и филологические – выступлением Чжао Гань «Три вершины развития польской поэзии» завершилась череда пленарных докладов.

Среди других славянских стран в докладах часто упоминались Украина и Беларусь. Так, экономико-политическая инициатива «Один пояс — один путь» стала импульсом в формировании углубленного интереса к белорусской проблематике, и в частности, к языку и литературе. Например, в докладе Лиу И Вень «Современное состояние и тенденции преподавания белорусского языка в Китае» анализировались перспективы популяризации

³ 北京外国语大学 北京; 北京第二外国语学院 北京; 北京体育大学 北京; 天津外国语大学 天津; 大连外国语大学 辽宁; 吉林外国语大学 吉林; 长春大学 吉林; 哈尔滨师范大学 黑龙江; 上海外国语大学 上海; 浙江越秀外国语学院 浙江; 浙江外国语学院 浙江; 广东外语外贸大学 广东; 四川外国语大学 重庆; 四川大学 四川; 四川外国语大学成都学院 四川; 西安外国语大学 陕西

⁴ Li Y. Yi Lijun, Renowned Polish Language Educator and Literary Translator in China. Chinese Journal of Slavic Studies. 2022. Vol. 2. №. 2. P. 198-209.

и развития этого направления; Цянь Ю Куань подготовил литературоведческий анализ произведения лауреата Нобелевской премии С. Алексиевич «Чернобыльская молитва. Хроника будущего». Украинский вопрос многократно рассматривался с точки зрения современной политической обстановки, а также в докладах о взаимоотношениях с Китаем, Россией, Польшей и Беларусью. Так, исследователь И Ли Цюнь рассматривал языковую политику двух стран — Беларуси и Украины. Автор заключил, что несмотря на то что в Беларуси более склонны к поддержанию связей с Россией и русским языком, а на Украине всегда преобладала тенденция подчеркивать различия, языковая политика двух стран имеет некоторые общие тенденции и проблемы. Такими проблемами являются: необходимость сбалансировать отношения между своими национальными языками и языками меньшинств, потребность адаптироваться к современной международной расстановке сил, требование улучшить состояние своих национальных языков, расширить их функции и поднять статус.

Вопрос языковой политики является весьма актуальным для китайских реалий, поскольку в КНР проживает большое количество народностей, говорящих на отдаленных диалектах. Именно поэтому на конференции были представлены и иные доклады по вопросу языковой политики в разных славянских странах. В частности, анализировались решения этого вопроса в Советском Союзе (Яо Фу Жонг, «Исследование эволюции языковой политики и ее современного значения в контексте государственной безопасности») и в Чехии в XIX в. (Янг Жуй, “The development of the Czech language and the construction of Czech national identity”). Чешской политике в сфере культуры также был посвящен отдельный доклад Чжанг Кесин “National Cultural Policy 2021–2025+ of the Czech Republic and China-Czech cultural exchanges and cooperation”. Следует обратить внимание, что богемистика остается весьма привлекательным направлением для китайских студентов и преподается в 14 вузах⁵ страны.

Южнославянские языки также были представлены на симпозиуме. Македонский язык упоминался в качестве примера успешной кодификации, проведенной в кратчайшие сроки, в совместном докладе доцента Кафедры славянских языков МГУ имени М.В. Ломоносова Е.В. Верижниковой и сотрудника ИСл РАН А.И. Чиварзиной «Этапы кодификации македонского литературного языка». Языку произведений болгарского поэта Атанаса Далчева, а также их переводу на разные европейские и китайский языки был посвящен доклад молодой исследовательницы Чжань Янь “An Analysis of the New Objectivity Expression in Dalchev’s Poems”. Объективная ситуация и перспективы преподавания южнославянских языков в Китае и ки-

⁵ 北京外国语大学 北京; 北京第二外国语学院 北京; 北京体育大学 北京; 天津外国语大学 天津; 河北地质大学 河北; 大连外国语大学 辽宁; 吉林外国语大学 吉林; 上海外国语大学 上海; 浙江越秀外国语学院 浙江; 浙江外国语学院 浙江; 广东外语外贸大学 广东; 四川外国语大学 重庆; 四川外国语大学成都学院 四川; 西安外国语大学 陕西.

тайского – в странах Западных Балкан рассматривались Ли Ай Циянь (“Bilateral student exchange and language teaching between China and the Western Balkans”). Исследователь приводит факты о существовании Институтов Конфуция во всех республиках бывшей Югославии, однако китаистика в высших учебных заведениях представлена далеко не во всех рассматриваемых странах. Что касается преподавания южнославянских языков в КНР, то в последние годы появились соответствующие направления подготовки. Так, например, словенский представлен в Китае в двух вузах⁶, болгарский язык преподается в 4 университетах⁷ страны, а в Гуанчжоу⁸ с нового года планируется первый набор, сербский — в 7 университетах⁹. Примечательно, что помимо традиционных центров изучения иностранных языков, таких как Пекин, Шанхай, Харбин, Тяньцзинь, Чэнду, для сербского и болгарского формируется южный центр — в Гуанчжоу.

Славистика в целом как важный культурный феномен является достоянием не только славянских народов, но и мировой культуры, о чем свидетельствует прошедший симпозиум «Традиция и инновации в современной славистике» в Харбине.

Литература

Li Y. Yi Lijun. Renowned Polish Language Educator and Literary Translator in China. *Chinese Journal of Slavic Studies*. 2022. Vol. 2. № 2. P. 198–209. <https://doi.org/10.1515/cjss-2022-0017>

“当代斯拉夫学传承与创新”国际学术研讨会. 会议手册. 中国·哈尔滨. 2023年11月03-05. 哈尔滨, 2023. [Международный симпозиум «Традиция и инновации в современной славистике». Программа. Китай, Харбин. 3–5 ноября 2023. Харбин, 2023.]

References

Li, Y., 2022. Yi, Lijun. Renowned Polish Language Educator and Literary Translator in China. *Chinese Journal of Slavic Studies*, 2 (2), pp. 198–209. <https://doi.org/10.1515/cjss-2022-0017>

“当代斯拉夫学传承与创新”国际学术研讨会. 会议手册. 中国·哈尔滨. 2023年11月03-05. 哈尔滨, 2023. [International symposium “Tradition and innovations in modern Slavic studies”. Program. China, Harbin. November 03-05, 2023. Harbin, 2023.]

⁶ 北京外国语大学 北京; 北京第二外国语学院 北京.

⁷ 北京外国语大学; 北京第二外国语学院; 天津外国语大学; 河北外国语大学.

⁸ 广东外语外贸大学.

⁹ 北京外国语大学; 北京第二外国语学院; 北京体育大学; 天津外国语大学; 吉林外国语大学; 上海外国语大学; 广东外语外贸大学.

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2023.18.3–4

p-ISSN 2412-6446
e-ISSN 2782-442X
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2023.18.3–4

Главный редактор:
Е. С. Узенёва

Editor-in-Chief:
Elena S. Uzeneva

Редакторы (русский язык):
И. С. Пекунова, В. С. Кучко

Russian Language Copy-Editors:
Irina S. Pekunova, Valeria S. Kuchko

Редакторы-корректоры:
Е. В. Дейкина, Т. К. Дейкина

Proofreaders:
Elizaveta V. Deykina, Tamara K. Deykina

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Computer layout:
Pavel N. Morozov

Дизайн обложки:
П. К. Донской

Cover design:
Pavel K. Donskoy

На обложке:

Фрагменты карты из базы
David Rumsey Historical Map Collection,
David Rumsey Map Center, Stanford Libraries
Лицензия Creative Commons CC-NC-SA 3.0

David Rumsey Historical Map Collection /
Südosteuropa. G. Freytag & Berndt A.G., Wien.
(to accompany) Prof. Hickmann's Geographisch-
statistischer universal-atlas, 1927.

URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~352547~90119750:Composite-map--S%25C3%25BCdosteuropa-N%25C3%25B6rdli?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_date&qvq=w4s:/when%2F1927;q:Kosovo;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_date;lc:RUMSEY~8~1&mi=0&trs=1#

On the cover:

Map fragments from
David Rumsey Historical Map Collection,
David Rumsey Map Center, Stanford Libraries
Under Creative Commons CC-NC-SA 3.0 license

David Rumsey Historical Map Collection /
Südosteuropa. G. Freytag & Berndt A.G., Wien.
(to accompany) Prof. Hickmann's Geographisch-
statistischer universal-atlas, 1927.

URL: https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~352547~90119750:Composite-map--S%25C3%25BCdosteuropa-N%25C3%25B6rdli?sort=pub_list_no_initialsort%2Cpub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_date&qvq=w4s:/when%2F1927;q:Kosovo;sort:pub_list_no_initialsort%2Cpub_list_no_initialsort%2Cpub_date%2Cpub_date;lc:RUMSEY~8~1&mi=0&trs=1#

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Ленинский просп., д. 32А, корп. «В», Москва, 119334, Россия

Адрес электронной почты:
slavmillen@yandex.ru

Сайт:
slavicworld.ru

Подписано в печать 18.12.2023. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,24.

Объем 17,88 печ. л.

Заказ № 63.

Тираж 500 экз.